

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2020 Том 20 № 2

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2020 Volume 20 No. 2

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 26.05.2020. Выход в свет 31.05.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,125. Тираж 500 экз. Заказ № 451. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Кравченко С.А. Метаморфизация общества: фактор «побочных эффектов» и движущая сила глобализации ничто (на англ. яз.)	201
Баньковская С.П. Темпоральная феноменология Инакости у А. Шюца (или рождение феноменологического социологизма)	212
Катерный И.В. Реконцептуализация статусной лиминальности в социологической теории	226
Плотичкина Н.В. Медийная мифология «социального» в современном обществе	239
Санженок А.А. На пути устранения теоретических затруднений социологии морали	252

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Подъячев К.В., Халий И.А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии	263
Сикевич З.В., Скворцов Н.Г. Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга)	277
Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г. Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН)	292
Пономарева Е.Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи	307
Алимбекова Г.Т., Шабденова А.Б., Лифанова Т.Ю. Уровень религиозности городских жителей Казахстана	323
Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Политическая субъектность нового рабочего класса	333
Андрос И.А., Кобяк О.В. Развитие государственно-частного партнерства в Беларуси	348
Ермакова М.А., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области	363
Ефанов А.А., Буданова М.А., Юдина Е.Н. Уровень цифровой грамотности школьника и педагога: компаративистский анализ	382

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Карабущенко Н.Б., Пилишвили Т.С., Чхиквадзе Т.В., Сунгурова Н.Л. Особенности социального, эмоционального и культурного интеллекта и распознавания эмоций у представителей России и стран Азии	394
--	-----

Даргинавичене И., Игнтайте И. Переключение кодов в компьютерно-опосредованной коммуникации (на англ. яз.)	405
Рубан Л.С. Компаративный анализ российской и западной системы образования и подготовки научных кадров	416
РЕЦЕНЗИИ	
Подберезкин А.И., Жуков А.В. Травматизация сознания как новая форма политического насилия	430
Ивлева М.Л., Романов Д.Д. Русский символизм о социальной эстетике (на англ. яз.)	436
НАШИ АВТОРЫ	443

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Kravchenko S.A. Metamorphization of society: The factor of ‘side effects’ and globaliza-tion of nothing	201
Bankovskaya S.P. Temporal phenomenology of Otherness by A. Schütz (or the birth of phenomenological sociology)	212
Katernyi I.V. Reconceptualization of status liminality in the sociological theory ...	226
Plotichkina N.V. Media mythology of the social in the contemporary society	239
Sanzhenakov A.A. On the way to eliminating theoretical difficulties of sociology of morality	252

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Podyachev K.V., Khaliy I.A. The state youth policy in contemporary Russia: Concept and realities	263
Sikevich Z.V., Skvortsov N.G. Correlation of national and ethnic identity of the youth (on the example of Saint Petersburg)	277
Puzanova Zh.V., Narbut N.P., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. Typology of historical memory about the World War II: Methodological aspects of the study (on the example of the RUDN students)	292
Ponomareva E.G. The World War II and its falsification in the Russian youth representations	307
Alimbekova G.T., Shabdenova A.B., Lifanova T.Yu. Religiosity of the urban community in Kazakhstan	323
Gavrilyuk V.V., Malenkov V.V. New working class as a political subject	333
Andras I.A., Kabiak A.V. Development of public-private partnership in Belarus	348
Ermakova M.A., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Features of settlement and integration of migrants in Moscow and the Moscow Region	363
Yefanov A.A., Budanova M.A., Yudina E.N. Digital literacy of school-children and teachers: A comparative analysis	382

SOCIOLOGICAL LECTURES

Karabuschenko N.B., Pilishvili T.S., Chkhikvadze T.V., Sungurova N.L. Features of social, emotional and cultural intelligence and recognition of emotions by Russian and Asian students	394
Darginavičienė I., Ignotaitė I. Code-switching in the computer-mediated communication	405

Ruban L.S. Comparative analysis of the Russian and Western education and scientific-training system	416
REVIEWS	
Podberezkin A.I., Zhukov A.V. Traumatization of consciousness as a new form of political violence	430
Ivleva M.L., Romanov D.D. Russian symbolism on social aesthetics	436
AUTHORS	443

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-201-211

Metamorphization of society: The factor of ‘side effects’ and globalization of nothing*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract: Today physical, biological and social worlds develop increasingly quicker and in a more complex way that includes the phenomena of metamorphoses. Traditionally, they were considered as determined mainly by external factors, i.e. the forces of nature. Contemporary metamorphoses seem to become of a complex man-made nature. Compared to traditional metamorphoses with ‘rigid’ and predictable results, contemporary metamorphoses of societies can produce both negative and positive consequences, which proves the non-linear dynamic picture of the world. There is also a traumatic tendency — when something is metamorphosed into ‘nothing’. Due to digitalization, ‘nothing’ becomes more complex and ‘pure’ from cultural and humane characteristics, thus, revealing new expressions of the ‘death’ of the social: humans are metamorphosed into ‘digital beings’. Metamorphization of society can produce common goods as a side effect of the bad. The author argues that the formal-rational, pragmatic transformations of society and nature, like the scientific and technological innovations of mercantile type, deform and dehumanize life-worlds. The global traumatization in the form of ‘liquid’ catastrophes permanently changes the living and non-living nature, structure of soil, water and air, desocializes human relations, facilitates transformations of something into nothing, people into ‘non-people’, places into ‘non-places’, things into ‘non-things’. However, people as reflexive actors can turn metamorphoses into ‘things-for-man’. To start this process, it is necessary to change the pragmatic monodisciplinary principles of science by the interdisciplinarity ones to ensure a humanistic turn in science and technologies.

Key words: metamorphization of society; metamorphosis; non-linearity; ‘side effects’; McDonaldization; ‘something’; ‘nothing’; socialization; monodisciplinary; interdisciplinarity; humanistic turn

The Nobel prize-winner I. Prigogine developed the ‘arrow of time’ theory according to which physical, biological and social worlds change increasingly quicker and in a more complex way [21], and this process includes

---

* © S.A. Kravchenko, 2020.

The article was submitted on 13.12.2019. The article was accepted on 02.03.2020.

metamorphoses — physical and social phenomena. Today, their nature has changed significantly due to acceleration and complication of social and cultural dynamics; therefore, many contemporary metamorphoses became more complex, non-linear and functionally ambivalent, thus, contributing to both disintegration and integration and producing both harmful and positive effects. Contemporary complex metamorphoses are very diverse in qualitative features: they can act as ‘side effects’ and ‘collateral damage’ — produce unintended, unplanned effects that are harmful, hurtful and damaging for the social development [8. P. 4] but can produce ‘positive side effects of bads’ [9. P. 4].

Quintessence of contemporary metamorphoses and their dynamics

In the most general form, metamorphosis is a radical transformation of something or someone, transition from one form to another with new appearance or functions. This process is evident in inanimate nature (metamorphosis of ice into water and into steam), in flora and fauna (metamorphosis of a seed into a plant, of a caterpillar into a butterfly). Traditionally, metamorphoses were considered to be determined mainly by external factors such as forces of nature, God or devil, i.e. acted as ‘thing-in-itself’ — uncontrolled, causing disasters or grace, radically changing the foundations of life-worlds, traditional values and norms. Theorists of Enlightenment (Ch. Montesquieu, J-J. Rousseau, and others) believed in the power of reason — that mankind can overcome all ‘backward’ forms of knowledge, which confirmed desacralization of metamorphoses. Generation after generation, people learned to manage uncontrolled metamorphoses and their consequences, which produced an idea of that some ‘things-in-themselves’ could be turned into ‘things-for-man’.

Sociologists believe that, unlike metamorphoses in inanimate nature with unambiguously ‘rigid’ results, social metamorphoses have another and diverse nature. K. Marx was one of the first scholars who studies metamorphization of society and made social metamorphoses ‘things-for-man’. According to Marx, the nature of metamorphoses depends on the historical-formative development, and they become a norm under the market relations. He believed that the essence of metamorphoses could be understood and foreseen, in particular, the nature of double metamorphoses: “The first metamorphosis of one commodity, its transformation from a commodity into money, is therefore also invariably the second metamorphosis of some other commodity, the retransformation of the latter from money into a commodity. The second and concluding metamorphosis of a commodity M–C, a purchase, is, at the same time, C–M, a sale; the concluding metamorphosis of one commodity is the first metamorphosis of another” [18. P. 75]. For instance, due to these metamorphoses, wheat can be metamorphosed into money and then into canvas or other goods.

Markets became a significant factor of complex social-economic metamorphoses. As J. Burnham showed, the ‘revolution of managers’ became the metamorphosis of capital and led to the transition of power from owners of the means of production to those who managed production relations [10]. At that stage metamorphization of society did not stop but continued. According to K. Polanyi, “the transformation to this system from the earlier economy is so complete that it resembles more the metamorphosis of the caterpillar than any alteration that can be expressed in terms of continuous growth and development” [20. P. 44]. Under the metamorphosis of the economy the whole society is metamorphosed due to the subordination of the economic system to the market, which brings tremendous changes to the social orthography, and production of things is metamorphosed into production of goods. In the late 20th century, the ‘pure’ production of goods was metamorphosed into codes of signification and simulacrum of novelty [3].

Many contemporary metamorphoses are a product of man’s rational and mercantile attitude towards nature. Our intentional actions aim at its subordination to the interests of consumption, which has unintended side effects. People who uprooted forests to get arable land did not realize that they started desolation and together with forests they lost the sources of accumulation and preservation of water.

Today complex metamorphoses can have objective grounds and act as a social construct. Metamorphoses as a human artificial construct can turn into common good for people. Almost in all cultures, there are socially and culturally constructed practices of metamorphoses in the form of carnivals representing as if a real form of a life-world [2]. E. Goffman studied metamorphoses of class statuses that he considered as not something immovable, once acquired by virtue of social prescriptions or personal achievements, but as a subject of metamorphization under the instrumental manipulations with symbolic representations of social classes. The status can be ‘failed’ due to external pressures or personal mistakes due to careless observance of norms and manners. People with failed status are metamorphosed into ‘dead’ who continue to live among successes [11. P. 463].

Goffman also examined metamorphoses in ‘total institutions’ and showed that patients of asylums are exposed to such extensive control of time and space that their life is metamorphosed into ‘civil death’ [12. P. 25]. In the traditional society, the ‘failure’ of status meant the irreversible ‘social death’, but in the ‘liquid modernity’ [5] metamorphosis status, especially its consequences, become ‘liquid’: a person can rehabilitate himself and even become a celebrity; a ‘nonperson’ can turn into a significant self; the ‘normal’ can be metamorphosed into a ‘stigmatized’, and the ‘stigmatized’ has a potential to become ‘normal’ again. Among the tools that make the socially constructed metamorphoses with identifications possible, one can see the ‘area of games’ — bluffing, mystifications, performances. Even the age status that previously seemed irreversible became a subject of metamorphization: all sorts of tools are used to radically correct the human body, including surgical operations that allow to

regain some qualities or at least some simulacrum of the youth ('body metamorphization') [28]. Many complex metamorphoses became 'things-for-man' — can be controlled in some ways.

Complex metamorphoses as 'side effects'

In the late 20th — early 21st century, the reflexive social-techno-natural reality developed. The world entered the 'turbulent times' of non-linear history and non-linear dynamic picture of the world. A number of complex metamorphoses appeared to witness that the inanimate and living nature in the non-linear way reflects intensification of the human activity. Moreover, the side effects of the increase in consumption due to the prevailing pragmatic values and the pragmatic trend of the scientific development led to irreversible metamorphoses of the environment: fertile soil is metamorphosed into 'dead land and water' [26. P. 149–210], and their 'vitality' cannot be restored in the foreseeable future. The climate, until recently considered a marker of constancy, becomes metamorphosed and acquired turbulent qualities with complicating consequences for the mankind and the world. Epidemics have also been metamorphosed: in the past, they were caused by underdevelopment and insufficient medicine, and were a pattern of poor societies in the limited space-time context. Today most epidemics are the side effects of the pragmatic scientific achievements: we face qualitatively new epidemics of a global and timeless nature (AIDS, microorganisms resistant to antibiotics, etc.). Quite often new epidemics are metamorphosed: they are not only of techno-biological but also of cultural nature (anorexia, gambling, schizophrenia), which, in turn, metamorphose the lives of individuals and groups.

The side effects of the agency play a special role in the production of new generation of complex metamorphoses. P. Sztompka defines agency as a complex quality of human collective actions that lead to creative self-transformation. The agency has become an important factor in the transition of the social development to the permanent incompleteness of social changes. The agency produces a huge diversity of social forms [27] together with their side effects, which is especially true for 'cultural traumas' such as declining birth rates and growing mortality rates, destruction of social relations, political anarchy, disruption of economic functions, and in culture — violated collective identities, rejected beliefs, crumbling idols [1]. Such traumas are accompanied by social gaps perceived as a shock.

The means and objects of labor have always been under the human control. Today some of them are metamorphosed into actants, i.e. objects (machines, computer networks, etc.) with self-reflexion. Some actants due to their side effects start to act as rhizomes [17] with their own 'will' that produces both challenges and discoveries in sciences. In the real life, metamorphizations of agencies and actants overlap, which produces complex social-techno-natural hybrids of global influence: nuclear power plants, large-scale hydraulic structures, mechanisms based of the artificial intelligence, 'smart cities and villages', global money, the Internet, etc.

Under the co-reflection of agencies and actants, the reproduced staged reality can get more symbolic and social significance than the objective reality. For our life worlds such innovations are certainly challenging metamorphoses.

Production of the staged reality becomes faster and more complex with the help of not only traditional mass media but also collective and individual actors of social networks (bloggers) — they produce defused meanings that increase uncertainty and chaos. Twitters, ‘likes’, ‘performances’ form ‘metamorphosis consciousness’ by producing uncertainties. Sometimes the discrepancies between events and ‘non-events’ disappear: for instance, the American media presented the war in Iraq with Hussein’s regime (before it even started) as a staged reality based on simulacrum, and for the viewers it was ‘more true’ than the truth [4. P. 76], i.e. ‘non-events’ were metamorphosed into events, and vice versa. Since then, the permanent production of the staged reality has become a ‘norm’ which we call a ‘normal anomie’ [14].

Many side effects of glocalization pose challenges in the form of social chaos forcing many people ‘out of place’ [25. P. 125]. Metamorphization turned national societies into ‘global disorganization’ [17]. This potential collapse of societies based on normative standards as a basis of stability and continuity [19] is accompanied by the huge decay energy that produces shocking transformations and fundamentally new forms of asociality and deviation: drug and shopping addiction, kidnapping, organ trafficking, gambling, racism, and new forms of terrorism. Perhaps the most dysfunctional are the side effects of metamorphoses in the spiritual life due to the increasing commercialization of the mass media: fake news and promotion of ‘stars’ instead of analytical information and educational programs. Traditional fears limited in time and space are metamorphosed into ‘liquid fears’ [6] associated with the instability and uncertainty of our lives.

Z. Bauman argues that not long ago the ‘collateral damage’ described only the military sphere, but under the ‘liquid modernity’ it is expressed in shocking surprises. There is metamorphosis of the traditional war: “Most present-day war-like actions, and the most cruel and glory ones among them, are conducted by non-state entities, subject to no state, or quasi-state laws and no international conventions” [7. P. 37]. Collateral damage from networked communities acts as metamorphization of communities based on stable social ties such as strong friendships and ‘love to the end of days’ into Internet communities that “are not meant for durability, let alone being commensurate with the duration of time. They are easy to join; but, similarly, they are similarly easy to leave and abandon the moment that attention, sympathies and antipathies, and moods or fashions, drift in a different direction” [8. P. 92].

However, metamorphization of society brings not only challenges but also hopes. Side effects and collateral damages of complex metamorphoses represent not the ‘pure chaos’ but its new degree and quality. This chaos becomes an attribute of the ‘global complexity’ organized in its own way. Contemporary complex societies

are ‘unusually organized’, ‘there is no simple growth of disorder’ [29. P. 19, 23]. Chaos and centrifugal tendencies can be managed, in particular, by strengthening symbolic, information, digital and communication regulators.

Globalization as a driving force of metamorphization of something into nothing

Under globalization, there is a new tendency — something is metamorphosed into nothing. According to G. Ritzer, ‘nothing’ refers to “a social form that is generally centrally conceived, controlled, and comparatively devoid of distinctive substantive content” and makes sense only when paired with ‘something’ — “a social form that is generally indigenously conceived, controlled, and comparatively rich in distinctive substantive content”, and “there is a far greater demand throughout the world for nothing than something” [22. P. 165–167].

Metamorphization of something into nothing develops increasingly quicker and in a more complex way that changes dramatically the nature of places, things, people, services. Places were initially unique, had specific social and cultural meanings. For instance, not long ago each university was famous for its system of higher education and professional staff who taught and examined students individually. Today some universities are metamorphosed into ‘McUniversities’ — non-places (educational spaces without social meaning or image) which “eliminate the need for professors to reproduce and distribute materials to class” [13. P. 61]. Due to globalization, many things are metamorphosed into non-things (mass products that lack any geographical or cultural identity). A specific example of non-thing is non-food: indigenous food loses its homelike character, becomes universal and standardized, thus, acquiring the essence of non-things — hamburgers, hot dogs, pizza, chips, etc. [13]. Some people identified with their jobs and places of work are metamorphosed into non-people, for instance, refugees are non-people: untouchable, unthinkable, and unimaginable [7. P. 45]. Globalization based on the cultural openness led to metamorphization of services as individualized assistance in the national-local settings into non-service that presupposes non-human technologies and a predesigned process with a limited number of tasks. Even human bodies are metamorphosed: McDoctors provide cosmetic surgery and other services within the global industry so that the body can be radically transformed into non-body — of the same size, shape, and weight which are constructed, controlled, and devoid of distinctive representations.

Metamorphization is facilitated by globalization — “the imperialistic ambitions of nations, corporations, organizations, and the alike and their desire, indeed need, to impose themselves on various geographic area” [23. P. 73]. There are transnational network enterprises producing nothing in the form of flows of goods and services which cross borders of countries and their places of origin to ensure the transnational expansion of tastes, ideas, and images.

Due to digitalization, nothing becomes more complex and expresses new ‘deaths’ of the social. Digitalization has metamorphosed socialization, affects consciousness and behavior of the youth, which is manifested in their departure from the prescribed systems of social ties, social forms and attachments as parts of socialization and education. The youth witness fragmentation of society due to the fact that the educational institutions designed as mediators for the interests of the youth lose touch with them, which increases uncertainty in understanding the basic values. Students are addicted to ‘googling’, rely on the opinions from their mobile computers. Thus, the youth are exposed to the codes of good and evil from ‘googling’ and become dependent on the digital realities that determine their behavior based on the values of novelty. The youth’s way of thinking is deformed and resembles the computer functioning. If socialization means the transfer of values and norms from the older generations to the younger, which is necessary for supporting the existing social-political order, then now socialization is metamorphosed: “the young generations, on the contrary, were already born as ‘digital beings’. What was packed into the magic word ‘digital’ has become a part of their ‘genetic outfit’” [9. P. 189]. Some scholars even speak of metamorphization of economy into ‘anti-economy’, societies into ‘anti-societies’, persons into ‘anti-persons’: “we are beginning to see glimpses of the emerging anti-person who lives as if our being a symbolic species can be ignored most of the time” [30. P. 142, 254, 333].

Producing common goods as a side effect of bads

U. Beck in the book *Metamorphosis of the World* described the nature of the contemporary metamorphosis as determining the potential transition to a different type of the civilizational development. Social sciences have studied social changes mainly in the form of evolution and revolutions. However, contemporary metamorphoses cannot be interpreted by such concepts as ‘change’, ‘evolution’, ‘revolution’ or ‘transformation’. “The theory of metamorphosis goes beyond the theory of world risk society: it is not about the negative side effects of goods but about the positive side effects of the bads. They produce normative horizons of common goods and propel us beyond the national frame toward a cosmopolitan outlook” [9. P. 4]. Metamorphosis of the world means “epochal change of worldviews, refiguration of the national world view ... It is in this space that national and other borders are renegotiated, disappear, and then built up anew — i.e., are ‘metamorphosed’” [9. P. 5, 6]. Before scientists interpreted metamorphosis as the final result of unexpected transformations, today metamorphoses acquire the nature of permanent incompleteness of non-linear changes which potentially produce positive side effects of the bads and create previously unthinkable alternative preconditions for human activities. How people use them depends mainly on them — a chosen trend of the development of sciences and technologies. “This does not mean

that it will be a successful path. It is possible that humanity may choose a path at the end of which lies its self-destruction” [9. P. 7].

Previous ‘certainties’ based on national worldviews ‘withered’: “it becomes clear that the ‘eternal certainties’ of the national worldview are shortsighted and wrong and lose their self-evidence as the beliefs of a whole epoch ... ‘Withered’ means two things: first, the world pictures have lost their certainty, their dominance. Second, nobody can escape the global” [9. P. 7, 8]. The global as the cosmopolitanized reality demands a fundamentally new ‘cosmopolitan methodology’ to replace ‘methodological nationalism’. Today peoples live in different tempo-worlds, some societies function traditionally with limited social mobility, while others acquire great acceleration. The theory of a ‘high speed society’ claims that social acceleration is an attribute of the modernity [24]. That is why it is necessary to use both approaches for the analysis of the complexity of the non-linear dynamic picture of the world.

Cosmopolitization covers both macro-realities and individual life-worlds, including even the body functions. “Those who eat only locally will starve. In fact, in times of climate change, those who just want to breathe local air will suffocate” [9. P. 11]. This metaphor strengthens the position of the theory of metamorphization but ignores the specificity of the cultural life-worlds of the people who know only the realities of their society.

U. Beck defines the ‘crucial difference’ between his approach and the majority of social theories and research: “Their very approach precludes the possibility of metamorphosis of the world. In contrast, my starting point is that it is only in the context of the metamorphosis of the world that we can explore the relations between metamorphosis, change, reproduction and its countervailing movements. The relative weighting of each of these factors is something that must be investigated empirically... Metamorphosis of the world says nothing about whether a given transformation is for the better or the worse” [9. P. 19]. Thus, latent, uncontrolled, unconscious metamorphization within the pragmatic trend of the scientific-technological development would bring mainly negative side effects and collateral damages.

However, people as great reflexive actors can make metamorphoses ‘things-for-man’, and here two factors are significant. First, the need to overcome the limitations of the linear-mechanical picture of the world with the prevailing disciplinary monism which studies specific phenomena instead of complex challenges determined by the interconnected phenomena of social-techno-natural realities. For instance, ‘quantum theories’ of consciousness [31] consider the decision-making of reflexive actors as an open system with both internal (value orientations, beliefs, feelings, preferences) and external factors (social-technical environment). The practical use of these theories provides prerequisites for the transition from a linear-mechanical to a non-linear picture of the world reflecting the essence of complex metamorphoses and their possible consequences. Second, reflexive actors can put metamorphization at least under some control with the help of quantum physics, mathematics, risk-management and especially the humanities.

Such an interdisciplinary humanistic approach would allow to take into account all kinds of metamorphoses and their possible consequences, and to search for the scientific development and technological innovations adequate for the cosmopolitan humanism.

***

Certainly, metamorphization of society develops, and scientists have already identified its general trend but the whole picture of complex metamorphoses. There are at least three basic types of them: 1) development in the form of sudden events and unintentional breaks due to the formal-rational, pragmatic transformations of society and nature and mercantile scientific-technological innovations, which deform and dehumanize our life-worlds; 2) global traumatization in the form of ‘liquid’ disasters that permanently change the living and non-living nature, desocialize social relations, transform something into nothing (traditional disasters are limited by local space-time parameters, the contemporary ones have a permanent and spatially unlimited character); 3) metamorphosis itself, which brings not only troubles and turbulence but also potential benefits and hopes for the transition to more a humane life.

The mutual influence, interference and dominance of specific types of metamorphoses have not been studied yet. However, their valid interpretation presupposes the transition from a linear to the non-linear picture of the world and, thus, from monodisciplinary to interdisciplinary knowledge. The monodisciplinary discourse still prevails, which hinders the cognition of complex metamorphoses. “Our science is organized by means of disciplines, each specializing in one category of phenomena”. The problem is that “the influence of one category dominates the influences of all others so that the latter can be neglected... the discipline-based science will encounter significant limitations when examining human life, society, and the biosphere because it will tend to treat them as if they have the characteristics of non-living entities” [30. P. 3–4].

To avoid bads of metamorphization of society, we need the system study of the mutual influence of human beings, society, biosphere, and the digital. There is no single science for thus — we need an interaction of theoretical-methodological approaches within the humanistic turn in all sciences [15].

References

- [1] Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. University of California Press; 2014.
- [2] Bakhtin M. *Rabelais and his World*. Cambridge; 1968.
- [3] Baudrillard J. *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. St. Louis; 1981.
- [4] Baudrillard J. *The Gulf War did not Take Place*. Bloomington; 1995.
- [5] Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge; 2000.
- [6] Bauman Z. *Liquid Fear*. Cambridge; 2006.
- [7] Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge; 2009.
- [8] Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge; 2011.
- [9] Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge; 2016.

- [10] Burnham J. *The Managerial Revolution*. New York; 1941.
- [11] Goffman E. On cooling the mark out: Some aspects of adaptation to failure. *Psychiatry*. 1952; 15 (4).
- [12] Goffman E. *Asylums*. New York; 1961.
- [13] Kravchenko S.A. Food and nonfood. *Blackwell Encyclopedia of Sociology*. John Willey & Sons; 2017.
- [14] Kravchenko S.A. The coexistence of riskophobia and riskophilia — an expression of 'normal anomie'. *Sotsiologicheskie Issledovania*. 2017; 2 (In Russ.).
- [15] Kravchenko S.A. Sociology on the move to interaction of theoretical and methodological approaches. *Sotsiologicheskie Issledovania*. 2011; 1 (In Russ.).
- [16] Lash S., Urry J. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge; 1987.
- [17] Latour B. *The Pasteurization of France*. Cambridge; 1988.
- [18] Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy*. London; 1976.
- [19] Parsons T. *The Social System*. Glencoe; 1951.
- [20] Polanyi K. *The Great Transformation*. Boston; 2001.
- [21] Prigogine I. *The End of Certainty*. New York; 1997.
- [22] Ritzer G. *The McDonaldization of Society*. Sage; 2013.
- [23] Ritzer G. *The Globalization of Nothing*. Pine Forge Press; 2004.
- [24] Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York; 2013.
- [25] Roudometof V. *Glocalization: A Critical Introduction*. London–New York; 2016.
- [26] Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge; 2014.
- [27] Sztompka P. *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Chicago; 1991.
- [28] Turner B.S. *Regulating Bodies: Essays in Medical Sociology*. London; 1992.
- [29] Urry J. *Global Complexity*. Cambridge; 2003.
- [30] Vanderburg W.H. *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto; 2016.
- [31] Yearsley J.M., Busemeyer J.R. Quantum cognition and decision theories: A tutorial. *Journal of Mathematical Psychology*. 2016; 74.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-201-211

Метаморфизация общества: фактор «побочных эффектов» и глобализация ничто*

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: sociol7@yandex.ru)

В настоящее время физический, биологический и социальный миры развиваются все быстрее и сложнее, что, в частности, выражается в распространении таких явлений, как метаморфозы. Традиционно считалось, что они вызваны главным образом внешними факторами, или силами природы, однако их современные типы приобретают все более сложный рукотворный характер. По сравнению с традиционными метаморфозами, имеющими «жестко установленные» и

---

* © Кравченко С.А., 2020.

Статья поступила 13.12.2019 г. Статья принята к публикации 02.03.2020 г.

предсказуемые результаты, современные метаморфозы могут приводить как к негативным, так и к позитивным последствиям, что свидетельствует о становлении нелинейной картины мира. Появилась травматическая тенденция: «нечто» подвергается метаморфизации в «ничто». Под влиянием цифровизации «ничто» не просто усложняется, но лишается «чисто» культурных и гуманных характеристик, что выражается в новых проявлениях «смерти» социального: человек метаморфизуется в «цифровую сущность». В то же время метаморфизация общества может привести к появлению «общих благ как побочного эффекта плохого». Автор утверждает, что формально-рациональные и прагматические трансформации общества и природы, как и научные и технологические инновации меркантильного толка, деформируют и дегуманизируют жизненные миры. Глобальная трансформация в форме «текущих» катастроф перманентно изменяет живую и неживую природу, структуру почвы, воды и воздуха, десоциализирует человеческие отношения, способствуя трансформации нечего в ничто, людей — в «не-людей», места — в «не-места», вещи — в «не-вещи». Однако люди как рефлексивные акторы способны преобразовать метаморфозы в «вещи для себя». Чтобы начать этот процесс, необходимо перейти от прагматических, монодисциплинарных принципов науки к междисциплинарным — имеющим гуманистический стержень и предполагающим гуманистический поворот во всех научных и технологических инновациях.

Ключевые слова: метаморфизация общества; метаморфоза; нелинейность; «побочные эффекты»; макдональдизация; нечего; «ничто»; социализация; монодисциплинарность; междисциплинарность; гуманистический поворот

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-212-225

Темпоральная феноменология Инакости у А. Шюца (или рождение феноменологического социологизма)*

С.П. Баньковская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Ул. Мясницкая, 11, Москва, 101000, Россия
(e-mail: sbankovskaya@gmail.com)

В статье прослеживается выстраивание «темпорального социологизма» А. Шюца: от «всеобщего тезиса alter ego» к Чужаку и Страннику. Основанием и началом этого построения служит критика Шюцем гуссерлианского эгологического подхода (солипсизма) к базовой категории Другого и радикализация феноменологической редукции. Гуссерлианская примордиальная редукция до изолированной монады замещается радикальной редукцией «культурного образца» как феномена социального a priori. Социальное a priori и Чужак выступают необходимыми условиями интерсубъективности, невыводимыми из Ego, и приобретают темпоральные характеристики в категориях «культурного образца группы» и «Странника» (впоследствии «остранненного своего»). Сам акт редукции оказывается возможен только при столкновении с Чужим. Чужой в интерпретации Шюца (отличной от Зиммеля и Парка) соединяет в себе, наряду с функциональными (пространственными) характеристиками, и темпоральные, что позволяет определить категорию «культурный образец группы» и конкретизировать (в духе темпорального социологизма) отношения Чужака и группы. Категория Чужака служит результатом редукции само-собой-разумеющегося «культурного образца группы». Темпоральный социологизм Шюца помещает любое проявление социального не просто в интерсубъективное пространство, но в континуум изменений этого пространства. Осуществив радикальную редукцию «естественной установки» к «культурному образцу группы» в категории Чужака, Шюц идет дальше — редуцирует «естественную установку» к принадлежности к какой-либо группе (сомаидентификация) в категории «Странника» (Nomadomer), которая позволяет исследовать континуум изменений интерсубъективности в момент его прерывания. Опыт «вернувшегося домой», Странника, восстанавливающего временной разрыв со своей группой, в результате и есть редукция само-собой-разумеющегося «своего» в себе самом — превращение себя в Чужака для себя самого, что и позволяет обрести социальное основание в себе самом. Таким образом, темпоральный социологизм Шюца выстраивается как определение социального через изменение во времени и сохранение идентичности, несмотря на изменения в континууме интерсубъективности.

Ключевые слова: А. Шюц; темпоральный социологизм; Другой; Чужак; Странник; культурный образец группы; феноменологическая редукция; социальное a priori; интерсубъективность как континуум

Примечательным фактом в истории социологической мысли можно считать то, что тема и проблема «инакости» получила теоретическое оформление в особом понятии Чужака, которое разрабатывалось, главным образом, в немецкой и американской социологии: во французской или британской (не

---

* © Баньковская С.П., 2020.

Статья поступила 18.12.2019 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

говоря уже о прочих) социологической традиции «Чужак» не стал специальным предметом изучения и теоретизирования. Европейский вариант этого понятия представлен в социологии Г. Зиммеля (*Der Fremde*) [21; 22], а американские его разновидности — прежде всего в теоретических исследованиях (города, прессы, расовых отношений, миграции и др.) Р. Парка [11; 12; 13] и его последователей. Особого рода «гибрид» европейско-американского Чужака (*Stranger, Homecomer, Estranged Native*) представлен (что неудивительно) «чужаком» — австро-американским социологом А. Шюцем в его феноменологической теории [15–19]. Примечательно и то, что немецкая и американская социологии Чужака не только различаются в когнитивной перспективе его анализа и соотнесения с реалиями социальной жизни, но обнаруживают тесную взаимосвязь и преемственность. Как раз преемственность и теоретическая эволюция понятия в разных научных средах представляет наибольший интерес для исследователей Чужака. Во многом эту преемственность можно объяснить и стечением обстоятельств (включая личные), повлиявших на формирование американской концепции.

Рождение нового Чужака у Шюца: от эгологизма к интересубъективности

В немецкой (зиммелевской) традиции Чужак (*Der Fremde*) как социальный тип выстраивается в социологии пространства и получает онтологическое обоснование в терминах функций, исполняемых в отношении «принимающей» группы [21]. В феноменологическом анализе Чужака (*Stranger*) у А. Шюца мы обнаруживаем своеобразный возврат к зиммелевскому пространственному функционализму с его «группоцентрической» перспективой Чужака как особого социального типа, соединяющего в себе одновременно близость и удаленность от группы. У Зиммеля акцент в определении социального своеобразия Чужака смещен на пространственные понятия «близости» и «удаленности». Впоследствии Парк, давая функциональное определение социальному типу «маргинал», также отвел ведущую роль пространственной категории границы. Шюц, сохраняя функциональный подход к определению теоретических типов Чужака, Вернувшегося (и даже Очужденного), в отличие от Зиммеля и Парка использует в качестве основополагающей аналитической категории время.

Темпоральный акцент в толковании Чужака Шюцем во многом обусловлен гуссерлианским наследием: переход от трансцендентальной методологии к социальной онтологии пролегает через понятие естественной установки (объективности социального мира как само-собой-разумеющегося). Догматизм естественной установки предполагает не только пред-данность окружающего мира (*Umwelt*), но и пред-данность Другого в этом мире, в естественную установку уже встроена трансцендентальная конструкция Другого. Процесс его конструирования описан Гуссерлем пошагово в «Картезианских медитациях» [4; 10] и нацелен на выход к интересубъективности. Гуссерлианский подход к

проблеме Инакости и к вопросу о Другом связан с пост-картезианским поворотом к «иному»: конструирование Инакости (*Otherness*) в качестве проблемы было обусловлено потребностью проследить происхождение интерсубъективности как единственного основания объективной реальности. Более конкретно это выразилось в попытках установить связь *ego* и *alter-ego*, которая описывается/конструируется у Гуссерля на принципиально эгологических основаниях: «другой» имеет шанс появиться в «моем» поле зрения исключительно как «другой Я» («такой же, как Я») — *alter-Ego*.

В эгологической гуссерлианской трактовке абстракция, или конструкция «Другой», появляется в подготовленном двумя редукциями (*epoché*) сознании и призвана освободить трансцендентальное *Ego* от предрассудка об объективной природе Другого. Чтобы определить то, «что-есть-собственно-мое как нечужое», Гуссерль [10. С. 95, 97] осуществляет «примордиальную редукцию» внутри уже трансцендентально редуцированной эгологической сферы. В результате первой редукции — первой *epoché* — устраняется «естественная установка» на объективность внешнего мира, независимого от когнитивной и интерпретативной деятельности сознания. Вторая — *thematischer epoché*, или «редукция к моей особой трансцендентальной сфере» устраняет фрагмент естественной установки, обыденное представление об объективном существовании других субъектов — таких же, как и я, наделенных сознанием (Шюц называет это представление *Generalthesis des alter Ego*) [19].

Примордиальная редукция — это «специфически абстрактное исключение смысла», которое устраняет «наслоения» — они непосредственно или опосредованно соотносятся с чужими субъективностями [10. С. 95, 100]. Другой не обладает конкретностью и уникальностью примордиального субъекта, это «типизированный Другой», он может обладать лишь равной мне примордиальностью, по аналогии с моим живым телом, которое выступает для меня первичной, очевидной и непререкаемой данностью. У Гуссерля Другой сначала — тело в моем поле зрения, физическое тело в пространстве, которое становится «телом Другого»: этот шаг предполагает переход от «тела» к «чужому живому телу». Такого рода интерпретация достигается путем аппрезентации — это пассивное (не-рефлексивное) достраивание фрагмента до целого, недоступного непосредственному восприятию, на основании сходства сопричастующих элементов — свойство жизни переносится с моего живого тела на чужое тело по аналогии.

Сразу возникает вопрос: как устанавливается это сходство в уже дважды редуцированном примордиальном мире трансцендентального *Ego*? Шюц, одновременно возражая Гуссерлю и оставаясь в гуссерлианской (редукционистской) логике поиска «последних» оснований социального, доводит эту редукцию до радикального вида. Ведь само установление аналогии предполагает наличие типизированного опыта, который должен быть редуцирован в результате второй *epoché*. Опыт, который всегда присутствует у меня, это опыт моего живого (действующего) тела. Поэтому Шюц и задается вопросом относительно

выбора такой аналогии как логического хода в конструировании Другого: «До какой степени это сходство нам дано?» [20. С. 63]. Возражая Гуссерлю, Шюц подчеркивает несоответствия между способом данности мне моего тела (как живого) и способом данности мне тела Другого (как объекта, тела в пространстве): аналогия оказывается невозможной, поскольку я не могу одновременно чувствовать жизнь своего тела и жизнь тела Другого, т.е. одновременно проживать две жизни — свою и Другого. «Мое живое тело [всегда] присутствует как внутреннее восприятие своих границ и посредством кинестетического опыта своего функционирования» [19. С. 237]. Тело же Другого я не переживаю внутренне, но воспринимаю скорее в «перспективе-третьего-лица»: я более объективен как наблюдатель Другого и вижу его в более целостной перспективе, чем самого себя.

Иными словами, чтобы я мог интерпретировать входящее в мой примордиальный мир тело как «тело Другого», мне не нужно извлекать из моего запаса знаний хранящиеся там типизации, более того, я моментально «схватываю» его в целом, благодаря его сходству с моим «всегда живым и наличным» телом путем аппрезентации. Но если в «моем» примордиальном мире не остается эмпирического типа, позволяющего непосредственно «схватывать» появляющееся в поле моего восприятия тело Другого как «живого Другого», то на чем основывается мое восприятие его как «живого Другого»?

И здесь Шюц вводит ту самую категорию, которую можно считать началом феноменологического социологизма — «социальное а priori». Это «преконституированный нижний (базовый) уровень Чужака», неуничтожимый и неустраняемый слой социальности и Инакости, который всегда-уже присутствует в индивидуальной субъективности, даже если фактическое альтер-эго отсутствует. По Шюцу, этот слой не может быть стерт никакой редуцирующей процедурой без следа инакости во мне самом. Именно социальное а priori выступает основанием интерсубъективности. Более того, переживание Другого возможно после возвышения над конкретикой тела (вегетативным уровнем Ego), редукция тела до социального а priori и есть начало феноменологического социологизма: «...единственной категорией переживаний другого, которая не может быть схвачена в непосредственном восприятии, является переживание другим своего тела, его органов, а также чувственных ощущений, им присущих; а именно эти телесные ощущения конституируют отдельность одного человека от другого. И наоборот, поскольку человек живет только в своих телесных ощущениях, постольку он не находит доступа к жизни альтер эго. Лишь возвышаясь в качестве Личности над своей чисто вегетативной жизнью, он обретает переживание другого... Если мы на самом деле спросим, что есть объект нашего восприятия другого, то вынуждены будем ответить, что мы воспринимаем не тело другого и не его Душу, Я или Эго, а тотальность, не разделенную на объекты внешних и внутренних переживаний. Феномены, берущие начало из этого единства, психофизически неразличимы» [5. С. 214]. Предполагаемый гуссерлианской ложной эмпатией

эмпирический тип «alter ego», или «Другой», — искусственная абстракция, выводимая из конкретных, социокультурных типизаций, которые фактически задействованы в эмпирическом жизненном мире intersубъективности («мужчина», «женщина», «ребенок», «подросток», «иностранец», «старик», «здоровый», «больной» и т.п.), и все это в разного рода вариациях зависит от культуры, к которой Другой и Я принадлежим [17. С. 66; 18. С. 240].

У Гуссерля же конструкция Другого целиком и полностью зависима от Его, и в этом эгологизм противоположен диалогизму буберовского толка [3], где Я и Другой синхронизированы как «Я и Ты», и ни один из них не выступает предпосылкой другого, их слитность абсолютна. Однако трансцендентальное Я — в его «тематически» редуцированном до «примордиального мира» качестве — определяется Гуссерлем в негативном модусе, путем исключения «чужого», что дает Шюцу основания для последующей критики (или скорее корректировки, поскольку он остается в пределах гуссерлианской концептуальной среды) этого первого шага на пути к intersубъективности как онтологической основе социального (в этой критике можно распознать начала шюцевского социологизма, который затем приобретет четкую темпоральную специфику). «Трудно понять, каким образом абстракция от всех смыслов, относящихся к Другим, могла бы быть выполнена надлежащим радикальным образом, дабы изолировать мою собственную особую сферу, поскольку эта [абстракция есть] именно не-соотнесение с Другим, которое и составляет линию разграничения сферы того, что свойственно моему конкретному трансцендентальному Эго. Следовательно, некоторый смысл, относящийся к Другим, обязательно должен содержаться в самом критерии не-соотнесения с Другими» [17. С. 166].

Законченный гуссерлианский проект трансцендентальной intersубъективности рассматривается у Шюца скорее как проблема, в основе которой лежит вопрос «Как возможно вывести [ableiten] существование Другого и, впоследствии, intersубъективность мира из внутренней жизни сознания и ее конститутивных проявлений?» [19. С. 72]. Выполняя задачу преодоления естественной установки в социальной онтологии и преодолевая (или продлевая), таким образом, Гуссерля, Шюц переносит фокус с индивидуального мышления на мышление совместно-с-другими, заостряет внимание на различии окружающего мира (*Umwelt*) и совместного мира (*Mitwelt*). При этом методологический акцент на intersубъективности единичного действия, на конкретике наблюдаемого не означает у Шюца индивидуализма онтологического (доведенного у Гуссерля до монадического солипсизма [4]). Intersубъективность, по Шюцу, выстраивается не из индивидуального Его, но из социального a priori, которое не только составляет внешний фон взаимодействия, но является условием формирования/появления Я.

Шюц писал А. Гурвичу: «Нет никакого трансцендентального ego, но есть лишь тематическое поле, которое не является эгологическим» [8. С. 263]. Путь к новой социальной онтологии пролегает не «от наивного объективизма к

трансцендентальному субъективизму» и интересубъективности с Другим (как у Гуссерля), но к интерпретации совместного мира с его alter ego как с анонимным не-индивидуальным типом. Так у Шюца вырисовывается тип Чужака (и производные от него *Homecomer* и *Estranged Native*), который выполняет особую функцию в социальной онтологии — в столкновении с ним «культурный образец группы» проявляется как естественная установка, создаваемая членами группы в *Mitwelt'e*. Эта «естественная объективность» культурного образца группы и есть социальное a priori, которое претерпевает радикальную (шюцевскую) редукцию — она становится возможной в столкновении образца с Чужаком. «Человек отвечает за содеянное; но, с другой стороны, он отвечает перед кем-то — перед человеком, группой или инстанцией, которая заставляет его отвечать» [15. С. 274].

Чужак против «культурного образца группы» — функционалистский итог

Чужак — это социологизированная ипостась Другого: (почти) все, что говорит Шюц об отношении Я к Другому, о возникновении интересубъективности на основании этого диадического отношения, находит соответствие на групповом уровне — в отношении группы к Чужаку (и Чужака к группе). Определение Чужака у Шюца соединяет оба критерия — темпоральность и функциональность [15; 16]. Эта комбинация осуществляется в контексте шюцевской концепции «культурного образца социальной группы», в которой пребывает Чужак. Очевидно, что темпоральный критерий реализован в этом определении в полной мере (временной параметр неустраним и в пространственно-функциональной версии Зиммеля, когда он определяет Чужака как того, «кого не было изначально в группе», но исходный момент формирования группы не рассматривает [21]). Чужак — это «взрослый современник (*Nebenmensch*), принадлежащий к нашей цивилизации, который стремится быть постоянно принятым в группе» [15]; он отличается от проходящего визитера или гостя, от ребенка или дикаря, от представителя иной цивилизации, и это отличие делает его подобным членам «своей» группы.

Менее очевидна функционалистская составляющая этого определения в дальнейшей его интерпретации. Как происходит сближение Чужака с группой? Каким образом специфические свойства Чужака проявляются во взаимодействии с культурным образцом группы и оказываются функциональными в процессе его воспроизводства? Свой мир (*Umwelt*) предстает перед индивидом действующим, прежде всего, как область его непосредственных и потенциальных действий. Оставаясь в центре ситуации, действующий соотносит и оценивает все окружающие предметы (включая других действующих индивидов), ориентируясь на нужды своего непосредственного действия. А нужно ему лишь ограниченное релевантностью его действию знание об элементах окружающего мира. Такое знание не составляет целостную и понятную картину, оно неоднородно и не отличается последовательностью и

согласованностью (как не согласованы цели и желания действующего, они во многом эмерджентны и меняются по ситуации) [17].

Главное (и достаточное) качество знания для действующего — его практическая пригодность для конкретной текущей (проблемной) ситуации, действующему не требуется исследовать это знание или как-то его верифицировать. По сути, оно представляет собой идеальный тип «культурного образца», который действующий получает от предков, учителей, властей предрержащих и прочих авторитетных источников как руководство к действию, не нуждающееся в проверке и не подлежащее сомнению; оно принимается как само собой разумеющееся (если только действующий не испытал противоречащий «образцу» опыт). Этот образец Шюц называет знанием «рецептов» действия, основная функция которых — сохранять веру в фундаментальную неизменность повседневности с ее проблемными ситуациями, в то, что можно полагаться на прошлый опыт для решения настоящих и будущих проблем, что для их успешного решения достаточно обобщенного знания о типах событий и, наконец, что другие члены группы пользуются этими «рецептами». Время останавливается в этой неизменности образца, в надежной его повторяемости и воспроизводимости (функциональности). Для Чужака же культурный образец группы с его «рецептами» не дает достаточно надежной системы координат, чтобы действовать тем или иным образом в конкретной ситуации, действие по чужому образцу сопряжено с риском (в отличие от него, члены группы — «свои» — используют образцы интерпретации ситуаций зачастую нерефлексивно).

«Культурный образец» не является для членов группы предметом научения, он может быть сформирован лишь на практике, в процессе его применения в конкретных ситуациях на протяжении всей истории группы. Но Чужак не принадлежит этой истории, он может разделять с группой ее настоящее и будущее, но не прошлое. Биография Чужака не пересекается с историей формирования культурного образца и традицией его коллективного использования. Члены группы исключают Чужака из общего, разделяемого «своими», прошлого, он для них — человек без истории: по Зиммелю, «его не было в начале группы». Это означает, что Чужак в это время был в «начале» другой («своей») группы, практиковал другой культурный образец. Таким образом, у Чужака есть два культурных образца — «старый» и «новый», каждый из которых для него релятивизирован, не обладает свойством «естественности». Между этими образцами пролегает временной интервал, в течение которого происходит «очуждение» старого образца и актуализация нового. Как Чужак преодолевает его?

Преодоление Шюц подразделяет на несколько этапов: сначала Чужак превращается из постороннего наблюдателя в партнера, заинтересованного участника, который осваивает и использует «новый» образец. На этом этапе культурный образец принимающей группы перестает быть умозрительным предметом в фокусе его когнитивного внимания, а становится частью

окружающего социального мира, которую он осваивает в действии, делает актуальной для себя. На следующем этапе, по мере применения нового образца, он входит в жизнь Чужака, заполняется его собственным опытом, приобретает биографическую историю, конкретизируется в уникальных ситуациях. Наконец, «интимизированный» и освоенный Чужаком (пусть не в совершенстве) культурный образец не совпадает с изначальным представлением об этом образце в прошлом. Суть этого различия состоит в том, что культурный образец обрел инструментальное качество — стал интерпретацией для взаимодействия, рассчитанной на ожидаемую реакцию, а не просто умозрительным знанием — интерпретацией ради интерпретации. Теперь он предполагает (как условие применения) интерактивную составляющую — реакции и ожидания членов группы, культурным образцом которой он является, в отношении действий Чужака [15].

Однако из этого следует парадоксальный вывод: освоение чужаком «нового» образца становится негативным опытом в отношении «старого», который утрачивает качество само собой разумеющегося знания. Культурный образец выступает для действующего как схема интерпретации ситуаций: для Чужака его прежняя «схема ориентации» непригодна в условиях новой группы, поскольку система координат одного культурного образца «не переводится» в ориентиры и координаты другого. Причина непереводимости двояка, прежде всего, она кроется в различии положения Чужака в прежней и новой группах. Если в своей изначальной группе Чужак (тогда еще «свой») имеет определенное место в структуре (и обладает определенностью в отношении своего культурного образца, находясь в центре окружающего его мира), то в новой группе он не обладает определенностью (статусом) и представляет для группы «неопределенность». Для освоения «нового» культурного образца Чужаку нужно время, образец не дается ему в целостном виде, он может «перевести» для себя лишь те фрагменты нового образца, которые доступны его пониманию с точки зрения «старого» образца. Выбор этих фрагментов продиктован инструментальностью — необходимостью для ориентации в конкретных ситуациях новой группы — и поиском соответствий в прежнем образце. При этом за пределами «перевода» остается ситуативный контекст применения содержащихся в образце правил, норм, интерпретаций, т.е. накопленный за всю историю группы опыт использования образца. Этот опыт закреплен временем и потому может служить гарантией контекстуального (не рефлексивного) использования образца как «рецептов» в той или иной ситуации. Контекстуальное использование своего культурного образца позволяет членам группы применять его «рецепты» как типизированные и анонимные, не проверяя образец каждый раз на соответствие специфическим особенностям ситуации — он принимается на веру, и эта вера разделяется членами «своей» группы. Так формируется общая «естественная установка» — для «своих» и созданная совместно «своими».

Иначе обстоит дело с «рецептами» для Чужака. Для него самый главный «ингредиент» — доверие — не работает: прежде всего, он должен заметить/компенсировать его отсутствие усилием по достижению уверенности в том, что предлагаемое в «рецепте» действие будет эффективным для обретения искомого результата. Дистанция по отношению к новому культурному образцу оборачивается дистанцированием по отношению к «своему», старому образцу уже на стадии внедрения в новую группу (наиболее явственно это проявляется в случае с «вернувшимся домой»). Но на стадии освоения нового культурного образца Чужак вынужден видеть в нем непоследовательности и неясности, а овладение образцом не означает, что Чужак становится его «субстратом». Знание Чужаком «рецептов» культурного образца иное — он должен знать не только как действовать, но и почему именно так, а не иначе. Исходя из этого, и партнеры Чужака по ситуации не являются для него «типичными», «обобщенными другими», а каждый раз выступают как особые и уникальные индивиды, и эту уникальность и характерные черты Чужак склонен приписывать всей группе. Таким образом, освоенный новый культурный образец очерчивает для Чужака и новый «всево-свой» мир — мир «псевдо-анонимности», «псевдо-типичности» и «псевдо-интимности». Неопределенность, чувство неуверенности и опасности сопровождают Чужака в таком мире: освоив культурный образец новой группы, он не приобретает (еще один) «защитный кокон», но вторгается в область приключений и исследований, а получая (еще один) инструмент для разрешения проблемных ситуаций, получает и еще одну проблему.

Шюц (подобно Зиммелю) считает «объективность» Чужака в группе одним из его особенных свойств [15; 21]. Эту объективность нельзя отождествлять с незаинтересованностью или тотальной критической установкой, основанной на постоянном сравнении новой группы со своей прежней («родной») и ее культурными нормами. Это, скорее, объективность исследователя, который испытывает интерес к вещам, не вызывающим такового у других членов группы; это не просто способность, но необходимость проблематизировать то, что для других остается «само собой разумеющимся» и «очевидным» (механизм естественной установки). Необходимость проблематизировать продиктована потребностью в полном и детализированном знании о новом культурном образце (хотя пределы «полноты» Чужаку не известны, а для «своих» непроблематичны и нерелефлексивны). Неспособность Чужака полностью вписаться в рутину, в отлаженное и размеренное практикование культурного образца, неспособность полностью отождествить себя с этим образцом и есть основание его объективности. Эта неспособность обретает необратимый характер — став однажды Чужаком, индивид уже не может отождествить себя с культурным образцом никакой группы, включая свою.

Испытав однажды «негативный опыт» неадекватности «само-собой-разумеющегося» знания, заложенного в его прежнем культурном образце, и непригодности когда-то не вызывавших сомнения «рецептов», Чужак уже не

способен воспринять какой бы то ни было образец безоговорочно и всецело, а всегда сохраняет дистанцию. Обладая такого рода «объективностью», Чужак может проявлять лишь сомнительную, условную приверженность новой группе: для него не может быть «естественным» или «самым лучшим» ни новый образец группы, в которой он пребывает, ни свой прежний образец. Его самоидентификация (и даже самоощущение, психология, поведение и пр.) оказывается не полностью «зажатой», а «мечущейся» меж двух (и более) культурных образцов. Темпоральный социологизм Шюца помещает любое проявление социального не просто в интерсубъективное пространство, но в континуум изменений этого пространства.

Рутинизация становится для Шюца главным результатом пребывания (длительного сосуществования) Чужака в этом континууме: группа «осваивает» его (делает «своим»), а он не перестает исследовать и испытывать ее культурный образец — этот процесс становится для него привычным, рутинным. С обеих сторон (и Чужака, и группы) процесс рутинизации имеет темпорально-функциональный характер. Время (в данном случае длительность и непрерывность освоения культурного образца), которое выступает основным фактором различения «своего» и «чужака», выявляет (делает явственным) социальное качество группы, то большее, что превосходит простую сумму индивидов [1; 6] и в присутствии «чужака» перестает быть само собой разумеющимся.

«Вернувшийся домой» как «свой чужак» и как «сам себе чужак»

Еще более парадоксально проявляются изменения темпорального континуума, когда он оказывается повернут вспять или когда в нем обозначаются разрывы: Шюц прослеживает этот феномен на примере социального типа *Homcomer* (вернувшийся домой или «к себе») [16]. Здесь темпоральный социологизм еще больше «уплотняется», устраняется пространство между Я (Чужаком) и группой (новым культурным образцом), и остается лишь замкнутый «примордиальный мир» самого Я. *Homcomer* — это ветеран, вернувшийся с войны, путешественник, эмигрант, «блудный сын», т.е. тот, кто вернулся к себе, домой и навсегда (в отличие от Чужака, который может прийти сегодня и уйти завтра, и потому в группе он — не у себя дома, а в области неопределенности, где еще предстоит осваиваться). Вписанный в рутину культурного образца своей группы *Homcomer* (назовем его Странником), в отличие от Чужака, имеет в ней членство и статус, он «свой», а потому находится в непосредственном «мы-отношении» с группой. Такое отношение предполагает как «близость» (физическое соприсутствие, общность пространства-времени), так и «интимность» (средство на ментальном, эмоциональном и когнитивном уровнях), которая в той или иной степени свойственна соприсутствию. Близость и интимность обеспечивают отношениям «своих» повторяемость, непрерывность, возобновляемость в случае их прерывания (такого рода отношения характерны для первичной группы, основные признаки которой были

обозначены Ч.Х. Кули и сводились к определению близости по двум параметрам — физическая близость, пространственно-временное соприкосновение, и ментальная, духовная интимность [7]).

Странник возвращается домой, в «свою» группу, которая служит началом координат, упорядочивающих для нас мир. «Дом» обеспечивает, во-первых, общность для членов группы пространства-времени и рутинизацию ее культурного образца; во-вторых, интимное восприятие членами группы друг друга — как уникальной констелляции в живом настоящем, как части своей жизни; в-третьих, каждый член группы рассчитывает (не безосновательно) на шанс возобновления прерванных непосредственных отношений в будущем (не важно сколь отдаленном) как «само собой разумеющийся». «Будучи рождены в социокультурном мире, мы находим в нем свои привязанности и должны примириться с ним. Этот мир нам пред-дан, и мы принимаем его безоговорочно, как само собой разумеющийся» [16. С. 145].

Эти свойства «дома» изменяются для того, кто его покинул, вышел за пределы рутины культурного образца. Наибольшие изменения претерпевает третья характеристика «дома» — у Странника она не срабатывает, его шанс возобновить отношения с группой так, как будто они не прерывались, становится проблематичным, потому что между культурными образцами групп нет зазоров и пустот, и за пределами своей группы Странник неизбежно оказывается в другой системе координат. Будучи вынужден осваивать (как Чужак) другой культурный образец, он не может переживать «мы-отношение», вернувшись в «свою» группу, как уникальное и единственно возможное. По возвращении непосредственное, само-собой-разумеющееся со-переживание (если бы осуществлялся шанс на его рутинное возобновление) замещается у Странника воспоминаниями, которые фиксируют состояние «мы-отношения» на тот момент, когда он покинул «дом». «Свой» культурный образец, соотнесенный со «своей группой» и «мы-отношением» в ней, вытесняется в прошлое, становится типизированным.

Что мешает возобновлению непосредственного отношения так, будто разлуки и не было? Теперь между Странником и членами группы появляется не разделенная ими часть групповой жизни, не пережитая в непосредственном «мы-отношении» — часть групповой жизни, которую Странник разделял с «чужими» (поэтому он уже «не такой, как все мы», а они для него — «не такие, как я»). Следствием является изменение степени интимности отношений между Странником и членами его группы, т.е. достоверность и надежность их знаний друг о друге подвергаются сомнению, образуется область абстрактности, неопределенности. Дело не только в переменах, постигших Странника, соприкоснувшегося с культурным образцом другой группы, но и в изменениях «своей» для него группы, «дома». С течением времени (в том числе времени отсутствия Странника) группа рутинно адаптируется к происходящим событиям в окружении и внутри нее самой, изменяясь, но оставаясь единым целым. Для вернувшегося домой Странника эти изменения выпадают

из рутины, группа выступает в дискретных состояниях/ситуациях «теперь» и «прежде» — как две разных группы. И группа соотносит Странника со стереотипом той ситуации, в которой он побывал, не фокусируясь на уникальности деталей и переживаний, и сам Странник представляет себе жизнь группы в его отсутствие, соотносясь со стереотипом группы (такой, какой он ее знал, или такой, какой бывает любая группа в соответствующей ситуации).

Таким образом, возвращаясь домой, Странник испытывает двойной шок: несоответствие своего прежнего представления о группе и ее культурном образце нынешнему (изменившемуся за время его отсутствия) и неадекватность (стереотипизированность) представлений группы о своем прошлом опыте, пережитом за пределами «дома». Хотя, как пишет Шюц, эмоционально этот шок может и не доминировать в отношениях Странника с группой, но абсолютно точное возвращение к прежним отношениям недостижимо в силу «необратимости внутреннего времени». Возвратившийся домой становится «остраненным своим», что очень близко к понятию «очужденный свой» (*Estranged Native*) [16], но имеет существенное отличие. «Очужденный свой» — тот, кто стал чужим и странным для своих и для себя самого, никуда не отдаляясь ни в пространстве, ни во времени: оставаясь в пределах групповой рутины с ее изменениями, он воплощает в себе эти изменения в образце самоидентификации группы, которая более не рассматривает его как «своего». «Очужденный», он вынужден сравнивать себя прежнего с собой нынешним, себя в стереотипизированном представлении других и себя как обладателя непереводаемого более в культурный образец своей группы опыта.

Функционалистские коннотации никуда не уходят в шютцевской трактовке Чужака/Странника, но дополняются темпоральной перспективой: если у Зиммеля Чужак исполнял основную функцию в принимающей группе, обозначая ее культурные границы, то шютцевский Чужак/Странник отмечает даже самые малозаметные изменения в жизни группы, фиксирует ее жизненный ритм, постоянно сравнивая теперь и прежде.

Итак, поиски прочных оснований в описании социальной онтологии, попытки преодолеть «нереалистическое предубеждение о том, что наше знание мира есть наше частное дело, и что, следовательно, мир, в котором мы живем — это наш частный мир» [18. С. 134], порождают феномен Чужака. Он и сопутствующие типы несут в теоретических построениях Шюца помимо онтологической методологическую нагрузку — служат инструментом анализа (главным образом темпорального) и преодоления естественной установки. Феноменологический социологизм Шюца (в отличие от социологизма Дюркгейма) примечателен тем, что совмещает индивидуалистическую методологию (веберлианские истоки шютцевской теории) и онтологию интересубъективности (в отличной от гуссерлианской трактовке) в толковании социального. Выход к своего рода феноменологическому/темпоральному социологизму — определению социального через изменение во времени и сохранение идентичности — получил свое развитие в последующей феноменологической

традиции (например, рикеровское различие «тождественности» и «самости») очевидным образом отсылает к темпорально-функционалистскому социологизму Шюца [14]). Можно сказать, что шюцевский темпоральный социологизм противостоит эгологизму Гуссерля в том смысле, что редукция естественной установки социального а priori (культурного образца группы) и достижение трансцендентального Его невозможна без столкновения с Чужаком, выявляющим границы этого образца. Радикальная редукция/релятивизация «своего» в себе самом, достигаемая в опыте темпорального перерыва в участии в рутинной жизни группы в опыте Странника, превращает человека в Чужака для себя самого, что позволяет обрести социальное основание в себе самом — так выстраивается темпоральный социологизм Шюца.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-212-225

Temporal phenomenology of Otherness by A. Schütz (or the birth of phenomenological sociology)*

S.P. Bankovskaya

National Research University Higher School of Economics
Myasnikskaya St., 11, Moscow, 101000, Russia

Abstract. The author considers the construction of the ‘temporal sociology’ by A. Schütz from the ‘general thesis of the alter ego’ to the Stranger and the Homecomer. The background and starting point of this construction is Schütz’s criticism of the Husserlian egological approach to the basic category of the Other and the radicalization of phenomenological reduction. The Husserlian primordial reduction to an isolated monad is replaced by a radical reduction of the ‘cultural pattern’ as a phenomenon of the ‘social a priori’. Social a priori and the Stranger serve as necessary conditions for intersubjectivity as not derived from the Ego and acquire temporal features in the categories of ‘cultural pattern of the group’ and ‘Homecomer’. In Schütz’s interpretation, the Stranger combines temporal and functional (spatial) features, which allows to define the category of ‘cultural pattern of the group’ and describe the relations of the Stranger with the group in terms of ‘temporal sociology’. The Stranger category is the result of reduction of the taken-for-granted ‘cultural pattern of the group’. Schütz’s temporal sociology places any manifestation of the social not only in the intersubjective space but also in the continuum of alterations in intersubjectivity. After this radical reduction of the ‘natural attitude’ to the ‘cultural pattern of the group’ by the Stranger category, Schütz goes further and reduces the ‘natural attitude’ to the belonging to/identification with any group by the ‘Homecomer’ category, which allows to explore the continuum of alterations in intersubjectivity exactly at the moment of its breaching. The experience of Homecomer restoring a ‘breach’ with his group represents the reduction of taken-for-granted ‘self’ in itself — turning into a Stranger for oneself, which allows to find a social basis in oneself. Thus, Schütz’s temporal sociology develops as a definition of the social through changes in time and preserving social identity despite changes in the continuum of intersubjectivity.

Key words: A. Schütz; temporal sociology; the Other; the Stranger; the Homecomer; cultural pattern of the group; phenomenological reduction; social a priori; continuum of intersubjectivity

---

* © S.P. Bankovskaya, 2020.

The article was submitted on 18.12.2019. The article was accepted on 31.03.2020.

Библиографический список / References

- [1] Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6 / Bankovskaya S. Chuzhaki i granitsy: k ponyatiyu socialnoy marginalnosti [Strangers and borders: On the notion of social marginality]. *Otechestvennye Zapiski*. 2002; 6 (In Russ.)
- [2] Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1 / Bankovskaya, S. Drugoy kak elementarnoe ponyatie sotsialnoy ontologii [The Other as a basic concept of social ontology]. *Russian Sociological Review*. 2007; 6 (1) (In Russ.).
- [3] Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М., 1999 / Buber M. Ya i Ty [I and Thou]. *Dva obraza very*. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [4] Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб., 1998 / Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Per. s nem. D.V. Sklyadnev. Saint Petersburg; 1998 (In Russ.).
- [5] Шюц А. Теория интерсубъективности Шелера и всеобщий тезис альтер эго // Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004 / Schuetz A. Teoriya intersubektivnosti Schelera i vseobshchy tezis alter ego [Scheler's theory of intersubjectivity and the general thesis of the alter ego]. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom*. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [6] Bankovskaya S. Living in-between: The uses of marginality in sociological theory. *Russian Sociological Review*. 2014; 13 (4).
- [7] Cooley C.H. *Social Organization. A Study of the Larger Mind*. New York; 1910.
- [8] Grathoff R. *Philosophers in Exile: The Correspondence of Alfred Schutz and Aron Gurwitsch, 1939–1959*. Bloomington; 1989.
- [9] Gros A. Alfred Schutz as a critic of social ontological Robinsonades. Revisiting his objections to Husserl's 5th Cartesian meditation. *Civitas*. 2017; 17 (3).
- [10] Husserl E. *Cartesianische Meditationen: eine Einleitung in die Phänomenologie*. Hamburg; 1995.
- [11] Park R.E. Human Migration and the Marginal Man. *AJS*. 1928; 33.
- [12] Park R.E. Personality and cultural conflict. *Publications of the American Sociological Society*. 1931; 25.
- [13] Park R.E. Introduction. Stonequist E.V. *The Marginal Man: A Study in Personality and Culture Conflict*. New York; 1937.
- [14] Ricoeur P. *Soi-même comme un autre*. Paris; 1990.
- [15] Schütz A. The Stranger. *Collected Papers II: Studies in Social Theory*. Ed. by A. Brodersen, Hague; 1962.
- [16] Schütz A. The Homecomer. *Collected Papers II: Studies in Social Theory*. Ed. by A. Brodersen, Hague; 1962.
- [17] Schütz A. *Collected Papers I: The Problem of Social Reality*. Hague; 1962.
- [18] Schütz A. *Reflections on the Problem of Relevance*. Yale University Press; 1970.
- [19] Schütz A. *Zur Kritik der Phänomenologie Edmund Husserl's: Alfred Schütz Werkausgabe Band III. 1*. Konstanz; 2009.
- [20] Schütz A. *Collected papers III: studies in phenomenological philosophy*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1970.
- [21] Simmel G. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Herausgegeben von O. Rammstedt (Gesamtausgabe, Band 11)*. Frankfurt am Main; 2005.
- [22] Simmel G. *Philosophie des Geldes (Gesamtausgabe, Band 6)*. Frankfurt am Main; 1989.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-226-238

Реконцептуализация статусной лиминальности в социологической теории*

И.В. Катерный

Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: yarkus@mail.ru)

В статье предпринимается попытка восполнить некоторые теоретические пробелы в понимании статусной лиминальности как переходного состояния в процессах социальной мобильности. На основе обобщения идей А. ван Геннепа и В. Тернера о природе лиминальности в «ритуалах перехода» автор реконструирует типологию статусной лиминальности, включающую восходящую, нисходящую, возвратную, перманентную лиминальности и лиминоидность. Выделены несколько характерных черт лиминальности, которые позволяют отделить ее от маргинальности и девиантности: транзитивность — измененное прелиминальное положение и идентичность, сочетающиеся с незавершенностью метаморфозы; временность — нормативно закрепленные темпоральные и (возможно) пространственные границы переходного состояния; кардинальность — социальная значимость статусных изменений для носителя и для оценивающих их общества или группы. Особое значение для понимания лиминальности имеет открытый Тернером феномен «коммунитас» — выход из «сферы обыденной жизни» во внеструктурную социально-психологическую реальность, где связи между людьми наполняются яркими аффективными взаимодействиями, а получаемый опыт проникает в самые глубины личности. Для каждого выделенного типа статусной лиминальности приведены примеры из традиционного и современного обществ с использованием исследований в области социологии смерти, медицинской, криминальной, социологии туризма, социальной психологии и др. В завершение с точки зрения статусной лиминальности дается характеристика таким явлениям, как прекариат, морфологическая свобода и деятельность-на-границе. Эвристический потенциал понятия лиминальности способен внести важный вклад в изучение социальных изменений и понять механизмы воспроизводства социального порядка на индивидуальном, групповом и социальном уровнях.

Ключевые слова: лиминальность; ритуал перехода; коммунитас; маргинальность; лиминоидность; статусная деградация; морфологическая свобода; деятельность-на-границе

В отличие от концепций маргинальности, имеющих мощную социологическую традицию, исследования лиминальности как особого положения индивидов и групп в процессах социальной мобильности до сих пор не получили развитого теоретического аппарата, что делает понятие лиминальности одним из самых недооцененных. Отчасти это объясняется несоциологическим происхождением интереса к лиминальности — в ритуалах перехода

* © Катерный И.В., 2020.

Статья поступила 31.01.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

традиционных обществ (классик французской антропологии А. ван Геннеп), сложной академической судьбой концепции лиминальности, не получившей признания из-за доминирования идей структурного функционализма и вновь открытой только в 1960-е годы благодаря работам В. Тернера [31], а также особыми свойствами «чистой» лиминальности, которая с трудом вписывается в классическую социологическую картину мира, поскольку представляет собой промежуточную, незавершенную, ускользающую и зачастую разрушительную стадию существования социальных структур, неуловимую для анализа пустыню «безстатусности».

Понятие лиминальности обретает сегодня второе дыхание благодаря богатому эвристическому потенциалу, особенно для изучения социальных изменений на макро- и микроуровне: исследования индивидуального и группового травматического опыта [12; 25], межрасовых отношений [15; 16], практик туризма и посттуризма [10; 22], международных отношений [26; 27], разных аспектов политической антропологии [14; 29]. В то же время, несмотря на апелляцию к классическим текстам А. ван Геннепа и В. Тернера, лиминальность трактуется весьма широко и неоднозначно — от описания психологического состояния индивидов в ситуации переживания нового опыта до характеристики положения маргинальных групп и анализа ускоряющихся общественных изменений. Общей социологической трактовки лиминальности не существует, что подтверждается отсутствием этого понятия в западных социологических энциклопедиях. Его удалось обнаружить только в отечественном «Социологическом энциклопедическом русско-английском словаре» — это «положение индивидов, находящихся в процессе перехода из одного статуса в другой» [7. С. 196]: определение может показаться вполне достаточным, но оно не объясняет, о каких статусах идет речь и чем эти переходы характеризуются.

А. ван Геннеп обозначил три ключевые фазы ритуала перехода, сопровождающего «всякую перемену места, состояния, социальной позиции и возраста» — «отделение» (от прелиминального статуса), «грань» (лиминальность) и «соединение» (постлиминарное включение в социальную структуру) [1. С. 15; 20. Р. 11]. Выделение этих трех фаз подчеркивает три важнейших характеристики лиминальности как особой фазы социальной мобильности: транзитивность — измененность прелиминального положения и идентичности индивида или группы, сочетающаяся с незавершенностью метаморфозы; временность — наличие нормативно закрепленных темпоральных и (возможно) пространственных границ переходного состояния; кардинальность — особая ценность статусных изменений для носителя и оценивающего их общества или группы.

Сочетание этих признаков позволяет избежать смешения лиминальности с маргинальностью, которая предполагает разрыв с прежним статусным набором (или основным статусом) и закрепление ролевой, структурной или культурной депривации (стигматизированного статуса), и с временными, но не кардинальными метаморфозами статусов в повседневной рутине. Например,

ежедневные поездки на работу и с работы с рекуррентной сменой паттернов поведения в условиях массового скопления людей («деиндивидуализации») предполагают временный переходный статус, рутинизированы в ожидаемую смену одних статусно-ролевых моделей на другие. Таким образом, чистую лиминальную переходность следует трактовать как временное промежуточное статусное положение индивида, группы или объекта в процессе социальной мобильности, отличающееся статусно-ролевой необычностью (для привычной идентичности), значимостью (вовлечены социальные ценности и нормы) и рефлексивностью (границы, нормы и практики входа, пребывания и выхода из этого «необычного» состояния).

В. Тернер выделяет два основных типа лиминальности в обрядах перехода [8. С. 231–264]. Во-первых, это практики инициации, связанные с повышением статуса индивида в сообществе и требующие прохождения ритуалов принятия в референтный круг (обряды посвящения неофитов — от обрезания и лишения девственности до вручения дипломов магистров, брачных ритуалов и рукоположения в священники). Во-вторых, это «ритуалы перемены статусов», когда в определенное время календарного цикла нижестоящим группам даруется особая власть в обществе: сильнейшие делаются слабыми, слабые ведут себя так, будто они сильные. Хрестоматийным примером такой лиминальности является обряд омовения ног в христианстве в преддверии Пасхи, когда первосвященник оmyвает ноги прихожанам (католицизм/протестантизм) или другим священникам (православие). В секуляризованной западной традиции этот тип лиминальности до сих пор проявляет себя в праздновании Дня всех святых (Хэллоуина), когда дети наряжаются в агрессивных хтонических существ или разбойников и требуют умилоствления у взрослых. В то же время Тернер подчеркивает, что названные им два типа лиминальности не единственные, и существует «масса других типов».

В известном эссе «Чужак» (1944) А. Шюц показывает широкий спектр лиминальности в контексте ресоциализации: «Претендент на вступление в члены закрытого клуба, предполагаемый жених, желающий быть допущенным в семью девушки, сын фермера, поступающий в колледж, обитатель города, поселяющийся в сельской местности, “призывник”, уходящий на службу в армию, семья рабочего оборонной отрасли, переезжающая в быстро растущий промышленный город, — ... чужаки» [11. С. 533]. В отличие от зимелевского чужака, который представляет собой форму маргинализованного социального участия (например, бедняк), у Шюца адаптация чужака к новой мы-группе, кажущейся ему сначала странной и незнакомой, вполне лиминальна — транзитивна, временна и кардинальна. Если адаптация чужака будет успешной и новый культурный образец станет для него само собой разумеющимся, то «остраненность» лиминального положения не превращается в культурную маргинальность как фиксированный тип личности. Шюц помогает увидеть, что лиминальность не может быть однозначно концептуализирована в терминах «норма/девиация», поскольку содержит в себе и то, и

другое, т.е. создает собственный фрейм социальной метаморфозы как санкционированной текучей статусно-ролевой амбивалентности. Лиминальность, в отличие от маргинальности, завершается трансформацией в нечто отличное от себя, т.е. в социально признанное состояние или реагрегированный (восстановленный) статус. Поэтому «инкорпорирование» — обязательный заключительный элемент лиминальной метаморфозы, что делает лиминализацию частью структурирования социального порядка, а не механизмом его разрушения [1. С. 9]. (Квази)ритуальный характер лиминальных переходов, направленных на релегитимацию социального порядка, подчеркивает, что они — центр сакральной (в дюркгеймовском смысле) жизни общества, где происходят самые важные и нетривиальные события, требующие особого контроля и регламентации.

Развивая идеи В. Тернера и А. Шюца, можно представить более точную типологию статусной лиминальности для анализа современных переходных практик и состояний, основываясь на характере транзитивности: (1) восходящая лиминальность — повышение прелиминального статуса в процессе вертикальной социальной мобильности; (2) нисходящая — в процессе статусной деградации и/или стигматизации; (3) возвратная — если прелиминальный статус релегитимируется после временного изменения или проверки; (4) перманентная — особое «промежуточное» положение группы; (5) лиминоидность — объединяет разные формы квазилиминальности, т.е. практик фабрикации переходных состояний, статусов и идентичностей в утилитарных целях.

Восходящая лиминальность

Данный тип восходит к тернеровским ритуалам повышения социального статуса и представляет собой самый типичный и универсальный пример легитимации новой постлиминальной идентичности более высокого ранга. Каждый человек проходит через ритуалы «жизненных переломов», которые отмечают важные переходы в судьбе — рождение, совершеннолетие, профессиональная специализация, брак, родительство, смерть. В каждый такой момент происходит лиминализация — разрыв с прошлым статусом и обретение нового через прохождение специальных религиозных или светских ритуалов. Сюда же относится развитие социальной карьеры индивида — через переходы от одних достигаемых статусов к другим (более высоким). Если переходы требуют обязательного прохождения испытаний, тестов, проверок, особых ритуальных практик (по желанию или вопреки ему), то лиминальность неизбежна (исторические практики инициации, посвящения и даже самопожертвования). Современная жизнь предлагает новые ритуалы восходящей лиминальности: выборы народных избранников, поступление в вуз, трудоустройство, защита диссертаций, спортивные состязания и т.п. Экзаменальность (необходимость испытаний) является не только атрибутом лиминализации, но и механизмом выхода из предшествующего состояния, который подчеркивает кардинальный

характер изменений и определяет саму суть «перехода». В отличие от предопределенных традиционных ритуалов повышения статуса современные формы не гарантируют переход, создавая даже ситуацию лиминальной конкуренции с возможным неудачным исходом, но участие в ритуалах для достижения успеха обязательно.

Переход в постмортальное состояние всегда институционализирован в виде многочисленных и сложных ритуалов сохранения и увековечивания памяти, и известное хилоновское изречение «о мертвых хорошо, либо ничего» сохраняет значение до сих пор. Столь сильная социальная капитализация статуса усопшего означает, что как таковой смерти не существует, и лиминальный переход в посмертное состояние через утрату тела не заканчивается смертью личности, а оборачивается инверсией в новое социальное положение, капитализированное участием живых людей и среди них. С мертвыми происходит инверсивная постмортальная трансмобильность: памятники, фотографии, видеозаписи, воспоминания, жизнеописания, цифровые мемориалы, мумификация, карнавалы (типа «Día de Muertos» в Мексике) и даже практики женитьбы на мертвых (как у древних инков) становятся сферой нормальной социальной жизни.

Нисходящая лиминальность

Церемонии статусной деградации и стигматизации описаны в известной теории «навешивания ярлыков» (Ф. Танненбаум, Г. Беккер, Э. Лемерт), в работах И. Гофмана [2] и Г. Гарфинкеля [19]. Хотя понятия лиминальности и ритуалов перехода никто из перечисленных авторов не использует, предложенный ими анализ коммуникативных практик понижения социального статуса и его структурного закрепления восполняет важный пробел в классических работах по антропологии лиминальности. Общим местом изучения статусной деградации является указание на то, что испорченная постлиминальная идентичность заражает личность носителя и делает позорную стигму основным статусом. Моральная атака общества всегда направлена не на осуждение отдельного поступка, а на «ритуальное разрушение опозоренной личности» [19. С. 421]. Обличение нарушителя меняет его образ в глазах окружающих — он буквально перерождается, воспринимается полностью другим человеком, невзирая на все прошлые («прелиминальные») заслуги.

Гарфинкель подробно разбирает этапы и условия коммуникативной работы «разоблачителя» и свидетелей по успешной статусной деградации нарушителя, делая акцент на производстве структур публичности — начиная с намеренной «экстраординации» девиантного события и его виновника и заканчивая ритуальным дистанцированием нарушителя от «нормального» общества и превращения его в изгоя [19. Р. 422–424]. Однако подобная «драматизация зла» ведет и к трансформации самоидентичности нарушителя, что было отмечено Ф. Танненбаумом в исследованиях подростковой преступности в 1930-е годы. Когда подростка хватают на улице как «члена банды» и

заставляют пройти через полицейские процедуры нисходящей лиминализации (с наручниками, допросами и судом), его мир меняется кардинально: его заставляют осознать себя как «другого», его отношение к себе и окружающим меняется в худшую сторону, что стимулирует его к девиантному поведению в дальнейшем. «Процесс создания преступника — это последовательный процесс (социальной) маркировки, идентификации, сегрегации, акцентирования, перестройки сознания и самосознания; это путь стимулирования и провоцирования тех социальных проявлений, которые самим же обществом осуждаются» [28. С. 19–20].

Впоследствии эта идея была развита Э. Лемертом и Г. Беккером в концепции девиантной карьеры [24; 13], где выделено три основополагающих процесса статусной деградации как ритуального перехода: дифференциация — дистанцирование нарушителя от модальных характеристик «обычных людей»; социетальная реакция — стигматизация нарушителя через выразительные чувства и действия; индивидуация — самозакрепление стигмы через рецидивное поведение. Таким образом, переход ко вторичной девиации на этапе выхода из лиминального положения ведет к «изменению всей психической структуры личности, следствием чего становится специфическая организация как ролевых исполнений, так и самоидентичности в целом» [23. С. 40–41].

Хотя теория навешивания ярлыков подвергалась критике за избыточный бихевиоризм в трактовке причин девиантного поведения, исследования И. Гоффмана подтверждают, что особенность жизненной ситуации стигматизированного — «принятие» и, как следствие, развитие чувства стыда, страха, тревоги, депрессии, комплекса неполноценности, личной вины и тенденции к виктимизации [2], что подчеркивает совместный характер работы общества и носителя по лиминализации и стигматизации. Исследования по медицинской социологии показывают, что опыт борьбы с потенциально смертельным диагнозом ведет к новой коммуникативной ситуации, сопровождающейся резкой перестройкой самоидентичности [25]: переживание серьезного заболевания негативно отражается на личности и отношения окружающих, заражая лиминальным статусом «онко-больного», т.е. постоянно борющегося со смертью. Сначала человек проходит фазу «острой лиминальности» — ситуация экзистенциальной ошеломленности, резкого разрыва с прошлой жизнью и неприспособленности к новой реальности. В дальнейшем, если лечение не ведет к выздоровлению, лиминальность становится «хронической», и до конца дней онко-больной пребывает в «переходном состоянии».

Исследователи называют три социально значимых проявления такой лиминальности: острое переживание своей «онко-пациентности», т.е. ощущение неполноценности и неопределенности состояния «между жизнью и смертью»; коммуникативное отчуждение между больным и здоровыми людьми, включая близких и даже медицинский персонал, из-за невозможности адекватно передать им свои переживания и телесные ощущения; резкое сужение социальных возможностей, что выражается в качественном изменении образа

жизни — появление сильных ограничителей в работе, отдыхе, общении, доступе к социальному пространству и времени и одновременно установление жизненной зависимости от специальных средств контроля болезни, специальных людей и помещений [25. С. 1486]. Избавление от этой хронической лиминальности также является предметом совместной работы всех вовлеченных сторон по преодолению стигмы переходности и связанного с ней ощущения слабости и неуверенности посредством социальной нормализации — обретения и осознания другого статуса, не связанного с болезнью (программы социального вовлечения ВИЧ-инфицированных).

Возвратная лиминальность

Помимо религиозных традиций омовения ног в христианстве, типичный пример из прошлого — римские сатурналии, когда рабы получали право участвовать в пиршествах в честь Сатурна наравне с патрициями и даже получать от них услуги, т.е. лиминальность здесь обусловлена временной утратой основного статуса в практиках, где требуется подчинение особым нормам для успешного исполнения особых ролей или получения необычного опыта, после чего прелиминальный статус восстанавливается. Главный принцип ритуалов перемены статусов — трансгрессия, т.е. санкционированное нарушение порядка ради его последующего освящения. В традиционном обществе в эти периоды высвобождалась накопленная внутренняя «ярость» коллективного организма, большую часть общественной жизни сдерживаемая социальными нормами. Трансгрессия выполняла и важную легитимирующую роль: временное ритуализированное снятие нормативных запретов вело не к разрушению, а к сакрализации социального порядка.

В современном мире множество возвратных форм лиминализации — национальные праздники (Хэллоуин, Ла Томатина, Энсьеро, Холи, маскарадные шествия и т.п.), биологические ритмы и физиологические процессы (сон, секс), некоторые культурные феномены («солдатский ужин» с ролевым обменом в канадской армии, оргиастические субкультуры, косплеи и т.д.). В этих случаях человек временно перестает быть тем, кем является в обычной жизни, но потом возвращается к привычной идентичности.

Пожалуй, наиболее характерный подобный случай — поведение в толпе, особенно экспрессивного типа. Исследования динамики толпы известны с работ Г. Лебона и позволяют увидеть в действии феномен «коммунитас» [8. С. 168–231] — выход из «сферы обыденной жизни» во внеструктурную реальность, где связи между людьми наполняются яркими аффектами, а получаемый опыт проникает до самых глубин личности. Внушаемость, деиндивидуализация и чувство неуязвимости, возникающие в толпе, порождают групповую лиминализацию, разрушающую привычные нормативные отношения и создающую спонтанную непосредственную общность на основе сильных переживаний, т.е. (экзистенциальную) коммунитас. Любовь, братание, экстаз, но также агрессия, ярость, исступление — характерные черты «освобождения» от

структуры и обретения коммунитас. В своей глубинной гомогенности, безстатусности и потенциальной вседозволенности коммунитас разительно отличается от дюркгеймовской солидарности с ее четкими социальными и нормативными структурами, но периодический трансгрессивный выход в это состояние необходим. Коммунитас служит солидарности, формируя образ идеальной, утопической и магической общины, где каждый обретает особую силу и внутреннюю самооценку хотя бы на время (римские сатурналии, русское «ты меня уважаешь?» в пьяном братании, революционные лозунги свободы, равенства и братства, фестивали типа «Burning man» и т.д.).

Современное общество, чтобы сдерживать неподконтрольную коммуни-тарную энергию, инструментализирует средства выхода в область коммуни-тас с помощью санкционированных потребительских практик, особенно пер-формативных практик туризма. М. Файфер еще в 1980-е годы отметила «посттуристский» сдвиг в организации путешествий [18]: раньше люди ехали за новизной и аутентичностью, сегодня туризм «перформатируется» во взаи-мовыгодную игру, максимально эффективно организованную для выкачива-ния денег в обмен на безопасные удовольствия. Туристические маршруты, отели, развлекательные программы, специальные магазины, гиды и сервисы создают вокруг путешествующих гипер-реальность, цель которой — создать комфортную обстановку для свободного гедонизма. И центральным пунктом посттуристического перфоманса становится лиминализация и достижение коммунитас.

Дж. Урри сравнивает современных туристов, участвующих в групповых турах, с детьми: им говорят куда идти, что смотреть, когда есть и т.п., а между собой они устанавливают равные товарищеские отношения. Туристы пони-мают, что «играют в туристов», и частью игры является их пассивное и при-ниженное положение [32. Р. 91]. Лиминализация усиливается и тем, что тури-сты не демонстрируют ни в одежде, ни в манере общения, ни в поведении своих статусных отличий в обычной жизни — единообразные майки, шорты и кроссовки делают всех социально неразличимыми. Достижение лиминаль-ного коммунитас через гедонистический экстаз — апогей туристического опыта: у туриста «меняется состояние сознания, примерно так же, как на ре-лигиозных праздниках: напряжение, возбуждение, эйфория, сужение поля со-знания. И даже события и ситуации, возникающие во время путешествия, ста-новятся аналогом ритуального испытания героя. Если тур потребовал предельной концентрации сил, ни о какой рекреации не может быть и речи, счастье туриста — в возможности примерить на себя другую, более настоя-щую жизнь. Для одних это экстремальный туризм, для других — удоволь-ствия, к которым они готовились все предыдущее время — расточительные покупки, обжорство, пьянство, секс» [10. С. 121–122]. Туриндустрия поощ-ряет чувственность и иррациональность и изобретает все более изощренные способы выхода в область экстраординарного, но лишь чтобы, вернувшись обратно, туристы продолжили еще более эффективно трудиться на благо

системы. Организованная трансгрессия канализирует аффективное тело массы в безопасное русло и образует вместе с профанной «структурой» единое целое, которым и определяется общественная жизнь.

Перманентная лиминальность

У Тернера можно найти описания сообществ, которые живут как бы «на окраинах и в щелях социальной структуры», поддерживая постоянное лиминальное состояние в поисках коммунитас [8. С. 196–256]. Сюда Тернер, в частности, относит общины хиппи и битников, расцвет которых пришелся на время написания его знаменитой книги «Ритуальный процесс. Структура и антиструктура» (1969). «Дети цветов» предпочитали ретритистский образ жизни — одевались, как бродяги, имели привычки скитальцев, нанимались на грязные случайные работы, практиковали сексуальную и наркотическую свободу, жили общинами («нормативная коммунитас»). В традиционном обществе лиминальность выражалась в практиках юродивости, бродяжничества, монашества, шутовства и нищенства — в культурном «аутсайдерстве», ролевой «странности», статусной веструктурности и моральной приниженности, что сближает это состояние с маргинальностью. Хотя Тернер различает эти понятия, «перманентная лиминальность» ведет к последовательной структурной и ролевой маргинализации (возможно, и добровольной), т.е. поражению в правах и свободах и социальной стигматизации.

В современном обществе две социальные общности имеют лиминально-маргинальное положение — цыгане и прекариат. Традиционный цыганский мир исторически имеет «окраинный» характер: кочевой образ жизни, общинно-родовая организация и строгое разделение на «своих» и «чужих» и, как следствие, анархическое отношение к государству («чисто созерцательное, они не осознают себя его частью, власть для цыган — нечто внешнее, чаще всего враждебное» [4. С. 115]). Гадание и попрошайничество цыган как людей «не от мира сего» зачастую становятся единственным способом «общения» с миром, и такая лиминальность оборачивается крайностями маргинализации — «очень высокая криминализация, безработица, низкий уровень образования вплоть до безграмотности, частое отсутствие санитарии, асоциальный образ жизни, и... самое главное — устойчивый негативный образ, сформированный у... нецыганского населения, порождающий резкое неприятие и тотальное недоверие» [3. С. 44–55].

Схожую ситуацию можно наблюдать с мигрантами в Европе, чье «застывшее» лиминальное положение в лагерях беженцев маргинализирует их до крайности. Но если цыгане и беженцы — группы внутри андеркласса, т.е. на окраине общества, то прекариат формируется скорее в «щелях» социальной структуры, образуя метакласс людей с разными доходами, образованием, профессиями (от чернорабочего до фрилансера в IT-сфере), но без гарантий занятости. Их труд носит нестабильный, неустойчивый, преходящий характер, однако это «достаточно активный социальный слой... он при всех

невзгодах сохраняет социальные качества, стремится занять и отстоять право на достойную жизнь при всех имеющихся ограничениях и ущемлениях» [9. С. 85–86]. Тем не менее, деформализованность и рискованность положения прекариата делает его жизнь перманентно лиминальной, т.е. подверженной маргинализации: как цыгане и беженцы, они остаются в своем антиструктурном или внеструктурном положении навсегда.

Отдельное проявление перманентной лиминальности в современном мире — сообщества с переписанными аскриптивными идентичностями, или социальные палимпсесты, активно практикующие морфологическую свободу, кардинальные изменения телесных, гендерных, возрастных и даже расовых атрибутов. Косметическая хирургия (от омоложения до смены пола), нанотехнология (вживление чипов), киборгизация (протезы), загрузка сознания (нейронные сети), дегеронтизация (медицинское омоложение), витрификация (замораживание перед или сразу после смерти), гендерная биополитика деаскриптивируют базовые биологические, физические и психофизиологические параметры личности. В результате новые идентичности отрываются от базовых аскриптивно-примордиальных бинарностей и предлагают новые варианты перманентно-лиминальных статусов: не мужчина или женщина, а транссексуал, полигендер и т.п.; не молодой или старый, а выглядящий «вечно молодым»; не живой или мертвый, а замороженный или оцифрованный; не человек или машина, а киборг; не человек или чудовище, а бодмод. Все эти статусно-ролевые идентичности в своей легитимизированной промежуточности не связаны со статусной деградацией, маргинальностью и девиациями, а образуют новый мир внебинарных распределений. В отличие от антиструктурных или внеструктурных форм лиминализации здесь создается новая нормативная структура, характеризующая становление постгуманизированного общества.

Лиминоидность

Если лиминальность — это определенная и естественная фаза ритуалов социальной мобильности, то лиминоидность имеет фундаментально не-транзитивную природу, создающую иллюзию перехода или разрушающую переход. Для выделения этих игровых, рискованных и часто деструктивных форм лиминальности Тернер использовал слово «лиминоидность» [30]. В терминах фрейм-анализа речь идет о разных фабрикациях ситуаций лиминальности и ритуала перехода, т.е. лиминоидность — это квазилиминальность. Такие свойства переходности, как экстраординарность, стрессовость, экзаменальность, неопределенность, приниженность, могут намеренно создаваться в эксплуататорских целях извлечения выгоды, не связанных с социальной мобильностью. Возможна акциональная и виктимная лиминоидность. Первая связана со стремлением к добровольному производству и принятию рисков для собственного благополучия, здоровья и жизни в рамках «деятельности-на-границе». С. Линг, введший термин в 1980-е годы в рамках социологии риска, имел в

виду опыты по приему наркотиков и психоактивных веществ, но позже список расширился: опасные профессии, экстремальные виды спорта, рискованные увлечения (паркур, ружинг, зацепинг, высотные селфи и т.п.), участие в событиях с непредсказуемым исходом (боевые действия, тайные операции и др.) [17]. Особенность этих практик — пограничность: они происходят на грани «разумности и безумия, сознательности и бессознательности, жизни и смерти» [17. С. 4]. Желание избавиться от давления нормативных структур и рутинных практик через переживание интенсивных эмоций, новизны и риска сближает «социальных каскадеров», осуществляющих «деятельность-на-границе», с лиминалами, но первых отличает игровая избыточность и непреходность их лиминального положения.

Создание иллюзии переходности возможно и через введение в заблуждение или насильственное погружение в состояние жертвы лиминализации. Эксплуатация лиминальности осуществляется как виктим-симулянтами, имитирующими «жертвенное» переходное положение, так и злоупотребляющими властью виктимайзерами, использующими средства нелегитимного насилия и принуждения для лиминализации других. В первом случае идет речь о фальшивых играх — мнимые больные, инвалиды, беременные и якобы потерявшие билеты и деньги попрошайки. Свою ролевую маргинальность они маскируют под лиминальность «попавших в тяжелую ситуацию» и эксплуатируют ее как источник обогащения, апеллируя к внутренней склонности каждого (нормального) человека к переживанию коммунитас (становится жертвой разыгранной лиминальности). Во втором случае источниками виктимной лиминоидности выступают люди, заставляющие других путем обмана, угроз, принуждения вступать в лиминальное состояние: дедовщина, фальсификация улик (подбрасывание наркотиков и т.п.), пытки заключенных, выбивание «нужных» показаний на допросах, доведение людей до самоубийства, жилищное рейдерство, движение #MeToo (борьба женщин с принуждением к сексуальной лиминализации), «испытательные карусели» работодателей, которые устанавливают лиминальный испытательный срок с полным набором должностных функций, но за меньшие деньги, а после его окончания не заключают трудовой контракт, а нанимают новых квазилиминалов [6. С. 193], и др.

Таким образом, эвристический потенциал понятия лиминальности в изучении общества очевиден на трех уровнях — индивидуальном, групповом и социетальном. Оно способно описывать явления как в виде отдельных событий, так и длящихся определенный период времени и даже целые эпохи. Рассмотренные в статье ситуации статусной лиминальности — лишь один из возможных аспектов изучения социальной мобильности, девиации и маргинальности. В целом изучение процессов лиминализации позволяет глубже проникнуть в механизмы воспроизводства социального порядка на уровне взаимодействия структур и акторов, поэтому необходимы дополнительные усилия по развитию социологического анализа лиминальности.

Библиографический список / References

- [1] Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999 / Gennepe A van. *Obryady perehoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [The Rites of Passages]. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [2] Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью // Социологический форум. 2001. № 3–4 / Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. *Sociologicheskyy Forum*. 2001; 3–4 (In Russ.).
- [3] Гуцалов А.А. Цыгане: традиционная культура и современный мир // Наследие веков. 2015. № 4 / Gutsalov A.A. Roma: Traditional culture and the contemporary world. *Nasledie Vekov*. 2015; 4 (In Russ.).
- [4] Деметр Н.Г., Бессонов Н.В., Кутенков В.К. История цыган — новый взгляд. Воронеж, 2000 / Demetr N.G., Bessonov N.V., Kutenkov V.K. *Istoriya tsygan: novyy vzglyad* [History of the Roma: A New Approach]. Voronezh; 2000 (In Russ.).
- [5] Кайюа Р. Человек и сакральное // Кайюа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003 / Caillois R. Chelovek i sakralnoye [Man and the sacred]. Caillois R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakralnoye*. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [6] Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007 / Kondratiev M.Yu., Ilyin V.A. *Azbuka sotsyalnogo psihologa-praktika* [Handbook of a Working Social Psychologist]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [7] Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М., 2004 / Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskyy entsiklopedichesky russko-angliyskiy slovar* [Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [8] Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983 / Turner V. *Simvol i ritual*. Moscow; 1983 (In Russ.).
- [9] Тошченко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М., 2018 / Toshchenko Zh.T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: From Proto-Class to a New Class]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [10] Черняева Т.И. Туристическое потребление: стандартизация впечатлений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 3 / Chernyaeva T.I. Tourist consumption: Standardized impressions. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2009; 12 (3) (In Russ.).
- [11] Шюц А. Чужак // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004 / Schutz A. Chuzak. *Sotsialno-psihologicheskyy ocherk* [The Stranger: An Essay in Social Psychology]. Schutz A. *Mir, svetyashchiysya smyslom*. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [12] Abrams C.B., Albright K., Panofsky A. Contesting the New York community: From liminality to the ‘new normal’ in the wake of September 11. *City and Community*. 2004; 3 (3).
- [13] Becker H.S. *Outsiders*. New York; 1963.
- [14] *Breaking Boundaries: Varieties of Liminality*. Horvath A., Thomassen B., Wydra H. (Eds.). Oxford–New York; 2015.
- [15] Brunsma D.L., Delgado D., Rockquemore K.A. Liminality in the multiracial experience: Towards a concept of identity matrix. *Global Studies in Culture and Power*. 2013; 20 (5).
- [16] Daniel G.R. *Race and Multiraciality in Brazil and the United States: Converging Paths?* Pennsylvania University Press; 2007.
- [17] *Edgework: Sociology of Risk Taking*. Lyng S. (Ed.). New York; 2005.
- [18] Feifer M. *Going Places: The Ways of the Tourist from Imperial Rome to the Present*. London; 1985.
- [19] Garfinkel H. Conditions of successful degradation ceremonies. *American Journal of Sociology*. 1956; 61 (5).
- [20] Gennepe A. van. *The Rites of Passages*. Chicago; 1960.
- [21] Goffman E. *Where the Action Is: Three Essays*. London; 1969.
- [22] Graburn N.H. The myth, the real and the hyperreal: A liminal theory of tourism. *Actes du Colloque International ‘Le Tourisme International entre Tradition et Modernité’*. Jardel J. (Ed.). Nice; 1994.

- [23] Lemert E. *Human Deviance, Social Problems and Social Control*. Englewood Cliffs; 1967.
- [24] Lemert E. *Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior*. New York; 1951.
- [25] Little M., Jordens C.F.C., Paul K., Montgomery K., Philipson B. Liminality: A major category of the experience of cancer illness. *Social Science & Medicine*. 1998; 47 (10).
- [26] Malksöo M. The challenge of liminality for international relations theory. *Review of International Studies*. 2012; 38 (2).
- [27] Neumann I. Introduction to the forum on liminality. *Review of International Studies*. 2012; 38 (2).
- [28] Tannenbaum F. *Crime and Community*. London–New York; 1938.
- [29] Thomassen B. *Liminality and the Modern: Living Through the In-Between*. Burlington; 2014.
- [30] Turner V. Liminal to liminoid, in play, flow, and ritual: An essay in comparative symbolism. *Rice University Studies*. 1974; 60 (3).
- [31] Turner V. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. New York; 1969.
- [32] Urry J. *The Tourist Gaze*. London; 2002.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-226-238

Reconceptualization of status liminality in the sociological theory*

I.V. Katernyi

Moscow State University of International Relations
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: yarkus@mail.ru)

Abstract. This article aims at filling some theoretical gaps in understanding status liminality as a ‘transition state’ in the processes of social mobility. Based on the ideas of A. van Gennep and V. Turner on the nature of rites de passage, the author reconstructs the types of status liminality — ascending, descending, recursive, permanent liminality and liminoidity. The article identified some features that distinguish liminality from marginality and deviance: transitivity — the altered preliminal position and identity combined with the incomplete metamorphosis; temporality — normative temporal and (possibly) spatial boundaries of the transition period; consequentiality — social significance of the postliminal status transformation for both its bearer and society or social groups involved. The phenomenon of ‘communitas’ discovered by Turner is of particular importance for understanding the state of liminality for it represents a tendency of liminal people to depart from the ‘mundane domain’ into the anti- and non-structural social-psychological state in which social ties are vividly affective and social experience has a profound existential effect. For each type of status liminality, the author provides examples from the traditional and modern societies using research in sociology of death, medical sociology, criminal sociology, sociology of tourism, social psychology, etc. To conclude, the author considers such phenomena as precariat, morphological freedom and edgework in the liminality perspective. Thus, the heuristic potential of the concept ‘liminality’ can make a significant contribution to the study of social changes and understanding mechanisms of reproducing social order at the individual, group and societal levels.

Key word: liminality; rite de passage; communitas; marginality; liminoid; status degradation; morphological freedom; edgework

---

* © I.V. Katernyi, 2020.

The article was submitted on 31.01.2020. The article was accepted on 31.03.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-239-251

Медийная мифология социального в современном обществе*

Н.В. Плотицкина

Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия
(e-mail: oochronos@mail.ru)

Статья посвящена мифологизации медийного конструирования социального: медиа создают репрезентации мира как площадки борьбы за власть и предлагают разные версии социальности, которые легитимируются в мифических нарративах. Научные дискуссии фиксируют сложность социального, необходимость его теоретизирования, дереификации с учетом цифрового контекста. Изучение диалектики медийного и социального выявляет корпус мифических верований и убеждений. В статье представлен дискурс о трех мифологических конструктах: естественной коллективности, медиатизированном центре и больших данных. Миф о медиатизированном центре — двойной конструкт: нарратив о наличии в обществе центра знаний, ценностей, смысла, нормативной/объяснительной истины; мифическое повествование о том, что медиа, репрезентирующие общество для его членов, являются привилегированной точкой доступа к центру социальной реальности. Миф легитимирует символическую власть медиа и поддерживается ритуалами. Миф «о нас» призван «натурализовать» сетевую социальность, убедить пользователей в естественности контактов, взаимодействий, сообществ на социальных платформах, обеспечивает чувство сплоченности и конструирует цифровую идентичность. Миф о «нас» — это нарратив о коллективности, возникающей в ходе совместных усилий пользователей и разработчиков социальных платформ. Этот миф маскирует распад социального в цифровой реальности и обозначает его медийно-мифическую компенсацию. Большие данные репрезентируют новые ландшафты объектов, методы познания и дефиниции социальности; это не только источник знаний, инноваций и изменений, но и мифология, которую следует критически изучать. В статье описаны разные подходы к анализу мифологии больших данных, возникающей в ходе интерпретации цифровых артефактов как отражения социального контекста и наилучшей формы социального знания. Миф предлагает свою версию социологической дисциплины — с новой эпистемологией, этикой и методологией, затеняя иные возможности получения знания о социальности в цифровых медиа (мифологизируются сюжеты о политике (агентности), экономике, этике и эпистемологии).

Ключевые слова: мифологизация; цифровая мифология; социальные медиа; миф о нас; миф о медиатизированном центре; социальное; мифология больших данных

В эпоху интенсификации «новых медиа» цифровое трансформирует социальное, укорененное в технологической инфраструктуре web-среды — возникает потребность в распаковке социального в контексте экономики культуры, когда термин «социальные медиа» является не описанием, а присвоением социальности [12. С. 1]. Для владельцев медиаплатформ социальное — новый фронтир, в ходе колонизации которого создаются рынки и новая стоимость.

* © Плотицкина Н.В., 2020.

Статья поступила 08.10.2019 г. Статья принята к публикации 24.01.2020 г.

Алгоритмическая архитектура больших данных порождает даннологический поворот в социологии [5]: big data открывают дверь в новое социальное, а медийное формирование реальности требует обновленной исследовательской оптики, признающей детерминированность социального мира цифровыми технологиями. Сначала мы обратимся к научной дискуссии о том, насколько социальные медиа социальны и почему недостающее социальное может быть восполнено в медиаконтенте, а затем представим мифические нарративы, повествующие о том, как медиа конструируют и встраивают в повседневность разные версии социальности, и как происходит поиск новой эпистемической матрицы наук, работающих с big data (улучшенной формой социального знания), источниками которых являются цифровые сети.

Социальность социальных медиа

Изучение мифического дискурса социальных медиа предполагает поиск пространств, явлений и процессов, «призрачность» или двусмысленность которых порождает мифические конструкты о социальных платформах. Предположим, что мифический флер свойственен социальной ткани цифровой реальности: соотношение медийности и социальности активно обсуждается в научных работах, например, фиксируется девальвация социального в социологии в связи с методологическим умалением Б. Латура, понимающего социальность как сложную сеть, включающую разные типы участников (люди, технологии), и поворотом к нейронауке М. Кастельса [12]. Для Г. Ловинка социальное в контексте новых медиа — симулякр способности организовывать устойчивые взаимодействия, а характеристика big data как «ренессанса социальности» порождает цифровой позитивизм [1. С. 26, 36]: как только сбор данных завершен, они «говорят сами за себя», минуя концепты и теории.

Распутывая мифический клубок цифрового и социального, исследователь оказывается на распутье подходов: социальное а priori присуще цифровому; цифра порождает «новую социальность»; социальные медиа квазисоциальны, будучи производными технико-экономической материальности. Материальность со свойственными ей принципами даннофикации, манипулирования и коммодификации может быть невидима для исследователей, не анализирующих трансформирующуюся среду. Релевантны целям мифографического исследования два последних подхода к цифровой социальности, мистицизм которой оборачивается медийно-мифической компенсацией: конструируются мифы, которые формируют определенную точку зрения на то, как мы создаем и узнаем социальное в цифровом мире, маскируя наши возможности воображения, описания и принятия социального иными способами. Каждый миф нуждается в «распаковке» и особой логике интерпретации [7. С. 881].

Технологии новых медиа обуславливают сконструированный характер цифровой социальности, и действия в режиме онлайн не обязательно репрезентируют общество [24. С. 773]. Медиaplatformы создают не только условия для перформативного самопредставления в онлайн-сообществах, но и

грамматику предварительно структурированного (взаимо-)действия (лайк, твит, ретвит, пост, перепост, учетные записи, хэштеги и т.д.), которая стандартизирует его форму, но не влияет на интерпретацию в пользовательской среде [20. С. 261]. Социальные медиа как социотехнические пространства кодируют и агрегируют пользовательскую активность: социальность становится вычисляемой, а пользователи количественно определяются как новые социальные объекты и точки ввода данных [2]. Медиа формируют реальность как социальную и легитимируют этот процесс посредством мифостроительства: согласно социально-медийной мифологии пользователь становится деятельным субъектом [1. С. 50, 51].

Маркировка онлайн-платформ как социальных работает не только в качестве слогана: социальные сети опираются на социологические концепты — например, алгоритм Фейсбука, рекомендуемый друзей, основан на концепте тройственного закрытия Г. Зиммеля [20. С. 256], т.е. происходит сближение социологических теорий и технологической инфраструктуры социальных медиа. Впрочем, внедрение научных эпистемологий в разработку алгоритмов и аналитических инструментов остается сложной задачей из-за разнообразия дисциплин и эпистемологических культур. Н. Маррес и К. Герлицц предлагают рассматривать социальность новых медиа как результат экспериментального социального исследования [20]: цифровое общество не предлагает строгий набор социальных практик, а дает возможность изобретать. Новые формы социального, продвигаемые посредством цифровых технологий в ходе совместных усилий пользователей, разработчиков и владельцев платформ, а также исследователей социальных медиа, потенциально открыты для переосмысления.

От «мифа о медиатизированном центре» к «мифу о нас»

Н. Коулдри рассматривает диалектику медийного и социального сквозь призму мифа: институты, обладающие концентрированной властью (прежде всего медиа с присущим им влиянием на производство и циркуляцию символов), пытаются конструировать, упорядочивать и именовать реальность, создавая репрезентации социального [6. С. 13], — это мифотворчество [12. С. 1]. Мы также вовлечены в создание мифов, поэтому миф — более полезный термин, чем идеология [7. С. 881], и мифическим конструктам свойственны особые эффекты и специфический набор бенефициаров.

Коулдри определяет социальное как материалистское (обусловленное технологической инфраструктурой) и конструктивистское, апеллирует к концепции У. Сьюэлла, совместимой с акторно-сетевой теорией Б. Латура. В этом аналитическом ракурсе социальное — комплекс взаимосвязей индивидов, интерпретируемый с помощью метафор языковой игры и искусственной среды [22]. Ценностно-обусловленные, ориентированные на национальное государство представления о социальном производят властные отношения. Дерейфицируя

эти конструкты (преодолевая овеществление и коммерциализацию), социальная наука приходит к объективному пониманию социальности.

Придерживаясь постдюркгеймианских, антифункционалистских интенций, Коулдри пытается развенчать миф «о медиатизированном центре» [6]. Вдохновляясь идеей С. Холла об идеологии как здоровом смысле, «что происходит на глазах всех людей» [16. С. 325] и подозревая искусственный характер «популярного», он обнаруживает идеологизированность и мифичность в явной, открытой работе социальных платформ и обличает миф о «нас» [8]. Миф о медиатизированном центре, основанный на архетипах центра и периферии, указывает на структуризацию повседневности вокруг потоков медиаконтента. В основе мифа — идея, что медиа находятся в сердцевине социального [12. С. 2; 6. С. 2, 45]: обществу присущ «центр» ценностей, знаний и смысла, а медиа обладают привилегиями в предоставлении доступа к нему [7. С. 882]. Миф легитимирует символическую власть массмедиа, поддерживается медиа ритуалами, организованными вокруг определенных категорий и границ (медийные персоны, события и паломничества, реалити-телевидение, ток-шоу, присутствие/отсутствие в медиа) в особом пространстве [6; 9]. Для Коулдри медиа ритуалы — это социальные формы, опосредующие возможность действовать совместно и «натурализующие» концентрацию символической власти в централизованных институтах медиа [6. С. 20, 136]. Медиа ритуалы воспроизводят асимметрию символической власти медиа (иерархические различия, встроенные в медийный дискурс, между теми, кто внутри и снаружи медиа) [6. С. 144; 8. С. 641]. Мифическое ощущение медиа как «окна в мир» отвлекает от воображения иных форм социальной организации, не ориентированных на медийный дискурс.

В цифровую эпоху на смену трактовке медиа как ресурса доступа к «центру» общества (трансляция единого контента для аудитории из сердца социальной жизни) приходит «миф о нас» (платформенная социальность, межличностные интеракции пользователей) — миф о сообществах, которые мы формируем, когда используем социальные платформы [8. С. 641]. Социальные сети предлагают новую форму центральности, «жизненности», опосредованную нами, а не медиа, производящими контент [7. С. 884], что разрушает предшествующий мифический дискурс. Миф о естественной общности примечателен тем, что в нем традиционные медиа выпадают из картины мира [9. С. 620], а обличение мифа затруднено коммерческим стремлением цифровых медиа предоставлять привилегированный доступ к социальному на основе таргетинга.

Коулдри полагает, что большинству исследований цифровых сетей свойственен теоретический пробел в изучении социального, который компенсируется созданием и распространением мифа о естественной коллективности, общности [9. С. 610, 612]. Представители сетевой науки постулируют имманентность социального цифровым сетям, не предлагая социологического объяснения ресурсов, контекста действий и структур возможностей,

необходимых для устойчивой мобилизации в сетевом обществе. Идея восполнения недостающего социального медийным контентом заимствована у К. Кнорр-Цетины [18. С. 527–529]. Для изучения цифровых трансформаций социальности Коулдри использует «оптику» У. Беннетта и А. Сегерберга, выделивших связующее («коннективное») действие пользователей. Согласно Коулдри в эпоху цифровых технологий медиа мифологизируют социальное способами, аналогичными мистификации «центра» современных наций-государств [9. С. 614]. Трансформируется технико-экономический контекст: появляются медиа, обладающие символической властью, получающие прибыль за счет внедрения бизнес-платформ. Социальный проект медиакомпаний прост: переместить социальный трафик в сетевую инфраструктуру, где он станет отслеживаемым и управляемым, для получения прибыли [12. С. 3]. Мощные медиа корпорации (Google, Facebook) выступают в качестве привратников цифровой экономики и онлайн-активности, управляют потоками контента и данных, алгоритмами поиска, вертикально интегрированными цепочками платформ, предлагая другим компаниям воспользоваться их сервисом по аутентификации пользователей [12. С. 4].

Социальные платформы — перформативная цифровая инфраструктура для онлайн-интеракций, протьюмеризма: ее разработчики предоставляют доступ к площадке и, в итоге, обладают привилегиями в регистрации, сборе, обработке и монетизации данных о коммуникативном поведении пользователей, устанавливают и контролируют правила взаимодействия. В качестве элементов «экосистемы» платформы выступают алгоритмы, протоколы и настройки по умолчанию [19. С. 653–654]. Автоматизированные механизмы платформ определяют воспроизводство социальной онлайн-среды посредством алгоритмического отслеживания любых взаимодействий.

Получается, что социальным знанием обладают не социологи, а владельцы цифровых платформ, алгоритмисты, эксперты и аналитики стэков, «продающие» аудиторию рекламодателям. Коулдри стремится изучить, как платформы предлагают свою версию социальности (алгоритмически определенную онлайн-конфигурацию) и побуждают пользователей внедрять ее. Он не отрицает социальное, но видит опасность для коллективной жизни во взаимодействиях, из которых извлекается прибыль. Социальное, которое платформы обеспечивают и делают видимым, часто не существует ни до них, ни за их пределами: формы коллективности, обнаруженные по цифровым следам на сайтах, не универсальны [7. С. 885; 9. С. 621]. Онлайн-взаимодействие замещает социальную интеракцию, будучи следствием технико-экономической материальности. Алгоритмически переработанное социальное встраивается в габитус индивидов с прямыми выгодами для накопительных стратегий коллективных акторов.

Правдоподобность мифической «истории о нас» достигается в ходе последовательной работы новых медиа над нарративами, маркирующими пространство социальных сетей («здесь») как типичное и неизбежное место

встречи. Для Коулдри такая «естественность» парадоксальна, поскольку скрывает концентрацию символической власти в цифровых медиа: «нет никакой общности в социальных сетях, пока платформы не привлекут “нас”, чтобы мы использовали и ссылались на них» [7. С. 885; 9. С. 620]. Платформы предлагают цифровые способы «быть вместе» и извлекают прибыль из сетевой общительности — их экономическая ценность основана на идее естественной коллективности: срабатывает «сетевой эффект» платформ, расширение пользовательской среды, означающее популярность и прибыльность цифровых медиа, их склонность к монопольным форматам. Ключевой момент в зонтичном социально-сконструированном термине «платформа» состоит в том, что он уравнивает коммерческий и аудиторный дискурсы, создает интерфейс между повседневными социальными интеракциями и коммерчески ориентированным трекингом (мониторингом пользовательской активности в цифровых медиа).

В рамках мифического нарратива «о нас» транслируется картина социального порядка, в формировании которого задействованы владельцы платформ, традиционные и новые медиа, комментирующие цифровое социальное, и пользователи [9. С. 621]. Любой мифический нарратив сближает своих создателей, создает смыслы для тех, кто участвует в его создании. Бенефициары мифа «о нас» — владельцы платформ [7. С. 881], поскольку пользователи определяют, что значит объединяться и быть социальными, в терминах, которые платформы могут продать рекламодателям. Миф «о нас» не является символом веры — это базовая ориентация, поскольку мы «становимся самими собой» на платформах, предлагающих такую опцию. Нарратив мифа описывает новую схему распределения ресурсов и организации акторов в условиях неолиберальной модели рынка и поиска новых форм политического участия [12. С. 3].

Как отмечает Коулдри, миф несет опасность для понимания онлайн-политики, поскольку риторика платформенного капитализма маскирует материальную и техническую инфраструктуру, от которой зависит жизнь цифрового поколения [9. С. 622]. Медийный дискурс искажает онтологию сетевого пространства-времени и платформенной коллективности, которая ставит важные вопросы о том, как и где воспроизводятся социальные ресурсы и отношения власти, какие сети (онлайн/офлайн) значимы в цифровом обществе. С помощью нарратива «о нас» медиа создают идиллическую картину естественной общительности без конфликтов, асимметрии власти, практик сбора и продажи данных, с пользовательским контролем продуктов деятельности. Миф скрывает практики сопротивления материальным последствиям сетевой логики (творческая апроприация, критика) и имплицитно требует взвешенной оценки онлайн-социальности в цифровых сетях, не обязательно порождающей политические траектории, а также анализа социокультурных условий, в которых сетевые действия порождают политические эффекты, необходимые для конструктивной политики в долгосрочной перспективе. Коулдри

призывает искать свидетельства более широкого мифического нарратива, который натурализует растущую тенденцию цифровой публики действовать внутри социальных платформ: не стоит отказываться от языка социального — нужно исследовать иные способы быть социальным, которые трудно отследить и которые не являются источником экономической стоимости.

Мифология больших данных (big data)

Мейнстримный статус дискурса о больших данных требует деконструкции, проблематизации и денатурализации, что стимулирует нормативные и эпистемологические дискуссии [13. С. 4474]. Технологически-ориентированное понимание зонтичного термина big data, подчеркивающее его экономический потенциал, предлагает усеченное объяснение явления: большие данные — не просто технология, но и мифология, которую нужно подвергать сомнению. Метафора big data проделала значительную дискурсивную работу: большие данные могут быть как маркетинговым термином и техно-утопическим видением, так и материальным явлением. Акцент на мифологичности данных делает видимыми способы работы мифических нарративов. По Р. Барту, ключевая функция мифа — натурализация верований и убеждений, которые становятся невидимыми и потому не подлежащими сомнению (социальное маскируется под естественное), хотя они скрывают непрозрачные режимы контроля и управления.

Миф о больших данных возник вследствие трансформации эпистемической конфигурации социального знания. Д. Бойд и К. Кроуфорд характеризуют большие данные как культурный, технологический и научный феномен, основанный на взаимодействии технологий, аналитики и мифологии [4. С. 663]. Мифический конструкт big data содержит эпистемологическое допущение, что большие данные предполагают более развитую форму интеллекта и знаний, генерирующую лучшее понимание мира с аурой правды, объективности и точности. Эта мифология развенчивается критическими тезисами: big data трансформируют эпистемологию социального знания, вне контекста теряют значение и ценность, порождают цифровое неравенство, а их доступность не снимает этических проблем; претензии на объективность и точность big data вводят в заблуждение — большие данные не всегда лучшие данные [4].

Бойд и Кроуфорд утверждают, что big data меняют мышление на эпистемологическом уровне, перефразируя ключевые вопросы о знаниях и исследовательских процессах. Инструменты анализа и обработки больших данных имеют ограничения, заданы специфической технической конфигурацией и формируют измеряемую реальность. Сам термин «наука больших данных» — мифологический артефакт [15. С. 1664]: подразумевается, что архитектура научного исследования трансформируется по мере изменения объема, скорости и способа генерирования big data. Большие данные — полученные в режиме реального времени посредством цифровых технологий безопросные большие массивы, генерируемые без вмешательства социолога нереактивными методами. Кроуфорд также подчеркивала проблему «фундаментализма

данных» — когда каузальность сводится к корреляции, а массивы и прогнозы всегда точны [14]. Вера в существование универсальной истины отражает сложности поиска методов, которые можно использовать для познания и понимания социального мира.

Претензии на объективность big data основаны на субъективных наблюдениях и выборе [4. С. 667]. По мнению энтузиастов, провозглашающих революцию больших данных, статистические алгоритмы обнаруживают паттерны там, где их не может найти наука, поэтому big data символизируют новый этап эмпирического производства социального знания — отказ от исходных теоретических предположений. «Новая наука» вводит индуктивность в дизайн исследования, стремясь развить гипотезы, «рожденные из данных», а не сформулированные на основе теории, поэтому аналитика больших данных не требует опоры на концепты. Подобный мифический дискурс таит надежду, что большие данные позволят упростить анализ социального. В отличие от эмпирической эпистемологии доказательная социальная наука строится на аналитической интерпретации данных исследователями, понимании ограничений массивов и риска вывести ложные закономерности. Р. Китчин предлагает гибридный подход, который использует преимущества индуктивного, дедуктивного и абдуктивного мышления для разработки теорий и гипотез, исходя из данных [17. С. 5–7]: вместо восприятия потока данных как «конца теории» это подход сочетает альтернативные методы производства концептов с интенсивным использованием цифровых артефактов.

Принцип big-исследователей «чем больше, тем лучше» не всегда срабатывает. Большие массивы не способны восполнить отклонения отдельных параметров. Социальные сети делают свои данные доступными через API-интерфейсы, но их контролируют владельцы и разработчики, которые определяют, какие типы ресурсов или функциональных возможностей доступны, кто может их использовать. Facebook, VKontakte и Twitter позволяют пользователям через свои API считывать, управлять и обновлять данные: ставить отметку «нравится», писать комментарии, создавать сообщения, редактировать новостную ленту, скачивать информацию из постов на стенах онлайн-сообществ, автоматически загружать доступные данные. Однако big data свойственны ошибки репрезентативности, контекста и медиации, большой массив может «затенить» ключевые идеи. Соответственно, аналитика big data предполагает «чистку» данных: принятие решения о том, какие переменные будут учитываться, а какие игнорироваться, какой контекст будет приниматься во внимание (реальные социальные сети отличаются от их поведенческих сетей, отслеживаемых через цифровые следы [4. С. 671]).

Идея «сырых» данных оказалась проблематичной — данные «готовятся» по определенной «рецептуре» и используются в заданном контексте. Используя «кулинарный треугольник» К. Леви-Стросса, Т. Белсторф подчеркивает, что данные могут быть не только «приготовленными», но и «сгнившими» — подобная трактовка позволяет отслеживать преднамеренные и случайные

ограничения генерации, обработки и использования big data. В этом контексте «сгнившие» — данные, полученные не по заранее установленным алгоритмическим «рецептам». С другой стороны, мы можем думать о данных не только как о «сырых», «приготовленных» или «сгнивших», но и как о контекстуально «насыщенных» («насыщенное описание» К. Гирца) [3].

Нейтральная парадигма даннофикации, т.е. преобразования социальных практик в количественные цифровые данные, предполагает управление и «нормализацию» данных [25. С. 198] — превращение их в полезные и продаваемые знания. Даннофикация подразумевает систематизацию и количественную оценку разных аспектов реальности, социальных взаимодействий в формате цифровых данных, что позволяет отслеживать их в режиме реального времени и делать прогнозы. Например, Google Analytics помогает владельцу сайта узнать, какие страницы, разделы веб-ресурса, а также продукты или услуги вызвали интерес у пользователей, по их цифровым следам. Риторика big data содержит примеры их метафорической интерпретации в качестве экономического ресурса и новой эпистемологии. Натурализация даннофикации достигается посредством описания данных как ценного сырья в свободном доступе, которое можно добыть, обработать и трансформировать в экономический актив (товар, капитал) вне связи с его создателем: «данные — это новая нефть или золото», «поток данных», «извлечение данных», «облако» (место хранения данных) [13. С. 4475; 11. С. 337–339].

Посредством репрезентации данных как природных ресурсов, готовых к промышленному использованию, торговля и обмен ими становятся естественными и привычными для пользователей. Будучи «сырьем», данные не имеют ценности и не приносят пользу, если не используются на практике. Метафора легитимирует рутинизацию сбора цифровых артефактов и инфраструктуру их использования: big-исследователи склонны говорить о данных как естественных цифровых следах, неосознанно оставляемых пользователями, и социальных платформах как нейтральных посредниках [25. С. 199]. Эта трактовка big data противоречит их фильтрации и алгоритмическому манипулированию. Посредством «натурализации» и «деперсонализации» больших данных метафоры скрывают, что медиапроцессами управляют стейкхолдеры, а данные и big-аналитика — прибыльный бизнес (Google, Facebook, Netflix и т.д.) [21. С. 28].

Доступность данных имеет ограничения, которые необходимы для обеспечения конфиденциальности, не нейтральны и data-технологии. Цифровое неравенство наблюдается по трем осям: создатели, сборщики и аналитики. Цифровой капитал достается не производителям данных, а тем, кто может использовать их для производства ценности, прогнозирования и манипулирования [13. С. 4475]. Доступ к большим данным является привилегией акторов, связанных с корпорациями или исследовательскими проектами [4]. Неравенство в сфере big data требует цифровой социализации, направленной на формирование новых видов ИТ-грамотности.

Асимметрию власти, свойственную коммодификации данных, отражает метафора «данноколониализма», противостоящая цифровому фронтеризму [23. С. 992, 998–999]. Метафорический конструкт «сетевой (электронный, цифровой) фронтир», возникший на основе интеграции теории Ф.Дж. Тернера о подвижной границе осваиваемого пространства и концепта М. Кастельса о сетевом обществе, означает динамичную границу сетевого онлайн-пространства, которая перемещается по мере того, как пользователи овладевают сетевыми практиками. Завоевание электронного фронта зависит от того, насколько успешно люди используют цифровые технологии и встраиваются в сетевую реальность. Метафора формирует позитивное представление о покорении онлайн-пространства: жители фронта выступают в качестве акторов, а не колонизированных субъектов — создают поселения, формируют виртуальные общности, используют новые web-ресурсы. Напротив, согласно метафоре данноколониализма, пользовательские действия фиксируются и трансформируются владельцами платформ с целью продажи данных рекламодателям и иным заинтересованным сторонам. При этом результаты агрегирования и интерпретации данных якобы являются типичной формой социального знания, а не коммерческой добычей big data компаниями, располагающими необходимой инфраструктурой. Колонизаторскую политику ведут корпорации-собственники цифровых технологий, которые обладают инструментами сбора, обработки и анализа данных (цифровой информации, генерируемой пользователями). Данноколониализм основан на коммодификации отношений производства и потребления big data, коммерциализации социального в формате обработанных данных, асимметрии власти между теми, кто создает данные, и платформами, получающими прибыль от данных, коммерчески ориентированной количественной оценке социальной жизни с целью получения прибавочной стоимости.

Компании, считающие данные товаром, отчуждаемым от производителя (пользователя), ориентированы на экономический рост и наращивание цифровых артефактов. Превращение big data в товар происходит посредством приватизации данных разработчиками приложений и заключения пользовательских соглашений. После подписания подобных контрактов данные извлекаются без согласия и справедливой компенсации для их производителей, т.е. капитализм колонизирует ранее не коммодифицированные пространства [23. С. 994] (так технологические корпорации — Facebook и Google — осваивают территории Индии и Африки). Данноколониализм нормализует, делает «естественной» и «необходимой» эксплуатацию людей в результате захвата данных как «природного ресурса», который находится в свободном доступе, не является дефицитным и легко отчуждается от владельца, а также на основе идеологии данноизма и корпоративной концентрации прибыли. Вместо того чтобы брать деньги с пользователей за использование web-сервиса, владелец платформы (колонизатор) собирает данные, непрерывно их отслеживая, фиксируя, сортируя и подчитывая [11. С. 338, 340].

Современный дискурс big data трансформирует понятие агентности в условиях даннофицированного социального мира [13. С. 4478]. Цифровые технологии расширяют сферу наблюдения — дискуссии об этических вызовах big data связаны с мониторингом (мета)данных [3]. Практики даннофикации легитимированы данноизмом — верой в объективность квантификации и прозрачность мониторинга посредством цифровых технологий и доверием к институциональным агентам, осуществляющим сбор, анализ и распределение (мета) данных [25. С. 198, 204]. Коммерческое использование больших данных привело к признанию даннофикации новой парадигмой в науке и обществе: использование big data в науке повышает доверие к их сбору в коммерческих целях; популяризация даннофикации «нормализует» наблюдение, оценку и прогнозирование поведения пользователей на основе онлайн-данных.

Согласно Коулдри миф о больших данных бросает вызов идее, что социальное — это то, что мы можем интерпретировать. Долгосрочные последствия этого мифа принимают две формы: переопределение оснований социальной онтологии и критика алгоритмического социального знания [10. С. 236–237]. В интерпретации Коулдри мифический big-data-конструкт воспроизводится пользователями и вписывается в корпус мифов, «натурализирующих» символическую власть медиа, включая сборщиков и аналитиков данных [7. С. 887–888]. Для Коулдри оспаривание мифа о больших данных с помощью «социальной аналитики» означает подтверждение принципов герменевтики веберианской социальной науки, ориентирующей на понимание смысла социального действия, что ведет к «расколдовыванию» цифрового мира [21].

***

Платформы социальных медиа предоставляют новые возможности и устраняют прежние ограничения коллективности: их бизнес-модель построена на монетизации толпы. Аналитика big data связана с трансформацией медиа: платформы используют массивы данных для выявления трендов пользовательского поведения с целью получения прибыли, т.е. за конструктом big data скрываются экономические интересы. Наша мифическая коммуникабельность контрастирует с количеством и качеством вмешательств диффузной власти цифровой социальности. В подобных условиях следует ли нам придерживаться мифов ради обещанной безопасности? (Мета)данные стали привычной валютой для оплаты услуг и безопасности. Встроенные алгоритмы отслеживания и прогнозирования онлайн-перемещений могут указать пути конструирования социального в реальности, однако этот процесс непрост и не исключает оспаривания или сопротивления. Кроме того, очевидно противоречие между мифом «о нас» и мифом о больших данных: сетевое «мы» делает возможным «большие данные», но именно они перечеркивают воображаемое обещание «нас», подвергая «нас» корпоративному захвату и государственному контролю. Несомненно, дискуссии о

нормативных последствий агрегирования и обработки данных будут продолжаться, поскольку затрагивают основания нового социального знания и данофицированного социального порядка.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества».

Библиографический список / References

- [1] Ловинк Г. Критическая теория интернета. М., 2019 / Lovink G. *Kriticheskaia teorija interneta* [Critical Internet Theory]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [2] Alaimo C., Kallinikos J. Computing the everyday: Social media as data platforms. *Information Society*. 2017; 33 (4).
- [3] Boellstorff T. Making big data, in theory. *First Monday*. 2013; 18 (10).
- [4] Boyd D., Crawford K. Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, Communication & Society*. 2012; 15 (5).
- [5] Clough P., Gregory K., Haber B., Scannell R.J. *The Datalogical Turn. Non-Representational Methodologies: Re-Envisioning Research*. London–New York; 2015.
- [6] Couldry N. A necessary disenchantment: Myth, agency and injustice in a digital world. *Sociological Review*. 2014; 62 (4).
- [7] Couldry N. Illusions of immediacy: Rediscovering Hall’s early work on media. *Media, Culture and Society*. 2015; 37 (4).
- [8] Couldry N. *Media Rituals: A Critical Approach*. London; 2003.
- [9] Couldry N. The myth of “us”: Digital networks, political change and the production of collectivity. *Information, Communication & Society*. 2015; 18 (6).
- [10] Couldry N. *The Myth of Big Data*. The Datafied Society. Studying Culture through Data. Amsterdam; 2017.
- [11] Couldry N., Meijas U. Data colonialism: Rethinking big data’s relation to the contemporary subject. *Television & New Media*. 2019; 20 (4).
- [12] Couldry N., van Dijck J. Researching social media as if the social mattered. *Social Media + Society*. 2015; 1 (2).
- [13] Couldry N., Yu J. Deconstructing datafication’s brave new world. *New Media & Society*. 2018; 20 (12).
- [14] Crawford K. The hidden biases in big data. <http://blogs.hbr.org/2013/04/the-hidden-biases-in-big-data>.
- [15] Crawford K., Miltner K.M., Gray M.L. Critiquing big data: Politics, ethics, epistemology. *International Journal of Communication*. 2014; 8.
- [16] Hall S. Culture, the media and the “ideological effect”. *Mass Communication and Society*. London; 1977.
- [17] Kitchin R. Big data, new epistemologies and paradigm shifts. *Big Data & Society*. 2014; 1 (1).
- [18] Knorr-Cetina K. Post-social relations: Theorizing sociality in a post-social environment. *Handbook of Social Theory*. London; 2001.
- [19] Markham A.N. Ethnography in the digital era: From fields to flow, descriptions to interventions. *Sage Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks; 2017.
- [20] Marres N., Gerlitz C. *Social Media as Experiments in Sociality. Inventing the Social*. Manchester; 2018.
- [21] Ossewaarde M. Digital transformation and the renewal of social theory: Unpacking the new fraudulent myths and misplaced metaphors. *Technological Forecasting and Social Change*. 2019; 146.
- [22] Sewell W. *Logics of History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago; 2005.

- [23] Thatcher J., O’Sullivan D., Mahmoudi D. Data colonialism through accumulation by dispossession: New metaphors for daily data. *Environment and Planning D: Society and Space*. 2016; 34 (6).
- [24] Treem J.W., Dailey S.L., Pierce C.S., Biffi D. What we are talking about when we talk about social media: A framework for study. *Sociology Compass*. 2016; 10 (9).
- [25] Van Dijck J. Datafication, dataism and dataveillance: Big data between scientific paradigm and ideology. *Surveillance & Society*. 2014; 12 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-239-251

Media mythology of the social in the contemporary society*

N.V. Plotichkina

Kuban State University
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia
(e-mail: oochronos@mail.ru)

Abstract. The article considers the media mythologization of the social: the media create representations of the world as a place for power struggle and suggest various versions of sociality which are legitimized in mythical narratives. Academic arguments emphasize the complexity of the social, the necessity of its theorization and dereification in the digital context. The study of the social/media dialectic reveals three myths — of natural collectivity, of the mediated center and of big data. The myth of the mediated center is a double construct: a narrative about the center of knowledge, values and meanings in society which produces normative or descriptive truth; and a mythical narrative of the media as representing society to its members and having a privileged access to the center of the social reality. This myth legitimizes the symbolic power of the mass media and is supported by rituals. The myth of ‘us’ aims at ‘naturalizing’ the network sociality, convincing users of the naturalness of its contacts, interactions and communities, providing the sense of cohesion and constructing a digital identity. The myth of ‘us’ is a narrative about collectivity determined by the joint efforts of users and designers of social platforms. This myth hides the decay of the social in the digital reality and indicates its media-mythical compensation. Big data represent new landscapes of objects, methods of cognition and definition of sociality. Big data is not only a source of knowledge, innovation and change but also a mythology which should be critically examined. The article considers different approaches to the analysis of big data mythology developed within the interpretation of digital artifacts as a reflection of the social context and the best form of social knowledge. This myth presents its version of sociology — with new epistemology, ethics and methodology — and hides other sources of knowledge about sociality in the digital media (mythologizes data policy (agency), economics, ethics and epistemologies).

Key words: mythologization; digital mythology; social media; myth of us; myth of the mediated center; social; mythology of big data

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No 18-011-00975 “The subjective space of politics: Opportunities and challenges for the network society”.

---

* © N.V. Plotichkina, 2020.

The article was submitted on 08.10.2019. The article was accepted on 21.01.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-252-262

На пути устранения теоретических затруднений социологии морали*

А.А. Санженakov

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
(e-mail: sanzhenakov@gmail.com)

Цель статьи — обозначить теоретические затруднения социологии морали и возможные варианты их разрешения. Актуальность темы обусловлена необходимостью научного изучения моральной составляющей современного общества для выработки инструментов предотвращения его дегуманизации. В задачи социологии морали входит эмпирическое исследование форм реализации различных моральных феноменов (справедливость, долг, совесть) в пространстве социума. Социологическое изучение моральных фактов включает в себя на первом этапе наблюдение и сбор данных, а на втором этапе — их обобщение и выявление закономерностей. При этом мораль рассматривается как один из компонентов общества и потому подвергается анализу не сама по себе, а в связи с другими общественными отношениями. Одна из сложностей такого исследования — амбивалентная природа морали, т.е. ее реализуемость как в общественном, так и в индивидуальном сознании: игнорируя индивидуальный модус морали, социологи искажают содержание моральных фактов. Другой причиной теоретических затруднений в исследовании морали является тот факт, что социологи опираются на устаревшие представления, например, о характере моральной истины и об исследовательской непредвзятости — считается, что моральные суждения не могут расцениваться как истинные или ложные, а исследователь должен выносить за скобки собственные ценностные установки при сборе и анализе данных. Устранение этих затруднений чревато утратой специфики социологического исследования и слиянием социологии с моральной философией. Перед разработчиками «новой социологии морали» стоит задача реформирования этой области с сохранением присущего социологии статуса самостоятельной научной дисциплины. Один из способов решения этой задачи — обращение к аналитической философии, в частности, к концепции морального реализма, согласно которой моральные качества представляют собой качества реально существующих вещей, а моральные истины имеют такой же статус, что и научные истины.

Ключевые слова: общество; мораль; этика; социология морали; аналитическая этика; моральная истина; моральный реализм

Первопроходцы социологии считали, что мораль, будучи одним из основных аспектов человеческих отношений, представляет собой базовую матрицу для построения любого общества. Поскольку мораль как феномен может возникнуть только в социальном пространстве, она, наряду с другими общественными феноменами, неизбежно становится предметом социологического анализа. Согласно А. Смитю (1) слова «социальный» и «моральный» могут использоваться взаимозаменяемо. «Источником морали, по Э. Дюркгейму (2), является общество, превосходящее индивида по силе и авторитету. Именно оно

* © Санженakov А.А., 2020.

Статья поступила 29.12.2019 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

требует от индивида моральных качеств, особо важными среди которых считались готовность к самопожертвованию и личное бескорыстие. Дюркгейм оценивал мораль как реальную, действенную, практическую силу. Общество призвано прилагать усилия для того, чтобы сдерживать биологическую природу человека, вводить ее в определенные рамки с помощью морали и религии» [9. С. 134]. Н. Луман отмечал, что моральная коммуникация является лишь одним и далеко не единственным способом построения общества. Более радикальных взглядов придерживается Ю. Хабермас, для которого коммуникация и мораль оказывают равнозначное влияние на общество.

Специфика социологии морали

В задачи социологии морали входит эмпирическое исследование форм реализации моральных феноменов (справедливость, долг, совесть). В самом общем виде социологическая работа с моральной стороной общественных отношений включает в себя на первом этапе наблюдение и фиксацию моральных фактов в их социальной ипостаси, а также сбор свидетельств, отражающих моральные убеждения той или иной группы, на втором этапе — обобщение данных и выявление закономерностей. «Социология морали исследует мораль не просто как отдельный самостоятельный социальный феномен, а прежде всего как составную часть, компонент социальной системы. Для социологии морали главным является исследование системы социальных связей морали и общества, влияние морали на функционирование общественных отношений» [9. С. 119].

В отличие от психологов и нейрочеловеков, социологи предпочитают опираться на «широкие», а не на «узкие» концепции морали (так мы переводим устоявшуюся в англоязычной литературе терминологию — *thick and thin moral concepts*) [23]. Узкие концепции морали обычно рассматривают допустимость определенного образа действий в конкретных (часто гипотетических) ситуациях. Исследователи, работающие в рамках данного понимания морали, могут поставить вопрос, например, о допустимости убийства одного человека для спасения пятерых. Узкое понимание морали предполагает относительно простые моральные суждения о добре, зле, допустимости и уместности тех или иных действий, в то время как широкая трактовка морали включает в себя обширный спектр проблем и предполагает обсуждение разнообразных добродетелей и пороков. Проще говоря, узкое понимание морали касается конкретных ситуаций, а широкое понимание морали подразумевает поиск ответа на вопрос, как быть хорошим человеком (или какое общество является справедливым). Поскольку социологов больше интересует, как люди выстраивают долгосрочные стратегии поведения, чем то, как они делают выбор в каждом отдельном случае, они опираются на широкие концепции морали.

В советской и постсоветской науке интерес к социологии морали был достаточно высок [11; 20], в современной исследовательской литературе он сохраняется [4; 10; 19]. При этом как в прошлом, так и в нынешнем веке

разговор о методологии социологического исследования нравственности (3) неизменно сопровождается указанием на ряд затруднений, свойственных этой дисциплине.

Предметно-методологические затруднения

Источником этих затруднений является сам предмет исследования — мораль: о ней «легко судить до тех пор, пока она не становится предметом социологического наблюдения» [3. С. 69]. Проблематичность социологии морали проистекает не столько из внешних факторов, сколько из самого предмета и инструментария, с помощью которого мы его исследуем. «Опросные методы останавливаются перед моральной проблематикой в недоумении: те состояния сознания, которые можно назвать моральными (совесть, честь, стыд, доброе и злое намерения, самоотверженность, подлость, зависть, злоба, ресентимент), скрыты от самого сознания почти непроницаемым экраном защитных механизмов (рационализацией, трансфером, вытеснением, проекцией, замещением)» [3. С. 69].

Другой спецификой морали, затрудняющей ее социологическое исследование, выступает амбивалентность — мораль реализуется одновременно в общественной и индивидуальной формах сознания. «С одной стороны, мораль является надиндивидуальной реальностью и предстает как “вещь”, отграниченная от свободного волеизъявления. С другой — моральное действие возможно только как действие трансцендентального “я”. Здесь возникает фундаментальная проблема эпистемологии социальных наук: превратить моральные нормы в предмет научного исследования (социологии морали) нельзя без превращения трансцендентального “я” в вещь» [18. С. 92]. В связи с этим Р.Г. Апресян обращает внимание на первенство этики личности над общественной этикой — «этика общества» раскрывается через «этику личности», что ставит под сомнение обоснованность социологического подхода к морали: «моральная философия обращена к изучению идеальных моральных форм и их актуализации в качестве личностных задач. За редким исключением моральная философия представляет собой анализ идеальных форм и того, как они осуществляются или должны осуществляться на уровне личности. Общество при этом также могло рассматриваться как возможный предмет философско-этического анализа, но на деле “этика общества” раскрывается на языке этики личности и осваивается в формах, сопряженных с бытием личности» [1. С. 3].

Перечисленные затруднения методологического плана привели к тому, что с середины XX века интерес социальной философии к моральной составляющей общественных отношений постоянно снижался. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты контент-анализа (понятия «мораль» и «моральность») публикаций в журналах «*American Journal of Sociology*» и «*American Sociological Review*» за период с 1895 по 2011 годы, представленные в статье «Новая социология морали» [26]. По мнению ее авторов,

снижение интереса к проблематике морали с 1950-х годов по настоящее время обусловлено несколькими факторами. Во-первых, благодаря теории «морального консенсуса» Т. Парсонса мораль становится синонимом конформизма, а акцент на интернализации и подчинении нормам плохо согласовывался с развитием социологии в 1960-е годы — в направлении к таким темам, как власть и политические ресурсы. Во-вторых, развитие статистического анализа, вероятно, также сыграло свою роль, поскольку моральные факты и понятия труднее измерить, нежели доход, возраст и образование. В-третьих, изучение социальных конфликтов и расслоения в обществе обусловило игнорирование моральных вопросов, поскольку последние якобы скрывают «истинные интересы» членов общества. И, в-четвертых, развитие нейронауки и исследование моральных дилемм с точки зрения нейропсихологии привели к тому, что решение моральных вопросов перешло с общественного уровня на уровень отдельного сознания [26. Р. 52–53].

Теоретико-философские затруднения

Часть затруднений социологии морали объясняется неверными теоретическими установками социологов. Так, Г. Абенд [24] полагает, что социологи исходят из упрощенных или устаревших этических теорий, следствием чего является непонимание сути морали и того, как она должна изучаться с научной точки зрения. В качестве примера он называет две проблемы, которые социологи решают в рамках «веберовской парадигмы»: моральной истины и аксиологической независимости. Согласно этой парадигме к моральным суждениям неприменимы категории истинности и ложности: можно *считать*, что высказывание «нельзя есть людей» является ложным или истинным, но само это утверждение не может *быть* истинным или ложным [24. С. 88]. Вторая проблема сводится к тому, что исследователь якобы должен обладать непредвзятым мнением и максимально беспристрастно оценивать эмпирический материал, не привлекая собственных моральных и ценностных суждений. Оба эти положения для современных моральных философов сомнительны. В философии наблюдается отчетливая тенденция сближения и даже отождествления моральных и эпистемических фактов. Например, шведский философ Т. Тэннхо утверждает, что высказывание « $5+7=12$ » равнозначно по истинности высказыванию «нельзя пытать невинных детей ради забавы»: оба высказывания истинны в равной степени, поскольку моральные поступки и оценки являются объективно хорошими, плохими, правильными и неправильными [27].

Точно так же сомнению подвергается тезис о невмешательстве исследователя в процесс сбора и обработки эмпирического материала. Самих по себе эмпирических данных недостаточно, чтобы сделать выбор между конкурирующими теориями, предлагающими разные интерпретации этих данных. К тому же процесс восприятия при сборе данных оказывается теоретически и аксиологически нагруженным. Исходя из работ Х. Патнэма и Б. Уильямса,

можно заключить, что различие между фактами и ценностями не является столь критичным, как было принято считать прежде [24. С. 89].

Если социологи «веберовской парадигмы» признают, что понятие истинности приложимо к моральным фактам и высказываниям и что наблюдатель не является ценностно отстраненным и потому влияет на процесс сбора данных, то им придется примкнуть к лагерю «дюркгеймовской парадигмы», где имеются свои теоретические затруднения. Вероятно, самое значительное из них состоит в том, что отрицание двух вышеописанных принципов устраняет различия между научным и философским, объективным и нормативным, внешним и внутренним, т.е. стирает границу между социологией и моральной философией [24]. Таким образом, задача сводится к тому, чтобы провести ревизию теоретических представлений социологов о моральной истине и статусе ценностных суждений, но сделать это так, чтобы социология не утратила свой научный подход. Для этого может быть полезным обращение к аналитической философии и ее идеям о морали и этике, потому что именно представители аналитической философии последовательно и неотступно проповедуют сциентизм и объективизм. Ориентированность на научность делает аналитическую философию наиболее привлекательным союзником для социологии, поскольку она нацелена на научное знание.

Аналитическая этика

Аналитическая философия имеет насыщенную историю, состоящую из множества этапов и течений (4). Применительно к аналитической этике это привело к тому, что неопозитивистский лингвоцентризм с отказом от метафизики и сведением ценностных высказываний к «бессмысленности» был заменен «аналитическим стилем мышления», предписывающим «необходимость соблюдения в философских построениях “обычных”, “примитивных” правил логики, отказа от использования многозначных слов, метафор, риторики и пр.» [15. С. 7]. В связи с этим неудачны попытки свести аналитическую этику к метаэтическим изысканиям, направленным на прояснение языка морали, хотя в большинстве случаев именно с метаэтикой ассоциируются этические исследования аналитических философов. Сегодня оправдано расширение аналитической этики посредством «метафизических, конкретно-научных (социологических, психологических и пр.) и нормативно-ценностных компонентов, от которых раньше она отстранялась» [14].

Первоначально аналитические философы были критически настроены по отношению к этике. Суть их критики сводится к тому, что все этические системы допускают «натуралистическую ошибку», понимая моральное добро как некое качество естественного предмета [17. С. 69]. Этой ошибки не избежали даже те системы, что видели в качестве основания своих этических положений метафизику (5). Другой вектор критики связан с антипсихологизмом: Дж. Мур полагает, что идея морально должного не является психологической, и моральная философия не может быть частью психологии

[17. С. 346]. Примечательно, что усилия Мура по выработке научной этики и прояснению базовых понятий моральной философии отражают дух времени, согласно которому развивались теоретические исследования основателя феноменологии Э. Гуссерля. Однако Гуссерль пришел к выводу, что место психологии должна занять чистая или формальная этика, построенная по принципу логики [5; 12]. По мнению Мура, ошибка моральных философов состоит в том, что они сводят свое исследование к человеческому поведению [17. С. 70], поэтому место этики занимает психология или социология. Таким образом, мы сталкиваемся с противоположной тенденцией: если выше была отмечена опасность сведения социологии к этике, то теперь — нежелательный переход этики в социологию.

Учитывая апофатические суждения Л. Витгенштейна (6) и негативные высказывания А. Айера, а также взгляды Дж. Мура, можно прийти к малоутешительному выводу, что на ранних этапах аналитическая философия усложнила задачи как для моральных философов, так и для специалистов из других областей знания, намеревающихся использовать их наработки. Критика натурализма привела к тому, что эмпирические исследования морали были поставлены под сомнение, а негативное отношение к языку морали, по сути подразумевающее, что наши ценностные утверждения ничего в себе не несут, сделало невозможными опросы общественного мнения, интервью и фокус-группы. Соответственно, ранняя аналитическая этика не может считаться надежным союзником социологии морали, скорее она является ее потенциальным недоброжелателем. Вместе с тем все ревизионистские настроения сопровождалось пониманием зависимости морали от ее социальных модуляций. Так, А. Макинтайр полагал, что «мы не пойдем до конца утверждений моральной философии, пока точно не объясним, каким будет их социальное воплощение» [28. Р. 23; цит. по: 2. С. 81–82].

Вероятно, в более позднем варианте именно аналитическая этика дает надежду на ясное понимание моральной сферы и ее научное исследование. Отчасти тенденция критики языка и оснований этики сохранилась и у современных аналитических философов. Вместе с тем вследствие угасания неопозитивизма в аналитической философии возродился интерес к метафизике (7), и в моральную философию стали проникать метафизические концепции. Радикальный пересмотр ранних положений аналитической этики связан с появлением и распространением морального реализма, согласно которому «моральные качества — не что иное, как качества реально существующих вещей, моральные истины могут быть доступны так же, как и научные истины; моральные факты, будучи ничем иным, как видом естественнонаучных фактов, не вносят ничего загадочного в нашу картину мира» [29. С. 3–4].

Принимая данную позицию, сторонники морального реализма обрекают себя на необходимость объяснения, каким образом моральные факты связаны с естественными фактами и как мы узнаем о существовании этих специфических неестественных фактов. Другой и не менее сложной задачей является

прояснение сути моральной истины: даже если мы согласимся, что некоторые моральные суждения обладают истинностью, то вряд ли решимся утверждать, что она того же рода, что и эпистемологическая истинность.

Одна из стратегий решения этих проблем — переопределение (*re-identifying*) моральных фактов через неморальные факты. По этому пути, в частности, пошел британский аналитический философ и богослов Р. Суинбёрн [30], показав, что моральные истины не зависят от того, существует бог или нет. Он использовал тезис о том, что моральные качества отдельных поступков супервентны (*supervenient*) по отношению к неморальным, и привел следующий пример: «То, что Гитлер делал в ряде случаев в 1942 и 1943 годах, было морально неправильным, потому что это был акт геноцида. То, что вы делали вчера, было хорошо, потому что это было актом кормления голодающих» [30. С. 8]. Соединение нескольких неморальных качеств делает действие морально правильным или неправильным. И мы не можем представить два мира, в которых связь неморальных фактов одинакова, а оценка действий с точки зрения моральных свойств разная. Таким образом, моральные свойства следуют за неморальными. Благодаря данному подходу моральные факты становятся легко эксплицируемыми, хотя мотивация морального агента сокрыта. Впрочем, на этот недостаток можно закрыть глаза, поскольку для социологии морали главной единицей анализа является не отдельный субъект, а группы, организации и институты. И даже если единицей измерения выступает индивид, цель почти всегда состоит в том, чтобы отнести результаты к социальной группе [26. С. 54].

Поиски новой социологии морали

Итак, социологи осознают проблемы, с которыми сталкивается социология морали. В поисках выхода из затруднений они предпринимают попытки смены точки зрения на предмет исследования, в частности, отказываясь от морали как широкого социального явления в пользу морали как локального явления, присущего отдельным группам. «Если старая социология морали была дюркгеймовской — рассматривая мораль как принадлежность целых обществ, связывающая их членов, — то новая социология морали является более веберовской. Мораль больше относится к многопрофильным группам и меньше к обществу в целом» [26. С. 53]. Показательно, что реновация социологии морали связана с отмежеванием от психологических исследований морали — это, в частности, свидетельствует о том, что социологи не рассматривают философов ни как конкурентов, ни как помощников, что в итоге может негативно сказаться на результатах исследований и привести к новому кризису в социологии морали.

Обращение к аналитической философии наряду с другими мерами по выходу из кризиса может способствовать обновлению социологии морали. Если социологи примут во внимание разрабатываемый в рамках аналитической философии моральный реализм, то исследования морали могут обрести новое

измерение — моральные свойства поступков и убеждений обретут более ясные очертания. Вместе с тем перед социологами будет поставлена новая задача: раскрыть не только то, каким образом моральные убеждения формируют ту или иную социальную солидарность, но и какие конкретные факты неморального свойства, соединяясь воедино, приводят к появлению моральных фактов, которые расцениваются в качестве таковых членами сообщества и тем самым репрезентируются в социологическом исследовании как данные, подлежащие анализу.

Свидетельством того, что мы находимся на верном пути, может служить наличие в социологии тенденций к развитию разных форм реализма. В качестве примера можно назвать трансцендентальный реализм и критический натурализм британского социолога Р. Бхаскара [25]. Как отмечает А.О. Фигура, «притязания реализма не в том, чтобы любая конкретная наука в ее теперешнем виде действительно отразила бы объективные структуры природной или социальной реальности, но в том, что он осмысленно и прагматически полезно допускает существование таких структур как возможных объектов научного описания» [21. С. 38]. Таким образом, вступая на путь реализма, разработанного в рамках аналитической этики, социология морали продолжает поиски новой методологии, но остается в рамках научной парадигмы.

Примечания

- (1) «Одной из сильных сторон этики Смита являлось... пристальное внимание к социальной природе морали... Человек, выросший на необитаемом острове, лишенный всякого общения с людьми, отмечает Смит, не имел бы никакого понятия о нравственности» [16. С. 16]. «Причину этого он усматривал в социальной природе нравственности, наличии “общих интересов” у всех людей, не допускающих искажения их нравственных представлений и чувств. И действительно, “какое же общество может возникнуть, если им приняты бесчеловечные нравы?..”» [16. С. 20].
- (2) Э. Дюркгейм ввел в научный оборот понятие «социология морали», а в его журнале «Социологический ежегодник» была даже одноименная рубрика [9. С. 134].
- (3) Мы используем понятия «мораль» и «нравственность» как взаимозаменяемые и обозначаем ими, как и большинство исследователей, установленные нормы поведения, вытекающие из представлений о добре и зле, хорошем и плохом. Этика — дисциплина, изучающая эти нормы и осуществляющая рефлексию этих представлений для создания единой обоснованной системы. Вместе с тем мы осознаем, что данное понимание является рабочим инструментом и имеет допустимый уровень погрешности [1].
- (4) Вопрос определения границ аналитической философии обсуждался не единожды. В качестве свежего примера можно привести дискуссию на страницах «Философского журнала» [6; 7; 22].
- (5) «...Ошибка точки зрения, согласно которой я назвал вторую группу теорий “метафизической этикой”, — это ошибка того же самого рода; поэтому я и даю в обоих случаях одно название — “натуралистическая ошибка”» [17. С. 69].
- (6) «Смысл мира должен находиться вне мира. В мире все есть, как оно есть, и все происходит, как оно происходит; в нем нет ценности — а если бы она и была, то не имела бы ценности. Если есть некая ценность, действительно обладающая ценностью, она должна находиться вне всего происходящего и так бытия... Поэтому и невозможны предложения этики» [8. С. 70].
- (7) См. текст доклада М. Дж. Лакса [13].

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФ. Проект № 18-78-10082.

Библиографический список

- [1] *Апресян Р.Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. 2006. № 5.
- [2] *Артемьева О.В.* Социальная перспектива этики добродетели // Общественная мораль / Под ред. Р.Г. Апресяна. М., 2009.
- [3] *Батыгин Г.С.* Как невозможна социология морали // Оправдание морали. Сб. ст. к 70-летию Ю.В. Соколова. М. — Тюмень, 2000.
- [4] *Беляева Е.В.* Социология морали и этика: трансдисциплинарный подход к исследованию современной нравственности // Социология. 2015. № 2.
- [5] *Бердаус С.В.* Место ранней этики в феноменологическом проекте Э. Гуссерля // Вестник ТГУ. 2019. № 442.
- [6] *Блохина Н.А.* Аналитическая философия в поисках самоопределения // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1.
- [7] *Васильев В.В.* Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1.
- [8] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. I. М., 1994.
- [9] *Кирилина Т.Ю.* Зарубежные ученые о социологии морали // Социологические исследования. 2009. № 7.
- [10] *Кирилина Т.Ю.* Теоретико-методологические основы эмпирического исследования морали // Вестник ВГУ. Философия, социология и культурология. 2009. № 1.
- [11] *Коновалова Л.В.* Растерянное общество: Критика буржуазной социологии и психологии морали. М., 1986.
- [12] *Лаврухин А.В.* Практическая философия Эдмунда Гуссерля: проект научной этики // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. 2007. № 2—3.
- [13] *Лакс М.Дж.* Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2.
- [14] *Максимов Л.В.* Аналитическая этика // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2010.
- [15] *Максимов Л.В.* Об аналитическом стиле в этике // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 1.
- [16] *Мееровский Б.В.* Адам Смит как философ-моралист // Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
- [17] *Мур Дж.* Природа моральной философии. М., 1999.
- [18] *Назаров В.Н.* Прикладная этика. М., 2005.
- [19] *Ольховиков К.М.* Социология морали: вопросы теории и выбора стратегии исследования. Екатеринбург, 2003.
- [20] *Соколов В.М.* Социология нравственного развития личности. М., 1986.
- [21] *Фигура А.О.* Онтологические основания социальной реальности в концепции Р. Бхаскара // Вестник Омского университета. 2012. № 1.
- [22] *Целищев В.В.* Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2.
- [23] *Abend G.* Thick concepts and sociological research // Sociological Theory. 2019. Vol. 37. No. 3.
- [24] *Abend G.* Two main problems in the sociology of morality // Theory and Society. 2008. No. 2.
- [25] *Bhaskar R.* A Realistic Theory of Science. Leeds, 1975.
- [26] *Hitlin S., Vaisey S.* The new sociology of morality // Annual Review of Sociology. 2013. Vol. 39.
- [27] *Tännsjö T.* Truth in ethics, truth in science — different? // Asian Hospital & Healthcare Management. 2007. No. 14.
- [28] *MacIntyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame, 1984.
- [29] *Shafer-Landau R.* Moral Realism: A Defence. Oxford, 2003.
- [30] *Swinburne R.* God and morality // Think. 2008. Vol. 7. No. 20.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-252-262

On the way to eliminating theoretical difficulties of sociology of morality*

A.A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia
(e-mail: sanzhenakov@gmail.com)

Abstract. The article aims at presenting theoretical difficulties of sociology of morality and possible ways to overcome them. The importance of this issue is determined by the necessity of the scientific study of moral elements of the contemporary society in order to prevent its dehumanization. Sociology of morality focuses on the empirical study of various moral phenomena (justice, duty, conscience) in the social space. At the first stage of such a study, sociologists conduct observations and collect data, and at the second stage, they generalize moral facts to identify moral patterns. In sociology, morality is considered as an element of society; therefore, it is not analyzed by itself but within a system of social relations. One of the difficulties of such studies is the ambivalent nature of morality, i.e. its existence in both public and individual consciousness: if sociologists ignore the individual mode of morality, they misrepresent the content of moral facts. Another reason for theoretical difficulties in the study of morality is that sociologists use outdated ideas about the nature of moral truths and researcher's impartiality — moral judgments are considered as not being true or false, and the researcher should ignore his value attitudes when collecting and analyzing data. The elimination of these difficulties can lead to the loss of the sociological research specifics and to the merger of sociology and moral philosophy. Representatives of the 'new sociology of morality' have to reform this field but ensure its status of an independent scientific discipline. One of the ways to solve this task is to use ideas of analytic philosophy, in particular, of moral realism that defines moral qualities as qualities of real things, and moral truths as having the same status as scientific truths.

Key words: society; morality; ethics; sociology of morality; analytic ethics; moral truth; moral realism

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-78-10082.

References

- [1] Apresyan R.G. Ponyatie obshchestvennoi morali [The concept of public morality]. *Voprosy Filosofii*. 2006; 5 (In Russ.).
- [2] Artemieva O.V. Sotsialnaya perspektiva etiki dobrodeteli [Social perspective of ethics of virtue]. *Obshchestvennaya Moral*. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [3] Batygin G.S. Kak nevozmozhna sotsiologiya morali [How sociology of morality is impossible]. *Opravdanie morali. Sb. st. k 70-letiyu Yu.V. Sogomonova*. Moscow–Tyumen; 2000 (In Russ.).
- [4] Belyaeva E.V. Sotsiologiya morali i etika: transdistsiplinarny podkhod k issledovaniyu sovremennoi npravstvennosti [Sociology of morality and ethics: A transdisciplinary approach to the study of contemporary morality]. *Sotsiologiya*. 2015; 2 (In Russ.).
- [5] Berdaus S.V. Mesto rannei etiki v fenomenologicheskom proekte E. Husserlya [The place of early ethics in the phenomenological project of Edmund Husserl]. *Vestnik TGU*. 2019; 442 (In Russ.).

---

* © A.A. Sanzhenakov, 2020.

The article was submitted on 29.12.2019. The article was accepted on 31.03.2020.

- [6] Blokhina N.A. Analiticheskaya filosofiya v poiskakh samoopredeleniya [Analytic philosophy in the search of self-determination]. *Filosofskii Zhurnal*. 2019; 1 (In Russ.).
- [7] Vasiliev V.V. Chto takoe analiticheskaya filosofiya i pochemu vazhen etot vopros? [What is analytic philosophy, and why is this question important?]. *Filosofsky Zhurnal*. 2019; 1 (In Russ.).
- [8] Wittgenstein L. Logiko-filosofsky traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. *Filosofskie raboty*. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [9] Kirilina T.Yu. Zarubezhnye uchenye o sotsiologii morali [Foreign scientists on sociology of morality]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2009; 7 (In Russ.).
- [10] Kirilina T.Yu. Teoretiko-metodologicheskie osnovy empiricheskogo issledovaniya morali [Theoretical-methodological foundations of the empirical study of morality]. *Vestnik VGGU. Filosofiya, Sotsiologiya i Kulturologiya*. 2009; 1 (In Russ.).
- [11] Konovalova L.V. *Rasteryannoe obshchestvo* [Confused Society]. Moscow; 1986 (In Russ.).
- [12] Lavrukhin A. Prakticheskaya filosofiya Edmunda Husserlya: proekt nauchnoi etiki [Practical philosophy of Edmund Husserl: A project of scientific ethics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya*. 2007; 2–3 (In Russ.).
- [13] Loux M.J. Metafizika v analiticheskoi traditsii [Metaphysics in the analytic tradition]. *Filosofskii zhurnal*. 2015; 2 (In Russ.).
- [14] Maksimov L.V. Analiticheskaya etika [Analytic ethics]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. Moscow; 2010. Vol. 1 (In Russ.).
- [15] Maksimov L.V. Ob analiticheskom stile v etike [On the analytic style in ethics]. *Eticheskaya Mysl*. 2018; 1 (In Russ.).
- [16] Meerovsky B.V. Adam Smith kak filosof-moralist [Adam Smith as a philosopher of morality]. Smith A. *Teoriya npravstvennykh chuvstv*. Moscow; 1997 (In Russ.).
- [17] Moore G. *Priroda moralnoi filosofii* [Nature of Moral Philosophy]. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [18] Nazarov V.N. *Prikladnaya etika* [Applied Ethics]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [19] Olkhorikov K.M. *Sotsiologiya morali: voprosy teorii i vybora strategii issledovaniya* [Sociology of morality: Issues of theory and choosing the research strategy]. Yekaterinburg; 2003 (In Russ.).
- [20] Sokolov V.M. *Sotsiologiya npravstvennogo razvitiya lichnosti* [Sociology of the moral development of personality]. Moscow; 1986 (In Russ.).
- [21] Figura A.O. Ontologicheskie osnovaniya sotsialnoi realnosti v kontseptsii R. Bkhaskara [Ontological foundations of social reality in the theory of R. Bhaskar]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2012; 1 (In Russ.).
- [22] Tselishchev V.V. Analiticheskaya filosofiya i revizionizm bez beregov [Analytic philosophy and revisionism without borders]. *Filosofsky Zhurnal*. 2018; 2 (In Russ.).
- [23] Abend G. Thick concepts and sociological research. *Sociological Theory*. 2019; 3.
- [24] Abend G. Two main problems in the sociology of morality. *Theory and Society*. 2008; 2.
- [25] Bhaskar R. *A Realistic Theory of Science*. Leeds; 1975.
- [26] Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality. *Annual Review of Sociology*. 2013; 39.
- [27] Tännsjö T. Truth in ethics, truth in science — different? *Asian Hospital & Healthcare Management*. 2007; 14.
- [28] MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame; 1984.
- [29] Shafer-Landau R. *Moral Realism: A Defence*. Oxford; 2003.
- [30] Swinburne R. God and morality. *Think*. 2008; 20.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276

Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии*

К.В. Подъячев, И.А. Халий

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского 24/35–5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: kirvik@bk.ru; illaio@yandex.ru)

Статья посвящена анализу документа «Основы государственной молодежной политики» и его реализации в регионах России, который позволил показать, что данный документ не предлагает ни политическую концепцию, ни комплекс эффективных мер управления. В статье представлены результаты оценки активности государственных структур в сфере молодежной политики на интернет-ресурсах — официальных сайтах региональных администраций и в социальной сети ВКонтакте. Сайты не содержат оперативной информации, а социальные сети, напротив, оказались эффективным инструментом. Также охарактеризовано восприятие молодежной политики в регионах и локальных сообществах. Эмпирические исследования были проведены в 2018–2019 годы в семи субъектах Российской Федерации — Тверской, Курской, Псковской, Астраханской, Ростовской, Московской областях и Республике Карелия. Основные методы сбора данных — глубинное интервью и фокус-группы (было проведено 43 интервью и 26 фокус-групп). Респондентами были представители областных и муниципальных администраций, в том числе подразделений, отвечающих за работу с молодежью; представители местных предприятий — промышленных, торговых, гостиничных и пр., организаций здравоохранения и образования, учреждений культуры и молодежных групп. Были проведены фокус-группы и с молодежью: три со студентами вузов и три с учащимися средних специальных учебных заведений. В статье показана неэффективность концепции «двух полюсов» в молодежной политике — когда государственное внимание направлено на поддержку талантливой молодежи и помощь наиболее уязвимым слоям (сиротам, детям из социально неблагополучных семей и т.п.). Такой подход исключает из политики и публичного дискурса «средних», т.е. большую часть молодежи, которая нуждается не столько в финансовой поддержке, сколько в ощущении своей востребованности, причастности к судьбе страны, чего сегодня не наблюдается. Пока заметна лишь «форумная кампания», в которой молодежь с удовольствием участвует, но это не может усилить ее роль в обществе, т.е. говорить о наличии системной молодежной политики в России сегодня преждевременно.

Ключевые слова: российская молодежь; государственная молодежная политика; форумная кампания; регионы; локальные сообщества; патриотическое воспитание

* © Подъячев К.В., Халий И.А., 2020.

Статья поступила 25.10.2019 г. Статья принята к публикации 12.02.2020 г.

В России исследования молодежи имеют давнюю традицию, которая подробно представлена в трудах социологов [1; 14]. Разработано множество концепций молодежи, но «в современных условиях они сводятся к трем установкам: молодежь — “ничейная земля”, молодежь — общественная опасность, молодежь — надежда общества» [14. С. 14]. В последние годы внимание социологов сосредоточено на государственной молодежной политике [8; 13; 16; 17; 24], особенно в связи с появлением государственной концепции, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 года № 2403-р (далее — Концепция). Причины интереса к ней таковы: молодежь осуществляет выбор тех ценностей [5; 4; 6; 26] из исторически сложившихся, которые принимает и поддерживает, и формирует новые, соответствующие современности; молодое поколение становится инновационным, оказываясь более других включенным в текущие социальные практики, и воспринимает новые образцы жизнедеятельности; лишенная идеологических установок прошлого, молодежь получила свободу выбора и формирует собственные жизненные ориентиры; динамичные изменения делают жизненные установки молодых неустойчивыми; неустойчивое социально-экономическое развитие создает труднопреодолимые барьеры для вхождения молодых людей в общество и занятия в нем достойного места [6. С. 4–5].

Кроме того, социологии анализируют и реализацию заявленной политики [10; 20; 21; 22; 25], подчеркивая, что молодежь как социальная группа неоднородна, и деля ее на подгруппы по полу, возрасту, месту жительства, социальному положению, уровню образования, месту на рынке труда и т.п. В некоторых публикациях содержатся рекомендации [6; 9] — как улучшить заявленные государством и исполняемые структурами власти меры. Актуальность нашего исследования обусловлена фокусом на аспектах, которые до сих пор остаются за рамками социологического анализа. Во-первых, мы не будем подробно анализировать Концепцию как официальный документ (это уже сделано [6]) и выделим лишь то, чего в нем не хватает и что вызывает сомнения. Во-вторых, мы проанализируем молодежную политику в отношении отдельных подгрупп молодежи, расширим и составим собственный список групп: это и студенты вузов, и аспиранты, и вышедшие на рынок труда специалисты, и учащиеся ссузов, ПТУ, колледжей, и те, кто после школы учиться не стал, сразу выйдя на рынок труда.

Предметом исследования является, во-первых, текст документа «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», а, во-вторых, результаты реализации этой политики на региональном и местном (районные центры) уровне с учетом того, на какие слои молодежи были направлены усилия властей, каким образом они действовали, какие структуры государственных органов были задействованы и какова была реакция молодых поколений. Цель исследования — выявление проблем с реализацией Концепции и выработка предложений по их устранению на основе данных, собранных в 7 регионах — Тверской, Курской, Псковской,

Астраханской, Ростовской, Московской областях и Республике Карелия — методами глубинного интервью и фокус-групп (43 интервью и 26 фокус-групп). Респондентами были представители областных и муниципальных администраций, в том числе структур по работе с молодежью, местных предприятий, организаций здравоохранения и образования, учреждений культуры и молодежных групп. Сложнее всего оказалось привлечь тех, кто после школы обучение не продолжил (часто работают таксистами, водителями общественного транспорта, в магазинах, эпизодически или вахтовым методом).

**«Основы государственной молодежной политики
Российской Федерации на период до 2025 года»:
анализ документа и рекомендации**

Начнем с анализа основного официального документа, посвященного государственной молодежной политике. Поскольку другие авторы уже подробно его рассмотрели [3], мы сосредоточимся на том, что осталось за рамками его изучения. Государственная молодежная политика — это система планируемой государством деятельности, направленной на то, чтобы молодежь смогла стать полноценным и полноправным членом общества, участвующим во всех сферах его жизнедеятельности и, в первую очередь, в тех, которые наиболее актуальны. Из этого следует, что необходима концепция для разработки стратегии развития молодежи — как ее различных групп, так и в зависимости от разных внешних условий (политических, экономических, социальных и т.д.).

Документ вступил в силу в ноябре 2014 года и рассчитан до 2025 года. С тех пор в стране и мире многое произошло, и в эпоху стремительных изменений следует регулярно корректировать концепцию политики, основываясь на анализе результатов проделанной работы. «Основы государственной молодежной политики» остаются неизменными. Это возможно только в одном случае: если это концептуальный документ. Но так ли это? Если прочесть его от начала до конца, то становится очевидным, что он содержит полный перечень проблем, на которые государство должно реагировать, но назвать это концепцией нельзя. Только если в документе расставлены приоритеты, он обретает концептуальный характер. В вводной части заявлено, что «стратегическим приоритетом государственной молодежной политики является создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, неравнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям», т.е. государство готово выполнять патерналистские функции — создавать условия для молодежи. Но молодежь — социальная группа, которая скорее антипатерналистски настроена, ориентирована на самостоятельные действия и создание условий своей жизни — на это и должна быть направлена молодежная политика государства. Оно (как

основной субъект политики) обязано привлекать молодых к социально-экономическому строительству, должно быть заинтересовано в становлении молодых как акторов, способных нести ответственность за себя, город и страну (например, в Псковской области широкий отклик нашло предложение митрополита Тихона расширить старый слоган «Россия начинается здесь», местные общественные движения (молодежные в том числе) приняли идею с энтузиазмом, что привело к широкому участию добровольцев в облагораживании городского пространства).

Следующий абзац документа: «ключевой задачей является воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи». Речь опять идет о том, что кто-то «важный» будет молодежь воспитывать — тупиковый для молодых посыл, который по большому счету их не касается (образовательные и прочие организации должны достойно выполнять свои функции, а вопрос, как сформировать гражданина, остается открытым). Заканчивается вводный раздел утверждением, что «главным результатом реализации государственной молодежной политики должно стать улучшение социально-экономического положения молодежи РФ и увеличение степени ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны». Этот результат — вполне в духе российского правительства: надо все улучшить и увеличить, а речь должна идти о том, чтобы молодые люди обрели свое место и роль в жизни страны, осознавая свои права и обязанности.

Раздел «Цели и приоритетные задачи государственной молодежной политики» также пронизан патерналистскими устремлениями государства, которое хочет формировать и систему ценностей молодежи. Этому оно могло бы способствовать, если бы имело влияние на собственные структуры (ценности управленцев, чиновников, ориентиры экономического блока правительства и т.п.), СМИ и других субъектов сферы культуры, но формирует систему ценностей само общество. Однако в этом разделе появляется термин «вовлечение» — молодежи в реализацию программ по сохранению российской культуры, исторического наследия и традиционных ремесел, в активную работу поисковых, археологических, военно-исторических, краеведческих, студенческих отрядов, в творческую деятельность, туризм, проекты экологических организаций, деятельность по реставрации исторических памятников и т.д., т.е. вовлечение молодежи в значимые, но не критически важные для общества в сложной экономической обстановке сферы деятельности.

Последнее, что привлекает внимание, — «создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере». На первое место здесь выдвигается технология «социального лифта», а потом уже говорится об обеспечении механизмов высокопроизводительной занятости молодежи,

создании базовых условий для реализации предпринимательского потенциала молодежи, развитии трудовой и проектной активности, профориентационной работы, созидательной деятельности сельской молодежи и т.д. Важно, что такой пункт есть, но неверно, что он почти на последнем месте: от того, насколько молодежь включена в социально-экономическую сферу, зависит все то, о чем речь шла выше. Если человек сам обустроивает свой дом, он будет о нем заботиться, проявлять активность и т.п.

Весьма непродуктивно и то, что в этом будто бы концептуальном документе появляется указание, что «реализация задач предусматривает осуществление следующих мероприятий», и дается их перечисление. Наш исследовательский опыт показывает, что чиновники на местах из всей «политики» извлекают лишь мероприятия — как основное, что они должны выполнить, и этот подход характерен для всей вертикали власти. Мероприятия становятся позицией отчетности, а суть достигнутого неизвестна, потому что ее нельзя измерить, но тогда нельзя говорить о достижении результата.

Таким образом, рассматриваемый документ не является в полном смысле ни политической концепцией, ни четким руководством к действию для административно-управленческого аппарата. Он включает в себя все, что необходимо сделать в принципе, но не выделяет то, что является насущным и достижимым сегодня. Он не рассчитан на то, чтобы его можно было своевременно изменять в соответствии с требованиями динамически развивающегося мира, а также на то, что его можно выполнить к 2025 году. Ситуацию он не изменит, а, значит, проблему включения молодежи в жизнедеятельность общества не решит. «Недооценка органами власти роли молодежи в процессах развития общества, отсутствие ее полноценного взаимодействия с институтами власти, их отстраненность от активного участия в решении проблем молодого поколения могут стать препятствиями для дальнейшей модернизации, а также и объективной угрозой для нормального функционирования государства и общества» [12. С. 271].

Отражение молодежной политики на интернет-ресурсах

В первую очередь рассмотрим официальные сайты администраций регионов на примере Курской и Псковской областей. Комитет по делам молодежи и туризму Курской области обнаруживается сразу, как только открываешь страницу «Структурные подразделения Администрации Курской области». Сайт Псковской области такой возможности не предоставляет: молодежная политика находится в функциях Комитета по образованию, и чтобы это понять, пришлось вчитываться в миссии комитетов. Все остальное содержание сайтов очень схоже.

Читая разделы про миссию, функции и задачи молодежных структур администраций, понимаешь, зачем нужен документ «Основы государственной молодежной политики РФ»: в обоих случаях указанные разделы составляли с опорой на него. Особого значения сайту как инструменту информирования не

придается: информация размещена устаревшая (2015–2016 годы), чем структуры занимаются, отражено минимально (форумные кампании, патриотическое воспитание, интеллектуальные и творческие конкурсы, физкультурные мероприятия, развитие волонтерства и т.п.). Можно узнать численность и состав структур, но только на курском сайте: молодежной политикой занимается подразделение из трех человек с высшим образованием. Структуры, занятые молодежной политикой, выполняют направляющую и координирующую роль по отношению к другим организациям (соответствующие подразделения муниципалитетов и сельских советов, дома культуры и общественные организации).

На сайте Курской области есть информация об Общественном совете, состоящем из 11 человек. Его секретарь — эксперт комитета по делам молодежи и туризму Курской области, члены — декан факультета физической культуры и спорта Курского Государственного университета, член Президиума Совета молодых ученых и специалистов Курской области, председатель ООО «Курский союз молодежи», председатель региональной общественной организации «Центр развития молодежи», председатель Молодежного совета при Курском городском собрании, председатель Совета молодых ученых и специалистов области и др. Список вполне информативен — показывает, что структур, занимающихся молодежной политикой, гораздо больше, чем указано в разделе официальной информации. Очевидно и то, что Совет работает: протоколы заседаний выкладываются на сайт регулярно (главным образом проводятся форумы по военно-патриотическому воспитанию). На псковском сайте таких сведений нет, но есть раздел «Новости по теме», где можно увидеть последние события, связанные с молодежью. На курском сайте такого раздела нет, молодежные новости идут в общем списке.

Можно утверждать, что полноценного представления о государственной молодежной политике сайты региональных администраций не дают. В результате тщательного поиска можно найти косвенную информацию о более или менее регулярных действиях региональных структур, в новостях узнать об акциях и событиях, связанных с молодежью, и сделать некоторые выводы о молодежной политике региона, но для большинства граждан это непосильный и ненужный труд.

Общим для двух сайтов является то, что на них есть ссылки на социальные сети, например, в сети ВКонтакте. Впечатлила курская активность: за июль — 69 сообщений с более чем 1000 просмотров. Больше всего молодежь (предположительно речь идет в основном о студентах Курска) интересуется форумами, причем как курскими, так и общероссийскими или других регионов (международная смена волонтеров Победы, фестиваль «Таврида–АРТ», форум «Восток» и др.), акциями военно-патриотической направленности, культурными мероприятиями, в частности, концертами классической музыки под открытым небом. На этом ресурсе есть информация и регулярных и разовых мероприятиях,

проводившихся молодежными структурами власти Курской области. Псковский ресурс ВКонтакте не столь активен, было выявлено лишь 26 постов с более чем 1000 посещений, из них большая часть касалась регионального форума «Без границ» и выступления на нем губернатора. Кроме форума интерес вызвал круглый стол по вопросам взаимодействия общественных организаций с Управлением МВД, Всероссийский конкурс образовательных и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива» и Окружной форум добровольцев.

Официальные сайты районных администраций содержат мало информации. В лучшем случае коротко описан орган администрации (в составе от одного до трех человек), осуществляющий молодежную политику, и его задачи, указаны организации, участвующие в ее реализации, перечислены события и акции. На районных сайтах нет отсылок к ресурсам молодежных официальных структур в социальных сетях, хотя примеры такие есть (например, страница Печорского районного молодежного центра Псковской области, где представлены мероприятия, приуроченные к официальным датам, собственные районные акции (фестиваль КВН «У нас на районе...», чемпионат по чтению вслух среди старшеклассников), участие в общероссийских акциях и форумах областного масштаба. В целом то, что созданы ресурсы в социальных сетях, — правильный ход: сегодня с молодежью надо общаться онлайн.

Молодежная политика в регионах: адресаты и причины ограничений

Сегодня особое значение имеет реализация Концепции на региональном уровне, поскольку основная часть молодежи (не та самая талантливая, о которой уже позаботились федеральные власти) обретает знания и находит себя там, где проживает. В этом смысле молодежная политика — «особое направление деятельности государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов общественных отношений, имеющая целью определенным образом воздействовать на социализацию и социальное развитие молодежи, а через это — на будущее состояние общества» [2. С. 264]. Мы сосредоточимся на действиях структур исполнительной власти (комитетов и/или отделов молодежной политики), которые непосредственно работают с молодежью (иные структуры уже были тщательно проанализированы [6]), поскольку с 2017 года «прослеживается позитивная динамика увеличения количества органов исполнительной власти, реализующих государственную молодежную политику в субъектах РФ, имеющих статус самостоятельных ведомств — с 22 до 27 субъектов» [18. С. 293].

Как показали сайты областных администраций, численный состав этих органов невелик — в основном от 3 до 10 человек, чего явно недостаточно, поэтому они осуществляют свою деятельность в сотрудничестве с молодежными структурами регионов — как административными, так и неправ-

вительственными. В первую очередь, речь идет о домах молодежи (они могут называться по-разному — дворцы молодежи, региональная молодежная организация и т.п.), созданных в столицах регионов, молодежных общественных советах при органах власти, организациях военно-патриотической направленности (отделения юнармии, сформированные в большинстве средних школ, самодеятельные НКО) и др. Органы власти координируют их деятельность, совместно с ними разрабатывают планы и графики мероприятий, выделяют на них финансовые средства, а также на организованный отдых молодежи и др. Без взаимной поддержки административных и общественных структур выполнить то, что сегодня реализуется в сфере молодежной политики, было бы невозможно.

Значимый фактор активности любой молодежной организации — деятельность ее лидеров и рядовых членов, их творческий подход, энтузиазм и компетентности. Если, например, дом молодежи возглавляет бывший работник УФСИН, то неизбежны сомнения в его профессиональной компетентности для данной работы, что и подтвердилось в ходе нашего интервью, которое оказалось совершенно неинформативным.

Федеральные органы задают конкретные направления активности, обязательные к исполнению. Еще в 2015 году был разработан план мероприятий по реализации «Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» в рамках двух государственных целевых программ: «Развитие образования на 2013–2020 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». В первую очередь, выполняется форумная кампания, в рамках которой федеральный статус закреплен за шестью площадками, а на региональном уровне отбор участников более демократичен — к участию приглашаются все желающие, независимо от талантов и членства в организациях. Самый яркий пример инновационной деятельности в этой сфере — платформа «Диалог на равных» в Курской области, регулярные заседания которой собирают большое число заинтересованной молодежи. Темы встреч различны: встреча с советником руководителя военно-патриотического центра «Вымпел», исполнительным директором ФК «Авангард», актером Курского драматического театра и т.д., причем встречи проводятся в парках, участие в них не ограничено. В Псковской области действует региональный форум «Без границ», в Карелии форумы «Молодежь — за социально ориентированную республику» и «Время выбрало нас» и т.д.

Форумная кампания формирует ценностные ориентации молодежи, дает новые знания, актуализирует способности молодых, предоставляет возможности диалога с представителями разных организаций. Участвуют в форумах в основном студенты. Особое внимание в них уделяется патриотическому воспитанию: это общерегиональные акции (Бессмертный полк, День Военно-морского флота, военно-патриотическая смена «Будем достойны»), мероприятия, посвященные конкретным датам (например, Курской битве), поисковые

отряды, организации юнармии в средних школах, обретающие бюрократический характер. Военно-патриотическим воспитанием заняты и общественные организации. В некоторых регионах краеведческие организации включены в систему патриотического воспитания: знание о малой родине — важный фактор формирования позитивного отношения к ней. Но это не означает автоматического формирования любви к ней — важно привлекать молодых к ее социально-экономическому развитию, чего, как показали наши исследования, совсем не наблюдается.

Важным фактором развития молодежной политики многие ученые считают самоорганизацию молодежи [9], однако ее проявлений немного, что объясняется «отсутствием у молодежи желания этим заниматься, организационными неурядицами, а также низким уровнем осведомленности и информированности» [11. С. 268].

Практически без внимания молодежных организаций остается проблема востребованности трудового потенциала региональной молодежи. Наши интервью показали, что такая активность почти невозможна в силу недостатка ресурсов. В этой сфере, очевидно, следует взаимодействовать с работодателями, что требует достаточного авторитета соответствующего органа исполнительной власти, профессионализма и временного ресурса его сотрудников. Молодежь жалуется на невостребованность на рынке труда, несоответствие имеющихся рабочих мест образованию и что рабочие места не отвечают ее надеждам на интересное и значимое для общества дело.

В качестве основной проблемы при реализации Концепции на региональном уровне респонденты называли острую нехватку кадров, и на уровне районов ситуация еще сложнее. Согласно представителям власти, во-первых, квалифицированных кадров уже недостаточно, а в будущем ситуация явно ухудшится. Во-вторых, остающаяся в районах после окончания школы молодежь — это те, кто не смог продолжить образование, потому что недостаточно хорошо учился в школе или потому что у семьи нет финансовых возможностей, что означает снижение потенциала населения. В-третьих, усугубляется проблема безработицы — недостаток рабочих мест, низкие зарплаты, непрестижная и неинтересная работа без перспектив роста. Даже если в районе есть промышленное предприятие, у молодых рабочих зреет недовольство низкими зарплатами и отсутствием возможностей продвижения, что чревато социальным взрывом. Сделать с этим что-либо только через меры молодежной политики местные власти не могут. Даже последний оплот устойчивости в работе с молодежью — школы искусств — тоже высказывают пессимистические оценки: кадры постарели, молодые уезжают учиться и не возвращаются, у молодежи с детства не воспитывают навыки ответственной учебы и работы, в результате, сталкиваясь с первыми трудностями, они обучение прекращают. На наш вопрос «Что же делать?» на фокус-группе с сотрудниками школы искусств ответ был один: «Будем работать, надо справиться».

***

Сегодня внимание действующих в молодежной сфере региональных органов власти сосредоточено на студенчестве, и почти без внимания остаются те молодые люди, которые оказываются вне организованных структур — вузов и общественных организаций. Основная часть этой молодежи, окончив школу, остается в районах и в лучшем случае учится в местных училищах и колледжах. Это наименее благополучная часть молодежной когорты, но на уровне районов работа с ней почти не ведется по причине скудного финансирования и недостаточных ресурсов. Но главная проблема в том, что федеральные власти не формируют политику работы с молодежью, а ориентированы лишь на выполнение комплекса мероприятий, который включает поддержку талантливой, но не всей российской молодежи (поэтому респонденты в интервью отмечают, что никакой молодежной политики не заметили).

Молодежь, как ни банально это звучит, — наше будущее. По этой причине крайне сложно разработать адекватную концепцию государственной молодежной политики — без концепции развития страны: нельзя понять, что делать с молодежью, если нет образа желаемого будущего. К сожалению, пока образ будущего России существует в виде набора размытых представлений, которые не оформились ни в идеологическую концепцию, ни в политическую программу.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ. Проект № 19-011-31272 «Молодежь в политике развития: агент или актор?».

Библиографический список

- [1] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
- [2] Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / Под ред. В.А. Лукова. М., 2013.
- [3] Грачев Е.Н. Молодежная политика в Европейском Союзе: национальный и наднациональный уровни. Дисс. к.п.н. М., 2019.
- [4] Зубок Ю.А. Традиционное и современное в социально-политических идентификациях молодежи // Власть. 2014. № 11.
- [5] Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007.
- [6] Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М., 2016.
- [7] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь на рынке труда: транзитивные процессы в условиях постсоветской трансформации // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3.
- [8] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. М., 2008.
- [9] Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. М., 2019.

- [10] *Зубок Ю.А., Чурнов В.И.* Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // Социологические исследования. 2015. № 5.
- [11] *Ивченков С.Г., Сайганова Е.В.* Реализация государственной молодежной политики на региональном уровне, выявление проблем и пути их решения // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. М., 2019.
- [12] *Князькова Е.А., Береза Н.А.* Современные технологии организации работы с молодежью на муниципальном уровне // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. М., 2019.
- [13] *Луков В.А.* Государственная молодежная политика: проблема социального проектирования будущего России // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. М., 2006.
- [14] *Луков В.А., Гневашева В.А., Захаров Н.В.* Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи // Образ российской молодежи в современном мире: ее самосознание и социокультурные ориентиры. М., 2007.
- [15] *Маркина Н.Л., Твиорова Ю.А., Шумилова О.Е.* Государственная молодежная политика: мировой и отечественный опыт // Известия ТГУ. Гуманитарные науки. 2010. № 2.
- [16] *Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала.* М., 2013.
- [17] *Молодежь России в начале XXI века.* М., 2007.
- [18] *Петрова Т.Э.* Молодежная политика в России на современном этапе // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. М., 2019.
- [19] *Ростовская Т.К.* Благополучие молодой семьи — основа качества жизни молодежи // Международный академический вестник. 2014. № 1.
- [20] *Ростовская Т.К.* Институциональные основы государственной молодежной политики // Глобальные социально-экономические процессы / Под ред. Т.В. Науменко, Н.Л. Смакотиной. М., 2016.
- [21] *Ростовская Т.К.* Принятие Основ ГМП 2025 года: фактор эволюционного развития в современной России // Государственный советник. 2014. № 4.
- [22] *Ростовская Т.К.* Программный подход и экономические затраты на социальную защиту и поддержку молодежи в российских регионах // Экономика и управление: проблемы, решения. 2014. № 5.
- [23] *Ростовская Т.К.* Социальное конструирование правового статуса молодежи и молодой семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3.
- [24] *Ростовская Т.К.* Три кита управления государственной молодежной политикой в современной России: в 3-х тт. М., 2014.
- [25] *Смакотина Н.Л.* Новые подходы в работе с молодежью в условиях глобализации // Новые подходы в организации работы с молодежью. Ч. 2. Екатеринбург, 2013.
- [26] *Шереги Ф.Э.* Гражданская идентичность молодежи // Энергия: экономика, техника, экология. 2010. № 3.
- [27] *Anderson J.Q.* Individualization of higher education: How technological evolution can revolutionize opportunities for teaching and learning // International Journal of Social Sciences. 2013. Vol. 64.
- [28] *Bergman A.* Individualization in working life: Work and reflexive patterns among young adults in Sweden // International Journal of Social Sciences. 2013. Vol. 64.
- [29] *Safrankova J.M., Sikyr M.* A new generation on the labor market and challenges faced by current human resource management practice // International Journal of Social Sciences. 2018. Vol. 7. № 1.
- [30] *Wong V.* How do ideas and discourses construct youth policies? The case of Hong Kong // International Journal of Sociology and Social Policy. 2018. Vol. 38. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276

The state youth policy in contemporary Russia: concept and realities*

K.V. Podyachev, I.A. Khaliy

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: kirvik@bk.ru; illaio@yandex.ru)

Abstract: The article considers the document ‘Foundations of the State Youth Policy’ and its implementation in the Russian regions. This analysis allowed the authors to show that the document provides neither a political strategy nor effective management measures. The authors present the results of the analysis of the youth policy implemented by government agencies online — on the websites of regional administrations and in the social network VKontakte. The websites do not provide any current information, while the social network, on the contrary, is quite effective. The article describes the perception of the state youth policy by regions and local communities based on the empirical research conducted in 2018–2019 in 7 regions of the Russian Federation — the Tver, Kursk, Pskov, Astrakhan, Rostov, Moscow Regions and the Republic of Karelia. The main methods of data collection were in-depth interviews and focus groups (43 interviews and 26 focus groups). Respondents represented regional and municipal administrations, including departments of the youth policy, local enterprises — industrial, commercial, hotels, etc., health and education organizations, cultural institutions and youth groups. There were also focus groups with the youth: 3 groups with university students and 3 groups with students of special secondary institutions. The article shows inefficiency of the ‘two poles’ approach — when the state aims at supporting the talented youth and the most vulnerable groups (orphans, children from dysfunctional families, etc.). Such an approach excludes from the policy and public discourse the ‘middle’ youth that needs but lacks rather participation in the life of the country than financial support. Today only the ‘forum campaign’ is implemented, in which the youth are happy to participate, but this campaign cannot strengthen the youth’s social role. Thus, there is still no system youth policy in Russia.

Key words: Russian youth; state youth policy; forum campaign; regions; local communities; patriotic education

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research. Project No 19-011-31272 “Youth within the development policy: An agent or actor?”.

References

- [1] Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodyozh Rossii: sociologichesky portret* [Youth of Russia: A Sociological Portrait]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [2] Gosudarstvennaya molodyozhnaya politika: rossiyskaya i mirovaya praktika realizatsii v obshchestve innovatsionnogo potentsiala novykh pokoleniy [State Youth Policy: Russian and World Practice of Realization in the Society of the Innovative Potential of New Generations]. Pod. red. V.A. Lukova. Moscow; 2013 (In Russ.).

---

* © K.V. Podyachev, I.A. Khaliy, 2020.

The article was submitted on 25.10.2019. The article was accepted on 12.02.2020.

- [3] Grachev E.N. *Molodezhnaya politika v Evropeiskom Soyuze: natsionalny i nadnatsionalny urovni* [Youth Policy in the European Union: National and Supranational Level]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [4] Zubok Yu.A. Traditsionnoe i sovremennoe v sotsialno-politicheskikh identifikatsiyakh molodezhi [Traditional and contemporary features in the social-political identifications of the youth]. *Vlast*. 2014; 11 (In Russ.).
- [5] Мысль, 2007. 288 с. / Zubok Yu.A. *Fenomen riska v sotsiologii: Opyt issledovaniya molodezhi* [The Phenomenon of Risk in Sociology: A Study of the Youth]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [6] Zubok Yu.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. *Molodyozh i molodyozhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Youth and Youth Policy in the Contemporary Russian Society]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [7] Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezh na rynke truda: tranzitivnye protsessy v usloviyakh postsovetsoi transformatsii [Youth in the labor market: Transitive processes under the post-Soviet transformation]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2012; 3 (In Russ.).
- [8] Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Sotsialnaya regulyatsiya v usloviyakh neopredelennosti* [Social Regulation under Uncertainty]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [9] Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S. Samoorganizatsiya v mekhanizme samoregulyatsii zhiznedeyatelnosti molodyozhi [Self-organization in the mechanism of self-regulation of the youth]. *Molodyozh i molodyozhnaya politika: novye smysly i praktiki*. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [10] Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Molodye spetsialisty: podgotovka i vostrebovannost na rynke truda [Young specialists: Training and demand in the labor market]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 5 (In Russ.).
- [11] Ivchenkov S.G., Sayganova E.V. Realizatsiya gosudarstvennoj molodyozhnoj politiki na regionalnom urovne, vyavlenie problem i puti ih resheniya [Implementation of the state youth policy at the regional level, identification of problems and ways to solve them]. *Molodyozh i molodyozhnaya politika: novye smysly i praktiki*. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [12] Knyazkova E.A., Bereza N.A. Sovremennye tekhnologii organizatsii raboty s molodyozhyu na munitsipalnom urovne [Contemporary technologies of the organization of the work with the youth at the municipal level]. *Molodyozh i molodyozhnaya politika: novye smysly i praktiki*. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [13] Lukov V.A. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: problema sotsialnogo proektirovaniya budushchego Rossii [The state youth policy: Social design of Russia's future]. *Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiya v XXI veke*. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [14] Lukov V.A., Gnevasheva V.A., Zakharov N.V. Sotsialnye i kulturnye tsennostnye orientatsii rossiyskoy molodyozhi [Social and cultural value orientations of the Russian youth]. *Obraz rossiyskoy molodezhi v sovremennom mire: ee samosoznanie i sotsiokulturnye orientiry*. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [15] Markina N.L., Tvirova Yu.A., Shumilova O.E. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: mirovoy i otechestvenny opyt [The state youth policy: World and national experience]. *Izvestiya TGU. Gumanitarnye Nauki*. 2010; 2 (In Russ.).
- [16] *Molodezh Rossii 2000–2025: razvitie chelovecheskogo kapitala* [Youth of Russia in 2000–2025: Human Capital Development]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [17] *Molodezh Rossii v nachale XXI veka* [Youth of Russia in the Early 21st Century]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [18] Petrova T.E. Molodyozhnaya politika v Rossii na sovremennom etape [The contemporary state youth policy in Russia]. *Molodyozh i molodyozhnaya politika: novye smysly i praktiki*. Moscow; 2019 (In Russ.).

- [19] Rostovskaya T.K. Blagopoluchie molodoi semiy — osnova kachestva zhizni molodezhi [Well-being of the young family as the basis of the quality of life of the youth]. *Mezhdunarodny Akademicheskyy Vestnik*. 2014; 1 (In Russ.).
- [20] Rostovskaya T. K. Institutionalnye osnovy gosudarstvennoi molodezhnoi politiki [Institutional foundations of the state youth policy]. *Globalnye sotsialno-ekonomicheskie protsessy*. Pod. red. T.V. Naumenko, N.L. Smakotinoi. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [21] Rostovskaya T.K. Prinyatie Osnov GMP 2025 goda: faktor evolyutsionnogo razvitiya v sovremennoi Rossii [Adoption of the Basics of the State Youth Policy till 2025: A factor of the evolutionary development of contemporary Russia]. *Gosudarstvenny Sovetnik*. 2014; 4 (In Russ.).
- [22] Rostovskaya T.K. Programmny podkhod i ekonomicheskie zatraty na sotsialnyu zashchitu i podderzhku molodezhi v rossiiskikh regionakh [Program approach and economic costs of the social protection and support of the youth in Russian regions]. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*. 2014; 5 (In Russ.).
- [23] Rostovskaya T.K. Sotsialnoe konstruirovaniye pravovogo statusa molodezhi i molodoi semiy [Social design of the legal status of the youth and young families]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2014; 3 (In Russ.).
- [24] Rostovskaya T.K. *Tri kita upravleniya gosudarstvennoi molodezhnoi politikoi v sovremennoi Rossii* [Three Whales of the State Youth Policy Management in Contemporary Russia]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [25] Smakotina N.L. Novye podkhody v rabote s molodezhyu v usloviyakh globalizatsii [New approaches to the work with the youth under globalization]. *Novye podkhody v organizatsii raboty s molodezhyu*. Vol. 2. Yekaterinburg; 2013 (In Russ.).
- [26] Sheregi F.E. Grazhdanskaya identichnost molodezhi [Civil identity of the youth]. *Energiya: Ekonomika, Tekhnika, Ekologiya*. 2010; 3 (In Russ.).
- [27] Anderson J.Q. Individualization of higher education: How technological evolution can revolutionize opportunities for teaching and learning. *International Journal of Social Sciences*. 2013; 64.
- [28] Bergman A. Individualization in working life: Work and reflexive patterns among young adults in Sweden. *International Journal of Social Sciences*. 2013; 64.
- [29] Safrankova J.M., Sikyr M. A new generation on the labor market and challenges faced by current human resource management practice. *International Journal of Social Sciences*. 2018; 7 (1).
- [30] Wong V. How do ideas and discourses construct youth policies? The case of Hong Kong. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2018; 38 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291

Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга)*

З.В. Сикевич, Н.Г. Скворцов

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034
(e-mail: sikevich@mail.ru; n.skvortsov@spbu.ru)

В статье на материале эмпирических исследований рассматривается соотношение национальной и этнической идентичности молодых жителей Санкт-Петербурга. Изложенный материал и выводы опираются на серию социологических исследований, проведенных в 1996, 2011 и 2019 годы лабораторией этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ под руководством З.В. Сикевич. При этом учитываются данные других исследователей, занимающихся изучением аналогичной тематики в российских регионах. Представлена авторская интерпретация структуры национальной идентичности и типологии этнической идентичности. Отмечено наличие следующих форм соотношения национальной и этнической идентичности: доминирующая этническая идентичность, этнический радикализм, доминирующая национальная идентичность, этнонациональный радикализм, этническая и национальная индифферентность. Особое внимание уделено рангу национальной идентификации в системе групповых идентичностей и признакам общенациональной консолидации. С помощью контент-анализа рассмотрены символические интерпретации понятий «Россия», «гражданин» и «патриот». Отдельно анализируются выявленные в ходе исследований противоречия в национальной идентичности молодых людей. К наиболее значимым выводам отнесены следующие: 1) национальная (гражданская) идентичность доминирует над иными формами социальной идентификации молодежи; 2) конфессиональная идентичность в структуре социальных идентичностей занимает незначительное место, при этом фиксируется негативная дистанция в отношении представителей ислама; 3) этнический и этнонациональный радикализм характерен преимущественно для мужчин; 4) по сравнению с 2011 годом отмечена положительная динамика государственных установок и негативная динамика критического отношения к власти; 5) осознаваемая норма и установочное поведение молодежи не вполне согласуются; 6) гендерный фактор влияет на уровень и направленность как этнической, так и национальной идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность; национальная идентичность; молодежь; патриотизм; символика; консолидирующие признаки идентичности; толерантность; система ценностей

Исторический опыт свидетельствует, что существование и устойчивое развитие такого полиэтничного государства, как Россия, невозможно без наличия единой гражданской нации и соответствующего национального самосознания. Формирование национальной идентичности, основанной на осознании гражданской принадлежности, рассматривается сегодня как вопрос

* © Сикевич З.В., Скворцов Н.Г., 2020.

Статья поступила 14.02.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

государственной важности. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивает: «Идентификация исключительно через этнос, религию в крупнейшем государстве с полиэтническим составом населения, безусловно, невозможна. Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями — необходимое условие сохранения единства страны» [15].

Особое место в формировании национальной (гражданско-государственной) идентичности отводится молодежи. Именно этой социальной группе в будущем предстоит выступить консолидирующей силой, которая способна не только проводить политику, направленную на достижение единства и согласия многочисленных народов, проживающих на территории страны, но и обеспечивать достижение общенациональных интересов. В связи с этим наблюдается значительный исследовательский интерес к формированию национальной идентичности молодежи, соотношению этнической и национальной идентичностей в сознании молодых россиян [7; 8; 9; 16; 23], в том числе на материале исследований, проведенных в разных регионах [2; 12; 13].

Отечественная обществоведческая традиция имеет свои особенности в трактовке базовых понятий «нация» и «этнос» и производных от них [10; 21]. До сих пор идут дискуссии по поводу соотношения терминов «этническое» и «национальное», «этническая идентичность», «национальная идентичность» и «гражданская идентичность». Категории «этническое» и «национальное» нередко используются как взаимозаменяемые, т.е. воспринимаются как почти синонимы. Вместе с тем определились разделяемые большинством специалистов теоретические инварианты, которых мы будем придерживаться [3; 4; 6; 17; 20]. Под *этнической идентичностью* мы понимаем осознание и переживание принадлежности к этнической общности или группе. Ее важнейшими элементами выступают символические представления о территории («родная земля»), языке («родная речь»), религии («правильной», «истинной»), этноистории, культурных традициях, а также этноним (самоназвание). Этническую идентичность отличают этноцентризм, а также характерные паттерны группового и индивидуального поведения [5; 11]. *Национальная идентичность* выражается в признании разделяемых базовых символов, составляющих основу солидарности граждан государства (нации). Если нация — это «историческая, культурная и социально-политическая общность людей в рамках государственного образования, находящаяся под единой суверенной властью, обладающая общим самосознанием и общими ценностями при сохранении культурной сложности» [22. С. 136], то к национальным символам следует отнести символы государственности и патриотизма (гимн, флаг, герб и т.д.), историко-культурные символы [14], язык как символическую среду национальной солидарности и символы повседневности (образа жизни).

Очевидно, что национальное не тождественно этническому и несводимо к нему. В индивидуальном и групповом сознании этническая и национальная идентичности сосуществуют и пересекаются. Индивид всегда выступает носителем поликультурной национальной (русской) и монокультурной этнической (русской, татарской, еврейской, осетинской и др.) идентичностей. Формирование системы символов, образующих идентичность, происходит в ходе первичной и вторичной социализации — как семейной, так и институциональной. Если в семейной социализации доминирует формирование этнического самоопределения, то основной задачей институционального воспитания является передача и интериоризация базовых символов национальной идентичности.

Гипотетически соотношение этнической и национальной идентичности может выражаться в следующих формах:

1. *Доминирующая этническая идентичность* — этническое самоопределение преобладает над национальным, национальный компонент сохраняется, однако носит второстепенный характер (например, «я прежде всего татарин, но и россиянин тоже»).
2. *Этнический радикализм* — этническая идентичность обретает агрессивный характер интолерантности, национальный компонент полностью отсутствует или не признается («я татарин и только татарин»).
3. *Доминирующая национальная идентичность* — национальное самоопределение преобладает над этническим, но этнический компонент сохраняется (например, «я прежде всего россиянин, но и татарин тоже»).
4. *Этнонациональный радикализм* — этническая и национальная идентичность присутствуют в форме националистических лозунгов типа «Россия — для русских» (например, «я — русский, и только русские и есть настоящие россияне»).
5. *Этническая и национальная индифферентность* — этническое и национальное самоопределение выражено слабо, не актуализируются в сознании и поведении (вероятно, эта форма соотношения этнической и национальной идентичности присутствует в сознании части граждан независимо от этнической принадлежности [18. С. 103–107]).

В чем проявляется специфика молодежи, если речь идет о соотношении этнической и национальной идентичности? Обратимся к данным нескольких исследований лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ, которые проводились с 1996 по 2019 годы на квотной выборке Санкт-Петербурга, и в качестве одной из квот выступал возраст (18–29 лет). В основу статьи положены данные 2019 года — 153 респондента (выборка квотная по полу, все респонденты — русские); для сравнения в ряде случаев привлекаются данные двух опросов населения Санкт-Петербурга (квотная выборка по полу, возрасту и уровню образования): 1996 года — 571

респондент (лица в возрасте 18–29 лет — 152 человек, 26,4% выборки) и 2011 года — 489 (126 человек, 25,8% выборки).

Ранг национальной идентификации в системе групповых идентичностей и признаки общенациональной консолидации

Как соотносятся на уровне установок респондентов национальная (гражданская) и этническая идентичность? Вопрос формулировался следующим образом: «В какой степени лично Вы чувствуете свою принадлежность к следующим группам?» (Табл. 1).

Таблица 1

Членство в социальных группах (средний ранг от 1 до 6)

Группы людей	В целом	Мужчины	Женщины
Граждане России	2,3	2,2	2,3
Русские	2,5	2,3	2,6
Петербуржцы	3,5	3,5	3,5
Славяне	3,8	3,7	3,9
Европейцы	4	3,9	4,1
Православные христиане	4,9	5,1	4,6

Ранг этнической и национальной идентичности респондентов практически совпадает (1–2 места). Третье место локальной идентичности, скорее всего, объясняется тем, что в выборке преобладали студенты (61,7%), примерно половина из которых были приезжими и еще не успели проникнуться духом города, типичным для коренных петербуржцев. Примечательно, что в опросе 2011 года, где в данной возрастной группе студентов было существенно меньше (23,9%), локальная идентичность заняла второе место после этнической (соответственно 2,2, 2,3 и 2,4). Принадлежность к славянскому и европейскому «миру» отличается незначительно (0,2 балла). В исследовании 2011 года европейская идентичность превышала славянскую (3,8 и 3,9). Некоторое усиление роли общеславянской принадлежности в 2019 году, видимо, обусловлено изменившейся внешнеполитической ситуацией и культивируемым в СМИ образами изоляции России. Последнее место заняла конфессиональная идентичность, что несколько противоречит утвердившемуся мнению о повышении роли традиционной религии в национальном самосознании русских. Возможно, это петербургская специфика, причем неизменная во времени. Во всех наших опросах, где фигурировал вопрос о членстве в социальных группах, религия всегда получала самый низкий ранг.

Ранжирование членства в группах выявило влияние пола респондентов. Если уровень национальной идентичности у обоих полов практически не различается, то этническая идентичность у мужчин более выражена, а женщины несколько больше ориентированы на конфессиональную идентичность, хотя и у них она занимает последнее место.

Понимание респондентами различий между национальной идентичностью («мы — россияне») и этнической идентичностью («мы — русские»), причем в пользу первой, показал ответ на контрольный вопрос о восприятии лозунга «Россия — для русских». Лишь 13,7% относятся к нему положительно (отрицательно — 71,8%, с безразличием — 14,5%). Сторонники лозунга объясняли свой ответ тем, что русские — государствообразующий народ и потому должны иметь преимущества перед «меньшинствами». Для противников этой идеологии характерны такие ответы: «лозунг оскорбляет нерусских граждан»; «Россию строили не только русские»; «у нас страна многонациональная»; «отношусь к другим так, как хочу, чтобы они относились ко мне». Представляется, что последнее мнение — точная и конкретная иллюстрация понятия «толерантности», которая особенно важна для России, где подавляющее число «меньшинств» являются коренными, что отличает Россию от стран ЕС, где меньшинства состоят главным образом из этнических мигрантов.

Примечательно, что на прямой вопрос «Русские и россияне — это одно и то же или нет?» 78,4% ответили отрицательно, 16,2% уклонились от ответа, а утвердительно высказались всего 5,4% респондентов.

Еще один контрольный вопрос, сформулированный в виде неоконченного предложения «То, что в паспорте нет графы национальность...», косвенно выявил соотношение этнической и национальной идентичности у участников опроса и подтвердил преобладание гражданского самосознания над этнической самоидентификацией. Большинство относится к отсутствию национальной графы в паспорте безразлично (48,1%) или положительно (33,7%), только 18,2% выразили недовольство по этому поводу («неправильно», «сомнительно», «странно», «шаг к развитию космополитизма»).

Те, кто поддерживает лозунг «Россия для русских», полагают, что «русские и россияне — одно и то же», и недоволен отсутствием графы «национальность» в паспорте — это на 87,9% мужчины «старшего» возраста (25–29 лет). Численность этой группы (условные «этноцентристы») колеблется в пределах 13–18% респондентов.

Что, прежде всего, объединяет граждан России независимо от национальной принадлежности? Согласно данным в Таблице 2, первое место занимает «русский язык», что вполне закономерно: все его носители понимают, что именно язык представляет собой базовую символическую среду как этнической, так и национальной идентичности. Это понимание особенно характерно для женщин, а мужчины — большие «государственники», что косвенно подтверждает и их ориентацию на гражданскую идентичность. Остальные факторы общенациональной консолидации, за исключением истории, сдвигаются на второй план как, по мнению респондентов, менее значимые для формирования единого чувства «мы». Примечательно, что такое же распределение было получено в

исследовании 2011 года, что свидетельствует об устойчивости признаков, объединяющих граждан России.

Таблица 2

Консолидирующие признаки национальной идентичности (средний ранг от 1 до 7)

Факторы	В целом	Мужчины	Женщины
Русский язык	2,8	3	2,6
Государство	3,3	3,1	3,5
Ценности, культура	3,5	3,6	3,5
История	3,8	3,7	3,8
Образ жизни	4,6	4,6	4,6
Мировосприятие	4,6	4,5	4,6
Природа	5,4	5,6	5,2

Россия в восприятии молодых петербуржцев

Что именно молодые петербуржцы вкладывают в понятие «Россия», мы выясняли посредством методики символических ассоциаций с последующим контент-анализом вербальных конструкторов. Эта методика дает возможность слегка приподнять «завесу» нормативных рефлексий и социального контроля. Вопрос был сформулирован так: «Напишите первые три слова, которые лично Вам приходят в голову, когда Вы слышите слово “Россия”». Такой же вопрос мы задавали и в 2011 году. В последнем исследовании стояла задача обнаружить динамику интерпретации этого понятия, и в целом символические коннотации России не слишком изменились (Табл. 3).

Таблица 3

Символика России (обобщенные данные контент-анализа)

Рубрики	2019, % ответов по рубрике	2011, % ответов по рубрике
Пространство, природа	26,1	27,1
Государственность	23,9	14,3
Негативные оценки	14,3	8,1
Позитивные оценки	12,6	20
Духовные ценности, культура	5,7	5,1
Персоналии	5,6	12,1
Географические понятия	5,1	6,2
Экономика	3,4	2
Образ жизни, быт	3,3	5,1

Наиболее примечателен тот факт, что Россия для опрошенных молодых петербуржцев — это, прежде всего, не государство, пусть даже и подкрепляющая самоуважение великая держава, а родная сторона, пространство, воспринимаемое в первую очередь эмоционально. Не случайно и то, что такие рациональные характеристики, как культура, экономика и образ жизни, даже

государственная атрибутика по числу ответов уступают природно-географическим и эмоциональным характеристикам (в совокупности положительных и отрицательных оценок: 26,9% в 2019 году и 28,1% в 2011-м).

Обратимся к наиболее интересным деталям отдельных рубрик, прежде всего, к самой объемной по числу мнений — природно-географической. Россия — «бескрайняя», «необъятная», ассоциируется с «ширью», «землей», «родными просторами» и «русским полем». Леса в символическом восприятии («рощи», «тайга», «рощи» и т.п., около 3%) преобладают над степью или равниной (менее 1%). В природный образ России включен ее «небесный цвет» и климатические особенности («мороз», «холод», «снег»). Животный мир представлен традиционным «медведем» (около 2%) и «журавлями». В обоих исследованиях у респондентов возникали практически те же ассоциации, что свидетельствует об устойчивости восприятия России в пространственном измерении и косвенно подтверждает идею Л.Н. Гумилева и его предшественников — философов Серебряного века — о географической детерминированности национального самосознания русских.

В отличие от исследования 2011 года атрибуты государственности в ответах 2019 года стали более многочисленными и имеют выраженную «державную» направленность. Так, Россия — «независимая», «мощная», «могучая», «непобедимая» и «священная», готовая «дать отпор врагам» и снискать «славу». Примерно в 3% ответов упоминается двуглавый орел, триколор и российский гимн. Такого рода ассоциации возникают главным образом у мужчин и этим отличаются от природно-географических атрибуций, где фактор пола незначим.

Еще одно отличие последнего исследования — превышение негативных оценок над позитивными: в 2011 году число положительных атрибуций превышало отрицательные примерно в 2,5 раза (Табл. 3). Позитивные оценки по содержанию в обоих исследованиях практически совпадают. С Россией ассоциируется «вера», «любовь», «широта души», «доброта». Россия — красивая, хлебосольная, гостеприимная и неповторимая. Негативные атрибуции характеризуют не столько родную страну или государство, сколько власть. Наиболее типичные ассоциации — бесправие, несправедливость, несвобода, воровство, коррупция и неравенство. Вместе с тем респондентам не чужда самокритика — они говорят о «разгильдяйстве», «бесшабашности», «агрессивности» и «разобщенности» людей.

В символическом восприятии респонденты не вполне осознанно разделяют три базовых для национальной идентичности понятия — Родину, государство и власть. Власть их скорее не устраивает, государство — держава — не столько реальность, сколько традиционный миф, подкрепляющий национальную гордость и самоуважение. Поэтому объектом патриотических чувств у большинства становится родина (21,1%), а также мифологизированный образ российского государства, но не государственная власть. В большинстве ассоциаций используется именно понятие «родина» («родная», «мать»,

«дом»), а не близкие по смыслу «отечество» или «отчизна». Представляется, что это отражает модальность данной категории для русского сознания (не случайно однокоренными являются понятия «народ», «роды» и «роженица»). С позиции этнопсихолингвистики это явный показатель того, что в народном сознании сложился женский образ страны (среди ответов появляется идиома «Русь-матушка»). Не случайно и то, что с Россией ассоциируются такие качества, как «вера» и «доброта», т.е. женские, а не мужские черты.

Значительно беднее, чем в исследовании 2011 года, представлены ассоциации в рубрике «персоналии». Если в первом исследовании с Россией ассоциировались, наряду с политиками, писатели, художники и ученые (в основном в ответах представителей старших возрастных групп), то в 2019 году Россию представляют исключительно политики — Путин, Петр Первый, Романовы и Сталин, что, видимо, косвенно свидетельствует о сокращении духовного багажа нынешней молодежи по сравнению с предыдущим молодым поколением. В отличие от более раннего исследования в ряду ассоциаций появилась рубрика «экономика», представленная газом, нефтью, якутскими алмазами и Газпромом, однако в целом с понятием «Россия» экономика связана крайне слабо.

Какие символы России оказались модальными в групповом портрете страны (Табл. 4)?

Таблица 4

Модальные ассоциации к слову «Россия» (названные более чем 5% респондентов)

Характеристики	2019, %	2011, %
Большая (огромная, просторы)	42,2	27,4
Держава (великая, сильная)	32,2	19,9
Родина	21,1	30,4
Природа	11,1	7
Красивая	10,1	4,8
Петербург	9,3	16,6
Коррупция	8,9	1,3
Москва	8,8	5,3
Путин	7,8	4,2
Широта души	6,6	1,9
Богатая	6,4	4,3
Бедная	5,6	–

Первые три места по числу характеристик в обоих исследованиях совпадают, хотя в 2011 году Россия чаще ассоциировалась с понятием «родина», а в 2019 году — с ее пространством и «державностью». В предыдущем исследовании по числу ассоциаций Петербург занял четвертое место, а в последнем опросе — лишь шестое, сравнявшись почти с Москвой, что объясняется преобладанием коренных петербуржцев в более раннем исследовании. Обращает на себя внимание большая частотность ассоциации «коррупция» и появление коннотации «бедная», которая в исследовании 2011 года отсутствовала.

Среди персоналий в 2011 году доминировали Петр Первый и Пушкин (6,7% и 6,1%), в последнем опросе их вспомнили, соответственно, 4,1% и 2,8% респондентов.

Таким образом, правомерно сделать вывод, что образ России в сознании респондентов, с одной стороны, стал более критичным, а, с другой стороны, носит более государственный характер — это косвенное свидетельство роста уровня национальной идентичности. Фактор пола не оказывает заметного воздействия на ассоциации, за исключением восприятия государства (у мужчин) и положительных оценок (у женщин). Характерно, что в пространственно-географическом отношении ассоциации мужчин и женщин практически не различаются (43,1% и 40,9%). Символические ассоциации образа России чрезвычайно устойчивы, особенно природно-географические и эмоциональные — во всех наших исследованиях (1996, 2011 и 2019) они занимали ведущие места.

Гражданин России и патриот — кто это?

С учетом относительно высокой численности «государственников» среди респондентов важно было выяснить, какое содержание они вкладывают в понятия «гражданин» и «патриот». Респондентам были предложены незаконченные формулировки, начало которых звучало так: «Гражданин — это тот, кто...» и «Патриотом можно назвать того, кто...». Первое предложение закончили 100% респондентов, второе — 94,4% (Табл. 5).

Таблица 5

Понятие «гражданин» (контент-анализ ответов, в % ответивших)

Рубрики	%
Формальные признаки гражданства	36,8
Испытывает положительные чувства	27,4
Законопослушен, знает права и обязанности	15,8
Приносит пользу стране	4,4
Чувствует себя частью страны	4
Является носителем культуры своей страны	4
Негативно относится к гражданству	4,6

Более трети участников опроса приписывают понятию «гражданин» формальные признаки гражданства («имеет российский паспорт», «постоянно живет на территории России», «родился в России»). Почти 70% из числа тех, чьи ответы включены в данную рубрику, указали в качестве признака гражданства наличие российского паспорта. Примерно четверть респондентов интерпретируют это понятие в эмоциональном ключе: «гордится», «уважает страну» (10,3%), «любит и поддерживает», «неравнодушен к России» и т.п. В целом эмоциональное отношение как к этнической, так и национальной идентичности типично для участников большинства наших опросов, что

подтверждает известное положение об аффективной стороне идентичности. Примерно каждый седьмой-восьмой респондент интерпретирует категорию гражданства в правовом ключе («соблюдает законы», «знает Конституцию», «несет ответственность перед законом», «знает свои обязанности»). Остальные рубрики включают относительно небольшое число ответов. Гражданин — это тот, кто «является частью огромного государства», «часть могучей державы», «достойно представляет страну» и т.п.; «приносит пользу своей стране», «улучшает Россию своим трудом», «несет ответственность за свое государство» и др.; «знает историю России», «ценит творения дедов и прадедов», «соблюдает культурные традиции» и т.п. Следует обратить внимание на немногочисленные негативные коннотации, высказанные студентами-мужчинами: «боится государства», «не имеет базовых прав», «страдает от вороватых политиков», «бедно живет», «живет худо-бедно» и т.п. В целом пол влияет на ответы незначительно и проявляется только в интерпретации понятия «гражданин» в правовом аспекте: «законопослушание» как признак гражданства отмечают почти исключительно женщины.

Понятие патриотизма интерпретируется менее формально, хотя именно патриотизм выступает основой национальной идентичности (Табл. 6).

Таблица 6

Понятие «патриот» (контент-анализ ответов, в % ответивших)

Рубрики	%
Социальное поведение (действия)	38,3
Любовь к Родине	25
Другие положительные чувства	18,3
Знания (когнитивный аспект)	11,7
Развернутые определения	6,7

В отличие от категории «гражданин», в котором доминировали формальные признаки, отношение к понятию «патриот» значительно более эмоциональное. Более трети участников опроса вполне справедливо полагают, что патриотизм выражается, прежде всего, в делах. Наиболее типичные, преимущественно «мужские» ответы: «делает что-то на благо страны»; «готов жертвовать собой ради России»; «не оставит Родину в беде»; «готов отдать жизнь за свою страну» и т.п. О чувствах, свойственных патриоту, чаще говорят женщины: патриотизм проявляется, прежде всего, в любви к Родине, преданности ей, в национальной гордости, верности ее интересам, уважении к стране.

Патриот «отдает предпочтение своей стране, даже если условия жизни в других странах лучше, чем дома». Это человек, который «не только любит свою страну, но старается сделать ее лучше». Когнитивный аспект патриотизма присутствует лишь в каждом десятом ответе («знает историю», «знает традиции и придерживается их», «погружен в мир своей культуры» и др.).

Развернутые ответы несут в себе не только позитивный, но и негативный, критический заряд: в частности, «умеет объективно оценить не только достоинства, но и недостатки своей страны», «уважает страну, но не тех, кто ею правит», «любит кричать о том, какая Россия — хорошая, а другие страны — плохие».

Противоречия национальной идентичности

На первый взгляд при анализе массива ответов может возникнуть впечатление, что с формированием национальной идентичности молодежи все обстоит благополучно, и гражданское самосознание в целом доминирует над этнической самоидентификацией. Однако некоторые эмпирические данные этому противоречат. Так, 31% опрошенных всегда обращают внимание на национальность (этническую принадлежность) окружающих (на улице, в транспорте), 17,6% делают это, если окружающие им чем-то несимпатичны, и 40,6% национальность незнакомых людей не интересует (Табл. 7).

Таблица 7

Внимание к национальности окружающих (в % опрошенных)
(за 1996 и 2011 годы приведены общие данные по массиву)

Реакция	1996	2011	2019
Обычно да	28,4	26	31
Да, если они мне чем-то не симпатичны	19,1	22,4	17,6
Обычно нет	39,6	37,1	40,6
Трудно сказать	12,9	14,5	10,8

Характерно, что во всех трех опросах делали акцент на внешних признаках национальности скорее мужчины (1996: мужчины — 37,1%, женщины — 19,7%; 2011: 31,1% и 20,9%; 2019: 35,3% и 26,7%) и молодежь (1996: 1 и 2 варианты в возрастной группе 18–29 лет — 54,1%, старше 60 лет — 40,7%; 2011: 53,8% и 43,9%). Получается, что люди, сформировавшиеся в советский период, больше соответствуют европейской норме игнорирования этнических признаков, чем молодежь, воспитанная в постсоветские времена. В этом и состоит парадокс: прежняя система, нетерпимая к политическому инакомыслию, в сфере национальной политики успешно прививала так называемый «советский интернационализм», а интернационализм, если его извлечь из идеологической обертки, мало чем отличается от современной толерантности, поэтому бывшие советские люди, в отличие от своих детей и внуков, реже проявляют этноцентризм. Очевидно, что фиксация внешних признаков национальности проявляется лишь в случае акцентуации этнической принадлежности, в то время как для человека с доминирующей национальной идентичностью она должна играть незначительную роль.

Другое противоречие можно обнаружить, анализируя завершения незаконченного предложения «Президент России по национальности должен

быть...». Можно было бы предположить, что при высоком уровне развития гражданской идентичности национальность президента не должна играть роль, но это так лишь для половины опрошенных (52,3%), отметивших, что важнее национальности образование, честность и порядочность. 45,5% придерживаются иной, этноцентристской точки зрения: «только русский» («славянской национальности»), «православный христианин»). Примечательно, что уклонились от ответа лишь 2,2%, что косвенно свидетельствует о том, что молодые петербуржцы имеют по этому поводу сформированную точку зрения.

Не менее примечательны и два других продолжения незаконченных предложений, которые выявили конфессиональную нетолерантность у значительной части опрошенных. Так, треть респондентов (32,3%) отнеслась бы негативно к желанию близкой родственницы (дочери или сестры) выйти замуж за мусульманина и практически столько же (34,2%) выступают против того, чтобы в Петербурге построили еще одну мечеть. Эти данные противоречат заявленной национальной идентичности — ведь гражданами России являются не только христиане, но и представители других конфессий.

И, наконец, пожалуй, наиболее тревожный факт: 56,1% молодых петербуржцев хотели бы переехать в другую страну в случае предоставления им хорошо оплачиваемой работы. Предпочтительными странами эмиграции являются Канада, США, ФРГ и Швейцария. Не вызывает сомнения, что последняя установка слабо согласуется с декларируемым патриотизмом. Как объяснить это противоречие? Во-первых, сознание молодежи внутренне противоречиво, поэтому декларируемая норма может не совпадать с установками реального поведения. Во-вторых, ответы во многом зависят от постановки вопроса, и контрольные вопросы в форме проективных ситуаций позволяют преодолеть нормативную рефлексию и вызвать спонтанную реакцию. Возникает разрыв между тем, как быть должно, и тем, чего хочется, и этот разрыв в определенном смысле естественен. Следует отметить, что у женщин согласованность нормы и предполагаемого поведения выше, чем у мужчин.

Таким образом, проведенные исследования и анализ результатов позволяют сформулировать следующие выводы: в целом национальная (гражданская) идентичность доминирует над иными формами социальной идентификации молодежи, этническая идентичность имеет положительную направленность, а конфессиональная идентичность занимает незначительное место; отчетливо наметилась положительная динамика государственных установок и негативная динамика критического отношения к власти; осознаваемая норма и поведение у молодежи не вполне согласованы, причем пол влияет на уровень и направленность как этнической, так и национальной идентичности.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00219.

Библиографический список

- [1] *Арутюнова Е.М.* Государственно-гражданская и этническая идентичность молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017.
- [2] *Арутюнова Е.М.* Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодежи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 4.
- [3] *Васильева Л.Н.* Российская идентичность: правовые условия формирования // Журнал российского права. 2015. № 2.
- [4] *Горшков М.К., Тюрина И.О.* Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [5] *Дробышева Л.М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12.
- [6] *Дробышева Л.М., Рыжова С.В.* Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Политические исследования. 2015. № 5.
- [7] *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Политические исследования. 2010. № 4.
- [8] *Еремينا Е.В., Ретинкая В.Н.* Гражданская идентичность молодежи как приоритетное направление государственной политики // Власть. 2014. № 4.
- [9] *Кожанов И.В.* Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3.
- [10] *Козлов В.И.* Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение. 1995. № 6.
- [11] *Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2.
- [12] *Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В.* Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3.
- [13] *Муянова Б.М.* Национальное самосознание и этническая идентификация студентов Калмыкии // Социологические исследования. 2009. № 9.
- [14] *Поссель Ю.А.* Гражданская идентичность как фактор социальных ожиданий в восприятии исторического прошлого // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей. СПб., 2016.
- [15] *Путин В.В.* Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>.
- [16] *Рожкова Л.В.* Идентичность современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки: Социология. 2010. № 2.
- [17] *Санина А.Г.* Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12.
- [18] *Сикевич З.В.* Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012.
- [19] *Сикевич З.В., Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Поссель Ю.А.* Межэтническая семья в современной России. СПб., 2018.
- [20] *Скворцов Н.Н.* Формирование национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 20. № 4.
- [21] *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
- [22] *Тишков В.А.* Российская полиэтничность в мировом контексте // Вестник Российской нации. Спецвыпуск 2008–2016 (№ 51).
- [23] *Чеботарева Е.Ю.* Этническая идентичность молодежи в полиэтничной среде // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1.
- [24] *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию. СПб., 1996.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291

Correlation of national and ethnic identity of the youth (on the example of Saint Petersburg) *

Z.V. Sikevich, N.G. Skvortsov

Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: sikevich@mail.ru; n.skvortsov@spbu.ru)

Based on the empirical research, the article considers the correlation of national and ethnic identities of the youth of Saint Petersburg. The authors' conclusions are based on a series of sociological studies conducted in 1996, 2011 and 2019 by the Laboratory of Ethnic Sociology and Psychology of the Faculty of Sociology of the Saint Petersburg State University under the guidance of Z.V. Sikevich and also on the data of other researchers studying similar issues in different Russian regions. The authors present their interpretation of the structure of national identity and typology of ethnic identities; consider the following forms of correlation of national and ethnic identities — dominant ethnic identity, ethnic radicalism, dominant national identity, ethno-national radicalism, ethnic and national indifference; focus on the rank of national identification in the system of group identities and on the indicators of national consolidation; use content analysis to identify the symbolic interpretations of the words 'Russia', 'citizen' and 'patriot'; analyze contradictions in the national identity of the youth. The article presents the following most important findings of the study: 1) national (civil) identity dominates other forms of social identification of the youth; 2) in the structure of social identities, confessional identity is insignificant, while there is negative distancing towards representatives of Islam; 3) ethnic and ethno-national radicalism is typical for men; 4) compared to 2011, the positive trend of statist attitudes and the negative trend of critical attitudes to power are obvious; 5) the perceived norm and attitudinal behavior of the youth are not quite consistent; 6) gender affects the level and type of both ethnic and national identity.

Key words: ethnic identity; national identity; youth; patriotism; symbolism; consolidating features of identity; tolerance; system of values

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No 19-011-00219.

References

- [1] Arutyunova E.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost molodyozhi: obshcherossiysky kontekst i regionalnaya spetsifika [State-civil and ethnic identity of the youth: The all-Russian context and regional specifics]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Arutyunova E.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost russkoy molodyozhi v Respublike Sakha (Yakutiya): dinamika predstavleniy [State-civil and ethnic identity of the Russian youth in the Republic of Sakha (Yakut): Dynamics of representatives]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2019; 7 (4) (In Russ.).
- [3] Vasilieva L.N. Rossiyskaya identichnost; ppravovye usloviya formirovaniya [Russian identity: Legal conditions of development]. *Jurnal Rossiyskogo Prava*. 2015; 2 (In Russ.).
- [4] Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Sintez etnonatsionalnogo i grazhdanskogo kak osnova rossiyskoy identichnosti [Synthesis of ethnic and civil as a basis for the Russian identity]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 18 (1) (In Russ.).
- [5] Drobizheva L.M. Identichnost i etnicheskie ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede [Identity and ethnic attitudes of Russians in their own and different ethnic environment]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 12 (In Russ.).

* © Z.V. Sikevich, N.G. Skvortsov, 2020.

The article was submitted on 12.02.2020. The article was accepted on 31.03.2020.

- [6] Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii [Civil and ethnic identity and image of the desired state in Russia]. *Political Studies*. 2015; 5 (In Russ.).
- [7] Evgenieva T.V., Titov V.V. Formirovanie natsionalno-gosudarstvennoy identichnosti rossiyskoy molodyozhi [Formation of the national identity of the Russian youth]. *Political Studies*. 2010; 4 (In Russ.).
- [8] Eremina E.V., Retinskaya V.N. Grazhdanskaya identichnost molodyozhi kak prioritethoe napravlenie gosudarstvennoy politiki [Civil identity of the youth as a priority of the state policy]. *Vlast*. 2014; 4 (In Russ.).
- [9] Kozhanov I.V. Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti lichnosti: problema vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti [Personal civil and ethnic identities: Issue of interconnection and interdependence]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2013; 3 (In Russ.).
- [10] Kozlov V.I. Problematika “etnichnosti” [Issue of ‘ethnicity’]. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 1995; 6 (In Russ.).
- [11] Kochetkov V.V. Natsionalnaya i etnicheskaya identichnost v sovremennom mire [National and ethnic identity in the contemporary world]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologia i Politologia*. 2012; 2 (In Russ.).
- [12] Madyukova S.A., Persidskaya O.A., Popkov Yu.V. Obshchenatsionalnaya i etnicheskaya identichnost molodyozhi etnicheskikh grupp respublik Sibiri v sravnitelnoy perspektive [National and ethnic identity of the youth from ethnic groups of the Siberian republics in the comparative perspective]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2017; 3 (In Russ.).
- [13] Munyanova B.M. Natsionalnoe samosoznanie i etnicheskaya identifikatsia studentov Kalmykii [National self-consciousness and ethnic identity of the Kalmyk students]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2009; 9 (In Russ.).
- [14] Possel Yu.A. Grazhdanskaya identichnost kak faktor sotsialnykh ozhidaniy v vospriyatii istoricheskogo proshlogo [Civil identity as a factor of social expectations in the perception of the historical past]. *Integrativnyy podkhod k psikhologii cheloveka i sotsialnomu vzaimodeystviyu lyudey*. Saint Petersburg; 2016 (In Russ.).
- [15] Putin V.V. Vystuplenie na zasedanii Mezhdunarodnogo discussionnogo kluba “Valday” 19 sentyabrya 2013 goda [Speech at the meeting of the Valdai International Discussion Club, September 19, 2013]. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (In Russ.).
- [16] Rozhkova L.V. Identichnost sovremennoy studencheskoy molodyozhi [Identity of the contemporary student youth]. *Izvestiya Vyschikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhsky Region. Obshchestvennye Nauki: Sotsiologia*. 2010; 2 (In Russ.).
- [17] Sanina A.G. Formirovanie rossiyskoy identichnosti: grazhdansko-gosudarstvennyy podkhod [Formation of the ethnic identity: Civil-state approach]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2012; 12 (In Russ.).
- [18] Sikevich Z.V. *Etnicheskie paradoksy i kulturnye konflikty v rossiyskom obshchestve* [Ethnic Paradoxes and Cultural Conflicts in the Russian Society]. Saint Petersburg; 2012 (In Russ.).
- [19] Sikevich Z.V., Bezrukova O.N., SamoiloVA V.A., Possel Yu.A. *Mezhetnicheskaya semiya v sovremennoy Rossii* [Interethnic Family in Contemporary Russia]. Saint Petersburg; 2018 (In Russ.).
- [20] Skvortsov N.G. Formirovanie natsionalnoy identichnosti v sovremennoy Rossii [Formation of national identity in contemporary Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2016; 20 (4) (In Russ.).
- [21] Tishkov V.A. *Rossiyskiy narod: istoria i smysl natsionalnogo samosoznaniya* [Russian People: History and Meaning of the National Self-Consciousness]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [22] Tishkov V.A. Rossiyskaya polietnichnost v mirovom kontekste [Russian multi-ethnicity in the global context]. *Vestnik Rossiyskoy Natsii*. 2008-2016; 51 (In Russ.).
- [23] Chebotareva E.Yu. Etnicheskaya identichnost molodyozhi v polietnicheskoy srede [Ethnic identity of the youth in the multi-ethnic environment]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogy*. 2012; 1 (In Russ.).
- [24] Shpet G.G. *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic Psychology]. Saint Petersburg; 1996 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306

Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН)*

Ж.В. Пузанова¹, Н.П. Нарбут^{1,2}, Т.И. Ларина¹, А.Г. Тертышникова¹

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
ул. Кржижановского 24/5–5, Москва, Россия, 117218
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; narbut-np@rudn.ru;
larina-ti@rudn.ru; tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Изучение массового сознания — одна из наиболее актуальных социологических проблем. Историческая память выступает частью массового сознания и очевидно, что историческая память об одном и том же событии будет иметь специфику в зависимости от социума. Память о Второй мировой войне в настоящий момент выступает объектом манипулирования со стороны политических сил в разных странах с целью изменить общественное мнение в пользу заинтересованных сторон. Особенно таким манипуляциям подвержена молодежь. Студенческая молодежь к тому же является реактивной силой общества и может впоследствии воспринятые влияния перевести в действия. Изучение исторической памяти, которой обладает интернациональное студенчество, дает уникальную возможность получить представления о взглядах на Вторую мировую войну в масштабе всего мира и создать их типологию. В статье приводится вариант типологии исторической памяти, основанный на классической структуре социальной установки и состоящий из аффективного (взгляды на справедливость итогов войны), когнитивного (знания основных вех войны) и поведенческого компонентов (знание и посещение памятных мероприятий по случаю окончания войны и наличие семейных историй). Всего выделено девять типов исторической памяти. Самый большой процент респондентов обладает эмоционально-историческим типом памяти, формально-историческим и «беспамятством». Если не учитывать «беспамятство», доля которого ниже среди российских студентов, у иностранных студентов преобладают эмоционально-исторический и формально-исторический типы памяти, а среди российских студентов — формально-исторический и ценностно-исторический типы. В статье показано, как был выделен каждый тип памяти. В этом смысле она может быть полезна методологам и специалистам в области социологии истории.

Ключевые слова: Вторая мировая война; историческая память; российские студенты; иностранные студенты; реконструкция истории; фальсификация истории

Суть исторической памяти состоит в осознанном отражении прошлого во всем его многообразии, однако существует множество проблем, связанных с интерпретацией исторических фактов. Исторический факт рассматривают с

---

* © Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г., 2020.
Статья поступила 18.01.2020 г. Статья принята к публикации 02.03.2020 г.

двух сторон: как историческое явление и как научное отражение явления, имевшего место в реальной жизни. Несмотря на то, что данные социологических исследований представляют собой ценный источник, раскрывающий важные стороны исторического бытия, они редко используются в исторических исследованиях.

Историческая память представляет собой сложное динамическое проявление психики и является двухуровневой структурой, включая в себя сознательную (что человек ответит, если задать ему соответствующий вопрос) и бессознательную память (чего человек не знает, но что неосознанно влияет на него и его окружение). Под искажением (фальсификацией) истории понимается вытеснение фактов из сознательной памяти в бессознательную. Это имеет негативные последствия, выражающиеся в социальной невротизации, которая ведет к утрате исторической памяти о фактах и обращении к иррациональным объяснениям событий в случае социального кризиса [1. С. 77]. Так, пустующее место фактов в памяти могут занять мифы, на которых воспитываются целые поколения, поэтому мониторинг содержания исторической памяти и ее реконструкции в социологии крайне важен.

Необходимо различать термины «историческая реконструкция» и «реконструкция истории». Социально-гуманитарные науки чаще всего обращаются к реконструкции с целью восполнения недостающих знаний о прошлом. Исторические науки используют реконструкцию для восстановления событий, поведения, социальной организации определенного периода. Понятие реконструкции истории имеет выраженное социологическое и социолингвистическое значения. При рассмотрении в контексте социальных практик и молодежной культуры историческая реконструкция — это социальное действие, имеющее целью воссоздать материальную и духовную культуры прошлого [2. С. 182]. Метод социологической реконструкции посредством изучения и понимания социальных фактов прошлого позволяет делать выводы о настоящем и составлять прогнозы на будущее [2. С. 181]. В статье понятия «историческая реконструкция» и «реконструкция истории» не тождественны, мы говорим только о «реконструкции истории», которая не является социальной практикой, а в широком смысле может пониматься как применяемый большинством гуманитарных наук метод исследования.

Н.Л. Мысливец и О.А. Романов справедливо полагают, что историки и социологи — основные игроки на поле *memory studies* — не сумели пока, несмотря на декларируемую междисциплинарность, найти общий язык относительно инструментария и задач работы. По-прежнему острой остается задача описания реального состояния исторической памяти, комплексного исследования ее содержания и функций, особенностей эволюции, роли государственной политики и учреждений образования и культуры в ее формировании и развитии [4. С. 17]. В статье представлены результаты части проекта «Реконструкция исторической памяти в контексте социальной

справедливости: к 75-летию Великой Победы», в котором реконструкция понимается в узком (методологическом) смысле, и попытка описания реального состояния исторической памяти.

В современном обществе обостряется конфликт между достоверными данными о войне и их фальсификацией. Исследователи стремятся заново истолковать события прошлого, поскольку спустя годы многие события воспринимаются иначе, публикуются новые документы, открываются новые сведения [9; 10]. Проблема состоит в том, что как только из истории вычеркиваются какие-либо факты, их место сразу занимают мифы и ложные интерпретации. Осознание существования антагонистических «воспоминаний» о событиях прошлого с современной плюралистической точки зрения выдвинуло на первый план вопросы исторической памяти и идентичности не только в общественном сознании, но и в научных дискуссиях. Проблема заключается в том, что в качестве реконструкции исторических событий часто выдаются фальсифицированные факты.

Понятие фальсификации истории обычно обозначает сознательное искажение исторических событий с определенной, чаще всего политической целью. В узком смысле под фальсификацией истории понимается тенденциозная трактовка, выборочное цитирование или манипуляция источниками информации для создания искаженного образа исторической реальности [1. С. 30]. Фальсификация истории может быть обусловлена идеологическими, политическими, коммерческими и другими мотивами. Выделяют две основные группы целей фальсификации. Первая представляет собой социально-политические, геополитические и идеологические мотивы, которые могут быть связаны с пропагандой, нацеленной на компрометацию страны на международной арене. Вторая группа мотивов содержит личностно-психологические и коммерческие мотивы, нацеленные на самоутверждение, получение известности, общественного признания в короткие сроки посредством «сенсации», которая может перевернуть существующие в обществе представления о событиях прошлого [1. С. 31]. Любые попытки объединения разных исторических интерпретаций, а также поиск идеологического консенсуса обречены на провал, поскольку приводят к нарушению причинно-следственных связей и, как следствие, к противоречивым выводам, недостоверным с научной точки зрения.

Одним из средств непрекращающейся информационной борьбы против России является фальсификация итогов Второй мировой войны. Изменению геополитической обстановки в мире в конце XX века способствовал распад Советского Союза и биполярной системы эпохи холодной войны, которые привели к установлению однополярного мира во главе с США и их союзниками. При этом Российская Федерация как правопреемник СССР остается государством, которое проводит суверенную политику, поэтому у апологетов сохранения однополярного мира существует объективная заинтересованность в

том, чтобы принизить роль России в международных делах, в том числе в рамках «нового прочтения» итогов Второй мировой войны, которое позволило бы перевести Россию из разряда страны-победителя в разряд государства-агрессора. Эти попытки длятся уже 75 лет, но в нынешних условиях становятся заметными как никогда прежде. Этому отчасти содействует «кибернетическая революция» в информационном пространстве, которая повлекла за собой внедрение во все сферы жизни систем, основанных на применении электронных устройств, с помощью которых поставленные цели достигаются быстрее и эффективнее. Эти устройства стали ключевым средством достижения политических и иных целей в информационной войне, чем и пользуются фальсификаторы истории, стремясь внедрить в сознание человечества новую версию событий: Запад в предлагаемом новом прочтении истории Второй мировой войны является спасителем человечества от чумы XX века — тоталитаризма (нацизма и сталинизма), а Российская Федерация предстает наследницей агрессивной тоталитарной советской империи. Такие вымыслы характерны для политиков и историков, которые стремятся сделать карьеру на разжигании национальной и расовой вражды. Для этого они либо подтасовывают факты, которые несут основную смысловую нагрузку в исторических событиях, либо извращают их. В этой связи рассмотрение реконструкции истории в контексте исторической памяти приобретает особую актуальность.

Согласно аналитике ВЦИОМ за 2019 год, при ответе на вопрос «Как Вы думаете, насколько серьезный вклад в победу во Второй мировой войне внес СССР?» в самой молодой возрастной группе 18–24 летних доля тех, кто склонен полагать, что вклад СССР основной и очень значительный, оказалась меньше — 74% против 79%–90% в других возрастных группах, и больше тех, кто говорит, что СССР не внес никакого вклада [8]. Это показывает небезуспешность фальсификаций, направленных, прежде всего, на молодежь. В России и других постсоветских странах не только падает уровень знания истории, но и меняется социальная норма: представители молодого поколения легче, по сравнению со старшими, признаются в незнании истории и чаще считают правильным не испытывать особых эмоций по поводу событий прошлого [6]. Это может быть результатом как идеологических влияний, так и политики в сфере образования.

Изучение исторической памяти важно в общероссийском масштабе, но еще интереснее получить оценки одних и тех же событий представителями разных стран — такая возможность есть в РУДН. Изучение сознания студенчества как наиболее реактивной силы общества, в то же время наиболее подверженной влиянию современных средств массовой информации, чрезвычайно актуально. В центре статьи — результаты проекта, посвященного реконструкции исторической памяти о Второй мировой войне в контексте справедливости, которые касаются типологии исторической памяти, где предпринята попытка совместить сознательные и бессознательные аспекты.

В методологическом плане любая типология — это авторский конструкт. Предложенная типология базируется на концепте структуры социальной установки, включающей когнитивный, аффективный и поведенческий аспекты. За когнитивный компонент отвечают вопросы о датах войны, за аффективный — вопрос о справедливости исхода, за поведенческий — вопрос о памятных мероприятиях, а также семейных историях, связанных с войной. В исследовании была использована квотная выборка — опрошены 456 российских студентов и 416 иностранных. Генеральная совокупность — 14824, квоты были заданы по 12 факультетам и институтам, курсам и регионам мира (Латинская Америка — 32 респондента, 7,6% генеральной совокупности, Африка — 85, 20,4%, Ближний и Средний Восток — 43, 10,3%, Азия — 96, 23%, Европа — 41, 9,8%).

Чтобы определить, какие типы памяти присутствуют у респондентов, необходимо высчитать, какие характеристики их составляют. Были выбраны три индикатора для расчета интегральной переменной по типам памяти: справедливость, знания и память. У каждого индикатора есть компоненты, из сочетания которых получается набор характеристик для определения типа памяти. Всего было выделено 9 типов памяти: лично-историческая, диспозиционная, формально-историческая, эмоционально-историческая, фрагментарно-историческая, мифологическо-историческая, субъективно-историческая, ценностно-историческая, «беспамятство».

На основе подхода К.С. Романовой были выделены «мягкая» и «жесткая» память: «мягкая» память — личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях; «жесткая» — закрепленная в форме разнообразных мест памяти, музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов [7. С. 34]. Индикатор «память» раскладывается на: мягкую (1); жесткую (2); полную (3). Для определения наличия «жесткой» памяти был использован ряд вопросов, среди которых наиболее важный — «Укажите, пожалуйста, в первом столбце таблицы, какие мероприятия, проводимые в вашей стране и приуроченные ко Второй мировой войне, Вы знаете. Подчеркните, пожалуйста, «да» во втором столбце, если Вы принимали участие в этом мероприятии хотя бы один раз, или «нет», если не принимали участие. Если Вы затрудняетесь ответить, переходите к следующему вопросу». «Мягкая» память классифицирована по ответам на вопрос «У многих есть семейные истории, связанные с событиями Второй мировой войны. Если в Вашей семье есть такие истории, пожалуйста, напишите кратко ту (ключевые моменты), которая имеет для Вас наибольшее значение?». Если респондент отвечал на оба вопроса, был диагностирован тип памяти — «полный».

Индикатор «знания» раскладывается на: исчерпывающие (4); неисчерпывающие (5). Знания были классифицированы на основе ряда вопросов, основные из которых — «Назовите дату начала Второй мировой войны» и «Назовите дату конца Второй мировой войны». Индикатор «справедливость»

раскладывается на: точка зрения — «справедливо» (6); точка зрения — «несправедливо» (7). Были использованы вопросы-индикаторы, основной из которых «Считаете ли Вы или не считаете справедливой точку зрения, согласно которой СССР одержал победу во Второй мировой войне?». Варианты ответов: «1) Да, я считаю; 2) Нет, я не считаю; 3) Затрудняюсь ответить».

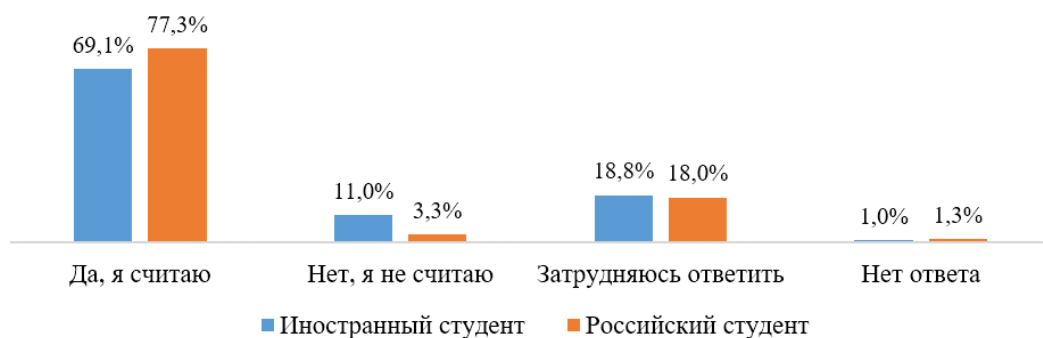
Каждой характеристике присвоено число, разные сочетания характеристик дают разные типы памяти. Итак, сочетания (1+4+6), (1+6) и (3+4+6) дают нам лично-исторический тип памяти, (2+4+6) и (4+6) и (2+6) и (2+4) — формально-исторический, (3+4+6) — диспозиционный тип памяти. Сочетания (1+5+6), (5+6) и (1+6) говорят об эмоционально-историческом типе памяти. При сочетаниях (2+5+6) и (2+6) получается фрагментарно-исторический тип. (3+5+6) и (3+6) дают ценностно-исторический тип памяти. Мифологическо-исторический тип получается при сочетаниях (2+5+7) и (2+7). Сочетания (1+4+7), (2+4+7) и (1+7) дают субъективно-исторический тип. Все остальные сочетания мы относим в категорию «другое». Сочетание («отсутствие ответа» + 5 + «отсутствие ответа») определяется как «беспамятство» (Табл. 1).

Таблица 1

Типы исторической памяти

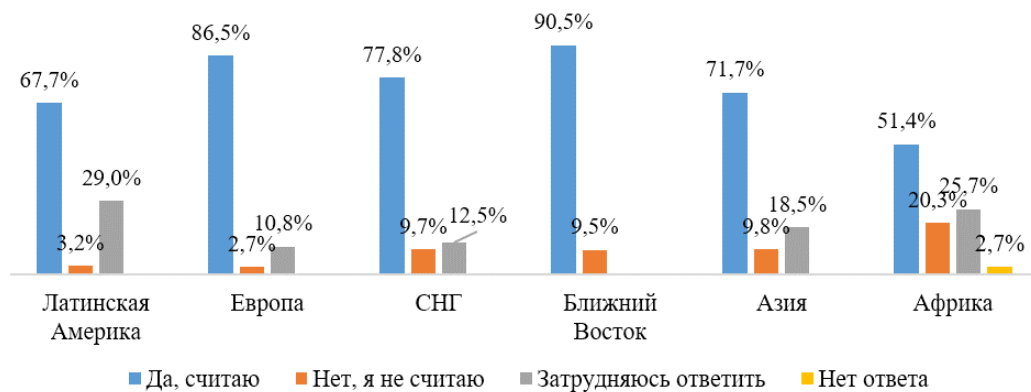
Тип памяти	Память		Знания			Взгляды на справедливость	
	«Мягкая» (1)	«Жесткая» (2)	Полная (3)	Исчерпывающие (4)	Неисчерпывающие (5)	Точка зрения — «справедливо» (6)	Точка зрения — «несправедливо» (7)
лично-историческая	✓		✓	✓		✓	
диспозиционная			✓	✓		✓	
формально-историческая		✓		✓		✓	
эмоционально-историческая	✓				✓	✓	
фрагментарно-историческая		✓			✓	✓	
мифологическо-историческая		✓			✓		✓
субъективно-историческая	✓	✓		✓			✓
ценностно-историческая			✓		✓	✓	
«беспамятство»					✓		

Сначала рассмотрим данные по первому индикатору — справедливости. Согласно результатам опроса, большинство респондентов (73,4%) считают справедливым утверждение, что СССР стал победителем во Второй мировой войне, всего 6,8% не согласны с этим. 18,5% отметили, что затрудняются ответить на вопрос. Согласны с этим утверждением 69,1% иностранных студентов и 77,4% российских. Однако 11% иностранных студентов считают несправедливым утверждение о победе СССР, а российских студентов, придерживающихся данного мнения, всего 3,3% (Рис. 1).

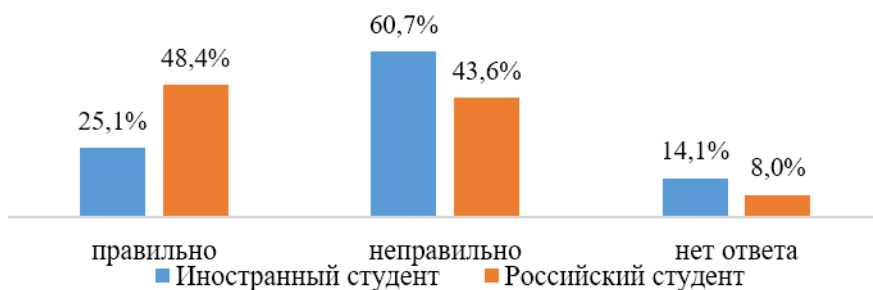
Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы или не считаете справедливой точку зрения, согласно которой СССР одержал победу во Второй Мировой войне?»

Студенты стран Ближнего и Среднего Востока и Европы в большей степени считают справедливым утверждение о победе СССР во Второй мировой войне (90,5% и 86,5% соответственно), а студенты из Африки (50,7%) и Латинской Америки (67,7%) в меньшей степени согласны с данным утверждением. Также в Африке выше количество студентов, выбравших ответ «нет, не считаю» — 20% (Рис. 2).

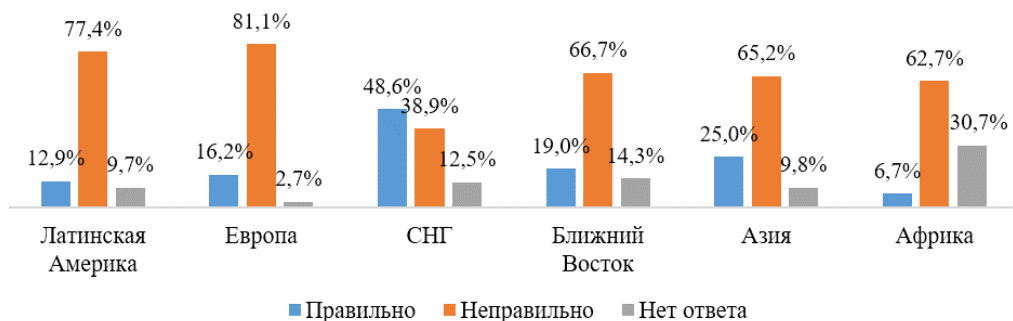
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы или не считаете справедливой точку зрения, согласно которой СССР одержал победу во Второй мировой войне?»

Рассмотрим данные по второму индикатору — знания. Чуть больше половины опрошенных не могут правильно ответить на вопрос о дате начала Второй мировой войны (51%), 38,3% знают правильный ответ. Самый популярный ответ на вопрос «дата начала Второй мировой войны» — 1941 год, хотя правильным ответом является 1 сентября 1939 года. 10,7% студентов оставили вопрос без ответа. Большинство иностранных студентов не сумело верно ответить на вопрос (60,7%), как и 43,6% российских студентов (48,4% ответили верно). Всего 25,1% иностранных студентов смогли верно назвать дату, т.е. процент правильно ответивших иностранцев почти в три раза меньше, чем процент ответивших неправильно (Рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Назовите дату (день, месяц, год) начала Второй мировой войны»

Студенты из многих регионов дали неправильные ответы на вопрос о дате начала Второй мировой войны, самый высокий показатель неправильных ответов у респондентов из Европы и Латинской Америки (81,1% и 77,4% соответственно). Однако почти половина студентов из СНГ дали верный ответ на вопрос (48,6%), 38,9% ответили неверно, что является значительным показателем, но меньшим в сравнении с другими регионами (Рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Назовите дату (день, месяц, год) начала Второй мировой войны»

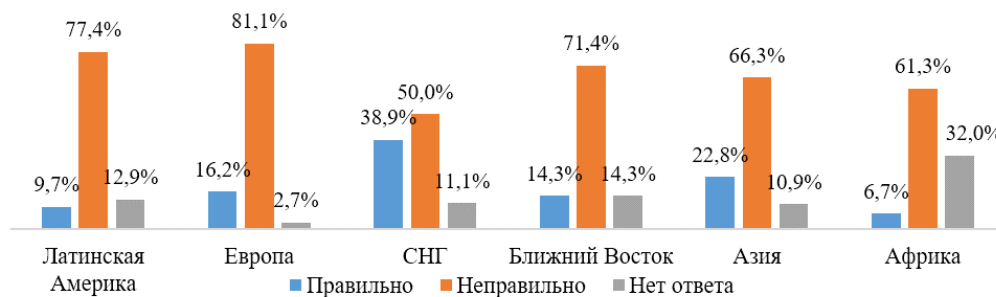
Ситуация с ответами на вопрос о дате окончания Второй мировой войны почти такая же: как и в предыдущем вопросе, большинство респондентов не

смогли дать верный ответ (60,5%), но заметно меньше респондентов ответили верно. Самым распространенным ответом на вопрос о дате окончания Второй мировой войны стало 9 мая 1945 года, хотя верный ответ — 2 сентября. Большинство студентов, независимо от гражданства, не смогли верно ответить на вопрос, хотя среди российских студентов процент неправильно ответивших меньше (65,2% и 57,3% соответственно) (Рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Назовите дату (день, месяц, год) конца Второй мировой войны»

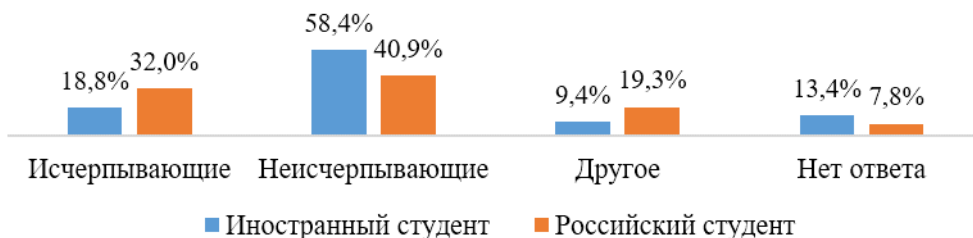
Большинство респондентов, давших неверный ответ, — студенты из Латинской Америки (77,4%) и Европы (81,1%). Однако и половина опрошенных из СНГ не смогла дать верный ответ (38,9% указали правильную дату окончания войны) (Рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Назовите дату (день, месяц, год) конца Второй мировой войны»

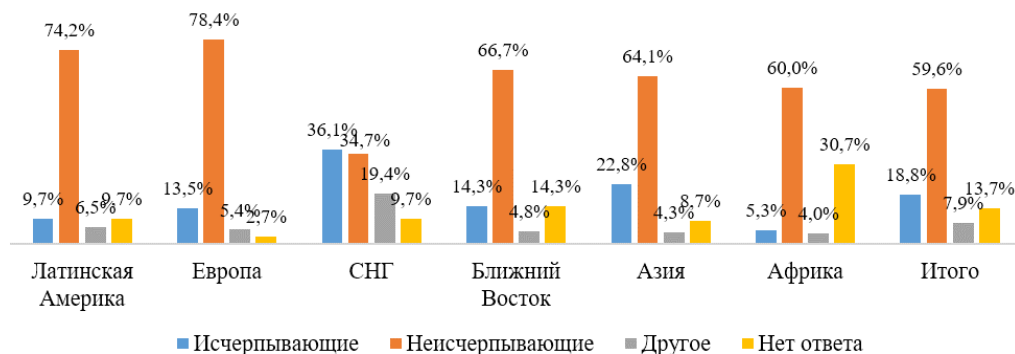
Судя по результатам ответов на оба вопроса, среди студентов преобладают неисчерпывающие знания (неверные ответы на оба вопроса или один из них) о событиях Второй мировой войны (48,3%), и лишь 26,4% обладают полными знаниями (верные ответы на оба вопроса). 58,4% иностранных студентов обладают неисчерпывающими знаниями, у российских студентов этот показатель ниже — 40,9%. Обратная ситуация с исчерпывающими знаниями: у российских студентов процент правильных ответов выше, чем у иностранных (32% и 18,8%) (Рис. 7). Данные результаты демонстрируют проблему с когнитивным компонентом исторической памяти у студенчества в интернациональном контексте. Также очевидно, что студенты путают даты Второй

мировой войны с датами Великой Отечественной войны. К сожалению, эти утверждения верны для россиян в целом: по данным ВЦИОМ, только треть россиян может правильно назвать дату начала Второй мировой войны, а каждый второй считает, что она началась в 1941 году [8].

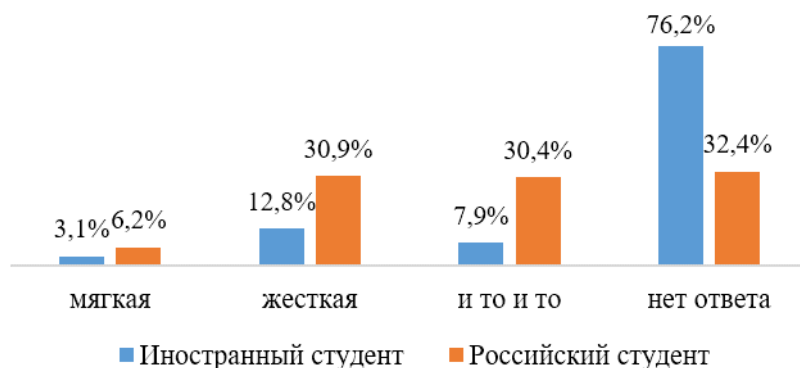
Рис. 7. Типы знаний респондентов о событиях Второй мировой войны

В большинстве регионов у студентов преобладают неисчерпывающие знания о событиях Второй мировой войны, за исключением студентов из СНГ, среди которых 36,1% обладает исчерпывающими знаниями, а у 34,7% они неисчерпывающие. У студентов из Африки оказалось наибольшее количество не ответивших (30,7%) (Рис. 8).

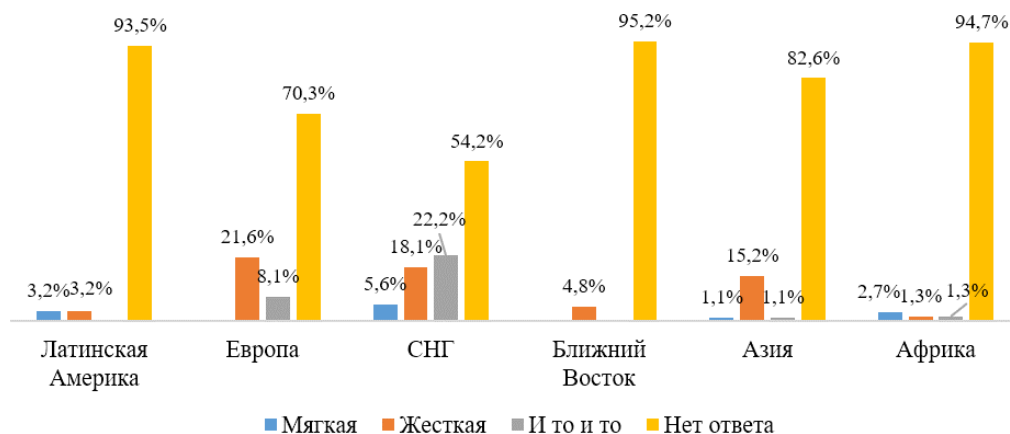
Рис. 8. Типы знаний респондентов о событиях Второй мировой войны

Третьим индикатором является память. Согласно результатам опроса половина (51,5%) респондентов не дала ответ на вопрос об известных им мероприятиях, посвященных Второй мировой войне и не смогла рассказать личные истории семьи, связанные с войной. В остальном можно говорить о том, что у студентов «жесткая» память преобладает над «мягкой» (23,5% и 4,7%), но каждого пятого (20,3%) присутствует «мягкая» и «жесткая» память одновременно, т.е. память «полная». Большая часть иностранных студентов не смогла ответить на вопросы (76,2%), у них присутствует в большей степени «жесткая» память (12,8%). Почти в равной степени у российских респондентов выявлена «полная» память и «жесткая» (30,9% и 30,4%) (Рис. 9).

Рис. 9. Типы памяти респондентов о Второй мировой войне

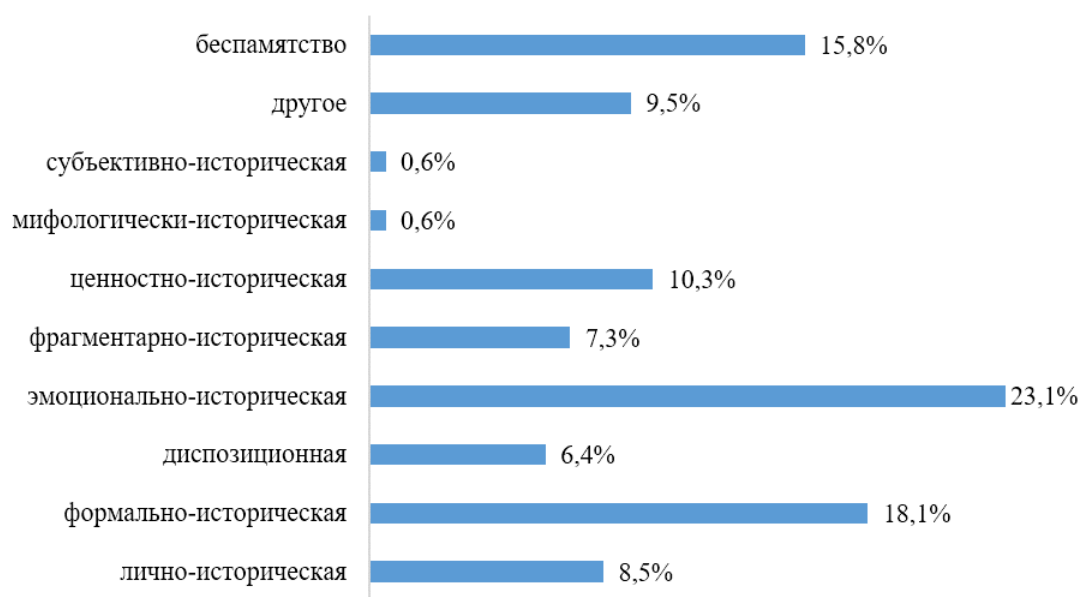
В основном у иностранных студентов, за исключением стран СНГ, нет личных или семейных историй, связанных со Второй мировой войной, они не знают о многих мероприятиях, посвященных войне (многие не ответили на данные вопросы). Можно отметить, что у студентов из СНГ преобладает наличие как «жесткой», так и «мягкой» памяти одновременно (22,2%), т.е. «полной» памяти, а у студентов из Европы превалирует «жесткая» память (21,6%) (Рис. 10).

Рис. 10. Типы памяти респондентов о Второй мировой войне

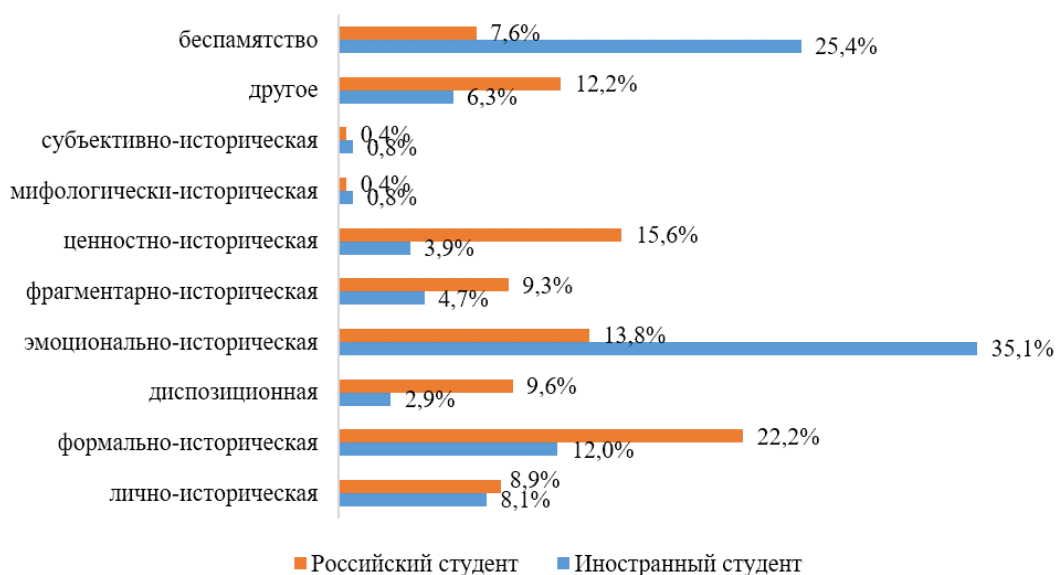
Проанализировав все интегральные переменные — память, знания и справедливость, можно сделать расчет по типам исторической памяти и определить, какие типы исторической памяти преобладают среди студентов РУДН. Большинство обладают эмоционально-историческим типом памяти (23,1%), характеризующимся наличием «мягкой» памяти, т.е. семейных историй о войне, неисчерпывающими знаниями о датах войны и склонностью полагать, что в войне победил СССР, либо сочетанием двух из перечисленных компонентов (чаще последними двумя). Следующий по популярности тип

исторической памяти — формально-исторический (18,1%), характеризующийся наличием «жесткой» памяти, т.е. знанием и посещением официальных памятных мероприятий, исчерпывающими знаниями о датах войны и склонностью полагать, что в войне победил СССР, либо сочетанием двух из перечисленных компонентов. Каждый шестой респондент (15,8%) обладает «беспамятством». Мифологически-исторический и субъективно-исторический типы памяти наблюдаются у меньшинства (по 0,6%) (Рис. 11) — это те типы, согласно которым нивелируется роль СССР в Победе.

Рис. 11. Типы исторической памяти у студенчества РУДН

У иностранных студентов преобладают эмоционально-исторический и формально-исторический типы памяти (35,1% и 12% соответственно), 25,4% иностранных студентов обладают «беспамятством». Среди российских студентов преобладают формально-исторический, эмоционально-исторический и ценностно-исторический типы памяти (22,2%, 15,6% и 10,3%). Доля обладающих «беспамятством» российских студентов гораздо ниже, чем среди иностранцев — 7,6% (Рис. 12). Среди иностранных студентов преобладает эмоционально-исторический тип памяти, в основном это студенты из Европы (59,5%), Ближнего Востока (52,4%) и Латинской Америки (48,4%). Мифологически-историческим типом памяти обладают только респонденты из Азии (1,1%). Большинство респондентов из Африки обладают «беспамятством» (53,3%). Студенты из стран СНГ в большей степени характеризуются формально-историческим типом памяти (19,4%).

Рис. 12. Типы исторической памяти. Распределение по гражданству

Представленная типология, безусловно, не претендует на абсолютную объективность, но может быть взята на вооружение для аналогичных исследований вузовской молодежи. Также дальнейшими направлениями развития исследования может стать поиск факторов, детерминирующих тот или иной тип памяти.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках Инициативной НИР № 100237-0-000 «Реконструкция исторической памяти в контексте социальной справедливости: к 75-летию Великой Победы».

Библиографический список

- [1] *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей. М.: НЛЮ, 2019.
- [2] *Божок Н.С.* Социологическое содержание понятия «Историческая реконструкция» // *Вестник СГТУ*. 2013. № 3.
- [3] *Вяземский Е.Е.* Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // *Проблемы современного образования*. 2012. № 1.
- [4] Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») // *Социологические исследования*. 2002. № 8.
- [5] *Мысливец Н.Л., Романов О.А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1.
- [6] *Панях Э.* Сдвиг по истории // <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/02/20/823452-sdvig-istorii>.
- [7] *Романова К.С.* Дискурсы исторической памяти // *Дискурс-Пи*. 2016. № 3—4.
- [8] Россияне о Второй мировой войне: причины, союзники, противники // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869>.

- [9] *Троцук И.В.* Помнить или забыть: Значение выбора для прошлого и настоящего // Социологический журнал. 2015. № 1.
- [10] *Trotsuk I.* Instead of a review; or, What, and thanks to whom, do we know about a man at war? // *Russian Sociological Survey*. 2015. Vol. 14. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306

Typology of historical memory about the World War II: Methodological aspects of the study (on the example of the RUDN students)*

Zh.V. Puzanova¹, N.P. Narbut^{1,2}, T.I. Larina¹, A.G. Tertyshnikova¹

¹RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/5–5, Moscow, Russia, 117218
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; narbut-np@rudn.ru;
larina-ti@rudn.ru; tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Abstract. The study of mass consciousness is one of the most pressing sociological issues. Historical memory is a part of mass consciousness, and it is obvious that the historical memory about any event has its specifics in different societies. Today memories about the World War II became an object of manipulation for various political forces that aim at changing public opinion in favor of particular parties, and the youth is especially affected by such influence. The student youth is a reactive social force and can subsequently transfer such influence into actions. Therefore, the study of the international students' types of historical memory provides a unique opportunity to reveal the global perception of the World War II. The article presents a typology of historical memory based on the classical structure of social attitude as consisting of affective (views on the justice of the war results), cognitive (knowledge of the war milestones) and behavioral components (knowledge and participation in commemorative events, and family stories). There are nine types of historical memory: personal-historical, dispositional, formal-historical, emotional-historical, fragmentary-historical, mythological-historical, subjective-historical, value-historical, 'lack-of-memory'. The majority of students have an emotional-historical, formal-historical types and 'lack-of-memory'. Without 'lacking-memory' students, the share of which is smaller among Russian students, foreign students have mainly an emotional-historical and formal-historical types of memory, while Russian students rather formal-historical and value-historical types. The article explains the way for identifying types of memory. Thus, it can be useful for methodologists and researchers in sociology of history.

Key words: World War II; historical memory; Russian students; foreign students; reconstruction of history; falsification of history

Funding

The article is a part of the Initiative Research Project No. 100237-0-000 "Reconstruction of historical memory in the context of social justice: To the 75th anniversary of the Great Victory".

---

* © Zh.V. Puzanova, N.P. Narbut, T.I. Larina, A.G. Tertyshnikova, 2020.
The article was submitted on 18.01.2020. The article was accepted on 02.03.2020.

References

- [1] Assmann A. *Zabvenie istorii — oderzhimost istoriey* [Oblivion of History — Obsession with History]. Moscow: NLO; 2019 (In Russ.).
- [2] Bozhok N.S. Sotsiologicheskoe sodержanie ponyatiya “Istoricheskaya rekonstruktsiya” [Sociological content of the concept ‘Historical reconstruction’]. *Vestnik SGTU*. 2013; 3 (In Russ.).
- [3] Vyazemskiy E.E. Problema falsifikatsii istorii Rossii i obshchee istoricheskoe obrazovanie: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The issue of falsification of the Russian history and general historical education: Theoretical and practical aspects]. *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya*. 2012; 1 (In Russ.).
- [4] Istoricheskaya pamyat: preemstvennost i transformatsii (‘krugly stol’) [Historical memory: continuity and transformations (‘round table’)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2002; 8 (In Russ.).
- [5] Myslivets N.L., Romanov O.A. Istoricheskaya pamyat kak sotsiokulturny fenomen: opyt sotsiologicheskoy rekonstruktsii [Historical memory as a social-cultural phenomenon: An attempt of sociological reconstruction]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [6] Paneyakh E. Sdvig po istorii [Shift in the history]. <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/02/20/823452-sdvig-istorii> (In Russ.).
- [7] Romanova K.S. Diskursy istoricheskoy pamyati [Discourses of historical memory]. *Diskurs-Pi*. 2016; 3–4 (In Russ.).
- [8] Rossiyane o Vtoroy mirovoy voyne: prichiny, soyuzniki, protivniki [Russians about the World War II: causes, allies, enemies]. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869> (In Russ.).
- [9] Trotsuk I.V. Pomnit ili zabyt: Znachenie vybora dlya proshlogo i nastoyashchego [To remember or to forget: Implications of the choice for past and present]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2015; 1 (In Russ.).
- [10] Trotsuk I. Instead of a review; or, What, and thanks to whom, do we know about a man at war? *Russian Sociological Survey*. 2015; 14 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322

Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи*

Е.Г. Пономарева

Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
(e-mail: nastya304@mail.ru)

События Второй мировой войны занимают особое место в общественном дискурсе, являются основой коллективной памяти и гражданской культуры. Активизировавшиеся в ряде западных стран попытки искажения и переписывания истории Второй мировой войны и умаления роли Красной Армии в разгроме нацизма имеют серьезные геополитические цели. Эффективное противодействие фальсификации истории зависит от качества знаний молодежи о том периоде (активной исторической памяти) и эмоционального ощущения новыми поколениями принадлежности к народу-победителю. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в канун 75-летия Великой Победы. Сначала был проведен опрос студентов МГИМО в возрасте 18–23 лет, чтобы выявить уровень исторических знаний и оценочные суждения молодежи, определить фоновые источники (литература и кинематограф) формирования мировоззренческих позиций и зафиксировать доминирующие представления о причинах и мерах противодействия фальсификации истории войны. Вопросы были разделены на три блока: исторический (уровень базовых знаний), культурно-воспитательный, или эмоциональный (вопросы о книгах и кино), и оценочно-прогностический (причины и меры противодействия фальсификации истории). Отдельным направлением исследования было определение степени корреляции полученных результатов с общероссийскими замерами и опросами зарубежных центров. На втором этапе исследования были проанализированы оценки причин фальсификации истории войны и предложения по противодействию данной негативной тенденции, сформулированные экспертами из российских и зарубежных вузов и аналитических центров. Сравнение мнений студентов и опытных исследователей позволило выявить совпадения и противоречия в поколенческих оценках, а также сформулировать общезначимые пути преодоления активизировавшихся трендов фальсификации истории военных лет.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; социология групп; исследования исторической памяти; фальсификация истории

События Второй мировой войны не только в корне изменили мировую историю, но и стали фактором ментального бытия многих народов и стран. «Анализ и оценки архитектуры военных лет, акцентирование внимания на знаковых моментах и личностях великой эпохи формируют глубинный уровень сознания наций и индивидов, определяют отношение к настоящему и будущему сквозь призму прошлого, трагического и героического одновременно» [17. С. 5]. Столь значимая роль событий тех лет заставляет вновь и вновь обращаться к истории Второй мировой войны и все чаще бороться

---

* © Пономарева Е.Г., 2020.

Статья поступила 18.02.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

против мифов и фальсификаций, преследующих деструктивные цели. «Сегодня, когда народы России переживают по-своему не менее трудное, переломное время, мы особенно нуждаемся в исторических реминисценциях, позволяющих взглянуть на прошлое и настоящее объемно и масштабно. Нельзя преодолеть трудности, переживаемые нашей страной и ее гражданами, без осознания прошлого, без возрождения и воспитания патриотизма» [9. С. 7]. Память о Второй мировой войне формирует необходимый фундамент гражданской культуры современной молодежи.

В канун 75-летия Великой Победы было проведено двухэтапное социологическое исследование. На первом этапе был проведен опрос 115 студентов (1–3 курсов) и магистрантов (1–2 курсов) факультетов международных экономических отношений (МЭО) и управления и политики (ФУП) МГИМО. Выбор вуза обусловлен не только местом работы автора, но и двумя важными моментами. Во-первых, создание Университета 14 октября 1944 года диктовалось стратегическим планированием послевоенного мироустройства, управление которым требовало подготовки высококвалифицированных профессионалов (дипломатов, экономистов, правоведов). Во-вторых, современный МГИМО, будучи одним из ведущих российских вузов, готовит специалистов по 18 направлениям и тем самым формирует кадровый резерв политической системы: выпускники университета представлены на всех уровнях государственной иерархии и «четвертой» власти, в бизнес-структурах и научных центрах, т.е. политический дискурс и «ментальное поле» вуза переносится в государственные и общественные структуры. Как верно отметил А.В. Торкунов, «некоторые представления приобретают статус “больших идей”, которые овладевают умами политических субъектов, а иногда и масс, и начинают существенным образом влиять на национальные и международные решения, тем самым определяя практическую международную деятельность» [22. С. 14]. Поэтому важно знать, что учащаяся молодежь, которая в ближайшем будущем может стать политическим субъектом, знает и думает о Второй мировой войне, существует ли связь поколений и что нужно сделать для превращения политики памяти в инструмент консолидации общества и действенный механизм противостояния фальсификациям нашей истории. В то же время опрос позволил сравнить выводы отечественных и зарубежных социологических служб и подтвердить существующие тенденции.

Опросный лист включал (помимо «паспортички») 14 открытых вопросов, опрос проводился в студенческих группах: гендерное распределение — 63% девушек и 37% юношей, большинство — жители Москвы (46%), но респонденты представляли и 30 субъектов РФ. Главная задача опроса — выявить уровень исторических знаний и оценочные суждения молодежи, определить фоновые источники (литература и кинематограф) формирования мировоззренческих позиций, зафиксировать доминирующие представления о причинах и мерах противодействия фальсификации истории Второй мировой войны. Вопросы были разделены на три блока: исторический (базовые

знания), культурно-воспитательный/эмоциональный (вопросы о книгах и кино) и оценочно-прогностический (причины и меры противодействия фальсификации истории).

Второй этап исследования — опрос экспертов: было опрошено 15 ученых из российских и зарубежных научных и образовательных центров (Белградский университет (Сербия), Институт европейских исследований (Сербия), Университет в Бания-Луке (Босния и Герцеговина), Белорусский институт стратегических исследований (Минск), Амурский государственный университет (Благовещенск), Дипломатическая академия России, ИМЭМО, Институт системно-стратегического анализа, МГИМО, МГУ, МосГУ, РУДН). Экспертам было задано два вопроса (на них также отвечали студенты), касающиеся причин и мер противодействия фальсификации истории войны, чтобы выявить совпадения и противоречия в межпоколенческих оценках, а также общезначимые пути преодоления активизировавшихся трендов фальсификации истории военных лет.

Уровень знаний истории Второй мировой войны в молодежной среде

Предметом анализа в историческом блоке стал круг вопросов, связанных с представлениями и оценками событий Второй мировой и Великой Отечественной войн, роли Советского Союза в победе над фашизмом, а также массового героизма советских людей. Первый блок вопросов состоял из двух предельно простых: «Когда началась Вторая мировая война?» и «Когда нацистская Германия напала на Советский Союз?». Учитывая тенденцию снижения уровня исторических знаний, вопросы были специально включены в анкету. Так, по данным ВЦИОМ за 2019 год, лишь 32% россиян верно назвали дату начала Второй мировой войны — 1 сентября 1939 года, 52% считают, что Вторая мировая началась в 1941 году; 48% давших правильный ответ — люди с высшим или неполным высшим образованием [18]. Десять лет назад доля знающих этот период истории была еще меньше: в августе 2009 года дату начала Второй мировой назвали лишь 22% [21]. Лучше обстоит ситуация с историей Великой Отечественной войны, но и здесь данные выглядят печально: в 2018 году дату ее начала смогли назвать лишь 69% опрошенных, и наблюдалась существенная разница в ответах поколений: в группе 18–24-летних верный ответ дали 40%, среди 45–59-летних — 83% [15].

Полученные в нашем опросе результаты отличаются от общероссийских замеров, но заставляют задуматься над реформированием системы образования: 100% знают год начала Второй мировой войны, но точную дату — 1 сентября 1939 года — не смогли назвать 38% (из них 77% — девушки), однако уровень знаний почти в два раза выше, чем в среднем по стране — 62%. Год, день и даже время начала Великой Отечественной войны назвали 82%, что более чем в два раза превосходит замеры ВЦИОМ. При этом не смогли

ответить на вопрос 4% (из них 75% — девушки), а 14% (69% — девушки) смогли назвать только год. Такой итог не может не волновать, поскольку знание базовых моментов истории формирует картину мира — «своего рода полотно, холст, на котором воспроизводится все существующее» [1. С. 32]. Согласно Хайдеггеру, картина мира — это изображение, предполагающее не буквальную копию с оригинала, а фиксацию наиболее значимых для нас черт [23. С. 41–63]. Знание дат — необходимая точка отсчета субъекта, «дистанцированного от объектов, изображенных на картине» [1. С. 33]. Яркий пример «проживания в наблюдении и репрезентации» — реконструкторское движение и активное включение молодежи в военно-патриотические акции, лидерство среди которых принадлежит «Бессмертному полку» (95% россиян положительно относятся к этой акции [6]).

Второй блок вопросов затрагивал представления о конкретных событиях и их оценку. Так, отвечая на вопрос «Что такое Мюнхенский сговор, когда он произошел, кто его участники и каковы его геополитические последствия?», большинство респондентов (62%) продемонстрировали высокий уровень владения событийным материалом. Были названы не только дата подписания соглашения (в ночь с 29 на 30 сентября 1938 года), его участники (рейхсканцлер Германии А. Гитлер, премьер-министры Великобритании, Франции и Италии Н. Чемберлен, Э. Даладье и Б. Муссолини), но и отмечена роль документа в «новой расстановке сил в Европе» [20. С. 293]. В частности, студенты писали, что «Мюнхенский сговор — самый известный пример политики умиротворения агрессора (Германии) со стороны Великобритании и Франции». 52% видят геополитические последствия соглашения — подталкивание Гитлера к войне: «без значительного военного потенциала Чехословакии Германия не смогла бы начать военные действия против СССР». Респонденты подчеркивали, что судьба Чехословакии решалась без ее присутствия на встрече «четверки» и что одним из косвенных интересантов соглашения была Польша, которая «пожилась» в Тешинской области. Не смогли ответить на вопрос 21% респондентов (79% — девушки).

Сложным оказался вопрос «Назовите основные причины подписания и геополитические последствия Советско-германского договора от 23 сентября 1939 года». Практически все респонденты уточняли, идет ли речь о пакте Молотова–Риббентропа, что подтверждает роль медиа в «производстве смыслов» [12. С. 5] и формировании политических символов и мировоззренческих оценок. Основоположник теории политического действия М. Эдельман отмечал: «человек реконструирует собственное прошлое, воспринимает условия настоящего и предвидит будущее, основываясь на символах, которые помогают абстрагироваться, отражают, сводят воедино, искажают, нарушают связи и даже творят то, что представляют его вниманию органы чувств», а потому «формирование общих смыслов и их изменение в процессе символического постижения группами людей интересов, бремени обстоятельств,

угроз и возможностей» [26. С. 2] является важнейшей функцией государственных и общественных институтов. Опрос подтвердил, что отношение к прошлому и настоящему закладывается в том числе на уровне названий конкретных исторических событий.

Достаточное полными знаниями о причинах подписания договора и его геополитических последствиях обладают учащиеся ФУП, что объясняется бóльшим погружением в политические проблемы современности, понимание которых невозможно без должного знания истории. Однако и студенты МЭО продемонстрировали высокий уровень владения проблематикой. Не смогли ответить на вопрос 26% (70% — девушки). Квинтэссенция ответов такова: «Важнейшей причиной подписания договора стал провал переговоров с Великобританией и Францией в августе 1939 года при сохраняющейся для СССР необходимости себя обезопасить хотя бы на какой-то период, выиграв время для наращивания военного потенциала. Германии такой договор также был выгоден как своего рода гарантия невмешательства СССР в ее планы по захвату господства над Европой, а также для усыпления бдительности Сталина (как сейчас известно, для Гитлера договоры были пустым звуком)»; «Советский Союз был вынужден пойти на такие меры из-за позиции Англии и Франции, уклонявшихся от заключения антигитлеровского союза с Москвой и стремившихся столкнуть Германию с СССР для достижения собственных интересов». 16% отметили, что ранее подобные соглашения с Германией заключили Великобритания, Дания, Италия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Румыния, Финляндия, Франция, Швеция, Эстония и Япония. В ряду геополитических последствий большинство (53%) назвали возвращение СССР исторических границ Российской империи, возможность подготовиться к войне (укрепить ВПК, перевооружить и перегруппировать армию) и избежать войны на два фронта (Япония не была предупреждена о соглашении, что определило ее выжидательную позицию).

Еще один исторический вопрос касался атомных бомбардировок Японии — нужно было назвать, когда и какие города подверглись атаке и авиацией какой страны были совершены налеты. Такая формулировка обусловлена ростом числа людей (в том числе в Японии), либо не знающих об этом факте, либо уверенных в том, что агрессию совершил Советский Союз. Весьма показательно изменение отношения американцев к этому варварскому акту: на протяжении 60 лет (с августа 1945 по июль 2005) компания Gallup регулярно проводила опросы для оценки уровня одобрения американцами бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Согласно опросу, проведенному спустя несколько дней после бомбардировок, 85% жителей США поддержали этот бесчеловечный акт, и лишь 10% высказались против. В 1995 году количество одобряющих снизилось, но все равно составляло большинство — 59% (осуждающих было 35%). Спустя еще десятилетие на три пункта выросла доля осуждающих, а доля одобряющих уменьшилась (38% и 57% соответственно). Похожие

результаты обнародовал в 2015 году Pew Research Center: 56% — «за», 34% — «против» [27].

В Японии церемонии в память жертв атомных бомбардировок проходят каждый год, но не принято их обсуждать (тема крайне неудобна для главного союзника Токио). «Японская пропаганда намеренно замалчивает, кто сбросил атомные бомбы: в прессе можно встретить такие выражения, как “атомная бомбардировка Японии”, “атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки”, но без указания, кто это сделал» [13]. Как известно, геополитика не терпит пустоты, и факт агрессии требует объяснений, которые все чаще фальсифицируют историю. В частности, не только в Интернете, но и в авторитетных зарубежных изданиях тиражируется следующее объяснение: «США были вынуждены сбросить атомные бомбы, чтобы показать СССР свою мощь, и остановить его, так как иначе он бы не ограничился Курилами, а захватил всю Японию» [28]. В условиях сетевого общества подобные инсинуации активно распространяются и проникают в отечественный дискурс, поэтому вопрос о событиях 6 и 9 августа 1945 года для будущих дипломатов, международных работников, политологов и экономистов важен.

95% знают, кто был инициатором атомных бомбардировок Японии и какие города подверглись атаке, 79% смогли назвать точную дату агрессии — 6 и 9 августа 1945 года. Эти данные превосходят общероссийские, что вселяет некоторый оптимизм. В 2010 году 69% россиян знали об атомных бомбардировках США, о том, что были разрушены японские города Хиросима и Нагасаки, знали 66% и 54% соответственно. История атомных бомбардировок лучше всего известна 45-59-летним (78%) и высокообразованным (81%) респондентам, а также пользователям Интернета (73%). Среди молодежи 18–24-лет и малообразованных россиян почти каждый второй не смог назвать города, подвергшиеся агрессии (47% и 54% соответственно) [4]. В 2019 году ситуация выглядела лучше: доля знающих о трагедии Хиросимы и Нагасаки выросла до 72% [14], почти в два раза сократился процент молодых респондентов, не знающих об этом — в возрасте 18–24 (24%) и 25–34 лет (27%) [24].

Следующая тема опроса — освобождение советскими войсками европейских стран. В поздравительном письме на имя И.В. Сталина 23 февраля 1945 года У. Черчилль писал: «будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед» [3. С. 80]. Британский премьер ошибся: хотя в Европе все еще немало людей, кто знает и помнит о подвиге освободителей, все больше становится тех, «кто сознательно, в угоду политической конъюнктуре искажает память о войне, ставя советских солдат на одну доску с фашистами» [19. С. 7]. Опрос ICM Research, проведенный в Великобритании, Германии и Франции весной 2015 года, выявил потрясающее беспомощество европейцев. Ответы на вопрос «Кто, по вашему мнению, сыграл ключевую роль в освобождении Европы во Второй мировой войне?»

распределились следующим образом: США (43%), Великобритания (20%), СССР (13%), другие страны (2%), а 22% вообще не смогли ответить. Наиболее дезинформированными оказались жители Франции: о роли Советской армии знали всего 8% [8]. На фоне развязанной в 2019 году польским руководством кампании по дискредитации подвигов советских солдат во время освобождения Восточной Европы и по приравниванию Красной Армии к оккупационным войскам вермахта приведенные цифры свидетельствуют о целенаправленном преуменьшении роли СССР в разгроме фашизма.

В нашем опросе вопрос звучал предельно кратко — «Какие европейские государства освободила Красная Армия от фашизма?». 95% смогли ответить, но представления о вкладе советских солдат в освобождение Европы очень разнородны. Ответы распределились следующим образом (страны перечислены по алфавиту, а не по хронологии освобождения): Австрия (24%), Болгария (34%), Венгрия (43%), Германия (34%), Норвегия (8%), Польша (87%), Румыния (29%), Чехословакия (57%) и Югославия (28%). Также была выявлена весьма показательная тенденция трансформации сознания молодежи: 30% называли такие «государства-новички» [7. С. 79], как Белоруссию, Латвию, Литву, Молдавию, Украину и Эстонию, что служит косвенным свидетельством непонимания того, что из себя представлял СССР в июне 1941 года. Незнание того, что советские границы были признаны союзниками по антигитлеровской коалиции на Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 года, а также в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, государства-участники которого «рассматривали как нерушимые все границы друг друга и границы всех государств в Европе» [25], формирует особую картину мира. В ней место единого Советского Союза занимает пул «новообразований», а отсюда недалеко и до глупости, что Европу освобождала «украинская армия». Помимо правильных ответов несколько респондентов назвали Албанию, Бельгию, Голландию, Грецию, Италию, Испанию и Францию, что также предполагает определенные выводы.

Персонализация Победы, героики военных лет является одним из главных направлений формирования гражданского сознания и патриотического воспитания, поэтому учащимся было предложено назвать выдающихся полководцев Великой Отечественной войны. Безусловным лидером стал маршал Победы — Г.К. Жуков (82%), далее следуют К.К. Рокоссовский (60%), И.С. Конев (40%), А.М. Василевский (20%), Р.Я. Малиновский (10%), Н.Ф. Ватутин (9%), К.Е. Ворошилов (6%), С.К. Тимошенко и В.И. Чуйков (по 5%), по 4% набрали С.М. Буденный, Л.А. Говоров, К.А. Мерецков, по 3% — И.Х. Баграмян, А.И. Еременко, М.Г. Ефремов, Ф.И. Толбухин, И.Д. Черняховский, Б.М. Шапошников; были также названы П.А. Артемьев, Г.С. Зашихин, С.А. Ковпак, М.С. Калинин, И.А. Плиев, П.С. Рыбалко, В.Д. Соколовский, И.В. Сталин и И.И. Федюнинский (по 2%). Отвечая на этот вопрос, несколько

студентов сделали уточнение: «победы не было бы без таких героев, как Олег Кошевой, Ульяна Громова, Любовь Шевцова». 23% (69% — девушки) не назвали ни одного полководца.

Источники эмоционального восприятия событий Второй мировой войны

Воспитание патриотического сознания и веры в мощь Красной Армии было важнейшим элементом политической работы в годы войны. Поднятию боевого духа личного состава и уверенности в неизбежности победы у гражданского населения способствовали не только постоянная массовая и индивидуальная работа командиров и комиссаров, средств массовой информации (газеты, боевые листки, листовки, агитационные плакаты), но и сила искусства: «На экранах страны и в боевых подразделениях демонстрировались фильмы, посвященные героической тематике: художественные картины “Зоя”, “Нашествие”, “Человек № 217”, “В шесть часов вечера после войны”, “Щит Джургая”, документальные — “Битва за Севастополь”, “Вступление Красной Армии в Бухарест” и др. Эти киноленты вошли в историю как запечатленная на пленку летопись военных событий» [9. С. 12].

подавляющее большинство нынешней молодежи не смотрело эти картины, но современное кино не в меньшей степени формирует культурные коды и раскрашивает картину мира. Советский кинематограф создал выдающиеся произведения, продолжающие оказывать огромное эмоциональное воздействие: «Судьба человека», «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Они сражались за родину», «Освобождение», «А зори здесь тихие...», и в наиболее пронзительных лентах нет батальных сцен. И для российского кинематографа военная тематика важна: начиная с фильма К. Шахназарова «Белый тигр», который был погружением «фантастически-мистической истории в реальный контекст войны с абсолютно документальными сценами капитуляции и ужина в кабинете у Гитлера» [2], отечественные режиссеры и сценаристы все чаще фантазируют на темы войны, и эти фантазии нередко оборачиваются переписыванием истории.

Учитывая степень погруженности современной молодежи в киносреду, студентам было предложено два вопроса: «Какие советские фильмы/сериалы о войне оказали на Вас сильное эмоциональное влияние?» и «Какие российские фильмы/сериалы о войне запомнились Вам?». Лидерами советского кинематографа стали «А зори здесь тихие» (42%), «В бой идут одни старики» (23%), «Летят журавли» (11%), «Офицеры» (10%), «Семнадцать мгновений весны» (9%), «Судьба человека» (7%), «Они сражались за Родину» (5%), «Завтра была война» и «Баллада о солдате» (по 4%), «Разведчики», «Иди и смотри» и «Освобождение» (по 3%). Казалось бы, зрителю знакома классика военных лент, однако это не совсем так — почти треть опрошенных (29%) не назвали ни одного советского фильма о войне. Эти данные коррелируют с

общероссийскими замерами: согласно результатам опроса 2019 года, проведенного ВЦИОМ, самые любимые россиянами советские фильмы о войне — это «В бой идут одни старики» (26%), «А зори здесь тихие» (20%), «Они сражались за Родину» (15%), «17 мгновений весны» (13%), а из российских фильмов — «Т-34» (13%) [11].

Согласно нашему опросу «Т-34» набрал 16% — столько же, сколько и «28 панфиловцев». Лидером стал фильм «Сталинград» (23%), за ним следуют «А зори здесь тихие» (2015 год; 19%) и «Битва за Севастополь» (17%), «Брестская крепость» (12%), «Мы из будущего» и «Туман» (по 10%), «Собибор» (9%), «Белый тигр» (6%), «В августе 44-го» и «Ленинград» (по 4%), «Утомленные солнцем» (3%). 23% не смогли назвать ни одного российского фильма или сериала. В качестве главных недостатков российского кинематографа, объясняющих скептическое к нему отношение, была названа замена переживаний, чувств спецэффектами. По данным ВЦИОМ, почти каждый второй опрошенный (55%) считает, что современные российские фильмы хуже советских [11].

При всем значении для молодежи кино именно литература формирует мировоззренческий фундамент поколения, и «нужные» книги, прочитанные в детстве и юности, определяют многие жизненные позиции человека. Согласно опросу ФОМ, проведенному в 2014 году, любимых книг о войне не было у двух третей опрошенных, остальные чаще всего называли «А зори здесь тихие» (4%), «Молодую гвардию» и «Повесть о настоящем человеке» (по 3%) [10]. Это еще одно следствие разрушения системы образования, а ведь мы обладаем «великой филологической культурой, позволяющей видеть и понимать все» [7. С. 350]. Наш опрос выявил довольно позитивную картину: на вопрос «Перечислите литературные произведения о войне, которые произвели на Вас сильное эмоциональное впечатление» не смогли ответить 20% (90% — юноши). Безусловными лидерами стали рассказ М. Шолохова «Судьба человека» (34%) и повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие» (31%), далее со значительным отрывом следует «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого (17%), поэма А. Твардовского «Василий Теркин» (12%), роман Б. Васильева «В списках не значился» (11%) и повесть В. Распутина «Живи и помни» (9%), произведения М. Шолохова «Они сражались за Родину», Ю. Бондарева «Горячий снег» и К. Симонова «Живые и мертвые» (по 5%), Б. Васильева «Завтра была война» и Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» (по 4%), С. Алексиевич «У войны не женское лицо», В. Катаева «Сын полка», А. Фадеева «Молодая гвардия», В. Быкова «Сотников» и «Обелиск» (по 3%).

Логичным продолжением исследования эмоционального восприятия истории Второй мировой и Великой Отечественной войн стал вопрос о трактовке массового героизма. Ответы были удивительно искренними (только 14% не ответили на вопрос). В основном студенты определяли массовый героизм как

«великое чувство сопричастности общему горю и делу», бескорыстную преданность Родине, мужество, силу духа, долг и честь, «коллективный подвиг народа во имя своей Родины, семьи, истории, родного дома», «генетический код советских людей», «единение миллионов в деле спасения Родины (на фронте и в тылу)», «готовность сотен тысяч граждан жертвовать собственной жизнью за свою страну, свои идеалы, жизни соотечественников». Подобное восприятие массового героизма во время военных испытаний — залог прочности морально-психологического фундамента гражданской культуры молодежи, основа формирования поколения, ответственного за свою страну.

Причины и методы противодействия фальсификации истории войны

Наибольший интерес респондентов вызвали два последних вопроса анкеты: «Почему в западных странах развернута масштабная кампания по фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн?» и «Чувствуете ли Вы себя наследниками победителей во Второй мировой войне и что нужно сделать, чтобы защитить правду о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн?». Отвечая на второй вопрос, большинство признало себя наследниками победителей, только два юноши написали, что не чувствуют себя таковыми, и указали, что «нужно перестать устраивать показательные торжества и найти другую национальную идею».

Анализ ответов на первый вопрос позволил выделить четыре основные причины фальсификации событий военных лет в представлении молодежи.

1. Геополитические интересы западных стран: фальсификация истории позволяет пересмотреть итоги Второй мировой войны, лишить Россию как правопреемницу СССР статуса победителя со всеми вытекающими последствиями (территориальные претензии, лишение членства в СБ ООН и т.п.), усилить дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве за счет активизации политики претензий бывших союзных республик к России, дестабилизировать ситуацию внутри страны (статьи о затратах на проведение парадов Победы, дискредитация героики военных лет и т.п.).

2. Феномен «нового прошлого» (прошлое становится символом настоящего и будущего, что в ряде случаев ведет к реабилитации и возрождению таких агрессивных форм, как нацизм и фашизм): «большинство европейских стран были либо союзниками нацистской Германии, либо не оказали ей достаточного сопротивления», а реабилитация и героизация коллаборационистов и палачей в постсоветских республиках — способ формирования национальной идентичности.

3. Русофобия: «мнимая боязнь гегемонии России, которая продемонстрировала господство в бытность существования СССР, в особенности в послевоенный сталинский период, до сих пор поддерживает сильные русофобские настроения. Идея о превращении СССР в виновника начала Второй мировой

войны — один из психологических приемов воспитания нового, такого же русофобского, настроения в мире».

4. Разрушение Советского Союза, повлекшее психо-историческую капитуляцию: «мы сами позволили так относиться к нашей истории и нашим победам, сами допустили фальсификацию, осуждая свое прошлое (начиная от Ивана Грозного и заканчивая брежневским застоєм), каясь и оправдываясь. Когда сам не уважаешь свою историю, сложно требовать этого от других».

В качестве мер противодействия фальсификации истории в большинстве анкет предлагались следующие: выработка и проведение руководством страны единой и последовательной политики в отношении прошлого, что должно найти выражение в едином учебнике по истории России с максимально широким освещением героизма советских людей, а также в увеличении часов на изучение событий Великой Отечественной войны в школе, включая обязательное посещение диарам, музейных комплексов, партизанских деревень и т.п.; раскрытие архивных материалов и популяризация их данных, создание на их основе документальных и художественных фильмов, специализированных сайтов и интернет-каналов, том числе на иностранных языках, и продвижение на современных платформах правды о войне и послевоенном восстановлении; системная и последовательная военно-патриотическая работа, охватывающая все слои населения, включающая волонтерское движение и разные акции (типа «Бессмертного полка»); развитие экономики — «страна, победившая фашизм, должна демонстрировать всему миру достойный уровень жизни своих граждан»; ужесточение наказания, вплоть до уголовного, за дискредитацию солдат Красной Армии и фальсификацию истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, в том числе за шутки-мемы, — «нужно самим перестать “плевать в прошлое”, оправдываться и каяться за действия советских руководителей». Перечисленные меры «относятся не только к памяти о Великой Отечественной войне, но вообще к нашей истории. Информационно-символическая политика, основывающаяся на нашем величайшем прошлом, грамотная и эффективная работа в отношении допризывной и начальной военной подготовки должны прочно войти в систему просвещения, образования и воспитания». Многие студенты писали об особой роли семьи в воспитании чувства сопричастности к победившим фашизм.

Вопросы оценочно-прогностического блока анкеты для молодежи показали схожесть ответов студентов с мнениями ученых и аналитиков. Эксперты по электронной почте отвечали на два вопроса: «Почему в западных странах развернута масштабная кампания по фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн?» и «Что нужно сделать, чтобы сохранить и защитить правду о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн?». Следует отметить, что не все эксперты согласились

участвовать в опросе: главная причина отказа — фундаментальная сложность поднятых проблем, описание которых требует больших интеллектуальных затрат. Однако большинство привлеченных к опросу экспертов не только сразу выразили согласие, но и посчитали участие в исследовании своим гражданским долгом.

По мнению экспертов, кампания по фальсификации истории Второй мировой войны и, прежде всего, уравнивание Третьего рейха и СССР как разных форм тоталитарного строя, а также возложение равной вины на Германию и СССР как виновников развязывания войны имеет несколько целей/причин. Во-первых, закамуфлировать реальных поджигателей войны, прежде всего Великобританию, толкавшую (установленный исторический факт) Германию к войне против СССР и вместе с Францией, Италией и Германией «подарившую» в Мюнхене в 1938 году Третьему рейху часть Чехословакии, что сделало мировую войну неизбежной. Во-вторых, лишить РФ как правопреемницу СССР статуса страны-победительницы, что может привести к пересмотру ее роли в СБ ООН и выдвижению требований выплатить контрибуции и т.п., что было сделано с Германией после 1945 года. В-третьих, опорочить победу СССР и скомпрометировать социализм как реальную альтернативу капитализму (в условиях нынешнего глубочайшего кризиса капитализма). В-четвертых, поскольку победа является серьезным связующим элементом населения РФ и — шире — СНГ, ее компрометация преследует цель нанести удар по коллективному сознанию россиян, до сих пор ощущающих себя историческим победителем, и навязать им комплекс исторической вины. В-пятых, уравнивая нацизм и коммунизм в качестве виновников войны, фальсификаторы стремятся реабилитировать нацизм (Украина, страны Балтии, Польша, Хорватия и др.) и использовать его носителей как «ударную колонну» в борьбе против России. В реабилитации нацизма заинтересованы те, кто лелеет реваншистские планы: в ООН регулярно против декларации, осуждающей героизацию нацизма, голосуют США и Украина, а многие европейские страны воздерживаются, т.е. не голосуют «за».

Защита (наступательная) правды о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, по мнению экспертов, предполагает, во-первых, активное противодействие в российском научном и информационном поле попыткам фальсификации истории. При этом особое внимание должно быть уделено разоблачению реальных виновников войны, невзирая на то, что волею обстоятельств в 1941 году они оказались союзниками СССР, а также активной контрпропаганде на информационном поле геополитического противника на основе конкретных фактов. Во-вторых, должна быть создана атмосфера социальной и моральной нетерпимости по отношению к фальсификаторам истории, возлагающим равную вину в разжигании Второй мировой войны на Третий рейх и СССР, принижающих нашу победу и стремящихся

опорочить ее. В-третьих, России необходимо укреплять свои вооруженные силы, строить эффективную экономику и развивать активность гражданского общества. В-четвертых, необходима государственная программа подготовки специалистов по истории Второй мировой войны. Например, на историческом факультете МГУ специалистов по этому периоду не готовят уже несколько десятилетий. Нужно облегчить доступ исследователей к фондам РГВА, ЦАМО, АВП РФ, АСВР, Президентского архива, создать коллективы профессиональных исследователей, пишущих научно-популярные работы о Второй мировой и Великой отечественной войнах, которые должны издаваться массовыми тиражами и размещаться в Интернете, нужно снимать качественные исторические фильмы и мультфильмы, направленные на западного зрителя, делать новостные каналы в западном стандарте, но, главное, «защищать свою культуру и историю, свою позицию по всем вопросам с пеной у рта и кулаками у груди, на английском и других языках, а не на российском телевидении. Сколько можно прятаться под своей же лавкой?».

***

Динамика массового сознания играет важную роль в динамике политического процесса, и многое здесь зависит от знаний и эмоционального восприятия прошлого. «Человеческая память не работает как некая рационально устроенная машина..., она склонна порождать искажения и ошибки» [29. С. 18], не говоря уже о технологиях искажений и фальсификаций. Научить коллективную память работать на сохранение исторической правды призваны воспроизводимые государством (системы обучения и воспитания) и обществом (семья, церковь, СМИ и иные институты) метанарративы и факты. В современных условиях актуализация идейно-политического значения Второй мировой войны имеет огромное значение для общества и становится залогом реализации национальных интересов во внешней политике, поэтому особое внимание должно быть уделено исторической подготовке специалистов-международников.

В июне 2019 года в ходе общероссийского опроса ФОМ 65% молодежи в возрасте 18–30 лет отметили, что патриотом не может быть человек, не знающий историю своей страны, а 31%, что знание истории — не обязательный критерий патриотизма (ответы населения в целом отличаются на несколько пунктов — 67% и 28% соответственно [16]). Согласимся с большинством: элементарное незнание причин и событийной канвы Второй мировой не позволит кадровому резерву, когда придет время, отстаивать не только правду о победе, но и престиж страны. Наше исследование выявило очевидные пробелы в образовании молодежи, связанные с организацией школьного обучения, поэтому вузы должны активнее формировать необходимые и достаточные фоновые знания нового поколения и заниматься просветительской деятельностью.

Библиографический список

- [1] *Алексеева Т.А.* Теория международных отношений в зеркале «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4.
- [2] *Альперина С.* Танковый бог // <https://rg.ru/2012/05/03/kino-poln.html>.
- [3] *Володин В.* Память о войне // Историк. 2020. № 2.
- [4] Вспоминая трагедию Хиросимы и Нагасаки // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1903>.
- [5] Встреча В. Путина с ветеранами Великой Отечественной войны и представителями патриотических объединений // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62609>.
- [6] ВЦИОМ выяснил, как россияне относятся к акции «Бессмертный полк» // <https://ria.ru/20190507/1553313601.html>.
- [7] *Галковский Д.* Необходимо и достаточно. М., 2020.
- [8] Европа забыла о том, кто освободил ее от фашизма // <https://ria.ru/20150428/1061370070.html>.
- [9] *Иванов В.Н., Сергеев В.К.* Ветераны о Великой Отечественной войне: по материалам социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 2.
- [10] Любимые книги, фильмы, песни о войне // <https://fom.ru/Proshloe/12149>.
- [11] Любимые фильмы о войне // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9683>.
- [12] *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М., 2013.
- [13] Мнение: в Японии намеренно замалчивают, кто сбросил бомбы на Хиросиму // <https://radiosputnik.ria.ru/20150806/1166494945.html>.
- [14] Мониторинг мнений: июль — август 2019 // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 4.
- [15] Память о войне: история и мифы // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176>.
- [16] Патриотизм // <https://fom.ru/TSennosti/14222>.
- [17] *Пономарева Е.Г.* Фальсификация истории Великой Отечественной войны — технология трансформации сознания // Обозреватель. 2016. № 5.
- [18] Россияне о Второй мировой войне: причины, союзники, противники // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869>.
- [19] *Рудаков В.* Память и беспамятство // Историк. 2020. № 2.
- [20] Системная история международных отношений / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. М., 2006.
- [21] Только 22% россиян знают, когда началась Вторая мировая // <https://ria.ru/20090831/183099475.html>.
- [22] *Торкунов А.В.* Международные исследования: хаос или плюрализм // Политические исследования. 2019. № 4.
- [23] *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.
- [24] Ядерная война: угроза или миф? // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9837>.
- [25] Conference on Security and Co-operation in Europe. Final Act. Helsinki, 1975 // <https://www.osce.org/helsinki-final-act?download=true>.
- [26] *Edelman M.* Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence. Chicago, 1971.
- [27] *Hinckley S.* No Obama apology at Hiroshima, but more Americans now say bombing was wrong // <https://www.csmonitor.com/World/Global-News/2016/0510/No-Obama-apology-at-Hiroshima-but-more-Americans-now-say-bombing-was-wrong>.
- [28] *Radchenko S.* Did Hiroshima save Japan from Soviet occupation? // https://foreignpolicy.com/2015/08/05/stalin_japan_hiroshima_occupation_hokkaido.
- [29] *Šubr J.* Memory and history: Some considerations on antinomies and paradoxes // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322

The World War II and its falsification in the Russian youth representations*

E.G. Ponomareva

Moscow State Institute of International Relations
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454
(e-mail: nastya304@mail.ru)

Abstract. The events of the World War II play a special role in the contemporary social discourse as the basis of collective memory and civil culture. The current attempts of some Western countries to misrepresent and rewrite the history of the World War II and to belittle the role of the Red Army in the rout of Nazism pursue serious geopolitical goals. Effective opposition to the falsification of history depends on the quality of youth's knowledge about that period (active historical memory) and the younger generations' emotional association with the war winner. The article presents the results of the sociological study conducted on the eve of the 75th anniversary of the Great Victory. First, there was a survey at the Moscow State Institute of International Relations (students aged 18–23) to identify the level of historical knowledge and assessments, sources (fiction and movies) of representations, ideas about reasons for the falsification of the World War II history and measures to oppose it. The questions were divided into three groups: historical (the level of basic knowledge), cultural-pedagogic, or emotional (questions about books and movies) and evaluative-predictive (reasons for the falsification of history and measures to oppose it). The study also aimed at comparing the results of the survey with all-Russian opinion polls and foreign surveys. Second, the author analyzed estimates of the reasons for the falsification of the war history and suggestions to oppose this negative trend, which were provided by leading experts from Russian and foreign universities and analytical centers. The comparison of the students' and experienced researchers' opinions revealed both similarities and differences in generational estimates, and allowed to identify some general ways to resist the intensified trend of the falsification of the war history.

Key words: World War II; Great Patriotic War; sociology of groups; study of historical memory; falsification of history

References

- [1] Alekseeva T.A. Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij v zerkale “nauchnyh kartin mira”: chto dalshe? [Theory of international relations in the mirror of the ‘scientific pictures of the world’: What is next?]. *Comparative Politics*. 2017; 8 (4) (In Russ.).
- [2] Alperina S. Tankovy bog [Tank god]. <https://rg.ru/2012/05/03/kino-poln.html> (In Russ.).
- [3] Volodin V. Pamyat o vojne [Memory about the war]. *Istoriik*. 2020; 2 (In Russ.).
- [4] Vspominaya tragediyu Hiroshimy i Nagasaki [Remembering the tragedy of Hiroshima and Nagasaki]. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1903> (In Russ.).
- [5] Vstrecha V. Putina s veteranami Velikoj Otechestvennoj vojny i predstavatelyami patrioticheskikh obiedinenij [V. Putin's meeting with veterans of the Great Patriotic war and representatives of patriotic associations]. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62609> (In Russ.).
- [6] WCIOM vvyasnil, kak rossiyanе otnosyatsya k aktsii “Bessmertny polk” [WCIOM found out how the Russians perceive the ‘Immortal Regiment’]. <https://ria.ru/20190507/1553313601.html> (In Russ.).
- [7] Galkovsky D. *Neobkhodimo i dostatochno* [Necessary and Sufficient]. Moscow; 2020 (In Russ.).

---

* © E.G. Ponomareva, 2020.

The article was submitted on 18.02.2020. The article was accepted on 31.03.2020.

- [8] Evropa zabyła o tom, kto osvobodil ee ot fashizma [Europe forgot who freed it from fascism]. <https://ria.ru/20150428/1061370070.html> (In Russ.).
- [9] Ivanov V.N., Sergeev V.K. Veterany o Velikoj Otechestvennoj vojne: po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya [Veterans about the Great Patriotic war: The results of the sociological survey]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15 (2) (In Russ.).
- [10] Lyubimye knigi, filmy, pesni o vojne [Favorite books, movies and songs about the war]. <https://fom.ru/Proshloe/12149> (In Russ.).
- [11] Lyubimye filmy o vojne [Favorite movies about the war]. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9683> (In Russ.).
- [12] Malinova O.Y. *Konstruirovaniye smyslov: issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoj Rossii* [Construction of meanings: The study of symbolic policy in contemporary Russia]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [13] Mneniye: v Yaponii namerenno zamalchivayut, kto sbrosil bomby na Hirosimu [Opinion: in Japan, they deliberately keep silent about who dropped bombs on Hiroshima]. <https://radio-sputnik.ria.ru/20150806/1166494945.html> (In Russ.).
- [14] Monitoring mnenij: iyul — avgust 2019 [Public opinion monitoring: July — August 2019]. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*. 2019; 4 (In Russ.).
- [15] Pamyat o vojne: istoriya i mify [Memory about war: History and myths]. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176> (In Russ.).
- [16] Patriotism. <https://fom.ru/TSennosti/14222> (In Russ.).
- [17] Ponomareva E.G. Falsifikatsiya istorii Velikoj Otechestvennoj vojny — tekhnologiya transformatsii soznaniya [Falsification of the history of the Great Patriotic War — a technology for transformation of consciousness]. *Observer*. 2016; 5 (In Russ.).
- [18] Rossiyane o Vtoroj mirovoj vojne: prichiny, soyuzniki, protivniki [Russians about the World War II: Causes, allies, enemies]. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869> (In Russ.).
- [19] Rudakov V. Pamyat i bespamyatstvo [Memory and lack of memory]. *Istoriik*. 2020; 2 (In Russ.).
- [20] *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij* [System History of International Relations]. Pod red. A.D. Bogaturova. Vol. 1. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [21] Tolko 22% rossiyan znayut, kogda nachalas Vtoraya mirovaya [Only 22% of Russians know when the World War II began]. <https://ria.ru/20090831/183099475.html> (In Russ.).
- [22] Torkunov A.V. Mezhdunarodnye issledovaniya: kaos ili plyuralizm [International studies: Chaos or pluralism?]. *Political Studies*. 2019; 5 (In Russ.).
- [23] Heidegger M. Vremya i bytie: statyi i vystupleniya [Time and Being: Articles and Presentations]. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [24] Yadernaya vojna: ugroza ili mif? [Nuclear war: A threat or a myth?]. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9837> (In Russ.).
- [25] Conference on Security and Co-operation in Europe. Final Act. Helsinki, 1975. <https://www.osce.org/helsinki-final-act?download=true>.
- [26] Edelman M. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago; 1971.
- [27] Hinckley S. No Obama apology at Hiroshima, but more Americans now say bombing was wrong. <https://www.csmonitor.com/World/Global-News/2016/0510/No-Obama-apology-at-Hiroshima-but-more-Americans-now-say-bombing-was-wrong>.
- [28] Radchenko S. Did Hiroshima save Japan from Soviet occupation? https://foreignpolicy.com/2015/08/05/stalin_japan_hiroshima_occupation_hokkaido.
- [29] Šubrt J. Memory and history: Some considerations on antinomies and paradoxes. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-323-332

Уровень религиозности городских жителей Казахстана*

Г.Т. Алимбекова¹, А.Б. Шабденова², Т.Ю. Лифанова²

¹Центр Изучения Общественного Мнения, Алматы, Казахстан,
ул. Жибек Жолы, 54, Алматы, 050002, Казахстан

²Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби
просп. аль-Фараби, 71, Алматы, 050040, Казахстан

(e-mail: welcome@ciom.kz; aija2005@mail.ru; philosophy-sociology@mail.ru)

Религиозные ценности, будучи важнейшим компонентом мировоззрения, способны оказывать значительное влияние на различные аспекты жизнедеятельности — от повседневных практик до политических предпочтений. Анализ изменений уровня религиозности показывает, что на постсоветском пространстве отчетливо проявляется тенденция перехода от атеистических установок к религиозному возрождению. В казахстанском обществе формируется сложная модель религиозной идентичности, в рамках которой идеалы и нормы религиозного сознания переплетены с идеями духовности и национального возрождения, а принятие ценностей конфессии зачастую носит только внешний, декларативный характер. Исследования подтверждают, что в Казахстане увеличивается доля людей, относящих себя к верующим и придерживающихся религиозных практик. Вопрос в том, действительно ли казахстанцы стали соблюдать религиозные обряды и традиции и следовать религиозным предписаниям. В статье представлены результаты исследования, проведенного Центром изучения общественного мнения (ЦИОМ) для оценки уровня религиозности жителей Алматы (ЦИОМ — это независимая организация, одна из ведущих исследовательских компаний Казахстана по социологическим и маркетинговым проектам в Казахстане и странах СНГ с 1988 года) [11]). Согласно данным, в Казахстане значительная доля людей уверенно относит себя к той или иной конфессии, однако это не является прямым признаком того, что в стране возрастает число глубоко верующих, стремящихся придерживаться всех религиозных правил и практик. В статье представлены данные об активности горожан в религиозной сфере, об их знаниях и понимании различных положений, относящихся к их религии. Исследование показало, что религиозный ренессанс в молодежной среде обычно сопровождается низким уровнем религиозного сознания и знаний, что создает благоприятную среду для распространения псевдорелигиозных идей, в том числе экстремистского толка.

Ключевые слова: религиозность; религиозные ценности; традиции; духовность; ислам; православие; Казахстан

Сравнительная оценка религиозности жителей постсоветского пространства в первые десятилетия XXI века показала интересное явление — переход от секуляризации к религиозному возрождению, причем оба процесса характеризуются внутренней неопределенностью и не могут быть однозначным маркером состояния общественного сознания. Чередование этих тенденций характерно для всего XX века и сопровождалось изменением понимания религии как социального и духовного феномена: «в последнее время облик религии значительно изменился, что не вызывает сомнений, а ее новые внешние проявления

* © Алимбекова Г.Т., Шабденова А.Б., Лифанова Т.Ю., 2020.

Статья поступила 18.06.2019 г. Статья принята к публикации 29.11.2019 г.

не всегда очевидны... Не удивителен тот факт, что взгляды ученых на жизнеспособность религии значительно отличаются друг от друга» [8. С. 112]. В научной литературе отмечается противостояние традиционных и нетрадиционных религий: когда речь идет о возрастании значимости религиозных ценностей, чаще всего подразумевается расширяющаяся сфера традиционной религиозности, что характерно и для казахстанского общества. Традиционные религии (ислам, православие, католицизм) занимают особую культурную и этно-идентификационную нишу, которая формально сохранялась за ними и в эпоху атеистической идеологии. Традиционные конфессии отличает «пассивность в пропаганде и прозелитистской деятельности» [2. С. 79], что важно для объективной оценки их роли в религиозном возрождении.

В то же время оценки деятельности новых (нетрадиционных) религиозных движений не столь однозначны [1]. Например, не вполне оправдано использование в их описании терминов «секта» и «культ» как номинаций особых форм религиозных объединений, не достигших институциональной зрелости. «Понятие “культ” в его социологическом аспекте пришло к нам с Запада, вместе с дискурсом вокруг новых религиозных движений. На Западе понятие “секта” употребляется часто в нейтральном смысле слова, в то время как понятие “культ” имеет ярко выраженную негативную окраску» [3. С. 86]. Трансформация религиозного сознания современного общества может быть описана как религиозный модернизм, фундаментализм и синкретизм, как парарелигия, скрытая или секуляризованная религия [17. С. 132]. Процесс формирования новых феноменов общественного сознания, обладающих признаками религии, но выходящих за пределы ее понимания как социального института, отражен и в понятии «квазирелигия» [20]. Деятельность всех новых религиозных движений сопряжена с обеспечением постоянного притока новых адептов, следствием чего является их активное миссионерство.

В научном определении роли религии сталкиваются диаметрально противоположные точки зрения. С одной стороны, можно говорить о преобладании секуляризационных процессов — отхода от религии как символа легитимизации власти, регулятора семейно-брачных отношений и т.д. Отмечая быстрое распространение секуляризации, еще М. Вебер отмечает, что «все явления, которые своим происхождением связаны с религиозными концепциями, уступают место секуляризации» [21. С. 307]. Превалирующей тенденцией в жизни современного общества считается противоположная тенденция — десекуляризация. Например, американский богослов Х. Кокс отмечает, что нынешний этап социального развития характеризуется замедлением снижения роли религии и преобладанием тенденций «возрождения религий и возврата к святыням» [14].

Начавшееся около тридцати лет назад «возрождение религии» в Казахстане затронуло разные сферы жизни общества и государства, возросло влияние религии на индивидуальную и коллективную идентичность на фоне переплетения этнического самосознания с религиозным, расширилась материальная и нематериальная инфраструктура религиозных объединений —

открываются мечети, церкви, развивается система религиозного образования (высшие и средние учебные заведения, курсы, семинары и т.п.). Проведенная в ходе последней переписи (2009) оценка религиозной принадлежности показала, что абсолютное большинство жителей Казахстана (97%) идентифицируют себя с определенной религией: с исламом — 70,1%, христианством — 26,1%, иудаизмом — 0,03%, буддизмом — 0,09%, другими религиями — 0,19%; атеистов — 2,8%. Другие религии представлены зарубежными «новыми религиозными движениями».

«Религиозное возрождение» — весьма неопределенный процесс, поскольку происходит нецеленаправленно и опирается на сложное и неоднозначное понимание сути религиозной идентичности и религиозного опыта. Обычно уровень религиозности определяется посредством выявления отношения человека (группы, населения) к религии в целом и отдельным элементам религиозного опыта. Важнейший маркер религиозности — самоидентификация через принадлежность к определенной конфессии. Соответственно, уровень религиозности фиксируется эмпирически по доле верующих (носителей искомого признака). Однако из эмпирической оценки числа приверженцев разных конфессий [2; 5] не следует вывод об увеличении числа глубоко и последовательно верующих — такой подход недостаточен для оценки реального значения религиозных практик в обществе [4], что требует интерпретации религиозных практик в диапазоне от фиксации принадлежности к группе верующих (значимая социальная аффилиация [18]) до включения в квазирелигиозные формы приобщения к духовности [13]. Различия религиозности и духовности методологически важны, даже если они накладываются друг на друга. Безусловно, духовность шире религиозности как веры в божественное, но их взаимопроникновение необходимо учитывать на методологическом уровне. Религиозный опыт сопряжен с морально-нравственным содержанием религии, может даровать смысл жизни и утешение в вере, что влияет и на социальное самочувствие [9; 10].

Мы опираемся на феноменологический подход и определение «религиозности как одной из фундаментальных характеристик ментальности, указывающей на вовлеченность индивида, группы, общества в религию как институциональную систему, регулирующую жизнь сообществ при помощи символических систем убеждений, соответствующих ритуальных практик и традиций, посредством которых маркируется мир сакрального и профанного, задаются представления о трансцендентном» [2. С. 10]. Т. Лукман расширил содержание религии, используя понятие трансцендентного, что, в свою очередь, увеличило и сферу социального влияния религии [16]. Обращение к религии жителей современного города не обусловлено потребностью в социальном включении в жизнь церковной общины, обеспечивающей комфортное пребывание в социуме, а потому активные религиозные практики не нужны для поддержания конфессиональной принадлежности. Иными словами, феноменологический подход к исследованию религии позволяет зафиксировать как содержание осмысленного религиозного опыта, так и его внешние

формальные проявления: фиксируя участие респондентов в религиозных практиках, можно прийти к пониманию феноменологического содержания религиозного опыта. Концепция «концентрических кругов» священного, разработанная в феноменологии религии [15], рассматривает религиозность как «движение» от внешних феноменов религиозного опыта к глубокой вере или трансцендентному восприятию религии.

Опрос общественного мнения был проведен в октябре 2018 года — опрошено 800 жителей города Алматы в возрасте старше 18 лет (статистическая погрешность выборки — 3,5%). Выборка репрезентирует все административные районы города, в каждом было опрошено 100 респондентов методом стандартизированного интервью. Выборка репрезентирует и социально-демографическую структуру городского населения по полу (45% мужчин и 55% женщин), возрасту (26% — 18–25 лет, 26% — 26–35 лет, 19% — 36–45 лет и т.д.), этносу (54% — казахи, 32% — русские, 14% — другие национальности), вероисповеданию (мусульмане — 65%, православные — 30%, 4% — атеисты, 2% — другие религии), уровню образования (среднее и ниже — 26%, среднее специальное — 41%, высшее — 33%), семейному статусу (23% — не состояли в браке, 65% — состоят в браке, 9% — разведены, 3% — вдовы), социально-профессиональному статусу (76% — работают, 6% — пенсионеры, 9% — студенты, 5% — домохозяйки, 4% — безработные) и материальному положению домохозяйства (затруднительное — 10%, среднее — 40%, хорошее — 50%).

Предварим анализ результатов опроса краткой характеристикой религиозной ситуации в Казахстане. В казахстанском обществе исторически преобладают две традиционные религии: ислам суннитского толка (ханафитский мазхаб) и православное христианство. Традиционный ислам с 1990 года возглавляет Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК) в статусе республиканского религиозного объединения с филиалами во всех регионах страны (объединяет более 2 тысяч мечетей). Все действующие православные объединения на территории Казахстана (приходы, епархии и т.д.) включены в состав Митрополичьего округа Русской православной церкви как республиканского межъепархиального объединения: 285 приходов и 9 епархий [7. С. 14]. В незначительном объеме представлен католицизм (более 80 общин), функционируют 2 буддийских объединения и 6 иудаистских церквей, представлены быстро растущие протестантские направления (Союз церквей евангельских христиан-баптистов, пресвитерианские церкви, евангельско-лютеранская церковь, меннониты и др.).

Исходным компонентом исследования стал анализ противоположных, но неразделимых крайностей — веры в Бога (богов, высшие или сверхъестественные силы) и атеизма. На вопрос «Верите ли Вы в существование Бога/высшей силы?», 90,4% респондентов ответили положительно, т.е. на первый взгляд абсолютное большинство горожан — верующие (отрицательно ответили 5,7%). Значимых различий с точки зрения вероисповедания не наблюдается — абсолютное большинство идентифицирующих себя как мусульман, православных и т.д. отметили, что верят в Бога. Горожане

стараятся жить по заповедям (35% — регулярно, 35% — иногда), посещать мечеть/церковь (15,6% — регулярно, 57,9% — иногда), учить и повторять молитвы (19,1% — регулярно, 42,1% — иногда), выполнять религиозные обряды (19,1% — регулярно, 33,3% — иногда) и читать религиозную литературу (12,2% — регулярно, 31,6% — иногда).

Наиболее активны мусульмане: по всем оцениваемым показателям религиозной деятельности они чаще отвечали, что регулярно исполняют их. Наблюдаются и различия по этническому признаку: регулярное исполнение религиозных предписаний более характерно для представителей казахской, узбекской и других национальностей, придерживающихся ислама (Табл. 1). По другим социально-демографическим признакам значимых различий не наблюдается, т.е. независимо от гендера, возраста, уровня образования, материального положения и социально-профессионального статуса большинство горожан, хотя и с разной регулярностью, посещают мечеть/церковь, молятся, исполняют религиозные обряды и в целом стараются жить по религиозным предписаниям.

Полученные данные показывают разрыв между партикулярным опытом идентификации с конфессиональной общностью и участием в религиозных практиках референтной группы верующих, т.е. двойственную религиозную идентификацию — с сообществом и через практику веры. Эта тенденция характерна не только для Казахстана: «Высокие показатели религиозности не означают воцерковленности, о чем свидетельствует частота посещений религиозных учреждений: регулярно (практически каждую неделю или 2–3 раза в месяц) их посещает лишь каждый четвертый верующий российский респондент (26% не посещает вообще) [9. С. 146]. В частности, по показателю посещений церковей раз в месяц Россия находится на одном из последних мест в Европе и мире [5].

Таблица 1

Активность горожан в религиозной деятельности

Виды активности		Мусульмане	Православные	Другие религии
Посещают мечеть/церковь	Регулярно	18%	9,8%	—
	Иногда	57,3%	74,1%	33,3%
	Нет	24,7%	16,1%	66,7%
Знаю молитвы и молюсь	Регулярно	23,6%	8,9%	—
	Иногда	40,4%	58%	16,7%
	Нет	36%	33%	83,3%
Исполняю религиозные обряды	Регулярно	25,8%	8,9%	16,7%
	Иногда	31,8%	43,8%	16,7%
	Нет	42,3%	47,3%	66,7%
Читаю религиозную литературу	Регулярно	13,5%	6,3%	—
	Иногда	37,1%	26,8%	4,5%
	Нет	49,4%	67%	95,5%
Стремлюсь жить по Заповедям Божиим	Регулярно	41,2%	23,2%	33,3%
	Иногда	30,7%	50%	33,3%
	Нет	28,1%	26,8%	33,3%

При оценке утверждений о религии мусульмане чаще выражали несогласие (Табл. 2). Например, если большинство представителей православия и других религий (66%–67%) согласны, что религии — это разные пути к одному Богу, то среди мусульман таковых меньше половины (48%).

Таблица 2

Согласие респондентов с утверждениями о религии

Утверждения	Мусульмане	Православные	Другие религии	
«Аллах/Бог — это космический разум/единство Космоса/математический принцип мироздания?»	Согласен (поддерживаю)	29,2%	35,7%	16,7%
	Не согласен (не поддерживаю)	46,1%	33,9%	16,7%
	Затрудняюсь ответить	24,7%	30,4%	66,7%
Вы верите в идею реинкарнации (переселения душ)?	Согласен (поддерживаю)	36%	28,6%	33,3%
	Не согласен (не поддерживаю)	36,3%	35,7%	33,3%
	Затрудняюсь ответить	27,7%	35,7%	33,3%
«Все религии — это разные пути к одному Богу»	Согласен (поддерживаю)	47,9%	66,1%	66,7%
	Не согласен (не поддерживаю)	27,3%	10,7%	16,7%
	Затрудняюсь ответить	24,7%	23,2%	16,7%

Мусульманам и православным задавались вопросы о разных постулатах их религий. Большинство мусульман (77,5%–79%) придерживается трех постулатов ислама: вера в Аллаха и его единство (таухид), вера в писания (последнее из них — Коран), вера в посланников (последний из них — Мухаммад). Также большинство мусульман верит в ангелов (62,5% — полностью, 19,9% — частично), в предопределение (такъдир) (58,4% — полностью, 18% — частично) и воскресение из мертвых и судный день (53,6% — полностью, 19,5% — частично) (Рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов-мусульман

Большинство православных верят во единого бога — отца, вседержителя, творца всего видимого и невидимого (66,1%) — и в догмат о Троице (61,6%). В отношении догмата о миссии Христа как искуплении первородного и других грехов людей мнения разделились: половина (50%) верит в догмат, 17% не верят, каждый третий (33%) затруднился ответить. Менее половины православных верят в догмат о воскресении и Страшном Суде (45,5%) и догмат о первородном грехе Адама и Евы (44,6%) (Рис. 2). Представителям православия задавались вопросы и об отличиях православия от протестантизма: большинство (62%) затруднились оценить высказывание «В протестантизме нет церкви как института, нет таинств, протестанты «лишены благодати» и не могут спастись», 21,4% с ним согласились, 17% — нет. 48% затруднились высказать отношение к утверждению «Церковь — это мистическое “тело Христово”», 25% — согласились, 27% — нет.

Рис. 2. Распределение ответов православных респондентов

В анкету были включены вопросы о соблюдении религиозных практик для мусульман и православных. На основе этих вопросов и данных в Таблице 1 был проведен кластерный анализ методом *k*-средних, который позволил выделить активно и пассивно верующих в каждой из конфессий. Затем был проведен анализ социально-демографических характеристик для двух выделенных групп. Оказалось, что у православных активно верующих больше среди женщин (12% против 5% среди мужчин), в возрастных группах старше 65 лет (25%) и младше 35 лет (13% — среди 18–25-летних, 11% — среди 26–35-летних против 6% — среди 36–45- и 7% — среди 46–64-летних) и среди людей со средним и средним специальным уровнем образования (15%–16% против 2% — среди людей с высшим уровнем образования).

У мусульман наблюдаются другие тенденции: активно верующих значительно больше, чем у православных, как среди мужчин, так и женщин (по 42%), во всех возрастных группах (33% — среди 18–25-, по 40%–46% —

среди 26–35-, 36–45- и 46–55-летних, 65% — среди тех, кому старше 56 лет), независимо от уровня образования (55% — среди людей со средним образованием, 43% — со средним специальным, 38% — с высшим).

Таким образом, Казахстан как светское государство, законодательно гарантирующее и реально обеспечивающее права граждан на свободное вероисповедание, распространение и пропаганду религии, обеспечил как высокий уровень межконфессиональной толерантности [6], так и религиозный ренессанс (преимущественно мусульманского толка), однако если таковой будет сопровождаться неразвитым религиозным сознанием у молодежи, то создает благоприятную среду для распространения псевдорелигиозных идей, в том числе экстремистского толка.

Библиографический список

- [1] *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М., 2004.
- [2] *Бурова Е.Е.* Тренды новой религиозности в современном Казахстане (опыт социогуманитарного измерения). Алматы, 2014.
- [3] *Васильева Е.Н.* «Куль» и «секта»: проблема разграничения // *Религиоведение*. 2007. № 3.
- [4] *Игнатьев А.* Пять базовых концептов социологии религии // *Социологическое обозрение*. 2014. № 1.
- [5] *Каарийнен К., Фурман Д.Е.* Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. СПб., 2000.
- [6] *Калилаханова К.Т.* Конституция — основа светскости казахстанского государства // <https://www.zakon.kz/4649756-konstitucija-osnova-svetskosti.html>.
- [7] *Мухамеджанова Б., Ибраев Е., Утемисов Ж.* Государственно-конфессиональные отношения в Республике Казахстан. Астана, 2015.
- [8] *Нельсон Л.Д.* Секуляризация и социальная интеграция в сопоставительном аспекте // *Социальные проблемы зарубежных стран*. 1992. № 5.
- [9] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1.
- [10] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 2.
- [11] Центр изучения общественного мнения // <http://www.ciom.kz>.
- [12] *Шабденова А.Б., Алимбекова Г.Т.* Уровень религиозности семей с различным статусом: результаты социологического исследования // *Вестник КазНУ. Серия: Психология и социология*. 2016. № 4.
- [13] *Altmayer E.M.* Religiousness and spirituality // *Promoting Positive Processes After Trauma*. Academic Press, 2019.
- [14] *Cox H.G.* Religion in a Secular City: Essays in Honour of Harvey Cox. Trinity Press, 2001.
- [15] *Heiler F., Montgomery W.* The Spirit of Worship. New York, 2013.
- [16] *Luckmann Th.* Die Unsichtbare Religion. Frankfurt am Main, 1996.
- [17] *Saliba J.A.* New religious movements in sociological perspective // *Understanding New Religious Movements*. California, 2004.
- [18] *Schwadel P.* Cross-national variation in the social origins and religious consequences of religious non-affiliation // *Social Science Research*. 2018. Vol. 70.
- [19] *Shabdenova A.B., Verevkin A.V.* Single parents in transformation: A social research // *Teorija in Praksa*. 2018. № 3.
- [20] *Tillich P.* Christianity and the Encounter of World Religions. Minneapolis, 1994.
- [21] *Weber M.* Essays in Sociology. New York, 1946.

Religiosity of the urban community in Kazakhstan*

G.T. Alimbekova¹, A.B. Shabdenova², T.Yu. Lifanova²

¹ Center for the Study of Public Opinion

Zhibek Zholy St., 54, Almaty, 050002, Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University

Prosp. Al-Farabi, 71, Almaty, 050040, Kazakhstan

(e-mail: welcome@ciom.kz; aija2005@mail.ru; philosophy-sociology@mail.ru)

Abstract. Religious values as the most important component of the worldview can significantly affect various aspects of human life — from everyday practices to political preferences. The analysis of changes in religiosity shows that in the post-Soviet space, there is a clear tendency of the transition from atheistic attitudes to the religious revival. In the contemporary Kazakhstan society, a complex model of religious identity develops — it combines ideals and norms of religious consciousness with ideas of spirituality and national revival, but the confession values can often only be of an external, declarative nature. According to different studies, in Kazakhstan, the share of believers following religious practices increases. The question is whether people really observe religious rites and traditions and follow religious regulations. The article summarizes the results of the study conducted by the Center for the Study of Public Opinion to assess the religiosity of the Almaty urban community. The survey showed that the share of people who identify themselves as a part of some confession is significant; however, this is not a direct indicator of the increase in the number of true believers seeking to actively follow all religious rules and practices. The article presents the data on the activity of respondents in religious practices, their knowledge and understanding of some religious postulates. The study showed that the religious renaissance among the youth can be accompanied by undeveloped religious consciousness and insufficient religious knowledge, which provides grounds for the dissemination of pseudo-religious ideas including the extremist ones.

Key words: religiosity; religious values; traditions; spirituality; Islam; Christian Orthodoxy; Kazakhstan

References

- [1] Abercrombie N., Hill S., Turner B.S. *Sociologichesky slovar* [Dictionary of Sociology], Moscow; 2004 (In Russ.).
- [2] Burova E.E. *Trendy novoj religioznosti v sovremennom Kazahstane (opyt sociogumanitarnogo izmereniya)* [Trends of New Religiosity in Contemporary Kazakhstan (the social-humanitarian dimension)]. Almaty; 2014 (In Russ.).
- [3] Vasilieva E.N. “Kult” i “sekta”: problema razgranicheniya [‘Cult’ and ‘sect’: The problem of differentiation]. *Religiovedenie*. 2007; 3 (In Russ.).
- [4] Ignatiev A. Pyat bazovykh kontseptov sociologii religii [Five basic concepts of sociology of religion]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2014; 1 (In Russ.).
- [5] Kaariajnen K., Furman D.E. *Starye tserkvi, novye veruyushchie: Religiya v massovom soznanii postsovetskoj Rossii* [Old Churches, New Believers: Religion in the Mass Consciousness of Post-Soviet Russia]. Saint Petersburg; 2000 (In Russ.).
- [6] Kalilakhanova K.T., Konstitutsiya — osnova svetskosti kazahstanskogo gosudarstva [Constitution as the basis of secularism in Kazakhstan]. <https://www.zakon.kz/4649756-konstitutsija-osnova-svetskosti.html> (In Russ.).

* © G.T. Alimbekova, A.B. Shabdenova, T.Yu. Lifanova, 2020.

The article was submitted on 18.06.2019. The article was accepted on 29.11.2019.

- [7] Mukhamedzhanova B., Ibraev E., Utemisov Zh. *Gosudarstvenno-konfessionalnye otnosheniya v Respublike Kazakhstan* [State-confessional relations in the Republic of Kazakhstan]. Astana; 2015 (In Russ.).
- [8] Nelson L.D. Sekulyarizatsiya i socialnaya integratsiya v sopostavitel'nom aspekte [Secularization and social integration in the comparative perspective]. *Sotsialnye Problemy Zarubezhnyh Stran*. 1992; 5 (In Russ.).
- [9] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitel'ny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [10] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitel'ny analiz strakhov, nadezhd i opasenyi (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2) (In Russ.).
- [11] Centre for the Study of Public Opinion, Almaty, Kazakhstan. <http://www.ciom.kz>.
- [12] Shabdenova A.B., Alimbekova G.T. Uroven religioznosti semey s razlichnym statusom: rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya [The level of religiosity of families with different status: Results of the sociological research]. *KazNU Bulletin. Psychology and Sociology Series*. 2016; 4 (In Russ.).
- [13] Altmaier E.M. Religiousness and spirituality. *Promoting Positive Processes After Trauma*. Academic Press; 2019.
- [14] Cox H.G. *Religion in a Secular City: Essays in Honour of Harvey Cox*. Trinity Press; 2001.
- [15] Heiler F., Montgomery W. *The Spirit of Worship*. New York; 2013.
- [16] Luckmann Th. *Die Unsichtbare Religion*. Frankfurt am Main; 1996.
- [17] Saliba J.A. New religious movements in sociological perspective. *Understanding New Religious Movements*. California; 2004.
- [18] Schwadel P. Cross-national variation in the social origins and religious consequences of religious non-affiliation. *Social Science Research*. 2018; 70.
- [19] Shabdenova A.B., Verevkin A.V. Single parents in transformation: A social research. *Teorija in Praksa*. 2018; 3.
- [20] Tillich P. *Christianity and the Encounter of World Religions*. Minneapolis; 1994.
- [21] Weber M. *Essays in Sociology*. New York; 1946.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-333-347

Политическая субъектность нового рабочего класса*

В.В. Гаврилюк¹, В.В. Маленков²

¹Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625003, Россия

²Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия
(e-mail: gavriliuk@list.ru; vvmalenkov@gmail.com)

Авторы рассматривают новый рабочий класс, который включает в себя как промышленных рабочих, так и занятых в сфере услуг. Цель статьи — проследить изменения социально-политического статуса нового рабочего класса, рассмотреть гражданско-политическую составляющую субъектности его представителей. В статье предпринята попытка теоретической реконструкции идеи политической субъектности рабочего класса. В первой части статьи представлены концептуальные подходы к рассмотрению рабочего класса как политического субъекта. Авторы выделяют здесь три этапа: 1) классические работы, заложившие фундамент представлений о субъектности рабочего класса, его особой исторической роли; 2) констатация маргинального политического статуса рабочего класса в западных странах — ведущие теоретики описывают превращение рабочих в объект манипулирования как результат эпохи массовых коммуникаций и повсеместного внедрения идеологии потребительства; 3) работы современных авторов (в том числе в рамках *new working class studies*), выступающих против политики исключения из общественно-политического пространства традиционного промышленного рабочего класса и нового рабочего класса, которую проводит правящий класс неолиберального интернационала. В эмпирической части статьи описана политическая субъектность рабочего класса в России, его положение в политическом пространстве на институциональном и индивидуальном уровне. Несмотря на слабую представленность рабочих в политике, примерно с 2010 года наблюдается возвращение рабочего класса в публичное пространство. Репрезентативный опрос, проведенный в трех регионах Уральского федерального округа и подкрепленный нарративными интервью, зафиксировал слабую заинтересованность молодых представителей нового рабочего класса в политике, распространенность установок на неучастие в ней и высокий уровень национальной патриотической идентичности.

Ключевые слова: рабочий класс; политическая субъектность; новый рабочий класс; политическое сознание; политическое поведение

Вследствие реформ 1990-х годов и догоняющего переструктурирования индустриальной экономики в постиндустриальную в России произошла девальвация рабочих профессий. На Западе переход к экономике постиндустриального типа произошел гораздо раньше, был не столь динамичен, не сопровождался шоковой терапией, купировался социальной ответственностью государств. Кардинальные изменения положения российских рабочих и их депривация вызвали «масштабную травму», разочарование в реформах и

* © Гаврилюк В.В., Маленков В.В., 2020.

Статья поступила 10.10.2019 г. Статья принята к публикации 24.01.2020 г.

государственной политике. По мнению В.П. Зиновьева, «рабочий класс России, в отличие от рабочих других индустриальных стран, не представляет собой серьезной политической силы. Он был разобщен, обманут и разгромлен в 1990-е годы в череде политических и экономических кризисов. За четверть века бывший класс-гегемон так и не нашел своего места в социально-политической структуре новой России» [7. С. 57]. Фактически до 2011 года публичная апелляция к рабочему классу, которая в советский период составляла ядро риторики власти, отсутствовала в официальном дискурсе. Возвращение политической идентичности рабочего класса в постсоветской России связано с появлением его в публичном пространстве во время избирательного цикла 2011–2012 годов [22]. А после победы на президентских выборах в США Д. Трампа широкое распространение получило мнение о некотором возрождении политической субъектности рабочего класса, который может заявить о себе в будущем во всем мире [17; 21].

Необходимо отметить, что в обоих случаях речь идет об активизации промышленных рабочих, занятых в индустриальном секторе экономики, который переживает не лучшие времена. Однако сегодня состав рабочего класса расширился, включив в себя, наряду с рабочими производственных предприятий, работников сферы услуг, составляющих основу постиндустриальной экономики. Это «новый рабочий класс», который сегодня стал самым массовым, но слабо представлен на политическом поле. В статье мы попытались проследить изменение трактовок политической субъектности рабочего класса на теоретическом уровне, описать ее сегодняшнее состояние, прежде всего в России, и определить уровень и потенциал политической субъектности молодежи Уральского федерального округа, представляющей «новый рабочий класс».

В отечественной социологии субъектность часто рассматривается как форма реализации гражданско-политического потенциала — интегративного показателя, отражающего способность человека быть непосредственным или опосредованным (через разные объединения и организации) участником политических процессов. Политическая субъектность связана с определенной стадией развития общества и политической культуры. В одних исторических условиях политическая субъектность свойственна только определенным группам (например, интеллигенции), в других — многим, что формирует критическую массу акторов, способных оказывать влияние на политику. Помимо понятия «политический субъект» в социологии встречаются термины «субъект политики», «актор», «агент», но мы будем использовать понятие «политическая субъектность» как обозначение (1) способности коллективно влиять на политическую повестку и признания рабочего класса влияющим на политический процесс другими его значимыми участниками; (2) совокупности политических ориентаций представителей рабочего класса, гражданской компетентности и способности осуществлять политическую и гражданскую активность.

Рабочий класс как политический субъект и объект политики

Эволюцию представлений о политической субъектности рабочего класса в зарубежной философии и политической социологии можно хронологически разделить на три этапа: становление субъектности, размывание субъектности и возрождение субъектности на новой основе. На первом этапе был признан переход от бессубъектности рабочего класса к его политической субъектности в марксистской и ранней неомарксистской теории — превращение из «класса в себе» в «класс для себя» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов). Важную роль в данном подходе сыграл В.И. Ленин, акцентировавший организационный аспект политического действия, Д. Лукач, исследовавший роль классового сознания, и А. Грамши, разработавший концепцию гегемонии как механизма систематического участия рабочего класса в политике. Последний полагал, что революция в России была победой организационных технологий, но практически не затронула политическое сознание рабочего класса, т.е. фактически признавал несостоятельность пролетариата России как политического субъекта. Чтобы обрести субъектность, необходимо было выстроить механизм контргегемонии как альтернативного дискурса, призванного заместить дискурс правящего класса.

Второй этап связан с представлением о полной потере рабочим классом субъектности в эпоху массовых коммуникаций и идеологии потребительства, что превратило его в объект манипулирования (Т. Адорно, Л. Альтюссер, В. Беньямин, Г. Дебор, К. Корош, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др.). В этот период преобладают «когнитивные структуры авторитаризма», которые влекут «вымирание эго, бессилие субъекта в тотально администрируемом мире» [12] — идеологический аппарат государства продуцирует «ложное сознание» и формирует «одномерного человека», лояльного любым политическим режимам. Г. Маркузе относит рабочий класс к консервативному большинству, которое самовоспроизводится и обладает иммунитетом к изменениям, сформированным пропагандой. Рабочий класс в высшей степени интегрирован в существующую систему, причем на солидной материальной основе, а не только идеологически, поэтому влияние пропаганды подкреплено материальным стимулированием [8]. Но такое положение не будет вечным: противоречия капитализма нарастают, что приведет к необходимости проявить свободную политическую волю и стать политическим субъектом.

О новой бессубъектности рабочего класса писали и теоретики, не относящиеся к неомарксистам. Один из критиков русской революции Г. Дебор считал, что вместо утверждения политической субъектности рабочий класс становится еще более бессубъектным. На фоне победы большевиков в России и социал-демократии в Европе возник новый порядок вещей: «рабочий класс, переродившийся в представление, решительно противопоставил себя самому рабочему классу» [6. С. 29]. Как только самодержавие было ликвидировано, моментально закончилась демократия, пролетариат утратил значимость как политический субъект: «Дебаты были прекращены, как только власть захватила

революционная бюрократия, которая, овладев государственной властью, тут же навязала обществу новое классовое господство» [6. С. 30]. Воспользовавшись идеей гегемонии пролетариата, бюрократия учредила новую форму собственного господства — гегемонии социалистической бюрократии, ставшей во главе хорошо замаскированной формы государственного капитализма.

Советолог А. Безансон называет процесс трансформации пролетариата после революции образцовой операцией по распылению рабочего класса: имел место идеологический подлог — замена объективных реалий воображаемой реальностью. Власть в форме рабочего самоуправления быстро переродилась в партийно-бюрократическую. «Эсхатологическая сущность рабочего класса перестала быть принадлежностью группы фабрично-заводских рабочих, вследствие чего они весьма быстро потеряли все права и превратились в прислужников “рабочего класса”, душа которого, по принципу метемпсихоза, переселилась в тело партийного аппарата» [2. С. 128]. Уже в июле 1918 года произошла большевизация советов посредством их замены на профсоюзы. С этого момента нельзя рассматривать рабочий класс в качестве политического субъекта, поскольку он был лишен всех инструментов политического влияния.

П. Бурдые обращает внимание на явление театрализации, где главную роль играет рабочий класс, к которому апеллируют разные политические силы и профсоюзы. Он называет их «постоянными представителями», осуществляющими номинацию рабочего класса в политическом поле, которая имеет все классовые атрибуты, знаки отличия, аббревиатуры, эмблемы. «Этот рабочий класс “как воля и представление” не имеет ничего общего с классом в действии, с реально мобилизованной группой, которую упоминает марксистская традиция» [3. С. 93]. Это «класс на бумаге», существующий лишь как воображаемая группа, идентичность которой поддерживается административно-политическими механизмами.

Основу третьего концептуального понимания политической субъектности рабочего класса составляют идеи о необходимости формирования субъектности на новой количественной и качественной основе — как ответ на масштабное исключение из общественно-политического пространства в условиях неолиберальной политики и глобального капитализма. Главные теоретики здесь — И. Валлерстайн [4], Э. Лаклау и Ш. Муфф [18; 20], Н. Хомский [11]. Их работы строятся на критике неолиберальной модели глобальной экономики, где субъектами являются крупные транснациональные корпорации и обслуживающие их местные элиты (неолиберальный интернационал). Демократия в этой ситуации подвергается глубокой эрозии, хотя формально существуют институты, убедительно ее имитирующие. Такое положение стало развиваться с середины 1970-х годов — пика гражданско-политической активности в западных странах. За ним последовало падение политической активности, однако тотальный отказ от политического участия не был естественным — он управляем и связан с целеполаганием и интересами правящих неолиберальных кругов. Осознание данного факта и широкое политическое

просвещение должно повлиять на формирование и реализацию политической субъектности рабочего класса.

В XXI веке можно говорить о возрождении интереса к левым идеям, противопоставляемым неолиберальным идеологическим конструктам. Левые интеллектуальные течения и общественные движения всегда опирались на рабочий класс, но теперь их лидеры обращаются к новому рабочему классу, включающему в себя не только промышленных рабочих, но и работников постиндустриальной экономики. Проблематику политической субъектности стали развивать представители научного направления, известного как *new working class studies* — С. Ингшуа [23], С. Оттфилд [13], М. Цвейг [24] и др. Их главной идеей стал отказ от предвзятого отношения к рабочему классу как невежественному и не способному к осознанной политической деятельности [15]. Сторонники данного направления полагают, что идея об отмирании классов вследствие актуализации других идентичностей преждевременна, тем более что она сознательно продуцировалась неолиберальной пропагандой (начиная с М. Тэтчер) в качестве инструмента ослабления классовой идентичности рабочих.

Российский рабочий класс в пространстве политики

Коллективная политическая субъектность рабочего класса в форме проявлений его активности, в том числе протестной, имеет солидную историю. Особенность нашей страны в том, что именно здесь произошла социалистическая революция, хотя рабочее движение в тот период было далеко не самым развитым в мире [7; 16]. За время существования советского государства значимых проявлений политической активности рабочих вне официальной повестки не наблюдалось, а локальные протестные выступления подавлялись. В зоне влияния коммунистической идеологии к числу массовых политических движений можно отнести польское независимое профсоюзное движение рабочих «Солидарность». В 1980-х годах оно не только проявило себя как классический профсоюз, но и стало катализатором и инициатором политических и экономических реформ. Опыт «Солидарности» вдохновлялось шахтерское протестное движение конца 1980-х — начала 1990-х годов. Забастовочное движение шахтеров приобрело особое значение, поскольку было наиболее массовым и наряду с экономическими выдвинуло и политические требования [1].

Во время перестройки, на волне демократизации возникло множество политических партий: они были немногочисленны, не имели организационных структур в масштабе страны. Левые политические организации и клубы, позиционировавшие себя как проводников воли рабочего класса, не имели серьезной поддержки, хотя отдельные лидеры, отстаивавшие левые идеи, стали активными участниками политических процессов. В постсоветской России, в 1990-е годы, левые организации вновь обрели поддержку. Государственная Дума, избранная в 1995 году, была прокоммунистической, однако это скорее эффект протестного голосования и ностальгии разных социальных групп,

нежели свидетельство высокой политической активности рабочего класса. Начиная с выборов 1999 года электоральная база КПРФ как системной партии левого политического спектра размывалась. Теряли поддержку и ликвидировались другие партии социалистической и коммунистической направленности. Сегодня из 64 политических партий, официально зарегистрированных Минюстом РФ (после «упрощения» процедуры регистрации), 16 апеллируют к рабочему классу в уставах и программах, из них половина содержит в названии такие слова, как «коммунистическая», «социалистическая», «партия труда», «партия трудящихся». Большинство этих партий лишь формально зарегистрированы, но не ведут активной политической деятельности.

Что касается гражданско-политической активности рабочих как коллективного субъекта, то последние заметные протесты с политическими требованиями состоялись в России в начале 1990-х годов. Затем они стали локальными и были связаны в основном с невыплатой заработной платы. Начиная с 1999 года количество протестов резко падает [14; 19]. В.П. Вершель характеризует российский рабочий класс как лояльный и политически-пассивный: «ему свойственны не критическое отношение к существующей действительности, к поведенческим и пропагандистским стереотипам, отсутствие индивидуальности, манипулируемость, консерватизм, конформизм» [5. С. 272].

Степень политической субъектности российских рабочих остается невысокой, более того, некоторые исследователи говорят об исчезновении рабочего класса как политического субъекта: «как социальная группа он никуда не исчез и не утратил значимости как потенциальный агент социальной революции, но рабочий класс как идентичность, общность, социальный субъект пережил процесс беспрецедентного распада» [10]. С крушением Советского Союза символическая роль рабочего класса исчезает.

О нем стали чаще говорить, когда появилась и начала активно транслироваться идея «третьей промышленной революции», новой индустриализации в России. Тогда пришло четкое осознание, что без рабочих кадров новую индустриализацию не провести. Значение рабочего класса стало расти, но преимущественно как экономического субъекта. До конца 2011 года рабочие не были значимым политическим субъектом ни в смысле политического участия, ни в контексте символической политики — как ядро государственной идеологии. Актуализация политического статуса рабочего класса произошла в 2011 году, когда дискурс о нем как субъекте политики возник в ходе избирательной кампании в Государственную Думу и выборов Президента РФ в начале 2012 года [22. С. 163]. Тогда понятие «рабочий класс» из экономического дискурса элит переместилось в политический дискурс национального масштаба. Один из активных участников этого процесса, назначенный полномочным представителем Президента РФ в Уральском федеральном округе И. Холманских отметил в выступлении на первой торжественной церемонии награждения конкурса «Славим человека труда» в 2012 году: «Стали популярны разговоры о том, что время рабочего класса прошло, что он сходит с

политической арены нашей страны, но эти слова особенно смешно слышать... в любом индустриально развитом центре Урала и Западной Сибири. Нет, рабочий класс — он жив». И. Холманских признал необходимость слышать голос рабочего класса и налаживать диалог между ним и властью.

Таким образом, политическая субъектность рабочего класса в России пережила серьезный кризис и, видимо, продолжает в нем находиться, что прослеживается по всем полям активности, включая самоуправляемую мобилизацию и профсоюзные и партийные механизмы позиционирования рабочего класса в политическом пространстве. Вместе с тем его возвращение в поле публичной политики может сыграть важную роль в осознании его классовых интересов, социальной и политической идентичности, а следовательно, в становлении его политической субъектности.

Политическая субъектность рабочей молодежи и потенциал ее формирования

Эмпирической основой дальнейшего анализа выступают данные проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России», в ходе которого была проведена серия исследований, совмещающих количественные и качественные методы. В 2018 году был проведен анкетный опрос (N=1534) представителей нового рабочего класса в возрасте 18–29 лет, проживающих на территории Курганской, Свердловской и Тюменской областей (без автономных округов). Также были проведены нарративные интервью (N=31) с представителями нового рабочего класса в возрасте 18–29 лет. Под новым рабочим классом мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию, не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся [9. С. 353].

Одна из основных целей исследования — определить, в какой степени политическая субъектность присуща молодым представителям нового рабочего класса. Было выделено четыре ключевых компонента политической субъектности: 1) ценностные ориентации в отношении макросубъектов политической системы (государство, главные политические игроки); 2) интерес к политике и гражданско-политическая идентичность; 3) оценка способности влиять на действия и решения участников политического процесса через разные механизмы участия; 4) поддержка политической повестки.

Первая группа эмпирических показателей затрагивает общие представления о стране и государстве — как рациональные, так и эмоциональные. На вопрос об отношении к факту проживания в России чуть более трети респондентов ответили, что считают себя патриотами независимо от гражданской позиции, более четверти готовы принимать все, даже если с чем-то не согласны, 14,7% сочетают любовь к Родине с критическим отношением к курсу развития страны, практически для каждого десятого неважно место

проживания, главное — жить хорошо, примерно столько же хотели бы уехать в другую страну (Рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Охарактеризуйте свое отношение к тому, что Вы проживаете в России» (в %)

Степень готовности мириться с тем, что происходит в стране, даже если с чем-то не согласны, у женщин несколько выше (33,5% против 25,4%). Среди работников сферы услуг больше тех, кто готов принимать все, что происходит в стране, даже если не согласны с этим (32,1% против 26,1%).

Почти половина (48,8%) опрошенных гордятся российской историей, 30,6% гордятся ею в целом, за исключением некоторых периодов. Наиболее заметные различия наблюдаются у промышленных рабочих и работников сферы услуг: безусловно гордящихся историей больше среди занятых в производстве (55,3% против 43,4%), тогда как «гордящихся с некоторыми исключениями» больше среди работников сферы услуг (36% против 24,1%). Неприятие и стыд по отношению к истории испытывают 6,2%. Треть респондентов (33,5%) считают Россию частью западной цивилизации, 37,6% не согласны с этим, 28,9% затруднились ответить на данный вопрос.

Помимо национально-государственной идентичности, важной составляющей гражданско-политической субъектности является групповая идентификация в качестве представителей рабочего класса. Так себя идентифицирует 40,7%, 28% относят себя к среднему классу, 16,3% — к наемным работникам, 4,4% — к свободным профессионалам. Среди промышленных рабочих доля идентифицирующих себя с рабочим классом составляет 52,7%, у занятых в сфере услуг — 30,8%.

Большинство (65,9%) молодых представителей рабочего класса не принимает участие в общественной деятельности и не состоит в общественных объединениях. Всего 10,9% состоят в профсоюзе, 7,8% занимаются волонтерской

деятельностью, 6,6% участвуют в благотворительности, 4,9% являются членами политических партий, 1,7% — профессиональных ассоциаций. Нарративные интервью свидетельствуют о формальных отношениях с профсоюзами и другими организациями, а волонтерская и благотворительная активность имеет несистематический характер и выступает обычно результатом административной мобилизации по месту работы или учебы. «Да, я состою в профсоюзе. Но мне от него как бы ни холодно, ни жарко...» (Юрий, 26, токарь).

Интервью также показывают в целом пассивное отношение представителей нового рабочего класса к политике. Можно условно разделить рабочую молодежь на (1) заинтересованных в политике, (2) частично интересующихся, (3) разочаровавшихся (раньше интересовавшихся, а теперь нет), (4) дистанцирующихся и (5) относящихся к политике резко негативно. Первая группа малочисленна и на общем фоне практически незаметна, но дело даже не в количестве, а в безэмоциональности высказываний о политике (те, кто все же отмечал интерес к ней, делали это очень формально). Ко второй группе относятся те, кто говорил, что «интересуется политикой в какой-то степени», «немного», «большого интереса нет, но новости смотрят» и т.д.: «Большого интереса к политике я не проявляю, но следить за новостями стараюсь. Часто смотрю итоговые недельные новостные выпуски по федеральным каналам» (Александр, 28, менеджер по продажам). «Не совсем, но, если наткнусь на какие-то новости, иногда могу прочитать. А чтобы сидеть и искать какие-то политические новинки — нет» (Андрей, 21, укладчик).

К третьей группе относятся информанты, которые отмечали изменение интереса к политике в отрицательную сторону — раньше было интересно, а теперь нет. В качестве причин назывались отсутствие значимых игроков на политическом поле, проектов, которые раньше казались перспективными, крушение надежд, изменение политического поля и повестки: «В последнее время старался дистанцироваться от политики. Честно, поднадоела, и я в чем-то разочаровался» (Егор, 29, менеджер по лизингу). «В последнее время нет... политика сейчас достаточно открыта, и некоторые политические деятели пришли из медийных сфер. Но я не считаю их настоящими политиками, и от этого политика страны приходит в упадок» (Ксения, 22, кальящик). «Одно время интересовался, потом как-то прочитал пару книг... Оруэлла "1984" и ... понял, ... в нашей стране... интересоваться политикой — пустая трата времени, никакого смысла нет» (Дамир, 23, продавец-консультант).

Четвертая группа представлена дистанцирующимися от политики: отсутствие интереса они либо не объясняют, либо апеллируют к нехватке времени, несоответствию их жизненной стратегии и интересам. Резко негативных оценок они не высказывали: «Политика меня не сильно интересует. В основном я в IT, как развиваются игры» (Виталий, 22, охранник). «На политику времени нет. ... На слуху всегда, и периодически с ребятами на работе обсуждаем что и как происходит» (Антон, 26, рабочий сцены).

Пятая группа — информанты, резко негативно относящиеся к политике. Несмотря на малочисленность, их мнение показательное: «Вообще стараюсь

держаться от нее подальше, поскольку я не понимаю все эти политические игры... Мне это настолько неинтересно и непонятно... Я редко смотрю телевизор, но, если смотрю и вижу какую-то политику, я скорее переключу» (Роман, 21, токарь). «Интересоваться политикой сейчас... это то же самое, что стать сумасшедшим и утверждать, что все будет хорошо, все будет замечательно, а на самом деле... Нашу страну прессуют и мы ничего с этим сделать не можем» (Дмитрий, 21 год, техник по радионавигации).

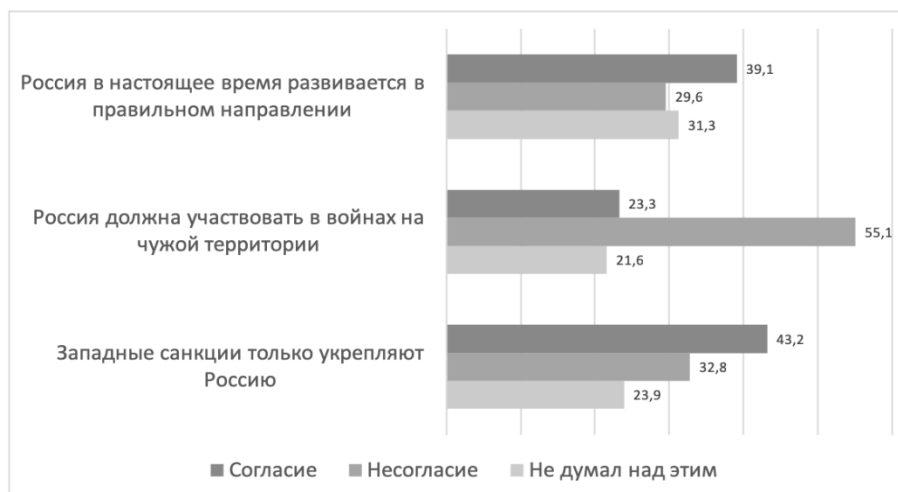
Важной частью гражданско-политической субъектности является участие в политике. Форм такого участия в развитой политической системе много, и выборы из них далеко не самая важная. В этой связи показательны ответы на вопрос «Участвуете ли вы в политической жизни страны?»: практически все интервьюируемые сразу начинали говорить про выборы, а другие формы гражданской и политической активности практически не упоминали. Пространство публичной политики в сознании молодых представителей рабочего класса сужено до возможности проголосовать на выборах. Более того, позиция сознательного неучастия в выборах непопулярна среди участников интервью, поскольку реализация избирательного права воспринимается ими преимущественно как гражданская обязанность. «Да, на выборы, я, конечно, хожу. Я знаю из школьной программы по обществознанию, что каждый гражданин должен участвовать в жизни своей страны и своего города» (Александр, 24, продавец-консультант).

Митинги воспринимаются как противоположность выборам: «Ежегодно участвую, хожу на выборы... Ни на какие митинги не хожу» (Андрей, 21, укладчик). В сознании молодых рабочих актуализированы две формы политического участия: голосование на выборах — как одобряемая форма политического действия, участие в публичных мероприятиях (митингах, шествиях и т.д.) — как нежелательная форма выражения гражданской позиции. «Я бы, конечно, мог пойти на митинг. Но какой в этом смысл? Чтобы просто лишиться работы? Чтобы просто просидеть суток пятнадцать ни за что?» (Дамир, 23, продавец-консультант). Впрочем, участие и в избирательном процессе, и в протестных акциях воспринимается как бесполезное действие. «Все решено за меня... Смысла нет голосовать. Это полстраны так считают, я думаю» (Станислав, 25, оператор по приемке). «Считаю, что от меня абсолютно ничего не зависит. Чтобы меня затолкали в “автозак”? Ничего от этого не изменится, поэтому не вижу в этом никакого смысла (ходить на митинги)» (Николай, 27, автомеханик).

Что касается защиты профессиональных, цеховых интересов в отношениях с работодателями, то ситуация несколько иная. Большинство (86,2%) считает, что рабочие должны бороться за свои права, отстаивать свои интересы во взаимоотношениях с работодателями, но более трети респондентов (34,5%) не готовы предпринимать какие-то действия в случае нарушения своих трудовых прав. Защищать их через профсоюз считают возможным 20,3%, а отстаивание политическими методами практически неприемлемо — только 8,7% готовы участвовать в забастовках и других формах публичного

протеста. Обращение в средства массовой информации рассматривают в качестве инструмента 6,1%. Характерно, что обращение к региональным и местным органам власти готовы использовать лишь 4,7% (последнее место среди вариантов ответа).

Важное значение имеет отношение молодежи к существующему политическому курсу, актуальной повестке последних нескольких лет. Данный показатель мы рассматривали посредством трех вопросов — восприятие западных санкций, отношение к военному присутствию России на чужих территориях и оценка актуального направления развития страны (Рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «С каким утверждением о современной России Вы согласны» (в %)

Значительная часть опрошенных положительно оценила существующий курс, причем чем старше респонденты, тем больше среди них поддерживающих политический курс: в младшей группе 32,9%, в средней — 38,5%, в старшей — 45,7% (среди сельских рабочих поддержка также выше — 47,2% против 36,5% в городе). Почти четверть опрошенных считают, что Россия должна участвовать в войнах на чужой территории — не согласны с этим более половины, остальные признались, что не думали об этом. Среди согласных больше городских рабочих (25,6% против 15,9%) и занятых в промышленности (27,4% против 19,9%). Чем старше респонденты, тем больше среди них поддерживающих войну России на чужой территории — 15,6% в группе до 19 лет, 20,6% в средней группе (20–24 года) и 33,4% в старшей (25–29 лет). Практически половина убеждена в положительном влиянии западных санкций на Россию: этот показатель наиболее высок в старшей возрастной группе (50,3%) и среди городских жителей (45,5% против 36%). В целом только 7,8% согласны со всеми тремя утверждениями, а корреляция (по коэффициенту Спирмена) между поддержкой курса развития страны и мнением об участии страны в войнах и положительной оценкой влияния западных санкций очень слаба (0,289 и 0,323 соответственно).

***

Таким образом, очевиден разрыв между положением рабочего класса в политической системе и осознанием молодыми рабочими своей политической субъектности. С одной стороны, действующая власть неоднократно демонстрировала ориентацию на рабочий класс как целевую группу, мнение которой необходимо учитывать при принятии политических и управленческих решений, что говорит о символическом возвращении рабочего класса в публичное поле политики после долгого перерыва. С другой стороны, в структуре политических ориентаций молодежи нового рабочего класса преобладают пассивность, аполитичность и отчужденность, ощущение неспособности влиять на политические процессы, что свидетельствует о слабой политической субъектности на индивидуальном уровне. Данные тенденции проявляются во всех группах и различия по полу, возрасту, месту проживания и сфере занятости весьма незначительны. Видимо, обозначенные тенденции — одна из причин того, что заметной активизации рабочего класса как реальной политической силы в стране пока не наблюдается.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФ. Проект № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Библиографический список

- [1] *Баранов А. В.* Забастовочное движение шахтеров в СССР (1988–1991 гг.) как проявление общественной самоорганизации: этапы исторического развития // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6/1.
- [2] *Безансон А.* Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998.
- [3] *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- [4] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб., 2001.
- [5] *Вершель В.П.* Рабочее движение: грани социальной активности (1989–1991) // Управленческое консультирование. 2014. № 12.
- [6] *Дебор Г.* Общество спектакля / Пер. с фр. М., 1999.
- [7] *Зиновьев В.П.* Классики марксизма о характере рабочего движения в России // Вестник ТГУ. 2016. № 402.
- [8] *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. М., 2003.
- [9] Молодежь нового рабочего класса современной России / Под ред. Т.В. Гаврилюк. М., 2019.
- [10] *Овсянников И.* Рабочий класс в постсоветской России. Что стоит за глухим смирением? // http://anticapitalist.ru/archive/prof/rabochee_dvizhenie_v_postsovetskoj_rossii_chno_stoit_za_gluxim_smireniem.html.
- [11] *Хомский Н.* Прибыль на людях. М., 2002.
- [12] *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб., 1997.
- [13] *Attfield S.* Rejecting respectability: On being unapologetically working class // Journal of Working-Class Studies. 2016. Vol. 1. No. 1.

- [14] *Greene S., Robertson G.* Politics, justice and the new Russian strike // *Communist and Post-Communist Studies*. 2009. Vol. 43. No. 1.
- [15] *Jones O.* Chavs: The Demonization of the Working Class. L., 2012.
- [16] *Kir'ianov Iu. I.* On the nature of the Russian working class // *Soviet Studies in History*. 1983. Vol. 22. No. 3.
- [17] *Kohn L.* Working-class culture as political participation: Reading Trump as revolt against a middle-class public sphere // *Journal of Working-Class Studies*. 2018. Vol. 3. No. 1.
- [18] *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. L., 1985.
- [19] *Morris J.* From betrayal to resistance: Working-class voices in Russia today // *Journal of Working-Class Studies*. 2017. Vol. 2. No. 1.
- [20] *Mouffe C.* Working-class hegemony and the struggle for socialism // *Studies in Political Economy*. 1983. Vol. 12. No. 1.
- [21] *Schrock D., Dowd-Arrow B., Erichsen K., Gentile H., Dignam P.* The emotional politics of making America great again: Trump's working class appeals // *Journal of Working-Class Studies*. 2017. Vol. 2. No. 1.
- [22] *Simons G.* Stability and change in Putin's political image during the 2000 and 2012 presidential elections: Putin 1.0 and Putin 2.0? // *Journal of Political Marketing*. 2016. Vol. 15. No. 2–3.
- [23] *Yingshuai S.* "Recurrence" and "reconstitution": The rise of "new workers" and the transition of China's social structure — Marxist class theory and the new changes in the contemporary working class // *International Critical Thought*. 2015. Vol. 5. No. 2.
- [24] *Zweig M.* Rethinking class and contemporary working-class studies // *Journal of Working-Class Studies*. 2016. Vol. 1. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-333-347

New working class as a political subject*

V.V. Gavrilyuk¹, V.V. Malenkov²

¹Industrial University of Tyumen
Volodarsky St., 38, Tyumen, 625003, Russia

²Tyumen State University
Volodarsky St., 6, Tyumen, 625003, Russia
(e-mail: gavriliuk@list.ru; vvmalenkov@gmail.com)

Abstract. The authors consider the new working class as consisting of both industrial workers and employed in the service sector. The article aims at identifying changes in the social-political status of the new working class and at describing the civil-political component of its political subjectivity. The authors attempt to theoretically reconstruct the idea of the working class as a political subject. The first part of the article presents conceptual approaches to the analysis of the working class as a political subject. The authors identify three periods: 1) classical works that laid the foundation for the study of the working class as a political subject and its special historical role; 2) studies of the marginal political status of the working class in Western countries, when leading theorists described the transformation of workers into an object of manipulation in the era of mass communications and the widespread consumerism ideology; 3) works of contemporary authors (including the new working class studies) opposing the policy of the

---

* © V.V. Gavrilyuk, V.V. Malenkov, 2020.

The article was submitted on 10.10.2019. The article was accepted on 21.01.2020.

traditional industrial working class and the new working class exclusion from the social-political space, which is pursued by the ruling class of the neoliberal international. The empirical part of the article describes the political subjectivity of the working class in Russia and its position in the political space at the institutional and individual levels. Despite the underrepresentation of workers in politics, since 2010, we have witnessed a return of the working class to the public space. The representative survey conducted in three regions of the Ural Federal District and narrative interviews prove a weak interest of the new working class youth in politics, their tendency of non-participation in it, and a high level of national patriotic identity.

Keywords: working class; political subject; new working class; political consciousness, political behavior

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 17-78-20062 “Life strategies of new working class youth in contemporary Russia”.

References

- [1] Baranov A.V. *Zabastovochnoe dvizhenie shahterov v SSSR (1988–1991 gg.) kak proyavlenie obshchestvennoj samoorganizatsii: etapy istoricheskogo razvitiya* [The strike movement of miners in the USSR (1988-1991) as a manifestation of social self-organization: Stages of historical development]. *Istoricheskaya i Socialno-Obrazovatel'naya Mysl*. 2016; 8 (6/1) (In Russ.).
- [2] Bezanson A. *Sovetskoe nastoyashchee i russkoe proshloe* [Soviet Present and Russian Past]. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [3] Bourdieu P. *Sociologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [4] Wallerstein I. *Analiz mirovyh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Per. s angl. P.M. Kudyukina; pod obshch. red. B.Yu. Kagarlitskogo. Saint Petersburg; 2001 (In Russ.).
- [5] Vershel V.P. *Rabochee dvizhenie: grani sotsialnoj aktivnosti (1989–1991)* [Labor movement: Types of social activity (1989–1991)]. *Upravlencheskoe Konsultirovanie*. 2014; 12 (In Russ.).
- [6] Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Per. s fr. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [7] Zinoviev V.P. *Klassiki marksizma o kharaktere rabochego dvizheniya v Rossii* [Classics of Marxism on the nature of the labor movement in Russia]. *Vestnik TGU*. 2016; 402 (In Russ.).
- [8] Marcuze H. *Eros i tsvivilizatsiya. Odnomerny chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrialnogo obshchestva* [Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Per. s angl., poslesl., primech. A.A. Yudina; sost., predisl. V.Yu. Kuznetsova. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [9] *Molodezh novogo rabochego klassa sovremennoj Rossii* [Youth of the New Working Class on contemporary Russia]. Pod red. T.V. Gavriilyuk. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [10] Ovsyannikov I. *Rabochy klass v postsovetsoj Rossii. Chto stoit za gluhim smirenijem?* [Working class in post-Soviet Russia. What is behind the voiceless humility?]. http://anticapitalist.ru/archive/prof/rabochee_dvizhenie_v_postsovetsoj_rossii_chto_stoit_za_gluxim_smirenijem.html (In Russ.).
- [11] Chomsky N. *Pribyl na lyudyah* [Profit over People]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [12] Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragment* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]. Moscow-Saint Petersburg; 1997 (In Russ.).
- [13] Attfeld S. *Rejecting respectability: On being unapologetically working class*. *Journal of Working-Class Studies*. 2016; 1 (1).

- [14] Greene S., Robertson G. Politics, justice and the new Russian strike. *Communist and Post-Communist Studies*. 2009; 43 (1).
- [15] Jones O. *Chavs: The Demonization of the Working Class*. London; 2012.
- [16] Kir'ianov Iu. I. On the nature of the Russian working class. *Soviet Studies in History*. 1983; 22 (3).
- [17] Kohn L. Working-class culture as political participation: Reading Trump as revolt against a middle-class public sphere. *Journal of Working-Class Studies*. 2018; 3 (1).
- [18] Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London; 1985.
- [19] Morris J. From betrayal to resistance: Working-class voices in Russia today. *Journal of Working-Class Studies*. 2017; 2 (1).
- [20] Mouffe C. Working-class hegemony and the struggle for socialism. *Studies in Political Economy*. 1983; 12 (1).
- [21] Schrock D., Dowd-Arrow B., Erichsen K., Gentile H., Dignam P. The emotional politics of making America great again: Trump's working class appeals. *Journal of Working-Class Studies*. 2017; 2 (1).
- [22] Simons G. Stability and change in Putin's political image during the 2000 and 2012 presidential elections: Putin 1.0 and Putin 2.0? *Journal of Political Marketing*. 2016; 15 (2–3).
- [23] Yingshuai S. 'Recurrence' and 'reconstitution': The rise of 'new workers' and the transition of China's social structure — Marxist class theory and the new changes in the contemporary working class. *International Critical Thought*. 2015; 5 (2).
- [24] Zweig M. Rethinking class and contemporary working-class studies. *Journal of Working-Class Studies*. 2016; 1 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-348-362

Развитие государственно-частного партнерства в Беларуси*

И.А. Андрос, О.В. Кобяк

Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Беларусь
(e-mail: androsita@tut.by; aleh.kabiak@mail.ru)

В Республике Беларусь в качестве альтернативного варианта приватизации власть выбрала государственно-частное партнерство (далее — ГЧП), которое позволяет сохранить социально значимые объекты в собственности государства. Результаты опроса предпринимателей и государственных служащих позволяют определить степень готовности представителей власти и бизнеса к равноправному партнерству в условиях провозглашенной социально ориентированной рыночной экономики. На примере столичного региона авторы проанализировали институционально-адаптационный период развития ГЧП в Беларуси. Социологический подход к изучению ГЧП заключается в рассмотрении связи «власть–бизнес–общество» как системы взаимообусловленных действий госслужащих, предпринимателей и населения. Анализ поведенческих стратегий участников взаимодействия осуществлен через призму их социальных ожиданий. Методы исследования — экспертный опрос предпринимателей и госслужащих и анкетный опрос населения Минска. Основные выводы: общество в силу низкой информированности является сторонним наблюдателем, а не активным участником ГЧП; поведенческие стратегии предпринимателей формируются под влиянием нормативно-правовых факторов, у госслужащих — системно-правовых; главный барьер в реализации ГЧП-проектов — низкая оценка госслужащими и предпринимателями своей квалификации; в конфликтных ситуациях предприниматели воспринимают госслужащих как конкурентов, поэтому оценивают их стиль поведения как «пресингурующий»; основным способом взаимодействия в рамках ГЧП государство выбрало соглашение, в котором акцент сделан на самостоятельности партнеров, в итоге риски и ответственность в ГЧП-проекте несут государственный и частный партнеры — в той мере, о какой договорились, а власть сохраняет за собой полный контроль.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; власть; бизнес; предприниматели; государственные служащие; общество; поведенческие стратегии

В начале 1990-х годов непривычные слова «приватизация», «иностранный инвестор», «либерализация» порождали в белорусском обществе предчувствие большого имущественного передела, а тема собственности вызвала чувство неловкости [12. С. 7–10]. Белорусское общество ожидало от государственных органов содействия в преодолении последствий внедрения рыночных элементов в постсоветскую плановую экономику. В итоге белорусские власти выбрали следующий подход: на переходном этапе у

* © Андрос И.А., Кобяк О.В., 2020.

Статья поступила 22.06.2019 г. Статья принята к публикации 29.11.2019 г.

государства должно остаться 50% или 25% плюс одна акция (блокирующий пакет) или 10%, что дает ему право назначать представителей в органы управления акционерного общества. Сегодня все заметные приватизационные сделки в Беларуси проходят процедуру одобрения со стороны государственных органов, в результате иностранные инвесторы опасаются конфликта интереса с государством, а для белорусского бизнеса закрытость приватизации и ее нормативно-бюрократический характер делают инвестирование в отечественные предприятия непривлекательным. Поэтому альтернативным вариантом приватизации было выбрано государственно-частное партнерство (ГЧП), которое позволяет без финансовой нагрузки на бюджет, за счет инвестора строить важные инфраструктурные объекты с сохранением государственной собственности.

К моменту принятия Закона Республики Беларусь № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (вступил в силу 02.07.2016) власти провели большую работу по формированию институционального базиса ГЧП. Так, в 2014 году был создан Центр ГЧП, в сентябре 2016 года он вошел в структуру Национального агентства инвестиций и приватизации, был сформирован Межведомственный инфраструктурный координационный совет (МИКС), в состав которого вошли представители министерств, финансовых институтов, исполкомов, общественных организаций, бизнес-структур. Активную поддержку в подготовке нормативно-законодательной базы оказали международные финансовые организации: Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), International Finance Corporation (IFC), Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН). В 2015 году был утвержден Национальный инфраструктурный план с комплексной оценкой потребностей республики на ближайшие 15 лет. Для выполнения намеченных проектов необходимо 62,3 млрд долларов, однако финансовые возможности госбюджета ограничены 30 млрд. Очевидны серьезные финансовые надежды властей на партнерство с бизнесом, но каково мнение предпринимателей, госслужащих и населения о возможных путях построения устойчивого и эффективного ГЧП?

Результаты исследований показали, что основные проблемы во взаимодействии органов власти и предпринимательских структур связаны с доверием, риском (осознанием ответственности за решения), нормами и профессиональной компетенцией [1; 3; 5; 6; 8; 9]. Согласно теории социального обмена П. Блау [14] любое взаимодействие — это обмен целенаправленного усилия/действия на стимулы (соображения пользы, выгоды, награды). Границы обмена задаются ожиданиями (возможными и приемлемыми вознаграждениями) участников социального взаимодействия: власть и бизнес дополнительно учитывают барьеры и риски, которые задают границы сделок (обмена). Участники (акторы) ГЧП разрабатывают поведенческие стратегии для решения задач, которые определены принципами ГЧП как нормами

поведения социальных субъектов. Соответственно, для оценки развития ГЧП в Беларуси необходимо изучить отношение к ГЧП представителей бизнеса, власти и общества, сравнить принципы ГЧП по мнению предпринимателей и госслужащих, выявить риски и барьеры для реализации ГЧП, определить стиль поведения предпринимателей и госслужащих в конфликтных ситуациях и проанализировать приоритетные, по мнению бизнеса и власти, формы реализации ГЧП, поскольку контракт, аренда, концессия и т.п. — форматы, гарантирующие выгоду одной из сторон (например, обладание собственностью).

Исследование было проведено в рамках государственной программы «Социологическая модель развития предпринимательства в условиях социально ориентированной рыночной экономики Республики Беларусь» (2016–2020 годы, № ГР 20161678, ГУ «БелИСА») методом экспертного опроса (2016–2017) в Минском столичном регионе (Минск и 12 административных районов Минской области), данные которого сопоставлялись с результатами городского мониторинга Минского научно-исследовательского института социально-экономических проблем (опрос населения в 2014 году). В качестве экспертов выступили руководители негосударственных микро- и малых предприятий (N=180 человек на 158 частных микропредприятиях и 22 частных малых предприятия с опытом работы не менее трех лет) и специалисты исполнительных органов государственной власти, обеспечивающие взаимодействие с представителями предпринимательских структур (N=31 человек).

Отношение бизнеса, власти и общества к ГЧП

Поскольку у населения уже существует повседневная практика взаимодействия с частниками в сфере торговли и общепита, услуг, связи, автосервиса и т.п., то, отвечая на вопрос «Каково в целом Ваше личное отношение к малому и среднему бизнесу?», минчане скорее всего оценивали предпринимательство как социально-профессиональную деятельность. Степень общественного одобрения малого и среднего бизнеса оказалась высока — 68,7% («положительное» — 31,3% и «скорее положительное» отношение — 37,4%), отрицательное отношение выразили 7,6%. Положительное отношение преобладает у высококвалифицированных специалистов: военнослужащие и сотрудники милиции — 87,6%, предприниматели — 85%, руководители — 83,3%, специалисты, служащие, ИТР — 77,1%, студенты — 75,9%.

Власть, бизнес и общество придерживаются разных приоритетов в государственной поддержке секторов экономики (Табл. 1). Население практически не поддерживает коллективную и акционерную форму собственности (9%), хотя в Беларуси ЗАО и ОАО имеют самые высокие гарантии, что в случае серьезных рисков государство окажет им поддержку в устранении или минимизации затруднений. Кроме того, население явно не согласно с безоговорочным доминированием госсектора в экономике.

Таблица 1

«Какой сектор экономики должен получить со стороны государства приоритетную поддержку?» (в %)

Варианты ответов	Предприниматели	Госслужащие	Население
Государственный сектор	8,3	6,5	12,1
Частный сектор	30	12,9	18
Коллективная и акционерная форма собственности (государство + бизнес)	27,8	48,4	9
Нужно развивать все сектора	25	25,8	43
Затрудняюсь ответить	8,3	6,5	16,3
Нет ответа	0,6	—	1,6

Если чиновники и предприниматели реально задействованы в обсуждении и реализации ГЧП-проектов, то общество пока выступает скорее сторонним наблюдателем партнерства бизнеса и власти. Высказать свое отношение к ГЧП затруднилась почти треть минчан (31,1%), что указывает на несформированность общественного мнения по данному вопросу (Табл. 2).

Таблица 2

«Как Вы относитесь к развитию новой формы взаимодействия государства и частного бизнеса — государственно-частному партнерству?» (%)

Варианты ответов	Предприниматели	Госслужащие	Население
Положительно	22,2	48,4	15,7
Скорее положительно, чем отрицательно	43,3	32,3	32,1
Скорее отрицательно, чем положительно	21,7	12,9	11,5
Однозначно отрицательно	7,8	—	7,9
Затрудняюсь ответить	5	6,5	31,1
Нет ответа	—	—	1,7

На фоне положительного отношения к ГЧП госслужащих (80,7%) и предпринимателей (65,5%) эта форма взаимодействия государства и частного бизнеса почти неизвестна населению (47,8% опрошенных и 71,1% определившихся в своем отношении). Вероятно, необходимо привлечь общественность к обсуждению местных нужд, что, как правило, значительно повышает экспертную оценку ГЧП-проектов органами местного самоуправления. Пока из-за низкого уровня информированности населению сложно определить отрасли, в которых ГЧП-проекты могли бы с успехом развиваться (Табл. 3). Сегодня в Беларуси реализуется 7 ГЧП-проектов в строительстве, здравоохранении и образовании [11] — их необходимо широко освещать в СМИ, объясняя их специфику и полезность для населения и экономики региона, и тогда «затруднительное» отношение общества к ГЧП изменится. Возможно, низкая информированность о ГЧП обусловлена отсутствием к нему интереса вследствие привычки общества к государственному патернализму. Ситуация усугубляется недостаточной разъяснительной работой властей. Пока население рассматривает себя скорее основным потребителем результатов ГЧП-проектов, чем активным участником разрешения социально значимых проблем.

Таблица 3

«В каких отраслях (сферах) Минска проекты в формате ГЧП могут успешно развиваться?» (в %)

Варианты ответов	Предприниматели	Госслужащие	Население
затрудняюсь ответить	—	—	25,7
туризм и досуг	51,7	48,4	19,6
строительство	50	41,9	25,4
торговля и общепит	48,9	61,3	21,6
промышленность	37,2	25,8	17,9
инновационные отрасли (например, IT)	33,3	38,7	14
транспорт	32,2	29	18,5
сельхозпроизводство	29,4	45,2	12,8
телекоммуникация	26,7	9,7	12,6
жилищно-коммунальное хозяйство	24,4	35,5	16,9
здравоохранение	16,7	19,4	18,1
энергетика	14,4	9,7	8,5
садово-парковое хозяйство	12,8	19,4	10,4
образование	9,4	22,6	16,1
другое	3,3	3,2	1,6
думаю, что ни в какой из отраслей	1,1	—	10,5

Принципы государственно-частного партнерства

Высокая степень поддержки ГЧП госслужащими объясняется возможностью привлечения внебюджетных средств для решения важных социальных задач. Предприниматели проявляют заинтересованность в ГЧП с расчетом, что государство уйдет из тех сфер, в которых его присутствие необязательно, т.е. причины заинтересованности бизнеса и властей в ГЧП разные, но каковы тогда принципы их взаимодействия? Принципы — это устойчивые мотивы согласованных действий, которые направлены на удовлетворение интересов участников ГЧП-проекта. Факторный анализ принципов ГЧП (Табл. 4) показал, что на поведенческие стратегии предпринимателей серьезное влияние оказывают нормативно-правовые условия деятельности («правовая предсказуемость и гласность» и «соблюдение законов и обеспечение прав»), а у госчиновников — системно-правовые («равный доступ к ГЧП партнеров и правовая предсказуемость» и «государственная поддержка развития ГЧП»). Если предприниматели в ГЧП продумывают поведение в границах правовой определенности, связанной с публичностью, то госслужащие считают свои действия системообразующими стандартами государственной деятельности (на это указывают и высокие доли общей дисперсии первого и второго факторов). Предприниматели остаются верны стратегии «вписаться в правила», а госчиновники продолжают занимать доминирующую позицию в ГЧП, однако на третьем месте у бизнеса и власти фактор «взаимная выгода от партнерства».

У предпринимателей разделение полномочий, ответственности и рисков, основанное на информировании частных партнеров и общественности, образует фактор «четкое делегирование полномочий с информированием бизнеса и общества» (4 место), призванный улучшить и оптимизировать действия государственного и частного партнеров. Фактор «государственная поддержка

развития ГЧП» для предпринимателей не критичен (5 место) по сравнению с госслужащими (2 место). Предпринимателям поддержка властей нужна как фундамент для партнерства бизнеса и власти.

Таблица 4

Факторный анализ принципов реализации ГЧП (в проекте закона о ГЧП)

Предприниматели	% дисперсии	фактор	% дисперсии	Госслужащие
«Правовая предсказуемость и гласность»: создание необходимой правовой базы (0,659) и максимальное информирование частных партнеров и общественности (0,506)	11,856	1	19,812	«Равный доступ к ГЧП партнеров и правовая предсказуемость»: обеспечение равного доступа к ГЧП для частных партнеров (0,790) и создание необходимой правовой базы (0,715)
«Соблюдение законов и обеспечение прав»: соблюдение сторонами ГЧП национального и международного законодательства (0,635) и обеспечение прав и интересов всех участников ГЧП (0,583)	11,169	2	15,712	«Государственная поддержка развития ГЧП» (0,733)
«Взаимная выгода от партнерства»: результативное использование ресурсов партнеров (0,712)	10,047	3	10,95	«Взаимная выгода от партнерства»: результативное использование ресурсов партнеров (0,830)
«Четкое делегирование полномочий с информированием бизнеса и общества»: разделение полномочий, ответственности и рисков (0,360) и информирование частных партнеров и общественности (0,349)	9,488	4	9,854	«Соблюдение правил “зеленой” экономики»: учитывать требования охраны окружающей среды (0,832), добросовестное и взаимовыгодное сотрудничество (0,715)
«Государственная поддержка развития ГЧП» (0,853)	8,707	5	9,574	«Обеспечение прав и интересов всех участников ГЧП» (0,649)
«Соблюдение правил “зеленой” экономики»: учитывать требования охраны окружающей среды (0,858), опубликование информации в СМИ (0,521)	8,568	6		—
% объясненной дисперсии	59,835		65,91	

Принципы ГЧП, прописанные в Статье 3 действующего закона [7], в результате обсуждения законопроекта были скорректированы по форме и содержанию, дополнены социальной значимостью ГЧП (приоритет общественных интересов, социальная направленность регулирования экономической деятельности). Выделенные факторы демонстрируют уже существующую мотивировку совместной деятельности бизнеса и власти, которая сформировалась вне рамок ГЧП, и на начальном этапе именно эти факторы (предсказуемость закона, гласность, добросовестная конкуренция) определяют поведенческие стратегии предпринимателей и госчиновников в формате ГЧП. Приведем несколько комментариев предпринимателей по поводу эффективных принципов

ГЧП: положительные — «цели и принципы партнерства должны быть взаимосвязаны между собой и вытекать одни из других; ГЧП — это конструктивное взаимодействие власти и бизнеса не только в экономике, но и в культуре, науке, политике»; отрицательные — «мое личное мнение... — не может быть ГЧП: государство должно выступать гарантом соблюдения принятых правил игры, формировать единую правовую базу (единое правовое поле) и обеспечивать исполнение принятых норм всеми участниками рынка, а как только государство выступает партнером, то получает статус заинтересованного лица, что недопустимо»; проективные — «важно информирование в СМИ, а на перспективу — учет требований охраны окружающей среды». Госслужащие выражали мнения как в формально-бюрократическом стиле, например, «вопрос требует разработки соответствующей концепции и принятия в ней конкретных мер», так и в «человеческом», например, «хотелось бы, чтобы новые собственники государственного имущества относились к нему бережно, вкладывали средства в реконструкцию приобретенных ими зданий (помещений), поддерживали внешний облик, облагораживали прилегающую территорию, создавали новые рабочие места, сотрудничали с государством, т.е. работали и максимально приносили свой вклад в развитие экономики».

Барьеры в реализации ГЧП

Обычно ГЧП-проекты не самоокупаются, и статус ГЧП необходим, чтобы государство как партнер создало такие условия, которые обеспечили бы в той или иной мере интересы частного партнера. Привлекая частного к социально важному, но нерентабельному проекту, государство вынуждено отказаться от части суверенитета и первенства, т.е. в плохо окупаемом ГЧП-проекте инвестора привлечет послабление контроля государства в связи с частичным делегированием функций управления частному партнеру. Он рассчитывает получить прибыль нестандартными способами увеличения окупаемости — предоставлением права выделять земельные участки (исполкомы), отдавать указания (авиакомпания) и т.д. Поэтому при оценке препятствий в реализации ГЧП-проектов, помимо явной выгоды для государственного и частного партнеров, следует учитывать наличие скрытых интересов у каждой стороны (Табл. 5).

Кроме того, предприниматели и госслужащие отметили свой низкий уровень квалификации и компетенций как важную причину всех барьеров и рисков. Предприниматели оценивают себя и чиновников с позиции партнерства (фактор «низкая квалификация партнеров»), а госслужащие возлагают большую ответственность на себя (фактор «низкая эффективность госслужбы»). Обе стороны единодушны в том, что фактор «монополизация и недобросовестная конкуренция» усложняет реализацию ГЧП (у госслужащих фактор сильнее): бизнесмены воспринимают его как результат фискальной политики, а чиновники — как следствие низкой финансовой грамотности частных, которая

приводит к нечестному соперничеству. Тема неравноправия участников ГЧП-проектов волнует предпринимателей в большей степени (3 место против 6).

Таблица 5

Факторный анализ барьеров и рисков в реализации программ ГЧП в Минске

Предприниматели	% дисперсии	фактор	% дисперсии	Госслужащие
«Низкая квалификация партнеров»: госслужащих (0,720) и предпринимателей (0,717)	12,882	1	15,754	«Низкая эффективность госслужбы»: отсутствие эффективной господдержки (0,744), низкий уровень квалификации и компетенции госслужащих (0,738)
«Монополизация и недобросовестная конкуренция»: отсутствие эффективных мер против них (0,801) и система налогообложения (0,649)	10,86	2	15,504	«Монополизация и недобросовестная конкуренция»: отсутствие эффективных мер против них (0,800) при низком уровне квалификации и компетенции предпринимателей (0,575)
«Неравноправие партнеров» в проектах ГЧП (0,746)	10,008	3	13,076	«Несовершенное законодательство по предпринимательству и ГЧП» (0,883), а также отсутствие идеологии партнерства и проблема субъективности (0,6)
«Неразвитость рыночной инфраструктуры» (0,784) и отсутствие стратегического подхода к планированию (0,399)	9,359	4	9,561	«Отсутствие идеологии стратегического партнерства» — подхода к планированию (0,875), а также отсутствие идеологии партнерства и проблема субъективности (0,307)
«Отсутствие идеологии стратегического партнерства»: отсутствие идеологии партнерства и проблема субъективности (0,776) и отсутствие стратегического подхода к планированию (0,579)	8,505	5	9,012	«Проблемы финансовой поддержки предпринимателей»: проблема обеспечения кредитами (0,828) и система налогообложения (0,3)
«Отсутствие эффективной господдержки» (0,838).	8,03	6	7,81	«Неравноправие партнеров» в проектах ГЧП (0,815)
% объясненной дисперсии	59,644		70,717	

Итак, по мнению предпринимателей, барьерами в реализации ГЧП-проектов могут стать неразвитость рыночной инфраструктуры и отсутствие эффективной господдержки, по мнению госслужащих — несовершенное законодательство и проблемы финансовой поддержки предпринимателей. По сути, сложности развития предпринимательства в целом просто переносятся в сферу ГЧП, однако название такого барьера, как «отсутствие идеологии стратегического партнерства», ставит вопрос о необходимости разработки особой философии ГЧП — со своей тактикой и стратегией.

Стиль поведения предпринимателей и госслужащих в конфликтных ситуациях

Мы предложили предпринимателям и госслужащим определить, какой стиль поведения присущ тем и другим при возникновении разногласий. Были заданы идентичные вопросы («Какой стиль поведения, на Ваш взгляд, присущ государственным служащим/предпринимателям, если при обсуждении какого-либо вопроса случаются разногласия во мнениях с предпринимателями/представителями власти?»), а варианты ответов были сформулированы на основе «Теста Томаса–Килманна» [16] (сотрудничество, компромисс, приспособление, конкуренция и избегание (последний стиль в инструментарии не учитывался, потому что не согласуется с идеей партнерства).

В конфликтной ситуации с представителями органов власти предприниматели определяют свой стиль поведения как компромиссный (Рис. 1) — поиск взаимоприемлемых решений: «предприниматель хорошо понимает, что, не решив тот или иной вопрос, он просто лишится прибыли». Сотрудничая (четверть ответов), предприниматели пытаются найти вариант, который отвечал бы интересам обоих партнеров. Таким образом, предприниматели определяют себя как партнеров, стремящихся найти оптимальный вариант разрешения разногласий, а не доказать свою точку зрения. В то же время предприниматели признают, что руководствуются и интересами бизнеса (прибыль): «предприниматель защищает себя и свое дело, отвечает своим имуществом, благосостоянием своей семьи, поэтому пытается решить вопрос наиболее взаимовыгодно».

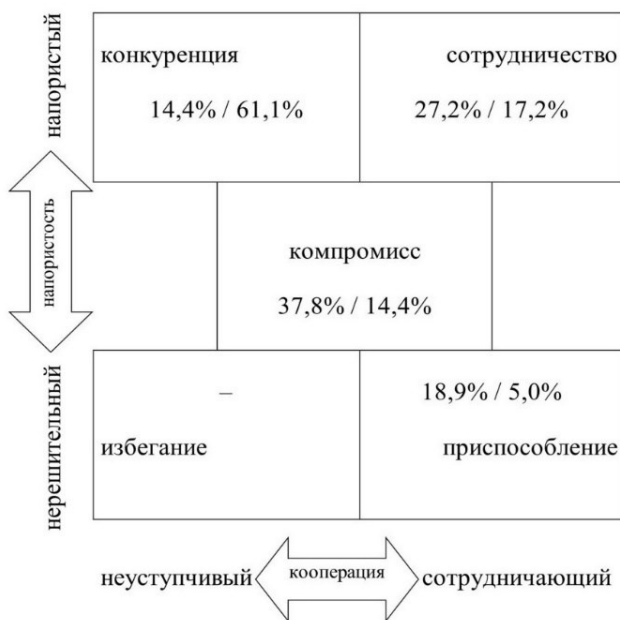

Рис. 1. Модель поведения предпринимателей/госслужащих при разрешении конфликтов (мнение предпринимателей)

Госслужащим, по мнению предпринимателей, при возникновении разногласий присущ рыночный стиль поведения — конкуренция вплоть до давления на оппонента: «не хотят идти на уступки, считают себя правыми практически в любой конфликтной ситуации», «думают о том, как бы удержаться на месте, ни за что не отвечая», «“продавливают” решения госорганов». Предприниматели отмечают, что в проблемных ситуациях чиновники придерживаются критериев, которые заданы нормативными актами: «госслужащий апеллирует к принятым положениям, не желая выступить с инициативой их изменить, даже если это в интересах обеих сторон; предпринимательская деятельность предполагает наличие индуктивного мышления, которому свойственны вероятностные умозаключения, допускающие получение неверного вывода». Договоренностей с госслужащими предприниматели достигают через установление межличностного контакта: «очень многое зависит от личного общения... нужно постепенно наработать отношения»; «все зависит от самого госслужащего/предпринимателя, его характера, степени компетентности, образования, воспитания и т.д. ...иногда приходится “умасливать”, иногда брать напористостью, иногда идти на уступки».

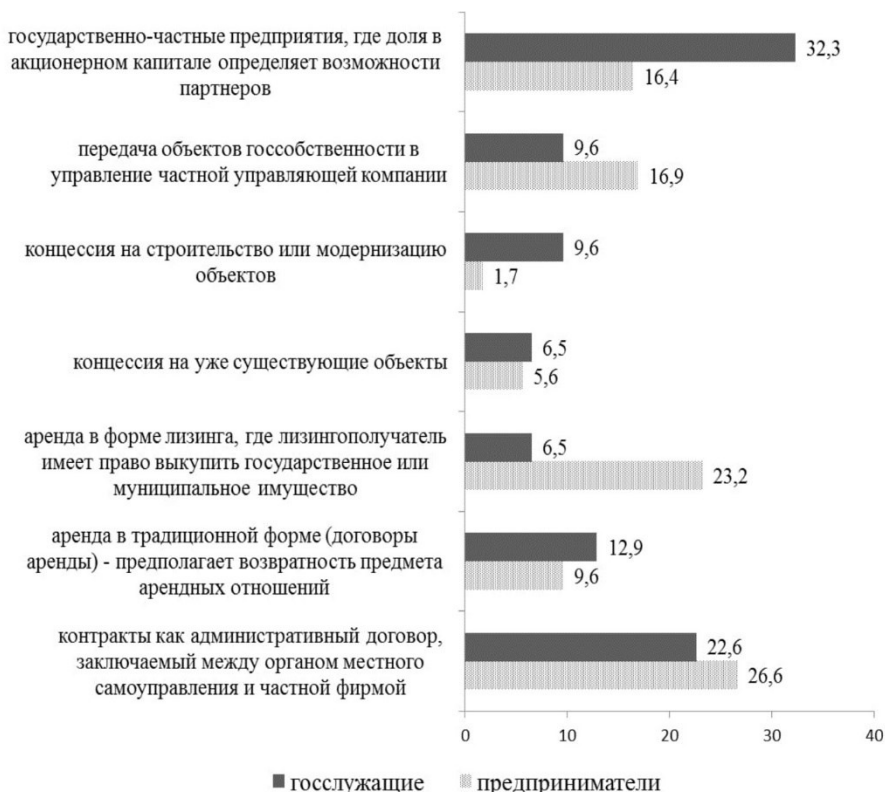
Себя госслужащие в конфликтных ситуациях видят следующим образом: сотрудничество (48,4%) — компромисс (25,8%) — приспособление (19,4%). В целом представители власти нацелены на сотрудничество с бизнесом «как звеном между законодательной, исполнительной властью и народом (предпринимателями в том числе)». Интерпретируя поведение предпринимателей в конфликтной ситуации, чиновники определяют их стиль поведения как конкуренцию (32,3%) — сотрудничество (29%) — компромисс (25,8%) — приспособление (9,7%). По мнению госслужащих, предприниматели отстаивают «принцип бизнеса — прибыль», потому что это их главная цель, а поведение чиновника «определяет правоустанавливающий документ».

Предприниматели реалистично оценивают проблему налаживания диалога с властными структурами и, несмотря на периодические разногласия, нацелены на сотрудничество. Хотя специфика деятельности определяет особый тип мышления (государственная служба — дедуктивное мышление, предпринимательство — индуктивное), обратная связь влияет на результаты работы. Поэтому если средний специалист придерживается тривиальных решений, то востребованный профессионал смотрит на ситуацию шире, поступает нестандартно, что обеспечивает оптимальные результаты. Предприниматели ценят тех чиновников, кто «адекватно воспринимает ситуацию и готов к конструктивному диалогу», уверен в своих силах правильно использовать служебную информацию и желает применить ее на практике.

Форма ГЧП как способ взаимодействия власти и бизнеса

Реализация инфраструктурных проектов на основе механизмов ГЧП обусловлена ростом требований к общественным услугам и ограниченным

государственным бюджетом. Существует несколько форм ГЧП: по мнению предпринимателей, контракты (26,6%) — административный договор между государством (органом местного самоуправления) и частной фирмой, а также аренда в форме лизинга (23,2%) получают наибольшее распространение в Минске (на Рисунке 2 представлены формы ГЧП, которые были прописаны в законопроекте о ГЧП).

Рис. 2. «В существующих экономических условиях какая из форм ГЧП, на Ваш взгляд, получит наибольшее распространение в Минске?» (в %)

Предприниматели отметили, что в Беларуси распространена концессия на уже существующие объекты: частный бизнес интересуется быстрым оборотом средств, а концессия избавляет инвестора от строительства и позволяет вести успешно даже небольшой бизнес. Наиболее эффективные формы взаимодействия бизнеса и власти: патерналистская — передача объектов государственной собственности в управление частной управляющей компании (передача обслуживания объектов ЖКХ; паевая — государственно-частные предприятия (акционерные общества). Предприниматели поясняли, что контроль со стороны государства чрезмерен, поэтому ГЧП будет осуществляться, скорее всего, как аренда — из-за недоверия частного бизнеса, хотя в идеале многим хотелось бы контракт — «как наиболее правильную и прозрачную форму взаимодействия». «Интерес частного партнера состоит в том, что по договору он

покупает право на оговариваемую долю в доходе, прибыли. Как правило, контракты с госорганами — это очень хороший бизнес для частного предпринимателя, так как это не только престиж, ему гарантируют устойчивый рынок, доход и льготы».

Госслужащие поддерживают государственно-частные предприятия, где возможности частного партнера в принятии решений и риски сторон определяются, как правило, долей в акционерном капитале (32,3%), и контракты (22,6%). Госслужащие указали на необходимость внести изменения и дополнения в законодательство по вопросам прав собственника (владеть, пользоваться, распоряжаться). Предприниматели отметили, что в административных контрактах расходы и риски полностью несет государство, права собственности не передаются частному партнеру. Чиновники, как правило, поддерживают акционирование, где «каждый имеет право через покупку секций участвовать в принятии решений и рисковать, что будет определено долей в акционерном капитале». Чиновники смотрят на ГЧП с позиций выгоды — для государства: «Аренда госимущества является основным доходом ЖРЭО Минска. Все доходы от аренды идут на капитальный ремонт зданий, жилых домов и т.д. Государство (как собственник) вправе решать вопросы о продаже госимущества в частную собственность. Если посчитать аренду помещения за 20 лет, то стоимость продажи имущества будет намного ниже, поэтому государству невыгодно продавать арендуемые помещения в собственность».

В законе о ГЧП отсутствует классификация его форм. Чтобы избежать завуалированных схем приватизации госсобственности, прописано специфическое соглашение о ГЧП с четким разграничением правового регулирования. Достоинство такого соглашения в том, что ГЧП превращается в гибкую форму реализации проектов по сравнению с инвестиционными и концессионными формами, поскольку «предоставляет сторонам большую степень диспозитивности в определении взаимоотношений в рамках ГЧП, а соответственно, и больше возможностей» [2. С. 19]. Избегание четкой формулировки — защитный механизм властей в решении вопроса о частной собственности.

Таким образом, сегодня в Беларуси законодательно закрепленное в формате ГЧП взаимодействие власти и бизнеса проходит институциональную адаптацию, в результате которой будут апробированы виды взаимодействия (интеграции интересов) представителей власти и бизнеса и накоплен практический опыт хозяйственных отношений. Социально ожидаемым принципом ГЧП является взаимовыгодное использование ресурсов обоих партнеров, но насколько он применим? Общество как основной потребитель результатов ГЧП из-за низкой информированности выступает лишь сторонним наблюдателем, поэтому связка «власть–бизнес–общество», или идеальная модель ГЧП, редуцируется к диаде «власть–бизнес». Предприниматели и госслужащие желают выстраивать поведенческие стратегии в условиях предсказуемой

правовой среды, но если предприниматели, пребывая в постоянном поиске гибких форм поведения, нуждаются в четких правилах взаимодействия, то госслужащие, опасаясь рисков, организуют свою деятельность как управляющее воздействие. Поэтому у белорусских предпринимателей сложился стереотип, что главный коммерсант в стране — государство, и при разрешении спорных вопросов предприниматели воспринимают госслужащих не как партнеров, а как «прессингующих» их конкурентов.

Низкая самооценка госслужащими и предпринимателями своей квалификации и компетенций усугубляет проблемы развития ГЧП в Беларуси. В зарубежных исследованиях также отмечается недостаток опыта и квалификации госслужащих [13; 15; 17]. Однако проблемы развития ГЧП в Беларуси обусловлены не только низким уровнем компетенций, но и неумением реализовывать появляющиеся возможности обучения чему-то новому. Государственная система, во многом копирующая советский образец, порождает ситуацию, когда в госструктурах кадры по собственной инициативе ничего не решают, а бизнес проявляет привычную ему осмотрительность. Кроме того, государство оказалось не готово взять на себя ответственность за законодательное регулирование отношений участников ГЧП.

Библиографический список

- [1] *Варнавский В.Г.* (ред.) Государственно-частное партнерство: теория и практика. М., 2010.
- [2] *Верховодко И.* Государственно-частное партнерство приходит в Беларусь // Юрист. 2016. № 4.
- [3] *Воротников А.М., Королев В.А.* Оценка состояния государственно-частного партнерства в регионах (по результатам мониторинга). М., 2009.
- [4] *Герасименко А.* Деньги — частные, дело — государственное // Директор. 2014. № 3.
- [5] *Гоосен Е.В., Никитенко С.М., Пахомова Е.О.* Опыт реализации проектов ГЧП в России // ЭКО. 2015. № 2.
- [6] *Дерябина М.А.* Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. № 8.
- [7] Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-3 «О государственно-частном партнерстве» // <http://www.economy.gov.by/uploads/files/G4P/Zakon-Respubliki-Belarus-o-GChP-2.pdf>.
- [8] *Коженко Я.В., Голобородько А.Ю.* Международная и отечественная практика оценки эффективности контрактной системы ГЧП на примере государственных закупок // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 1.
- [9] *Кузина О.Е.* Барьеры развития государственно-частного партнерства в России: социальный анализ // Социологический журнал. 2011. № 3.
- [10] Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь. Минск, 2016.
- [11] Проекты ГЧП Республики Беларусь // <http://pppbelarus.by/projects/ongoing>.
- [12] *Шавель С.А., Раков А.А., Рубанов А.В., Смирнова Р.А.* Что думает население Беларуси о приватизации. Минск, 1992.
- [13] *Akintoye A., Hardcastle C., Beck M., Chinyio E., Asenova D.* Achieving best value in private finance initiative project procurement // Construction Management and Economics. 2003. Т. 21. № 5.
- [14] *Blau P.* Exchange and Power in Social Life. New York, 1964.

- [15] *Kwak Y.H., Chih Y.Y., Ibbs C.W.* Towards a comprehensive understanding of public private partnerships for infrastructure development // *California Management Review*. 2009. T. 51. № 2.
- [16] *Thomas K.W., Kilmann R.H.* Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument // https://www.kilmanndiagnostics.com/sites/default/files/TKI_Sample_Report.pdf.
- [17] *Wang S.Q. et al.* Political risks: Analysis of key contract clauses in China's BOT Project // *Journal of Construction Engineering and Management*. 1999. T. 125. № 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-348-362

Development of public-private partnership in Belarus*

I.A. Andras, A.V. Kabiak

Belarusian State University
Kalvaryiskaya St., 9, Minsk, 220004, Belarus
(e-mail: androsita@tut.by; aleh.kabiak@mail.ru)

Abstract. In the Republic of Belarus, the authorities chose public-private partnership as an alternative to privatization which allows to keep socially important objects in the state property. The results of the survey of entrepreneurs and civil servants show the readiness of the authorities and business for equal partnership under the proclaimed socially oriented market economy. On the example of the metropolitan region, the authors analyzed the institutional-adaptation period in the development of public-private partnership in Belarus. The sociological approach to the study of public-private partnership aims at considering the relationship ‘power–business–society’ as a system of interdependent actions of civil servants, entrepreneurs and population. The analysis of behavioral strategies of participants of this interaction was conducted through their social expectations with the methods of expert surveys of entrepreneurs and civil servants and an opinion poll of the population of Minsk. The authors made the following conclusions: society is only an observer due to the poor knowledge of public-private partnership; the behavioral strategies of entrepreneurs are determined by regulatory-legal factors, of civil servants — by system-legal factors; the key barrier for the public-private partnership projects is the low assessment of one’s qualifications by civil servants and entrepreneurs; entrepreneurs consider civil servants as competitors in conflict situations and define their style of behavior as ‘pressing’; the state prefers contracts as the main form of interaction with business, which emphasizes the independence of partners. Therefore, the state and entrepreneurs take risks and responsibilities in the public-private partnership projects in the agreed shares, and the authorities fully control such projects.

Key words: public private partnership; authorities; business; entrepreneurs; civil servants; society; behavioral strategies

References

- [1] Varnavsky V.G. (Ed.) *Gosudarstvenno-chastnoe partnyorstvo: teoriya i praktika* [Public Private Partnership: Theory and Practice]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [2] Verkhovodko I. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo prihodit v Belarus [Public-private partnership comes to Belarus]. *Yurist*. 2016; 4 (In Russ.).
- [3] Vorotnikov A.M., Korolyov V.A. *Otsenka sostoyaniya gosudarstvenno-chastnogo partnyorstva v regionah (po rezultatam monitoringa)* [Assessment of the Public-Private Partnership in the Regions (the monitoring results)]. Moscow; 2009 (In Russ.).

---

* © I.A. Andras, A.V. Kabiak, 2020.

The article was submitted on 18.12.2019. The article was accepted on 12.02.2020.

- [4] Gerasimenko A. Dengi — chastnye, delo — gosudarstvennoe [Money — private, business — public]. *Direktor*. 2014; 3 (In Russ.).
- [5] Goosen E.V., Nikitenko S.M., Pakhomova E.O. Opyt realizatsii proektov GChP v Rossii [Implementation of the PPP-projects in Russia]. *EKO*. 2015; 2 (In Russ.).
- [6] Deryabina M.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnyorstvo: teoriya i praktika [Public-private partnership: Theory and practice]. *Voprosy Ekonomiki*. 2008; 8 (In Russ.).
- [7] Zakon Respubliki Belarus ot 30 dekabrya 2015 g. No 345-Z “O gosudarstvenno-chastnom partnerstve” [The Law of the Republic of Belarus of December 30, 2015 No. 345-Z “On Public-Private Partnership”]. <http://www.economy.gov.by/uploads/files/G4P/Zakon-Respubliki-Belarus-o-GChP-2.pdf> (In Russ.).
- [8] Kozhenko Ya.V., Goloborodko A.Yu. Mezhdunarodnaya i otechestvennaya praktika otsenki effektivnosti kontraktnoj sistemy GChP na primere gosudarstvennyh zakupok [International and national estimates of the contract system of PPP efficiency on the example of state procurements]. *Uspekhi Sovremennoj Nauki i Obrazovaniya*. 2017; 3 (1) (In Russ.).
- [9] Kuzina O.E. Bariery razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii: socialny analiz [Barriers to the development of public-private partnership in Russia: A social analysis]. *Sociologicheskij Zhurnal*. 2011; 3 (In Russ.).
- [10] *Maloe i srednee predprinimatelstvo v Respublike Belarus* [Small and Medium Business in the Republic of Belarus]. Minsk; 2016 (In Russ.).
- [11] *Proekty GChP Respubliki Belarus* [Projects of PPP of the Republic of Belarus]. <http://ppp-belarus.by/projects/ongoing> (In Russ.).
- [12] Shavel S.A., Rakov A.A., Rubanov A.V., Smirnova R.A. *Chto dumaet naselenie Belarusi o privatizatsii* [What the Population of Belarus Thinks about Privatization]. Minsk; 1992 (In Russ.).
- [13] Akintoye A., Hardcastle C., Beck M., Chinyio E., Asenova D. Achieving best value in private finance initiative project procurement. *Construction Management and Economics*. 2003; 21 (5).
- [14] Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. New York; 1964.
- [15] Kwak Y.H., Chih Y.Y., Ibbs C.W. Towards a comprehensive understanding of public private partnerships for infrastructure development. *California Management Review*. 2009; 51 (2).
- [16] Thomas K.W., Kilmann R.H. Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument // https://www.kilmanndiagnostics.com/sites/default/files/TKI_Sample_Report.pdf.
- [17] Wang S.Q. et al. Political risks: Analysis of key contract clauses in China’s BOT Project. *Journal of Construction Engineering and Management*. 1999; 125 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381

Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области*

М.А. Ермакова, Е.А. Варшавер, Н.С. Иванова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119571, Россия
(e-mail: maya.ermakova8@gmail.com; varshavere@gmail.com; nataliya.ivanova.0709@gmail.com)

Зарубежные исследования показывают, что характеристики расселения мигрантов тесно связаны с их интеграцией. Если интеграция мигрантов давно изучается российскими исследователями, то работ о расселении мигрантов, за редким исключением, практически нет. Статья призвана описать различные аспекты расселения мигрантов в Москве и Московской области и показать, как те или иные варианты расселения связаны с особенностями интеграции. Авторы предлагают классифицировать характеристики расселения мигрантов по четырем основаниям: *tenure* («отношения с недвижимостью»), тип застройки, социальные круги в месте проживания и способ добираться на работу. Каждый выделенный тип проиллюстрирован примерами, включающими как особенности проживания, так и прочие элементы, позволяющие читателю представить описываемые случаи максимально ярко. Исследование было проведено методом интервью — с 65 мигрантами в Москве и Московской области, которые были отобраны в соответствии с принципами «обоснованной теории». В качестве мигрантов выступали люди, родившиеся в Армении, Азербайджане, Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане, как россияне, так и иностранные граждане. Исследование показало, что, вопреки стереотипам, мигранты селятся весьма разнообразно, например, местом проживания может быть как квартира в собственности, так и съемное койко-место в бытовке, а что касается кругов общения, то речь может идти как о нуклеарной семье, так и о большой группе незнакомцев из разных стран. В статье представлен ряд предположений, как те или иные характеристики расселения связаны с интеграцией мигрантов, например, о положительном влиянии владения недвижимостью одновременно на структурную и идентификационную интеграцию, а также о взаимосвязи использования транспорта работодателя, чтобы добраться от дома до работы, и социальных аспектов интеграции.

Ключевые слова: мигранты; расселение; застройка; «отношения с недвижимостью»; круги общения; Москва; Московская область; интеграция

Интеграция мигрантов относительно недавно оказалась в фокусе миграционных исследований в России [6; 18]. Несмотря на неравенство мигрантов и немигрантов по разным основаниям [17] и многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в принимающем обществе [1], интеграция, особенно во втором поколении [8], происходит [3]. Согласно зарубежным исследованиям, один из важнейших критериев интеграции мигрантов — характеристики расселения [36]: считалось, что «резидентная ассимиляция» —

* © Ермакова М.А., Варшавер Е.А., Иванова Н.С., 2020.

Статья поступила 12.01.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

наиболее желаемый вариант расселения [43; 45], в отличие от модели гетто [50]. Сегодня, во многом под влиянием теории сегментной ассимиляции [47] и эмпирических свидетельств более сложной взаимосвязи интеграции и расселения [39], это противопоставление считается неправомерным упрощением, а модели расселения мигрантов в городах и интеграционные исходы могут быть весьма разнообразны.

Российские исследования интеграции, за редким исключением, до последнего времени игнорировали вопросы расселения, которые только недавно стали изучаться, в частности, детерминанты расселения мигрантов в городе [4], взаимосвязь места работы и места проживания [16], разные типы проживания мигрантов в Москве [14], индивидуальная резидентная динамика [19], специфика Москвы как пространства расселения мигрантов [7], являются ли Котельники, город-спутник Москвы, этномиграционным анклавом [2] и др. Однако эти работы дают лишь фрагментарное представление о расселении мигрантов в России, и его полноценное описание, как и связи его характеристик с интеграцией — дело будущего.

Из зарубежных исследований известно, что с интеграцией связаны такие характеристики расселения мигрантов, как *tenure* [54] (характер отношений индивида с жильем), время постройки здания [48], состав проживающих [24; 42], дистанция и способ добираться от места проживания до работы [31; 36]. В России исследований, которые описывали бы эти аспекты проживания, за исключением нескольких работ [см.: 14], где типология проживания представлена в усеченной форме, не проводилось, хотя анализ этих характеристик — важный первый шаг в поисках ответа на вопрос, как расселяются мигранты в России и как характеристики их расселения связаны с интеграцией.

В статье представлена типология характеристик расселения мигрантов в Москве и Московской области, разработанная в рамках многолетнего проекта Группы исследований миграции и этничности РАНХиГС, призванного на основе разных подходов описать расселение мигрантов в России на международном фоне. В ходе исследования было проведено 65 интервью — информанты отбирались по принципам «обоснованной теории» [21; 34]. Выделенные по разным основаниям типы проиллюстрированы примерами, которые позволяют представить тип «вживую». Примеры сопровождаются деталями, иногда не связанными напрямую с расселением, но позволяющими максимально ярко представить случаи, относящиеся к тому или иному типу. Классификация также содержит указания, каким образом тот или иной тип проживания предположительно связан с интеграцией мигрантов (это гипотезы для последующих исследований).

Считается, что первопроходцами изучения расселения мигрантов в городской среде стали исследователи Чикагской школы, в частности, Л. Вирт, который реконцептуализировал термин «гетто» применительно к современным ему реалиям [53], и Р. Парк и Э. Берджесс [45], предложившие модель концентрических кругов, описывавшую отдельные старопромышленные

города. Рост числа работ о расселении мигрантов в разных странах потребовал более точных показателей, и на основе статистических данных стали конструироваться «индексы сегрегации», ставшие популярным инструментом анализа расселения мигрантов в городах и более широком контексте [37]. Классическая работа Д. Мэсси и Н. Дэнтон подвела итог тридцати годам работы — существовавшие на тот момент индексы были оценены на предмет применимости [43].

Сегодня индексы сегрегации по-прежнему популярны, и существенная часть исследований интеграции в связи с расселением основана именно на них и показывает, что чем выше концентрация мигрантов, тем ниже доход единицы проживания [52], уровень образования [27] и идентификация с принимающим обществом [55] (хотя встречаются и свидетельства обратного [41]). Эти исследования редко дают ответ на вопрос, с чем связан тот или иной уровень сегрегации и — шире — почему мигранты живут именно там, где живут. Эти вопросы реже рассматриваются, хотя уже известно, что важной характеристикой расселения мигрантов является *tenure* — «связи» между жильцом и жильем (владение, владение с ипотекой и аренда), которые зависят от культурных аспектов интеграции (в «немецкой традиции» были выделены четыре аспекта интеграции — структурный, социальный, идентификационный и культурный [8]), например, традиция проживания большими семьями [46] и владение языком принимающей страны [54] способствуют покупке дома. Другая детерминанта интеграции — возраст и тип жилья: структурные позиции мигрантов обычно уступают местным жителям, и они селятся в старом и ветхом жилье [48], особенно в странах, где у мигрантов нет доступа к социальному жилью, мигранты селятся и в специальном жилье (общежития [33]) или не-жилье (трейлеры [32]).

Еще одной важной характеристикой расселения является социальное окружение в месте проживания: предпочтения относительно соседей связаны со структурными характеристиками интеграции и трансформируются с изменением уровня дохода и временем пребывания в миграции. Первое время мигранты проживают большими группами, часто с соотечественниками, затем делают выбор в пользу меньшего числа соседей по жилью, и этнический состав окружения становится более разнообразным [42], но фактический круг общения и его интеграционные характеристики различаются у мигрантов из разных стран [24]. Четвертым ключевым аспектом расселения мигрантов является расстояние до работы и, в целом, соотношение работы и дома: мигранты предпочитают минимизировать время на дорогу от работы от дома, а некоторые даже готовы оплачивать более дорогостоящую аренду, чтобы сократить это время [31].

В российских исследованиях тема расселения мигрантов до последнего времени поднималась достаточно редко. Например, О. Вендина, по данным переписи 2002 года [10–12], показала, что мигранты в Москве расселены

относительно равномерно и вероятность возникновения мигрантских анклавов в столице невелика. В исследовании 2019 года [13] выводы уже несколько иные: хотя Москва продолжает характеризоваться эгалитарным типом пространства, последние 10–15 лет породили неравенство, и расселение мигрантов по городу стало менее равномерным. Работы Вендиной показывают различия районов по этническому составу, но не затрагивают формы и аспекты расселения мигрантов, а также его связь с интеграцией.

Вопросы *tenure* достаточно полно рассмотрены в исследовании А. Андреевой с коллегами [2]: на примере подмосковного города Котельники они выделяют среди мигрантов собственников, арендаторов и проживающих по месту работы и показывают, чем эти группы различаются. Согласно классификации типов *tenure* в Москве мигранты чаще снимают койко-места, чем квартиры целиком, однако эти выводы были сделаны на основании опроса нерепрезентативной выборки и без разделения совместной и индивидуальной аренды, что важно для интеграционных траекторий [49]. Значение типа застройки для интеграции мигрантов также оставалось вне внимания российских исследований, за исключением Е. Бедриной [4], показавшей, что мигранты обычно проживают в старом и ветхом жилье, на примере ситуации вокруг Черкизовского рынка. Этого рынка не существовало на момент выхода ее статьи, а работники рынка «Садовод», сменившего «Черкизон», чаще селятся в постройках 2000-х – 2010-х годов и в целом в новом жилье чаще, чем местные [2]. Чаще в фокусе российских исследований оказывались характеристики соседей [2; 14; 19], в основном связи между проживающими в квартирах, однако классификация социальных кругов московских мигрантов по месту жительства не была предложена, как и ее взаимосвязь с их интеграционными характеристиками.

Таким образом, в российской литературе характеристики расселения мигрантов рассматриваются лишь в небольшом числе работ, и почти полностью игнорируется их взаимосвязь с интеграцией мигрантов. Наше исследование призвано описать разные аспекты расселения мигрантов в Москве и Московской области (отношения жильцов с недвижимостью, тип жилища и время его постройки, отношения между людьми на единице недвижимости, соотношение жилья и рабочего места) и предварительно оценить интеграционные последствия разных типов расселения. Сбор данных был проведен с помощью метода интервью (глубинные, экспертные и экспресс-интервью) на принципах «обоснованной теории» [15; 28; 29; 30; 40; 51].

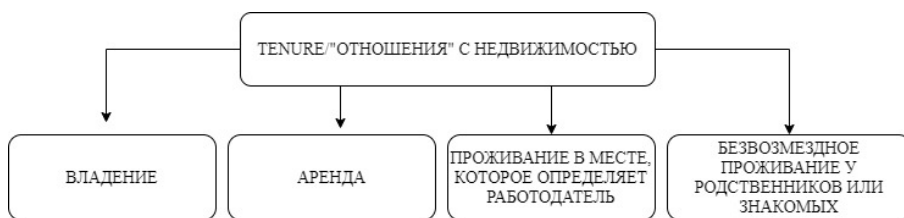
Объект исследования — этнические мигранты из Средней Азии и Закавказья: люди, которые родились не в России и воспринимаются местным населением как «чужие» (могут быть и гражданами России). Была использована теоретическая выборка [35]: сначала были отобраны наиболее различающиеся варианты проживания мигрантов в Москве и Московской области [21. С. 147] по типам *tenure*, недвижимости, социального окружения и способам

добираться на работу. Чтобы охватить все возможные варианты расселения мигрантов, поиск осуществлялся в разных районах Москвы и Подмосковья, с непохожей инфраструктурой и социально-экономическими характеристиками. В выборку районов вошли места скопления мигрантов: рынки («Садовод», Савеловский, «Строймастер», Новоясеневский), вокзалы (Киевский), районы общежитий (Новоивановское, район «Фуд Сити»), торговые центры как места работы и отдыха мигрантов («Принц Плаза», «Метрополис», «Гагаринский», «Европейский», «Савеловский»). Каждый последующий случай проживания должен был быть максимально непохожим на предыдущий (например, гражданин России, проживающий в квартире в Москве, и иностранный гражданин, живущий в частном доме в Подмосковье).

Исследование состояло из следующих циклов: (1) встреча команды исследователей, формулировка гипотез и описание лакун, подбор подходов для заполнения лакун и проверки гипотез; (2) полевой этап — поиск и интервьюирование информантов; (3) написание полевых дневников, расшифровка аудиозаписей; (4) чтение дневников и конспектов интервью всеми участниками команды; (5) встреча команды исследователей для обсуждения наполнения категорий, оснований для их различения, отбора новых случаев проживания мигрантов для дальнейшей полевой работы. Первоначально исследователи брали короткие интервью, чаще всего на улице, для сбора информации о пути мигранта в России и установление контакта. Затем исследователи договаривались о встрече для проведения глубинного интервью. В его финальной части выяснялись особенности проживания знакомых информанта для возможного выхода с ними на связь. Эта цепочка, впрочем, работала не всегда, и часто приходилось довольствоваться информацией, полученной в ходе коротких интервью, в том числе оборванных на разных этапах. Важно отметить, что выборка имеет смещения, в частности, в ней плохо представлены мигранты из высокодоходных групп, а также собственники жилья.

Эмпирической базой исследования стали 65 полуструктурированных интервью: в 13 удалось исчерпывающе реконструировать миграционную и резидентную историю, понять логику смены мест жительства, в 37 — частично понять механизм поиска жилья, в 15 экспресс-интервью — описать только текущее место жительства, в одном интервью поговорить с экспертом — владельцем киргизского агентства недвижимости. Гайд интервью включал вопросы по миграционной и резидентной истории информанта, о его семейном положении, занятости, организации бюджета, отношениях с соседями и другими национальностями, режиме пользования районом, планах на будущее, каждом месте проживания в России, денежных расходах на жилье, его качестве, местоположении и поиске, установках и размышлениях о жилье. Интервьюер графически изображал резидентную биографию информанта и отмечал важные характеристики мест его проживания. Итогом исследования стала классификация расселения мигрантов по разным основаниям — ниже описано каждое из них.

Tenure/«отношения с недвижимостью»

Рис. 1. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «tenure»

В английском языке *tenure* — отношения правового характера между мигрантом и местом его проживания. В русском языке есть только неудачные аналогии термина, поэтому мы не стали его переводить и расширили границы самого феномена, включив в него отношения между мигрантом, собственником и посредниками. Было выделено четыре типа *tenure* (Рис. 1): первый — владение, когда мигранты приобретают жилье в собственность, оплачивая всю сумму сразу. Так поступил М. (м., 55 лет, узбек): в 2006 году он переехал в Россию, работал продавцом в магазине, затем купил машину и несколько лет работал таксистом, параллельно изучал, как устроен рынок стройматериалов, с 2010 года арендовал складское помещение на рынке «Строймастер» и организовал свой бизнес, в 2013 году купил однокомнатную квартиру в Московском, исходя из близости к месту работы и располагаемой суммы.

Скорее всего такие истории менее распространены, чем покупка жилья в ипотеку. Продавщица цветов А. (ж., 52 года, армянка) и ее супруг взяли в кредит в 1,5 млн рублей — недостающую сумму для покупки квартиры в юго-восточном районе Москвы, где живут и работают уже 7 лет. Изначально они приехали в этот район, поскольку там жил и работал брат А.: она сразу стала работать продавщицей в его цветочном магазине, муж переехал через пару месяцев и помогал с поставкой цветов. Семья никогда не думала о смене места жительства и работы. А. хотела как можно быстрее купить квартиру, для нее это способ стать «своей», поскольку отношение к ее семье как к приезжим ее задевало, а после покупки квартиры, по ее мнению, отношение «местных» изменилось бы.

Некоторые мигранты приобретают участки и строят дома. Например, С. (м., 50 лет, узбек) переехал в Москву в 2003 году, три года работал строителем и жил в строительных вагончиках, затем снимал квартиру в поселке Мосрентген, рядом с местом работы. В 2010 году купил участок на Калужском шоссе, недалеко от места работы — рынка «Строймастер», где у него бизнес — и построил трехэтажный дом. Он всегда хотел жить в доме, потому что жизнь в квартире не для него — в Оше у него был дом, да и вообще комфортнее, когда есть свой участок и можно не сидеть в душной квартире.

Следующий тип *tenure* — аренда: мигранты могут арендовать койко-место в квартире, общежитии или доме, комнату, квартиру или дом, могут легко менять районы и места проживания, поскольку аренда привязывает человека

к месту в меньшей степени, чем собственность. Мы различаем совместную аренду квартиры и аренду койко-места в квартире в зависимости от того, как информант описывает свое проживание. Эти типы различаются «условием входа» для новых жителей: в квартире, которую снимают совместно, новый житель должен быть знакомым кого-то из соседей, если арендуется койко-место, то вопрос часто сводится только к платежеспособности потенциального соседа. Так, работник склада Ш. (м., 37 лет, кыргыз) после жизни в строительных вагончиках в первые месяцы в Москве снимал койко-места в разных квартирах-общежитиях. Нынешнее койко-место он нашел без труда — выбрал первый удобный вариант и никаких особых условий, кроме своевременной оплаты, там не было. Отличается история таксиста А. (м., 30 лет, таджик): он арендует квартиру с приятелями-таксистами, они вместе проводят время по вечерам, а если кто-то съедет, то не станут брать «первого встречного» — готовы платить более высокую арендную плату, чтобы сохранить дружескую атмосферу.

Помимо аренды койко-места в квартире, возможна аренда койко-места на рабочем месте — У. (м., 35 лет, узбек) — или в доме — Н. (ж., 35 лет, узбечка). У. работает уборщиком в торговом центре, в нем же арендует койко-место. Он с радостью бы переехал на койко-место в квартире, но у него нет денег: койко-место на работе стоит дешевле, чем в любой квартире. Он работает недавно, ему еще не выплатили первую зарплату, поскольку он не предоставил патент на работу — у него нет денег, чтобы его оплатить, т.е. улучшение жилищных условий здесь ушло на второй план. Койко-место в доме арендуют мигранты, работа которых находится недалеко от него: Н. работает в оптово-продовольственном центре «Фуд Сити», перебирает овощи, колет и чистит орехи. Она арендует койко-место в деревне в четырехэтажном доме недалеко от места работы: владелец дома живет с семьей на 4 этаже, а 3 других этажа сдает под койко-места. Другой пример — уборщик в том же центре С. (м., таджик, 50 лет): прежде он работал на кладбище в соседней деревне, арендовал койко-место в двухэтажном доме, где проживало примерно 100 человек (собственников дома никогда не видел).

Пример аренды квартиры — история Р. (м., 31 год, киргиз): несколько лет назад владелец ресторана, в котором Р. работает су-шефом, предложил ему посмотреть квартиру в Ясенево (районе, где жил у дяди и работал Р.), которую сдавал его друг. Р. арендовал трехкомнатную квартиру и стал жить с двумя братьями и сестрой. Год назад брат Р. предложил подселить к ним бывшего одноклассника Ш. (м., 21 год, киргиз), который хотел съехать от родственников. В разговоре о квартире, несмотря на то, что все делают вклад в оплату, Ш. называл ее квартирой Р., и сам Р. говорил, что он ее арендует, хотя скорее является «ответственным квартиросъемщиком».

От организации таких квартир-общежитий можно получить дивиденды. Если Р. арендует квартиру, чтобы жить с родственниками, то агент по недвижимости А. (ж., 35 лет, киргизка) арендует квартиру, чтобы организовать

сдачу койко-мест, и живет там сама. А. работает агентом по аренде недвижимости с 2016 года и имеет дело с квартирами, которые выставлены на продажу. Такие квартиры она арендует по небольшой цене, заселяется, селит жильцов, а когда квартира продается — выселяется в следующую. За последние два года она сменила четыре квартиры, сейчас арендует четырехкомнатную квартиру на метро Братиславская, и три комнаты сдает в аренду, а в комнату, где живет с мужем, временно подселила девушку. Как делят плату жители комнат, А. не знает и не интересуется, говорит, что не зарабатывает, а организует квартиру-общежитие, только чтобы самой не платить за жилье.

Следующий тип аренды — аренда комнаты: как правило, мигранты арендуют комнаты, чтобы жить со своей семьей или с друзьями. Информант К. (м., 30 лет, узбек) снял комнату в поселке Хлебниково, где нашел работу. В комнате он живет с супругой, которая работает в поселке — недавно ее перевез к себе. В других комнатах проживают братья информанта и хозяйка квартиры. Некоторые мигранты арендуют комнаты, чтобы жить в одиночку: М. (м., 55 лет, узбек) снимал комнату в Ясенево с 2006 по 2013 год и сменил жилье только потому, что накопил деньги на покупку квартиры.

Проживание в месте, которое определяет работодатель, — случаи, когда мигрант по договоренностям с работодателем обязан жить на рабочем месте или рядом с ним и за проживание не платит (хотя в ряде случаев проживание из зарплаты вычитается). Такое условие часто выдвигают сиделкам (А. — ж., 35 лет, киргизка), поскольку им необходимо следить за подопечным 24 часа в сутки, или строителям (С. — м., 52 года, таджик, Г. — м., 38 лет, узбек), которые живут в вагончиках на стройках или близко от них, чтобы экономить время на дорогу. В таких случаях мигранты не выбирают место жительства — оно идет «в пакете» с работой. Бывает, что работодатель оставляет за работником выбор — поселиться самостоятельно или там, где он скажет. Например, промышленный альпинист Щ. (м., 28 лет, узбек) и его коллеги могли выбрать — жить в общежитии, предоставляемом работодателем, или снимать самостоятельно. Щ. выбрал первый вариант: ему удобно, что работодатель решает проблему жилья и берет на себя «доставку» Щ. на работу. Аналогичный пример — Б. (м., 24 года, узбек) и М. (ж., 55 лет, киргизка): Б. работает сантехником и живет в строительном общежитии работодателя в том же районе, что и Щ; М. работает уборщицей на «Садовое» и живет в общежитии рядом (платит за него).

Вариант безвозмездного проживания в квартире или доме у знакомых или родственников характерен для мигрантов, которые приезжают на заработки впервые и поначалу живут у родственников, не оплачивая койко-место, а делая вклад в хозяйство, например, организуя быт или следя за детьми. Так, пенсионерку Г. (ж., 65 лет, узбечка) два года назад перевезла из Бухары в Подмоскowie дочь, чтобы она присматривала за внуком и следила за хозяйством, пока та на работе. Другая иллюстрация — А. (м., 23 года, таджик), который работает грузчиком в палатке с самсой в районе Теплого стана и живет в

районе метро Озерная с мамой в квартире, которую отдал его маме во временное безвозмездное пользование ее бывший работодатель. Мама А. работала сиделкой для пожилой женщины около 10 лет, и после ее смерти сын разрешил сиделке бесплатно жить там, пока квартира выставлена на продажу (А. оплачивает только коммунальные платежи).

Тип застройки

Рис. 2. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «тип застройки»

Типы застройки, в которых проживают информанты, мы разделили на новый и старый многоквартирный жилой фонд, индивидуальные жилые дома, строительные вагончики и общежития (Рис. 2). Новый многоквартирный жилой фонд — это все дома, построенные после распада СССР, старый жилой фонд — построенные ранее. Проживающие в домах нового жилого фонда могут иметь квартиру в собственности, как, например, таксист А. (м., 48 лет, таджик), снимать квартиру, как владелец парикмахерской И. (м., 35 лет, азербайджанец), комнату, как работница рынка Н. (ж., 45 лет, узбечка) или койко-место, как Ш. (м., 25 лет, таджик). Квартиры нового жилого фонда и приобретенные информантами часто располагаются за МКАДом по причине более низкой стоимости и расположения работы. Собственник А., который купил трехкомнатную квартиру в Люберцах на стадии котлована, хотел бы жить поближе к МКАДу, но не было подходящих по сумме и площади вариантов. Собственников А. и С. эта локация устраивала без оговорок, поскольку они работают за МКАДом. Среди информантов не было тех, кто имел квартиру в собственности в старом жилом фонде — здесь снимают квартиры, комнаты и койко-места. Мы столкнулись с переизбытком информантов, которые арендуют койко-места в пределах МКАДа в квартирах старого жилого фонда, и заметили тенденцию, что в пределах МКАДа мигранты чаще живут в квартирах старого жилого фонда, за пределами — нового. Насколько это верно — будем проверять в дальнейших исследованиях.

Следующий тип застройки — индивидуальные жилые дома. Этот тип актуален для Подмосковья, потому что в пределах Москвы (без Новой Москвы) индивидуальные жилые дома — редкость. Сборщик сантехники А. (м., 21 год, узбек) в поселке Хлебниково полтора года арендовал койко-место в доме, который у владельца снимает Г. (ж., 65 лет, узбечка), но переехал оттуда две недели назад, объяснив это тем, что дом старый и там плохо работает отопление, в связи с чем А. постоянно простужался. Г. рассказала, что хозяйка дома

умерла, дом долго стоял пустым, после чего сын хозяйки выставил его на сдачу. Нового владельца Г. никогда не видела, деньги переводит ему на карту. Г. не пользуется Интернетом, новые жильцы появляются через знакомых. Раз в три месяца к ней приходит участковый: не заходя в дом, спрашивает, есть ли новые жильцы, все ли у них в порядке с документами и нет ли у них проблем. Г. всегда говорит, что все в порядке. Помимо аренды дома мы встречали случаи, когда мигранты покупали участки и строили на них дома (выше приведен случай С.).

Четвертый тип застройки — строительные вагончики. Они могут быть изготовлены из разного материала и быть разной величины, а строительные городки, которые состоят из таких вагончиков, отличаются размерами и характеристиками благоустройства. Обычно такое жилье предоставляется работодателем и проживание в нем идет «в пакете» с работой, хотя нам сложно оценить, может ли мигрант или бригада отказаться от проживания как части этого «пакета». Кроме того, мы не встретили случаи аренды строительного вагончика отдельными мигрантами. Пример проживания в вагончике — рабочий Г. (м., 38 лет, узбек): он живет рядом с деревней в Новой Москве, где с другими рабочими обрабатывает торф. Жилье бригаде предоставляет работодатель, он также компенсирует затраты на продукты.

Последний тип — проживание в общежитии: это отдельно стоящие здания разных лет постройки, которые часто арендуют работодатели для своих сотрудников. Часть полевой работы проходила в общежитиях недалеко от Сколково, где селятся мигранты, так или иначе со Сколково связанные (в одном койко-места снимают компании, строящие Сколково, в другом живет промышленный альпинист Щ. (м., 28 лет, узбек), который работает в компании, Сколково обслуживающей).

Социальные круги в месте проживания

Рис. 3. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «социальные круги в месте проживания»

Следующим основанием классификации стали характеристики социальных кругов в месте проживания — были выделены проживание в одиночку, с семьей, с родственниками, с представителями своей этнической категории (не семья или родственники), с представителями других этнических категорий

(не семья или родственники) (Рис. 3). Существует стереотип, что мигранты стараются жить вместе, «кучно», о чем нам рассказала и эксперт, владелица агентства по недвижимости Н., и скорее всего в той или иной степени это действительно так, но иногда мигранты селятся по одному. Так живут Д. (м., 53 года, таджик) и И. (м., 35 лет, азербайджанец): Д. — сотрудник профсоюза работающих мигрантов, несколько лет назад купил однокомнатную квартиру в Люберцах, где жил раньше. Д. добирается на работу два часа, но при выборе района было важно, что там живут знакомые, они могут ходить друг другу в гости по вечерам. И. — владелец парикмахерского салона, арендует однокомнатную квартиру и живет один.

Все остальные выделенные типы подразумевают соседство. Так, внутри типа «проживание с семьей» возможно проживание с супругом, с супругом и детьми или с родными братьями и сестрами. К. (ж., 29 лет, киргизка) живет с супругом-строителем, работает пекарем на Савеловском рынке. Они снимают комнату в Подмосковье, рядом со стройкой, где работает супруг. К. тратит два часа в день на дорогу к месту работы. Комнату нашел ее супруг до приезда, она не участвовала в принятии решения. С. (м., 50 лет, узбек) с семьей живет в собственном доме в Новой Москве, его дети родились в России. Нам встретился случай, когда пожилые родители живут с совершеннолетними детьми, но резидентные решения принимают дети (А. — ж., 52 года, армянка). С братьями и сестрами живет электрик Э. (м., 22 года, таджик): он переехал год назад к брату, который живет и работает в Москве около 15 лет. Они снимают двухкомнатную квартиру в районе метро Водный стадион, вместе с ними живут две сестры, обе работают уборщицами. Квартиру снял старший брат Э. несколько лет назад.

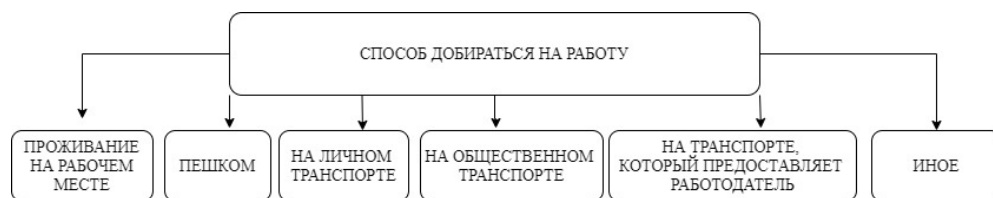
Следующий тип — проживание с двоюродными и троюродными родственниками. На момент интервью так жил таксист Н. (м., 28 лет, киргиз): приехав в Москву, он временно поселился у родственников в квартире на Преображенской площади, в трех остановках от метро. В большой комнате спят 4 человека, в другой — 3. Он никогда не интересовался, как родственники (семья двоюродного брата отца) нашли эту квартиру и знает лишь, что они живут там уже давно. Сейчас он ищет жилье поближе к метро.

Другой распространенный тип расселения при первом приезде — проживание с представителями своей этнической категории, которые не являются родственниками, — это могут быть как знакомые информанта из своей страны, так и новые связи по приезде. Например, К. (м., 38 лет, киргиз) живет с другими киргизами, с которыми он познакомился в Москве в съемной двухкомнатной квартире на Алексеевской. Там живет 7 человек: женщины работают продавщицами, мужчины — на стройках. При поиске жилья у К. не было запроса, чтобы все в квартире были его национальности, но поскольку он общается только с киргизами, с ними же работает и через знакомых искал жилье, то это его постоянный, повторяющийся тип проживания.

Последний тип — проживание с представителями других этнических категорий. Чаще всего так живут в общежитиях или квартирах-общежитиях, где живет А. (м., 21 год, узбек). Пару недель назад он переехал в однокомнатную квартиру, где живут его коллеги по работе — два узбека и таджик. Раньше они не были знакомы, эту квартиру А. нашел через друга с работы, который познакомил его с жильцами квартиры — они искали еще одного соседа, чтобы меньше платить за квартиру. Формально к этому типу относится проживание домработниц и съем комнаты или койко-места в квартире у немигрантов. Сиделка Д. (ж., 44 года, киргизка) обязана жить со своей подопечной — русской пенсионеркой, а М. (м., 28 лет, таджик) снимает комнату в квартире у русской женщины, которая живет в соседней комнате. Приведенные примеры тяготеют к одному из типов, однако встречались случаи, которые было сложно классифицировать однозначно: например, курьер Э. (м., 29 лет, киргиз) живет в квартире-общежитии, которую организовала его двоюродная тетя (помимо Э., в квартире живет 17 человек — киргизы, узбеки, казахи, русский), а санитарка Д. (ж., 42 года, таджичка) снимает двухкомнатную квартиру в Королеве, где сначала жила с тремя детьми, а затем подселила к себе таджичку, с которой не была знакома раньше, чтобы делить арендную плату.

Способ добираться на работу

Классификация по этому основанию основана на гипотезе, что мигранты, выбирая место проживания, ориентируются преимущественно на расположение работы. Все способы передвижения информантов на работу можно разделить на проживание на рабочем месте, пешком, на личном транспорте, на общественном транспорте, на транспорте, который предоставляет работодатель, и иное (Рис. 4).

Рис. 4. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «способ добираться на работу»

На рабочем месте проживают чаще всего мигранты, которым предоставляет жилье работодатель. Так, Г. (м., 38 лет, узбек) живет в вагончике рядом со стройкой, У. (м., 35 лет, узбек) проживает в подсобном помещении торгового центра, в котором работает, С. (м., 52 года, таджик) живет в общежитии, которое убирает. Те, кто добираются на работу пешком, как правило, тратят на дорогу до получаса. Пешая доступность работы — весомый фактор при выборе жилья. Так, работник супермаркета у станции метро Академическая Ш. (м., 37 лет, киргиз) раньше жил в Черемушках и ездил на работу на общественном транспорте. После того, как ему пришлось сменить жилье, он искал койко-

место в Академическом районе, чтобы экономить на транспорте. Кроме того, мигранты выбирают жилье в пешей доступности от места работы, чтобы не спускаться в метро и не подвергаться контролю документов. Курьер Э. (м., 29 лет, киргиз) впервые в этом году сделал патент на работу, раньше работал без него и для безопасности переехал в район метро Бабушкинская, чтобы ходить пешком и не сталкиваться с полицией в метро.

На личном транспорте добираются на работу владельцы строительного бизнеса М. (м., 55 лет, узбек), С. (м., 50 лет, узбек) и логист Ф. (м., 30 лет, узбек). М. каждый день добирается из поселка в Новой Москве на склад и офис, расположенные на рынке «Строймастер», около 20 минут без пробок, 40 — с пробками. С., коллега М., примерно столько же времени тратит на дорогу, добираясь из города Троицк. Эти два информанта имеют в собственности дома, которые построили, ориентируясь на близость к строительному рынку, поскольку занимаются строительным бизнесом по 10 лет и намерены продолжать. Ф. — их общий друг, он работает логистом, его компания расположена на Ленинском проспекте, из Московского, где он пару лет назад купил квартиру в ипотеку, добирается на работу за 40–50 минут. Время на дорогу к месту работы у тех мигрантов, которые добираются на общественном транспорте, занимает от 10 минут до 2 часов. На транспорте, который предоставляет работодатель, перемещается промышленный альпинист Щ. (м., 28 лет, узбек): он живет в общежитии недалеко от Сколково в комнате с коллегами, каждое утро за ними приезжает машина, отвозит их на строительный объект в Сколково, вечером привозит обратно.

Расселение и интеграция

Каким образом принадлежность к тому или иному типу связана с интеграцией? Хотя основной целью исследования было создание исчерпывающей классификации характеристик проживания, проведенные интервью, предыдущие исследования авторов и имеющаяся литература позволяют сделать ряд обоснованных предположений о том, как проживание связано с интеграцией. Прежде всего, по-разному сказываются на интеграционных траекториях типы *tenure*: собственность на недвижимость, а не, скажем, гражданство, видимо, является индикатором того, что мигрант окончательно переехал в Россию, а не живет на две страны. Показателен в этом смысле случай А. (ж., 52 года, армянка), для которой покупка квартиры была способом стать «своей» для соседей. Кроме того, по законодательству получение резидентного статуса в России сопряжено с регистрацией по месту жительства [21]. Существуют разные стратегии ее получения, но покупка недвижимости — одна из них, т.е. структурная интеграция связана с *tenure*. Напротив, чем больше отчужден мигрант от места проживания, тем меньше его вовлеченность в районную социальную жизнь и идентификация с местом — это касается и аренды, и проживания в месте, назначенном работодателем. Последний тип *tenure*, привязывая мигранта к

работодателю, еще более отдаляет его от социальной среды в месте жительства: вокруг общежития Щ. (м., 28 лет, узбек) много жилой застройки, но он почти никого оттуда не знает и не стремится знакомиться.

Судя по всему [2; 9], российская особенность расселения мигрантов состоит в том, что они селятся преимущественно в новостройках, но как это связано с интеграцией? Из исследований о формировании сообществ известно, что те из них, что складываются синхронно, комфортнее для мигрантов, чем те, в которые приезжие вынуждены вливаться [см. напр.: 25]. Можно предположить, что социальная интеграция в новом многоквартирном доме протекает проще, чем в старом, и установки в отношении мигрантов среди тех немигрантов, что недавно поселились в этих домах, в целом позитивнее, чем среди старожилов. Впрочем, есть свидетельства как в пользу этой гипотезы, так и опровергающие ее: например, в новых районах подмосковных Котельников русские женщины на детских площадках пытаются не пускать в «свои круги» мигранток [2], то же происходит и в «старых» московских районах [20].

Социальные круги в месте проживания — важная часть социальных контактов и показатель интеграции [44]. Например, чем больше в этих кругах соотечественников, тем меньше возможностей выучить язык принимающего общества. Кроме того, социальные круги в месте проживания — пространство циркуляции полезной информации, в частности, о возможностях трудоустройства: чем больше в социальных кругах мигранта соотечественников, тем выше вероятность трудоустройства по специальностям, которые не требуют квалификации, и тем ниже вероятность восходящей профессиональной траектории на первичном рынке труда [41]. Впрочем, соотечественники соотечественникам рознь: если мигранты в основном общаются с соотечественниками, с которыми познакомились в принимающем обществе, то чувствуют себя свободнее и в большей степени готовы менять поведение согласно нормам принимающего общества [49].

Соотношение места жительства и места работы, видимо, является индикатором процессов, напрямую с проживанием не связанных. В этом смысле противопоставлены своего рода транспортная ассимиляция [23], когда мигранты перестают различаться по времени пути до работы, и ситуация, когда мигрант живет на рабочем месте (это противопоставление характеризует, в первую очередь, постиндустриальные города). Можно предположить, что рутинное перемещение по городу, прежде всего на общественном транспорте, связано с большим включением в городскую жизнь с разными интеграционными последствиями [26]. Напротив, если мигранты живут на работе, а в России чаще всего так живут строители, они могут замкнуться на сообществе, состоящем исключительно из родственников и соседей по стране происхождения. На одной из строек Подмоскovie мигранта, который в свой единственный выходной ездил смотреть на Кремль, называли путешественником и подсмеивались над ним.

***

Итак, наше исследование позволило представить классификацию характеристик расселения мигрантов в Москве и Московской области по четырем основаниям и показать, как типы проживания связаны с интеграцией. Мы выдвинули ряд гипотез, согласно которым владение недвижимостью положительно влияет на структурную, социальную и идентификационную интеграцию мигрантов, а проживание на рабочем месте, наоборот, негативно сказывается на включении мигранта в принимающее сообщество. В столице и Московской области мигранты живут в новом и старом многоквартирном жилом фонде, в индивидуальных жилых домах, вагончиках и общежитиях. Проживание в каждом из типов застройки может как позитивно повлиять на социальную интеграцию мигрантов, так и наоборот. Социальные круги в месте проживания мигрантов могут включать в себя семью, родственников, представителей своей и других этнических категорий, а могут отсутствовать полностью, когда человек проживает один. Окружение тесно связано с социальной интеграцией мигрантов и может влиять на структурные аспекты интеграции (поиск работы и доход). Последний важный аспект расселения мигрантов — дистанция между жильем и рабочим местом с точки зрения способов добираться на работу, которая также связана с социальной интеграцией. Например, проживание на рабочем месте и перемещение по городу только на транспорте работодателя приводят к социальной изоляции или общению мигранта только с соотечественниками. Приведенная классификация, примеры из поля и предположения о связи типов проживания и интеграции должны стать предметом дальнейших исследований взаимосвязи расселения мигрантов и их интеграции в российском обществе.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 18-78-10086 «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

Библиографический список / References

- [1] *Абашин С.* Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Россия и мусульманский мир. 2015. № 1 / Abashin S. Dvizheniya iz Tsentralnoi Azii v Rossii: v modeli novogo miroustroistva [Movements from Central Asia to Russia: In the model of a new world order]. *Rossiia i Musulmanskyy Mir*. 2015; 1 (In Russ.).
- [2] *Андреева А.С., Иванова Н.С., Варшавер Е.А.* Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей / Andreeva A.S., Ivanova N.S., Varshaver E.A. Yavlyayutsya li Kotelniki etnomigratsionnym anklavom? Keis-stadi goroda-sputnika Moskvyy na predmet etnomigratsionnykh kharakteristik ego zhitelei [Does Kotelniki qualify as an ethnic-migrant enclave? A case-study of residents' ethnic-migration features in Kotelniki, a satellite-city of Moscow]. https://usp.hse.ru/data/2020/03/31/1552579393/Андреева,%20Иванова,%20Варшавер-31_03_20.pdf (In Russ.).
- [3] *Антропологи ТГУ: в России, в отличие от Запада, нет мигрантских гетто / Antropologi TGU: v Rossii, v otlichie ot Zapada, net migrantskikh getto* [TSU anthropologists: In Russia, unlike the West, there are no migrant ghettos]. <http://www.tsu.ru/news/antropologi-tgu-v-rossii-v-otlichie-ot-zapada-net-> (In Russ.).

- [4] Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Куприна Т.В. и др. Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России. Оценка факторов и эффектов / Отв. ред. А.Г. Шеломенцев. Екатеринбург, 2017 / Bedrina E.B., Vandyshev M.N., Kuprina T.V. et al. *Regionalnye aspekty mezhdunarodnoi trudovoi migratsii v sovremennoi Rossii. Otsenka faktorov i effektiv* [Regional Aspects of International Labor Migration in Contemporary Russia. Assessment of Factors and Effects]. Отв. ред. А.Г. Шеломенцев. Екатеринбург, 2017 (In Russ.).
- [5] Вандышев М.Н. Территориальный принцип размещения трудовых мигрантов в большом городе // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ / Гл. ред. М.Н. Вандышев. Т. 2. Екатеринбург, 2016 / Vandyshev M.N. Territorialny printsip razmeshcheniya trudovyh migrantov v bolshom gorode [Territorial principle of settling migrants in the big city]. *Dinamika i inertsiionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokolenii v Rossii i SNG*. Gl. red. M.N. Vandyshev. Vol. 2. Yekaterinburg; 2016 (In Russ.).
- [6] Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 3 / Varshaver E.A., Rocheva A.L. Integratsiya migrantov: chto eto i kakuyu rol v ee osushchestvlenii mozhnet igrat gosudarstvo [Migrants integration: What it is and what role the state plays in its implementation]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoi Politiki*. 2016; 14 (3) (In Russ.).
- [7] Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Андреева А.С., Иванова Н.С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении (Часть I) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6 / Varshaver E.A., Rocheva A.L., Andreeva A.S., Ivanova N.S. Rasselenie migrantov v globalnykh gorodakh i ego determinanty: Paris, Singapore, Sidney i Moscow v sravnenii (Part I) [Migrants settlement patterns in global cities and their determinants: Paris, Singapore, Sydney and Moscow (Part I)]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskies i Sotsialnye Peremeny*. 2019; 6 (In Russ.).
- [8] Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18-35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2 / Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Integratsiya migrantov vtorogo pokoleniya v vozraste 18-35 let v Rossii: rezultaty issledovatel'skogo proekta [Second generation migrants aged 18–35 in Russia: Research project results]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskies i Sotsialnye Peremeny*. 2019; 2 (In Russ.).
- [9] Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? Рукопись, 2020 / Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Ermakova M.A. Mesta rezidentnoi kotsentratsii migrantov v rossiiskikh gorodakh: est li pattern [Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is there a pattern?]. Manuscript, 2020 (In Russ.).
- [10] Вендина О.И. Мигранты в Москве: Грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. 2005. № 3 / Vendina O.I. Migranty v Moskve: Grozit li rossiiskoi stolitse etnicheskaya segregatsiya [Migrants in Moscow: Does ethnic segregation threaten the Russian capital?]. *Migratsionnaya Situatsiya v Regionah Rossii*. 2005; 3 (In Russ.).
- [11] Вендина О.И. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 / Vendina O.I. Mogut li v Moskve vzniknut etnicheskies kvartaly [Can ethnic neighborhoods arise in Moscow?]. *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*. 2004; 3 (In Russ.).
- [12] Вендина О.И. Мигранты в российских городах // Отечественные записки. 2012. № 3 / Vendina O.I. Migranty v rossiiskikh gorodakh [Migrants in Russian cities]. *Otechestvennye Zapiski*. 2012; 3 (In Russ.).
- [13] Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6 / Vendina O.I.,

- Panin A.N., Tikunov V.S. Sotsialnoe prostranstvo Moskvy: osobennosti i struktura [Social space of Moscow: Peculiarities and patterns]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2019; 6 (In Russ.).
- [14] Деминцева Е.Б., Пешкова В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп weekly. 2014. № 597–598 / Demintseva E.B., Peshkova V.M. Migranty iz Srednei Azii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoskop Weekly*. 2014; 597–598 (In Russ.).
- [15] Дивисенко К.С. Представления о будущей семейной жизни в биографических текстах школьников // Телескоп. 2008. № 5 / Divisenko K.S. Predstavleniya o budushchei semeinoi zhizni v biograficheskikh tekstakh shkolnikov [Representations of future family life in the biographical texts of pupils]. *Teleskop*. 2008; 5 (In Russ.).
- [16] Дятлов В.И., Григоричев К.В. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск, 2013 / Dyatlov V.I., Grigoriev K.V. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities]. Irkutsk; 2013 (In Russ.).
- [17] Кашицкий Д.С. Доступ к медицинской помощи в Москве среди женщин-мигрантов из Средней Азии: пол имеет значение // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М., 2016 / Kashitsky D.S. Dostup k meditsinskoj pomoshchi v Moskve sredi zhenshchin-migrantov iz Srednei Azii: pol imeet znachenie [Access to the medical care in Moscow for women migrants from Central Asia: Gender matters]. *XVI Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*. Otv. red. E.G. Yasin. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [18] Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. Т. 20. № 1 / Mukomel V.I. Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsialnye praktiki [Integration of migrants: Challenges, policy, social practices]. *Mir Rossii*. 2011; 20 (1) (In Russ.).
- [19] Рочева А.Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 2 / Rocheva A.L. Issledovanie pozitsii “kariery kvartirosemshchika” i modelei prozhivaniya v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana [The study of ‘tenant career’ positions and housing models of migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2015; 21 (2) (In Russ.).
- [20] Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Детские площадки как пространства интеграции мигрантов // Вопросы образования. 2017. № 2 / Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Detskie ploshchadki kak prostranstva integratsii migrantov [Playgrounds as migrant integration spaces]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2017; 2 (In Russ.).
- [21] Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001 / Strauss A., Corbin J. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [22] Федеральный закон № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» / Federal Law of the Russian Federation No 115-FZ from July 25, 2002 “On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation”. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868 (In Russ.).
- [23] Blumenberg E. *Moving in and Moving Around: Immigrants, Travel Behavior, and Implications for Transport Policy*. University of California; 2009.
- [24] Bolt G. Turkish and Moroccan couples and their first steps on the Dutch housing market: Co-residence or independence? *Journal of Housing and Built Environment*. 2002; 17 (3).
- [25] Brown G., Brown B.B., Perkins D.D. New housing as neighborhood revitalization: Place attachment and confidence among residents. *Environment and Behavior*. 2004; 36 (6).
- [26] Buhr F. Using the city: Migrant spatial integration as urban practice. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018; 44 (2).

- [27] Bygren M., Szulkin R. Ethnic environment during childhood and the educational attainment of immigrant children in Sweden. *Social Forces*. 2010; 88 (3).
- [28] Chamberlain K. Using grounded theory in health psychology: Practices, premises and potential. Murrey M., Chamberlain K. (Eds.). *Qualitative Health Psychology: Theories and Methods*. Sage Publications; 1999.
- [29] Charmaz K. “Discovering” chronic illness: Using grounded theory. *Social Science and Medicine*. 1990; 30 (11).
- [30] Charmaz K. Grounded theory. Ritzer G. (Ed.). *Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Blackwell Publishing; 2007.
- [31] De U.K., Vupru V. Location and neighborhood conditions for housing choice and its rental value. *International Journal of Housing Markets and Analysis*. 2017; 10 (6).
- [32] Donato K.M., Stainback M., Bankston C.L. The economic incorporation of Mexican immigrants in Southern Louisiana: A tale of two cities. Zúñiga V., Hernández-León R. (Eds.). *New Destinations: Mexican Immigration in the United States*. New York; 2005.
- [33] Employer’s responsibilities. Learn about employers’ responsibilities towards foreign workers’ housing matters. <https://www.mom.gov.sg/passes-and-permits/work-permit-for-foreign-worker/housing/employers-responsibilities>.
- [34] Glaser B., Strauss A. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing; 1967.
- [35] Glaser B.G., Strauss A.L. Theoretical sampling. Denzin K.N. (Ed.). *Sociological Methods*. New York: Routledge; 2017.
- [36] Huddleston T., Niessen J., Tjaden J.D. Using EU indicators of immigrant integration. <https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/using-eu-indicators-of-immigrant-integration>.
- [37] Jahn J., Schmid C.F., Schrag C. The measurement of ecological segregation. *American Sociological Review*. 1947; 12 (3).
- [38] Li W. *Ethno Burb: The New Ethnic Community in Urban America*. Honolulu: University of Hawaii Press; 2009.
- [39] Locke K.D. *Grounded Theory in Management Research*. Manchester: Sage; 2000.
- [40] Logan J.R., Zhang W., Alba R.D. Immigrant enclaves and ethnic communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*. 2002; 67 (2).
- [41] Maslova S., King R. Residential trajectories of high-skilled transnational migrants in a global city: Exploring the housing choices of Russian and Italian professionals in London. *Cities*. 2020; 96.
- [42] Massey D.S. Ethnic residential segregation: A theoretical synthesis and empirical review. *Sociology and Social Research*. 1985; 69 (3).
- [43] Morales L., Giugni M. *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work?* New York: Palgrave Macmillan; 2011.
- [44] Morse J.M. et al. *Developing Grounded Theory: The Second Generation*. Routledge; 2016.
- [45] Park R.E., Burgess E.W. *Introduction to the Science of Sociology*. University of Chicago; 1921.
- [46] Peach C. South Asian and Caribbean ethnic minority housing choice in Britain. *Urban studies*. 1998; 35 (10).
- [47] Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993; 530 (1).
- [48] Van Kempen R. Segregation and housing conditions of immigrants in Western European Cities. Kazepov Y. (Ed.). *Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements, and the Challenge to Urban Cohesion*. Blackwell Publishing; 2005.
- [49] Varshaver E.A., Rocheva A.L. “Homeland-rooted” or acquired in the receiving society: How does the composition of migrants’ “co-ethnic” ties affect their patterns of integration? *Journal of International Migration and Integration*. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12134-019-00742-4>.

- [50] Ward D. The ethnic ghetto in the United States: Past and present. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1982; 7 (3).
- [51] Weingand D.E. Grounded theory and qualitative methodology. *IFLA Journal*. 1993; 19 (1).
- [52] Wimark T., Haandrikman K., Nielsen M.M. Migrant labor market integration: The association between initial settlement and subsequent employment and income among migrants. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2019.
- [53] Wirth L. The ghetto. *American Journal of Sociology*. 1927; 33 (1).
- [54] Xu D. English proficiency and homeownership in the US immigrant population. *Population Associations of America Annual Meeting*. 2017.
- [55] Zimmermann K.F., Constant A., Schüller S. *Ethnic Spatial Dispersion and Immigrant Identity*. Bonn: IZA Discussion Papers; 2014.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381

Features of settlement and integration of migrants in Moscow and the Moscow Region*

M.A. Ermakova, E.A. Varshaver, N.S. Ivanova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: maya.ermakova8@gmail.com; varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com)

Abstract. International studies prove the relationship between migrants' settlement patterns and their integration. Russian researchers have studied integration for many years but not migrants' settlement patterns. The authors aim at filling this gap and describing different aspects of migrants' settlement in Moscow and the Moscow Region as affecting integration. The article presents a classification of migrants' settlement patterns on four grounds: tenure, type of building, social circles and ways to get to work. Each type is illustrated by examples of settlement patterns and other details to provide lively descriptions of migrants' everyday life. The study consisted of 65 interviews with migrants in Moscow and the Moscow Region which were based on the principles of the grounded theory. In the study, migrants were people born in Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan, both Russian and foreign citizens. The data show that, despite stereotypes, there is a great variety of migrants' settlement patterns, for instance, in terms of tenure there are those who have their own apartments and those who rent a bed at the workplace, while in terms of social circles, there are those who live with members of their nuclear family and those who share apartments with new acquaintances from different countries. The article presents some considerations on the relationship between certain migrants' settlement patterns and their integration, for instance, on the positive effect of property ownership on the structural and identity integration and on the relationship between using the employer's transportation and social aspects of integration.

Key words: migrants; settlement; housing; tenure; social circles; Moscow; Moscow Region; integration

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-78-10086 "Analysis of the mechanisms of the development of ethnic-migration enclaves in the Russian cities".

---

* © M.A. Ermakova, E.A. Varshaver, N.S. Ivanova, 2020.

The article was submitted on 12.01.2020. The article was accepted on 31.03.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393

Уровень цифровой грамотности школьника и педагога: компаративистский анализ*

А.А. Ефанов¹, М.А. Буданова², Е.Н. Юдина²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

²Московский педагогический государственный университет
просп. Вернадского, 88, Москва, 119571, Россия

(e-mail: yefanoff_91@mail.ru; budanovama@mail.ru; elena_nikolaevna@inbox.ru)

Предмет рассмотрения статьи — цифровая грамотность как основополагающая компонента развития медиакомпетентности. Изучая историю вопроса и анализируя существующие теории, авторы приходят к выводу, что в исследованиях рассматривается цифровая грамотность взрослого населения и не учитываются данные о несовершеннолетних, которые демонстрируют наиболее высокую контактность с медиатехнологиями. С позиций разрабатываемой концепции глубинной медиатизации социального пространства авторы утверждают, что показатели цифровой грамотности школьников должны коррелировать с данными о педагогах, которые, согласно современной образовательной стратегии, фактически ответственны за повышение медиакомпетентности общества — начиная с преподавания медиаориентированных курсов в средней школе. В 2019 году был проведен опрос на тему «Медиакомпетентность школьника и педагога» (N=500+500) в 10 городах Приволжского федерального округа, где зафиксирован самый низкий индекс цифровой грамотности. По результатам компаративистского анализа был выделен ряд проблем в сфере медиаграмотности, в частности цифровой грамотности, основная из которых — цифровой разрыв двух поколений (школьников и педагогов) — свидетельствует о наличии коммуникационного барьера, затрудняющего взаимодействие не только в образовательной среде, но и в социальном пространстве. В то время как учащиеся демонстрируют высокий уровень контактности с современными медиатехнологиями, аналогичные показатели учителей крайне низки, причем не только в профессиональной деятельности, но и в повседневных практиках. Авторы полагают, что обратная корреляция уровня цифровой грамотности школьника и педагога препятствует гармоничному развитию медиакомпетентности российского общества.

Ключевые слова: цифровая грамотность; медиаграмотность; медиакомпетентность; медиапотребление; медиа; Интернет

Современная технологизированная медиасреда предъявляет повышенные требования к уровню цифровой грамотности — «набору знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета» [14] — и обеспечивают гармоничное развитие медиакомпетентности. Понятие «цифровая грамотность» ввел в научный оборот П. Гилстер в 1997 году, он же определил критерии ее достижения: «критическое мышление, знание семиосистем, умение работать с ними, навыки поиска нужной информации и инструментов работы с ней, умение быстро

* © Ефанов А.А., Буданова М.А., Юдина Е.Н., 2020.

Статья поступила 23.12.2019 г. Статья принята к публикации 12.02.2020 г.

освоить эти инструменты, умение общаться с другими пользователями, производить информацию в ее разнообразных форматах» [19]. Концепция Гилстера включает в себя четыре компонента — медиаграмотность, информационную грамотность, коммуникативную компетентность и креативную компетентность, которые невозможно рассматривать дискретно. Концепция цифровой грамотности получила развитие в трудах аналитиков Канадского центра цифровой и медиаграмотности «Медиа Смартс», которые рассматривают их через три взаимосвязанных акта — создавать, понимать и использовать [24], в результате чего можно добиться конструктивного социального действия [см. также: 16; 17; 20; 21; 23].

В российской коммуникологии преемником западных традиций в изучении цифровой грамотности стал А.В. Шариков, разработавший модель цифровой грамотности из четырех содержательных полей (квадрант): социогуманитарное (с психологическими и коммуникативными доминантами) и технико-технологическое, а также возможности и угрозы. «Содержательное наполнение выделенных полей формирует уровень цифровой грамотности в современном понимании. Доступ к Интернету необходим, но недостаточен, чтобы пользоваться им с пользой для себя: мало иметь знания, умения, навыки технического характера. Не менее значимы для высокого уровня цифровой грамотности знания, умения и навыки социально-психологического и этического характера, которые позволяют противостоять многочисленным угрозам» [15]. Другие авторы [см.: 2; 18; 25] с позиций социологии профессий обосновывают роль цифровой грамотности в подготовке специалистов и развитии технологизированного общества.

Эмпирические исследования цифровой грамотности в России

Первые попытки системного исследования медиаграмотности с опорой на декларацию Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» предприняли эксперты Исследовательской группы «Циркон», реализовав в 2009–2016 годы проект в рамках государственного контракта «Оценка уровня медиаграмотности населения Российской Федерации» (опрос общенациональной выборки в 1600 человек). Они выделили ряд факторов, влияющих на показатели медиаграмотности в разных регионах: а) уровень экономического развития субъекта РФ; б) средний уровень образования; в) разнообразие источников информации с точки зрения их политического позиционирования; г) уровень политической лояльности электората; д) уровень развития медиасферы (количество и особенности СМИ, доступность цифровых каналов и т.п.). Эксперты подчеркнули «необходимость учитывать региональную дифференциацию и, как следствие, разрабатывать меры государственной политики в сфере развития медиаобразования с учетом региональных особенностей» [10].

Согласно результатам мониторинга в рамках «Международной программы по оценке компетенций взрослого населения» ОЭСР в России

наблюдается отставание в сфере цифровой грамотности — страна занимает 20-е место в мире: по итогам проведенного в 2017–2018 годах опроса (N = 1600) лишь 26% взрослого населения имеют высокий уровень цифровой грамотности [13]. С позиций концепции цифровой экономики аналитики рассматривают цифровую грамотность на макро- (защита от киберугроз и информационных войн, получение цифровых дивидендов в экономике, поддержка социальной стабильности) и микроуровнях (защита персональных данных, конкурентоспособность на рынке труда, доступ к образованию, здравоохранению и государственным услугам). Соответственно, цифровая грамотность включает в себя информационную, компьютерную, коммуникативную, медиаграмотность и отношение к инновациям.

Названные проекты не лишены противоречий, поскольку нынешняя широкая трактовка медиа [см.: 7; 8; 9; 12], включающая традиционные СМИ (печать, радио и телевидение), новые медиа (сетевые издания и каналы), социальные медиа (сети, мессенджеры и блоги), культурные медиаиндустрии (цифровое книгоиздание, кино, музыка, игры, трансмедийные выставки и спектакли) и интерактивные онлайн-ресурсы [4], вопросы, связанные с информационной и компьютерной грамотностью, коммуникативной и креативной компетентностью и, как следствие, отношением к инновациям, в той или иной степени входят в предметное поле медиаграмотности и медиакомпетентности. Таким образом, с позиций разрабатываемой концепции глубинной медиатизации социального пространства, обосновывающей прочное инкорпорирование медиатехнологий во все социальные институты, включая образование [5], наиболее релевантным представляется рассмотрение цифровой грамотности как основы медиаграмотности.

Региональная общественная организация «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ) при поддержке ВЦИОМ, НИУ ВШЭ и Mediascope в 2015 году инициировала долгосрочный исследовательский проект по мониторингу уровня цифровой грамотности населения [1; 22]. Аналитики изучают этот показатель на основе трех составляющих: 1) цифровое потребление (охват фиксированным и мобильным Интернетом; наличие в личном пользовании цифровых устройств; количество сетевых медиа на душу населения; применение социальных медиа; использование госуслуг на цифровых платформах; потребление новостной информации в Сети); 2) цифровые компетенции (умение искать информацию в Интернете, использовать мобильные средства коммуникации, социальные сети, проводить финансовые операции, потреблять товары и услуги через Сеть; способности к критическому восприятию материалов медиа и проверки их на достоверность, а также к производству мульти- и трансмедийного контента); 3) цифровая безопасность (умение и понимание необходимости защиты персональных данных; навыки борьбы с компьютерными вирусами и хакерскими атаками; отношение к пиратскому программному обеспечению и контенту; уровень культуры взаимодействия в социальных сетях; соблюдение этических норм при размещении цифрового контента).

На основе проведенного РОЦИТ онлайн-опроса (N=1600) взрослого населения (квотная выборка, 8 федеральных округов) на интерактивной платформе «Голос Рунета», вторичного анализа данных Mediascope о потреблении социальных медиа и сведений о соотношении зарегистрированных сетевых медиа (Роскомнадзор) и численности населения (Росстат) был составлен Индекс цифровой грамотности. По итогам четвертой «волны» исследования (2018) он составил 4,52 пт. (по 10-балльной шкале), за год уменьшившись на 1,47 (в 2015 году — 4,79, в 2016 — 5,42, в 2017 — 5,99), что обусловлено «увеличением диспропорций между уровнем цифровых компетенций, цифрового потребления и цифровой безопасности россиян. Если в 2015 и 2016 годах цифровые компетенции граждан были их главной уязвимостью, то в 2017 и 2018 годах они вышли на первое место по значению. При этом, по сравнению с прошлыми годами, в знаниях и навыках россиян значительно увеличился разрыв между цифровыми компетенциями и цифровой безопасностью» [6]. Иными словами, повышение уровня цифровой грамотности заставляет пользователей более осознанно относиться к цифровой безопасности — уязвимости персональных данных в Интернете, их защите от хакерских атак, а также потреблению легального контента и официального программного обеспечения.

Были выделены основные тенденции развития цифровой грамотности: совершенствование инфраструктуры и усиление вовлеченности россиян в информационные процессы, рост и расширение спектра цифровых компетенций (от осуществления финансовых операций, получения электронных госуслуг и применения поисковых систем до производства собственного контента). Согласно полученным данным, за три года мобильным Интернетом стали пользоваться на 16% больше россиян (потребление медиапродуктов посредством стационарных компьютеров снижается). Лидирующие позиции занимают Центральный (5,67) и Северо-Западный (7,99) федеральные округа (прежде всего за счет Москвы и Санкт-Петербурга). Положительная динамика отмечена в Дальневосточном (7,32) и Сибирском (4,14) округах. Самый низкий индекс цифровой грамотности — в Приволжском (2,31) и Северо-Кавказском (1,42) округах.

Цифровая грамотность школьника и педагога

Проект по изучению индекса цифровой грамотности не учитывает несовершеннолетних россиян — наиболее активных пользователей медиатехнологий [3]. Мы полагаем, что показатели цифровой грамотности школьников должны коррелировать с данными о педагогах, которые, исходя из утвержденной в 2017 году образовательной стратегии, отвечают за повышение медиакомпетентности населения — начиная с преподавания медиаориентированных курсов в средней школе. В 2019 году мы провели опрос на тему «Медиакомпетентность школьника и педагога» (N=500+500) в 10 городах

Приволжского федерального округа (аутсайдер по развитию цифровой грамотности): Казани, Нижнем Новгороде, Оренбурге, Пензе, Перми, Самаре, Саранске, Саратове, Ульяновске и Уфе. Применялся двухступенчатый стратификационный отбор (сочетание вероятностной и квотной выборки), использовалась анкета, состоящая из 25 вопросов.

Средний возраст принявших участие в опросе педагогов — 36–45 лет; 86% женщин и 14% мужчин; образование — высшее; средний стаж профессиональной деятельности — 10–20 лет. Выборка формировалась из респондентов, работающих в 7–11 классах. 35% специализируются на дисциплинах социально-гуманитарного профиля, 27% — лингвистического, 21% — естественнонаучного, 16% — математического и технического, 10% — творческого, 7% — спортивного и БЖД. Выборку школьников составили учащиеся 7–11 классов (на данном этапе формируются относительно самостоятельные практики медиапотребления): 62% девушек и 38% юношей.

По итогам опросов оказалось, что уровень цифровой грамотности школьника и педагога находится в обратном соотношении: школьники для удовлетворения информационных потребностей обращаются к Интернету (89%), а педагоги по-прежнему отдают предпочтение телевидению (76%) — их медиаповестку обе группы считают объективной и достоверной (Табл. 1–2).

Таблица 1

«К какому из видов медиа Вы чаще всего обращаетесь?»

Варианты ответов	Педагоги	Школьники
Телевидение	76%	7%
Радио	2%	3%
Газеты	3%	0
Журналы	0	0
Интернет	17%	89%
Другое	0	1%

Таблица 2

«Какой из видов медиа, по Вашему мнению, дает наиболее объективную и проверенную информацию?»

Варианты ответов	Педагоги	Школьники
Телевидение	81%	6%
Радио	4%	10%
Газеты	3%	1%
Журналы	1%	0
Интернет	11%	80%
Другое	0	3%

В ответах двух групп о медиа, репрезентирующих наиболее непроверенную и ложную информацию, была выявлена обратная закономерность: если школьники таковым считают телевидение (69%), то педагоги — Интернет (72%) (Табл. 3), т.е. можно выделить, соответственно, «поколение Интернета» и «поколение телевидения», которые имеют дифференцированные медиапрактики.

Таблица 3

«Какой из видов медиа, по Вашему мнению, дает наиболее непроверенную и ложную информацию?»

Варианты ответов	Педагоги	Школьники
Телевидение	14%	69%
Радио	4%	2%
Газеты	8%	12%
Журналы	2%	3%
Интернет	72%	14%

Вполне показательными можно считать ответы педагогов о стремлении к верификации, полученной через медиаинформации: «Да, всегда» — 8%; «Да, иногда» — 19%; «Нет» — 46%. Школьники, напротив, преимущественно пытаются перепроверить полученные сведения: «Да, всегда» — 36%; «Да, иногда» — 34%; «Нет» — 25%. Ответы двух групп на следующий вопрос позволили уточнить их позиции относительно необходимости фактчекинга: школьники подчеркивают, что при получении информации необходимо руководствоваться принципом использования разных источников и каналов и после ее изучения формировать собственную позицию (68%), а педагоги (57%) предпочитают ориентироваться исключительно на один источник, который давно присутствует на медиарынке и зарекомендовал себя (Табл. 4).

Таблица 4

«Каким принципом Вы обычно руководствуетесь при получении информации посредством медиа?»

Варианты ответов	Педагоги	Школьники
Обращаюсь исключительно к одному источнику, который давно присутствует на медиарынке и зарекомендовал себя, полагаюсь на его повестку дня	57%	18%
Обращаюсь исключительно к государственным медиа, повестка дня которых контролируется	24%	2%
Обращаюсь исключительно к коммерческим медиа, повестка дня которых отличается свободой выражения	6%	12%
Стремлюсь получать информацию из разных источников и каналов и на их основе формировать собственную позицию	12%	68%
Другое	1%	0

Помимо оценки медиакомпетентности групп опрос позволил понять мотивацию использования медиатехнологий: школьники стремятся удовлетворить личные интересы и потребности (67%), для педагогов характерно сочетание личных и профессиональных интересов и потребностей (47%) (Табл. 5).

Таблица 5

«С какой целью Вы, в первую очередь, обращаетесь к медиа?»

Варианты ответов	Педагоги	Школьники
Личные интересы и потребности	27%	67%
Профессиональные/учебные интересы и потребности	25%	11%
Личные и профессиональные/учебные интересы и потребности	47%	20%
Другое	1%	2%

При этом если при использовании ресурсов Интернета школьникам при- суща относительная равнозначность информационных (27%), развлекательных (30%) и познавательных потребностей (29%), то педагоги руководствуются пре- имущественно профессиональными потребностями (74%) (Табл. 6).

Таблица 6

«По Вашему мнению, какие интересы и потребности, в первую очередь, позволяет удовлетворять Интернет?»

Варианты ответов	Педагоги	Школьники
Информационные	11%	27%
Развлекательные	9%	30%
Познавательные	2%	29%
Образовательные	4%	5%
Профессиональные/учебные	74%	9%

Однако педагоги отмечают, что применяют социальные сети и мессен- джеры как в профессиональной, так и в личной коммуникации (62%) (веро- ятно, для оперативной связи как с родными и близкими, так и с учениками, их родителями и коллегами продуктивным считается использование этих ре- сурсов), хотя 21% респондентов вообще к ним не обращается в повседневной жизни (Табл. 7).

Таблица 7

«Используете ли Вы социальные сети и мессенджеры и в каких целях?»

Варианты ответов	Педагоги	Школьники
Да, в личных целях	9%	56%
Да, в профессиональных/учебных целях	5%	8%
Да, и в личных, и в профессиональных/учебных целях	62%	34%
Нет	21%	1%
Затрудняюсь ответить	3%	1%

Кроме того, педагоги не часто обращаются к интерактивным многофунк- циональным ресурсам (типа «Портала госуслуг», «Сбербанка Online» и пр.): постоянно это делают 32%, редко — 44%, не используют — 19%.

Если школьники активно следят за блогами и актуальными YouTube- каналами (93%), то среди педагогов таковых оказалось 28% (Табл. 8).

Таблица 8

«Следите ли Вы за современными блогами и актуальными YouTube-каналами?»

Варианты ответов	Педагоги	Школьники
Да, постоянно	28%	93%
Да, редко	14%	4%
Нет	56%	3%
Затрудняюсь ответить	7%	0

Вопрос об осведомленности относительно медиапредпочтений учеников обнажил главную медиаобразовательную коллизию — только 36% педагогов знают, какими медиа интересуются школьники, 55% не знают, 8% затруднились

ответить на вопрос. Особый интерес представляют ответы педагогов на вопросы об использовании медиа в профессиональной деятельности: только 18% делают это постоянно, 26% — редко, не применяют — 48%, т.е. речь идет о низкой медиакомпетентности. При этом около половины из тех, кто ответил отрицательно, отметили, что используют на занятиях видеоролики и дополнительные материалы из Интернета (Табл. 9), что также свидетельствует о недостаточной медиакомпетентности педагогов — о непонимании ими структуры современной медиасистемы.

Таблица 9

«Что из продуктов медиа Вы чаще всего используете в педагогической деятельности?»

Варианты ответов	Педагоги
Отрывки из телепередач	7%
Отрывки из радиопередач	2%
Статьи из газет и журналов	11%
Видеоролики из Интернета	23%
Дополнительные материалы (научные и педагогические разработки) в Интернете	34%
Не использую	23%

Результаты компаративистского анализа позволили выделить основные проблемы в сфере медиаграмотности и, в частности, цифровой грамотности, которые с большой долей вероятности можно эксплицировать на все российское население: 1) низкий уровень теоретической подготовки (основа медиакомпетентности) педагогов, имеющих значительный опыт практической деятельности, но не обладавших ранее возможностью получить необходимые медиазнания и потому сегодня не способных в полной мере соответствовать динамично меняющимся требованиям к профессии; 2) отсутствие устойчивых повседневных медиапрактик, что проявляется в отсутствии навыков верификации информации и неспособности ориентироваться в медиaprостранстве, понимаемом сегодня значительно шире, чем мир традиционных СМИ; 3) низкий уровень институционализации и профессиональной рефлексии при использовании медиаобразовательных методов в педагогической деятельности; 4) пассивность в сфере онлайн-коммуникаций, проявляющаяся в том числе в непонимании, каким образом включение в медиасреду позволит учителю повышать квалификацию, заниматься профессиональным саморазвитием и поддерживать контакты с учащимися в режиме реального времени; 5) цифровой разрыв двух поколений — учащихся и обучающихся — формирует коммуникационный барьер, затрудняющий взаимодействие в образовательной среде.

Таким образом, обратная корреляция уровней цифровой грамотности школьника и педагога — основная коллизия, препятствующая гармоничному развитию медиакомпетентности общества. Если ученики демонстрируют высокие показатели, то их педагоги (ответственные за реализацию медиаобразовательной стратегии в школе), напротив, проявляют низкий уровень

цифровой грамотности и медиапотребления как в повседневных практиках, так и в профессиональной деятельности. Преодоление этой коллизии возможно посредством программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки по направлению «Медиаобразование», сочетающих теоретический, исследовательский и прикладной компоненты. Первый такой проект — программа ДПО «Развитие цифровой среды в образовании», реализуемая НИТУ МИСиС при поддержке портала федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Цель программы — «развитие обобщенной трудовой функции» в сферах цифровой грамотности и тьюторинга мультимедийных проектов, информационно-коммуникационных и интерактивных технологий [11]. Несмотря на то, что программа и ее потенциальные аналоги пока не получили широкого распространения, сам факт их появления свидетельствует о позитивной тенденции в развитии цифровой грамотности, повышении медиакомпетентности и, как следствие, институционализации медиаобразования. Безусловно, такие программы требуют государственной поддержки (на уровне профильных министерств и ведомств для разработки стандартов) для своей системной реализации на разных образовательных уровнях.

Библиографический список

- [1] *Давыдов С.Г., Логунова О.С.* Проект «Индекс цифровой грамотности»: методические эксперименты // *Социология*: 4М. 2015 № 40.
- [2] *Давыдов С.Г., Логунова О.С., Шариков А.В.* Цифровая грамотность российских регионов: индустриальный взгляд // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / Отв. ред. Е.Г. Ясин. Кн. 3. М., 2017.
- [3] *Ефанов А.А.* Влияние поколения Z на функционирование института медиа: прогностическая модель // *Информационное общество*. 2019. № 3.
- [4] *Ефанов А.А.* «И физики, и лирики»: детерминанты современного медиаобразования // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2019. № 1.
- [5] *Ефанов А.А.* О понятийном аппарате современной коммуникологии // *Материалы XVI Всероссийской конференции «Современные дискурсы социологической теории и практики»*. М., 2019.
- [6] Индекс цифровой грамотности россиян в 2018 году снизился на 14,7 % // <http://цифроваяграмотность.рф/news/47>.
- [7] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- [8] *Луман Н.* Медиа коммуникации. М., 2005.
- [9] *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.
- [10] Отчет по государственному контракту № 0410/118 от 29.09.2016 «Оценка уровня медиаграмотности населения РФ в соответствии с методикой, утвержденной Приказом Минкомсвязи России от 30.12.2014 № 505, в разрезе субъектов РФ» // http://www.zircon.ru/upload/iblock/b14/otsenka-urovnya-mediagramotnosti-naseleniya-v-razreze-subektov-rossiyskoy-federatsii-10-regionov.pdf?sphrase_id=5529.
- [11] Программа ДПО «Развитие цифровой среды в образовании» // remote.misis.ru/courses/353/files/19052/download.
- [12] *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.

- [13] Цифровая грамотность для экономики будущего // <https://finopolis.ru/materials-of-forum/2018/%D0%90%D0%B9%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf>.
- [14] Цифровая грамотность: что это // <http://цифроваяграмотность.рф>.
- [15] Шариков А.В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1.
- [16] Alcock M., Fisher M.L., Hargadon S. *Mastering Digital Literacy*. Bloomington, 2014.
- [17] Banzato M. *Digital Literacy: Cultura ed Educazione per la Societa Della Conoscenza*. Milan, 2011.
- [18] Davydov S., Maltseva D., Sharikov A., Logunova O., Zadorin I. *Digital literacy concepts and measurement // Internet in Russia: a Study of the Runet and its Impact on Social Life*. Luxembourg, 2020.
- [19] Gilster P. *Digital Literacy*. New York, 1997.
- [20] Ilomaki L., Lakkala M., Kantosalu A. *What is digital competence?* Brussels, 2011.
- [21] Jenkins H., Purushotma R., Weigel M. *Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century* // John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Reports on Digital Media and Learning. Cambridge–London, 2009.
- [22] Logunova O. *Data vs big data: Methodological experiments and research ethics in the project 'Index of Digital Literacy'* // *Russian Journal of Communication*. 2017. Vol. 9. № 3.
- [23] Martin A. *DigEuLit — a European framework for digital literacy: A progress report* // *Journal of eLiteracy*. 2005. Vol. 2.
- [24] *Media Smarts: Canada's Centre for Digital and Media Literacy* // <http://mediasmarts.ca>.
- [25] Shmatko N., Volkova G. *Willingness of Russian researchers to digital transformation: Basic digital literacy and advanced skills* // *Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication*. M., 2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-382-393

Digital literacy of schoolchildren and teachers: A comparative analysis*

A.A. Yefanov¹, M.A. Budanova², E.N. Yudina²

¹National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

²Moscow State Pedagogical University
Vernadskogo Prosp., 88, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: yefanoff_91@mail.ru; budanovama@mail.ru; elena_nikolaevna@inbox.ru)

Abstract. The article considers digital literacy as a fundamental component of the media competence development. The study of the history of the issue and analysis of the existing theories showed that the research focus on the digital literacy of the adult population and do not take into account minors who demonstrate the highest interest in media technologies. The authors develop a theory of the deep mediation of the social space and argue that the indicators of digital literacy of schoolchildren should correlate with the data on teachers, who, according to the contemporary educational strategy, are responsible for increasing the media competence of society — starting from the media-oriented courses in school. In 2019, the authors conducted a survey “Media competence of schoolchildren and teachers”

* © A.A. Yefanov, M.A. Budanova, Y.N. Yudina, 2020.

The article was submitted on 23.12.2019. The article was accepted on 12.02.2020.

(N=500+500) in 10 cities of the Volga Federal District with the lowest digital literacy index. Based on the results of the comparative analysis, the article identifies a number of challenges in the field of media literacy, in particular digital literacy, and the main one is the digital divide between two generations (schoolchildren and teachers), which indicates a communication barrier that hinders interaction not only in education, but also in the social space. While schoolchildren demonstrate high interest in media technologies, their teachers seem not to be interested in media technologies not only in professional activities but also in everyday life. The authors believe that the inverse correlation of the digital literacy levels of schoolchildren and teachers prevents the harmonious development of the media competence in the Russian society.

Key words: digital literacy; media literacy; media competence; media consumption; media; Internet

References

- [1] Davydov S.G., Logunova O.S. Proekt “Indeks tsifrovoy gramotnosti”: metodicheskie eksperimenty [Project “Digital Literacy Index”: Methodological experiments]. *Sociology: 4M*. 2015; 40 (In Russ.).
- [2] Davydov S.G., Logunova O.S., Sharikov A.V. Tsifrovaya gramotnost rossijskikh regionov: industrialny vzglyad [Digital literacy of the Russian regions: An industrial perspective]. XVII Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Otv. red. E.G. Yasin. Book 3. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [3] Yefanov A.A. Vliyanie pokoleniya Z na funktsionirovanie instituta media: prognosticheskaya model [Influence of generation Z on the media institute functioning: A prognostic model]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2019; 3 (In Russ.).
- [4] Yefanov A.A. “I fiziki, i liriki”: determinanty sovremennogo mediaobrazovaniya [‘Physics and lyrics’: Determinants of the contemporary media education]. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya*. 2019; 1 (In Russ.).
- [5] Yefanov A.A. O ponyatijnom apparate sovremennoj kommunikologii [On the conceptual apparatus of contemporary communicology]. *Materialy XVI Vserossiyskoy konferentsii “Sovremennye diskursy sotsiologicheskoy teorii i praktiki”*. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [6] Indeks tsifrovoy gramotnosti rossiyan v 2018 godu snizilsya na 14,7% [In 2018, the Digital Literacy Index of the Russians decreased by 14,7%]. <http://цифроваяграмотность.рф/news/47> (In Russ.).
- [7] Castells M. *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [8] Luhmann N. *Media kommunikatsii* [Media Communications]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [9] McLuhan H.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [10] Otchet po gosudarstvennomu kontraktu № 0410/118 ot 29.09.2016 “Otsenka urovnya mediagramotnosti naseleniya RF v sootvetstvi s metodikoj, utverzhdennoj Prikazom Minkomsvyazi Rossii ot 30.12.2014 № 505, v razreze subiektov RF” [Report on the State Contract No. 0410/118 of September 29, 2016 “Estimates of the media literacy of the Russian population, according to the methodology approved by the Order of the Russian Ministry of Communications of December 30, 2014 No. 505, by the subjects of the Russian Federation”]. http://www.zircon.ru/upload/iblock/b14/otsenka-urovnya-mediagramotnosti-naseleniya-v-razreze-subiektov-rossiyskoy-federatsii-10-regionov.pdf?sphrase_id=5529 (In Russ.).
- [11] Programma DPO “Razvitie tsifrovoy sredy v obrazovanii” [Program of the additional professional education “Development of the Digital Environment in Education”]. remote.misis.ru/courses/353/files/19052/download (In Russ.).
- [12] Rushkoff D. *Kak pop-kultura tajno vozdejstvuet na vashe soznanie* [Media Virus. Hidden Agendas in Popular Culture]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [13] Tsifrovaya gramotnost dlya ekonomiki budushchego [Digital Literacy for the Future Economy]. <https://finopolis.ru/materials-of-forum/2018/%D0%90%D0%B9%D0%BC%>

- D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0 % B4% D0% B8% D0% BD% D0% BE% D0% B2.pdf (In Russ).
- [14] Tsifrovaya gramotnost: chto eto [Digital Literacy: what it is]. <http://цифроваяграмотность.рф> (In Russ.).
- [15] Sharikov A.V. O chetyrekhkomponentnoj modeli tsifrovoj gramotnosti [On the four-component model of digital literacy]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2016; 1 (In Russ.).
- [16] Alcock M., Fisher M.L., Hargadon S. *Mastering Digital Literacy*. Bloomington; 2014.
- [17] Banzato M. *Digital Literacy: Cultura ed Educazione per la Societa Della Conoscenza*. Milan; 2011.
- [18] Davydov S., Maltseva D., Sharikov A., Logunova O., Zadorin I. Digital literacy concepts and measurement. *Internet in Russia: A Study of the Runet and Its Impact on Social Life*. Luxembourg; 2020.
- [19] Gilster P. *Digital Literacy*. New York; 1997.
- [20] Ilomaki L., Lakkala M., Kantosalo A. *What is Digital Competence?* Brussels; 2011.
- [21] Jenkins H., Purushotma R., Weigel M. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. *John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Reports on Digital Media and Learning*. Cambridge–London; 2009.
- [22] Logunova O. Data vs big data: Methodological experiments and research ethics in the project ‘Index of Digital Literacy’. *Russian Journal of Communication*. 2017; 9 (3).
- [23] Martin A. DigEuLit — a European framework for digital literacy: A progress report. *Journal of eLiteracy*. 2005; 2.
- [24] Media Smarts: Canada’s Centre for Digital and Media Literacy. <http://mediasmarts.ca>.
- [25] Shmatko N., Volkova G. Willingness of Russian researchers to digital transformation: Basic digital literacy and advanced skills // *Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication*. Moscow; 2019.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-394-404

Особенности социального, эмоционального и культурного интеллекта и распознавания эмоций у представителей России и стран Азии*

Н.Б. Карабущенко, Т.С. Пилишвили, Т.В. Чхиквадзе, Н.Л. Сунгурова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: karabushchenko-nb@rudn.ru; pilishvili-ts@rudn.ru;
chkhikvadze-tv@rudn.ru; sungurova-nl@rudn.ru)

В статье представлены результаты эмпирической проверки разработанной авторами модели социально-интеллектуальных особенностей распознавания лицевой экспрессии студентами из России и стран Азии, а также эмоционального, культурного и социального интеллекта личности. Актуальность темы на теоретическом уровне обусловлена необходимостью кросскультурного социально-психологического анализа целостных конструкций, связанных с социальным, культурным и эмоциональным интеллектом личности и распознаванием эмоций. На практическом уровне динамика российско-азиатских отношений, в частности, в рамках студенческой мобильности, объясняет необходимость грамотного социально-психологического сопровождения иностранных студентов в международно-ориентированном вузе, состоящего, прежде всего, в наращивании интеллектуального потенциала и связанных с ним гибких навыков. Авторы подтвердили гипотезу об общих основаниях и специфических особенностях проявления структурных, функциональных и содержательных компонентов, о динамической и процессуальной составляющих предложенной модели интеллектуального проявления личности в особенностях распознавания экспрессии. Гипотеза была эмпирически проверена на студентах РУДН (242 человека) с использованием факторного анализа: исследование подтвердило наличие общего основания для проявления структурных компонентов (социально-личностного и деятельностного) модели, наличие содержательно-регуляторного фактора в содержательном компоненте, реализацию функций антиципации, адаптации и регуляции в функциональном компоненте, проявление рефлексивно-оценочного фактора в содержательном компоненте и проявления динамической и процессуальной составляющих модели. Специфическое содержание модели обусловлено различиями — неодинаковым динамическим разворачиванием каждой группы компонентов (структурных, функциональных, содержательных) вследствие культурно-социальных предписаний и норм, выходящих за рамки собственно психологического анализа и требующих дальнейшего изучения с позиции культурно-интегративных и этно-специфических условий (теоретически также представленных в модели).

Ключевые слова: социальный интеллект; эмоциональный интеллект; культурный интеллект; кросскультурное исследование; распознавание эмоций; российские студенты; азиатские студенты

В условиях интенсификации международных контактов [12] в образовательном пространстве расширяется сфера непосредственного межкультурного

---

* © Карабущенко Н.Б., Пилишвили Т.С., Чхиквадзе Т.В., Сунгурова Н.Л., 2020.
Статья поступила 12.12.2019 г. Статья принята к публикации 12.02.2020 г.

взаимодействия студентов как особой возрастной группы, ориентированной на усвоение и интериоризацию в его-идентичность различных аспектов мультикультурной среды [26]. Поэтому соотношение социального, эмоционального и культурного интеллектов личности [17; 18] обретает особое значение — позволяя субъекту адаптироваться к мультикультурному образовательному пространству наиболее адекватным способом [1; 2; 10].

Культурные группы могут быть сопоставлены по характеру контекста повседневности в диапазоне от низкоконтекстных до высококонтекстных культур [20]. В низкоконтекстной западной культуре коммуникатору обычно предписана прямолинейность, что снижает важность отдельных вербальных и невербальных стимулов, в то время как в высококонтекстной восточной культуре сообщение остается недосказанным, поскольку весь необходимый объем информации уже содержится в культуре. Соответственно, эффективное межкультурное общение требует развития гибкого контекстуального считывания вербальных и невербальных стимулов, социального, культурного и эмоционального интеллекта, прежде всего в отношении восточных культур [21].

В 2008 году было проведено исследование взаимосвязи между социальным интеллектом и чувствительностью межкультурного общения, в котором приняли участие 419 студентов колледжей США — представители европеоидной, азиатской, афроамериканской и латиноамериканской групп [14]. Исследование фокусировалось на двух из множества факторов, от которых зависит межкультурная сензитивность, — социальном интеллекте и самооценке. Результаты подтвердили статистически значимые связи между социальным интеллектом и межкультурной сензитивностью, причем интеллект составил более 10% дисперсии в сензитивности, т.е. социальный интеллект может служить основой межкультурной сензитивности и способствовать ее развитию. Компоненты социального интеллекта [11] помогают адаптации личности [6], а знание культурных ценностей — основа эффективной межкультурной коммуникации [7].

Изучение культурного интеллекта в азиатских странах стало важным направлением кросскультурных социально-психологических исследований. Так, в 2014–2015 годы было проведено исследование роли культурного интеллекта как отдельного аспекта культурной компетентности в адаптации иностранных студентов в США (221 китайский студент) [23]. Были рассмотрены разные траектории культурного интеллекта во времени, а также несколько ситуационных и культурно-интеллектуальных предикторов, обусловленных социальной средой, и связанные с ними общие показатели психологического благополучия. В соответствии с моделью «cross-national cultural competence» в качестве ситуационных предикторов выступили переменные, связанные с личностью, ее установками и совладающим поведением, отдельно исследовались параметры самооффективности, тревожности, коллективистские копинг-стратегии. Предикторами, обусловленными средой,

выступили переменные, связанные с иммерсивным опытом, способные повлиять на первоначальное развитие культурной компетентности и психологической адаптации. В частности, рассматривались факторы взаимосвязи с обществом в целом и этническим сообществом, социальные установки и воспринимаемая языковая дискриминация. Культурный интеллект измерялся посредством «шкалы культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга [8] в четырех временных точках (до начала обучения, в первый, второй и третий месяцы обучения) [15]. В результате было выявлено четыре траектории культурного интеллекта: стабильно высокие его оценки (72%); снижение показателей (13%); повышение показателей (8%); резкое снижение показателей культурного интеллекта в течение первых двух месяцев, а затем восстановление к третьему месяцу (7%). Факторами, которые в значительной степени предсказывали траектории культурного интеллекта, стали связь личности с обществом в целом, тревога и воспринимаемая языковая дискриминация, в меньшей степени — копинг посредством семейной поддержки [16]. Кроме того, траектории культурного интеллекта оказались в большей степени связаны с положительным аффектом и удовлетворенностью жизнью, чем с отрицательным аффектом [19].

Психолингвистическое исследование культурного интеллекта через идиоматические азиатские культурные скрипты (на примере китайских и малайских идиом) [22] показало, что не говорящие на китайском языке люди используют разные схемы культурного интеллекта, чтобы расшифровать языковые аспекты китайской культуры. Например, знание того, что цифра 8 как символ изобилует позитивной коннотацией, помогло бы понять желание правительства провести церемонию открытия Олимпийских игр в Пекине 8 августа 2008 года в 20:08. Китайцы и малайцы используют лингвистический, ритмический и математический интеллект для общения [25]. Идиоматические конструкции считаются полезным учебным материалом для изучающих разговорный китайский язык — с этих позиций были проанализированы по 14 идиом малайского и китайского (мандаринского) языков, а также шаблоны сопоставления, сериализующие виды информации. На абстрактном уровне идиоматическая комбинация слов и чисел вовлекает многие явления реальности в литературную конструкцию культурного интеллекта. Что касается обучения на иностранном языке, то учащиеся, которые понимают пересечение слов и чисел в идиомах, могут развить способность мыслить тем же образом, что и носители языка («язык разума»), поскольку способность эффективно общаться требует одинакового понимания слов, а значение слов определяется культурой [25]. Таким образом, учебная программа на иностранном языке должна включать культурные элементы вместе с правилами грамматики, чтобы способствовать развитию культурного интеллекта [5].

До сих пор не существует общепринятого мнения по поводу соотношения культурного и социального интеллектов [9]. Для тестирования новой модели

социального, эмоционального и культурного интеллекта в 2013 году было проведено исследование, в котором приняли участие 467 студентов США [13]: были разработаны множественные модели связей между этими видами интеллекта, чтобы определить, является ли социальный интеллект конструкцией более высокого порядка, чем эмоциональный и культурный интеллекты. Оказалось, что культурный и эмоциональный интеллекты имеют как взаимоисключающие, так и совпадающие элементы, т.е. эти конструкты различны, но взаимосвязаны и не являются подмножествами социального интеллекта. Предполагая, что интеллектуальные проявления личности могут выходить за рамки отдельно взятого культурного, социального или эмоционального интеллектов, мы разработали модель интеллектуальных проявлений личности, включающую в себя: структурные компоненты (социально-личностный, деятельностный), содержательные (когнитивный, метакогнитивный, мотивационный, поведенческий, ценностный, рефлексивно-оценочный, эмоциональный), динамическую и процессуальную составляющую, функциональную составляющую (адаптационная, регуляторная, познавательная, коммуникативная, антиципация). Кроме того, в модели обозначены направления изменения условий распознавания эмоций с точки зрения политических, социально-экономических, культурно-интегративных и этно-специфических параметров, воздействующих на личность.

Цель нашего исследования — эмпирическая проверка разработанной модели с точки зрения социально-интеллектуальных особенностей распознавания лицевой экспрессии студентами из России и стран Азии. Мы предположили, что в рамках структурных, содержательных, функциональных компонентов модели, а также ее динамической и процессуальной составляющих могут быть выделены как общие, так и специфические для обеих культурных групп параметры, подтверждающие положения модели, прежде всего, с точки зрения интеллектуальных проявлений личности. Модель была эмпирически проверена на студентах РУДН — как группе, ориентированной на целенаправленное, систематическое овладение компетенциями в разных областях мультикультурного образовательного пространства. В исследовании приняли участие 242 студента (70 российских, 48 монгольских, 40 южнокорейских, 40 вьетнамских, 44 китайских), средний возраст — 21 год.

Психодиагностический инструментарий включал в себя следующие методики: опросник эмоционального интеллекта Д.В. Люсина [4], тест социального интеллекта Дж. Гилфорда, шкалу культурного интеллекта К. Эрли и С. Анга (в адаптации Е.В. Беловол, К.А. Шкварило и Е.М. Хворовой Е.М.) [3]. Помимо самооценочных опросников для изучения эмоционального интеллекта, в частности определения способности распознавать эмоции по лицевой экспрессии, были использованы 24 фотографии лиц, выражающих базовые эмоции, молодых мужчин и женщин европейского, азиатского и африканского происхождения из международной базы «Montreal Set of Facial Displays of Emotion by U. Hess» (MSFDE). Математико-статистическая обработка

данных была проведена посредством факторного анализа отдельно для каждой из выборок в программе SPSS Statistics 20 для выявления взаимосвязей между значениями переменных в конструктах «социальный интеллект», «культурный интеллект», «эмоциональный интеллект» и «распознавание эмоций по лицевой экспрессии» для каждой из групп.

Итак, для оценки связи интеллекта с распознаванием эмоций был проведен факторный анализ с последующим варимакс-вращением для каждой из выборок: для российской выборки было выделено 3 фактора, которые объясняют 71% общей дисперсии (Табл. 1). В первый фактор, на который приходится 45,9% дисперсии, вошли переменные эмоционального интеллекта, управления эмоциями, понимания своих и чужих эмоций, управления своими эмоциями, внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта, культурного интеллекта, мотивационного, когнитивного, метакогнитивного и поведенческого компонентов культурного интеллекта, контроля экспрессии. Данный фактор был обозначен как «содержательно-регуляторные компоненты интеллектуальных оснований распознавания эмоций в эмоциональном и культурном интеллекте». Второй фактор (16,3% дисперсии) объединяет переменные, связанные с умением предвидеть последствия поведения, способностью распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике, распознаванием европейских и азиатских лиц, страха, гнева, отдельно страха, демонстрируемого европейскими и азиатскими лицами, и гнева, демонстрируемого азиатскими лицами. Данный фактор был обозначен как «функциональный компонент адаптации при распознавании витальных негативных эмоций представителей своей и чужой культуры». Третий фактор (8,7% дисперсии) объединяет переменные распознавания позора, включая азиатские и российские лица, отворачивания с отрицательным значением, включая азиатские и российские лица, грусти, радости на азиатских лицах. Данный фактор был обозначен как «функциональный компонент адаптации при распознавании социальных негативных и позитивных эмоций представителей своей и чужой культуры».

В азиатской выборке было выделено 3 фактора, которые объясняют 70,1% дисперсии (Табл. 2). В первый фактор (42,3% дисперсии) вошли переменные распознавания эмоций европейских и азиатских лиц, страха, грусти, отворачивания, гнева и позора — все включая отдельно на европейских и азиатских лицах, радости и способности правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по невербальным проявлениям. Данный фактор был обозначен как «функциональный компонент адаптации при распознавании витальных и социальных негативных и позитивных эмоций представителей своей и чужой культуры». Второй фактор (18,5% дисперсии) объединяет переменные, связанные с эмоциональным интеллектом, включая межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, управлением эмоциями (собственными и чужими), пониманием своих и чужих эмоций, контролем экспрессии, распознаванием радости на европейских лицах.

Этот фактор был обозначен как «содержательно-регуляторные компоненты интеллектуальных оснований распознавания эмоций в эмоциональном интеллекте». Третий фактор (8,7% дисперсии) объединяет переменные культурного интеллекта, включая его мотивационный, когнитивный, поведенческий и метакогнитивный компоненты. Данный фактор был обозначен как «содержательные компоненты интеллектуальных оснований распознавания эмоций в культурном интеллекте».

Таблица 1

Факторные нагрузки раскрытия переменных социально-интеллектуальных особенностей распознавания лицевой экспрессии российскими студентами

Наименование шкал	Факторы		
	1	2	3
Эмоциональный интеллект	,96		
Управление эмоциями	,955		
Понимание эмоций	,932		
Управление своими эмоциями	,897		
Внутриличностный эмоциональный интеллект	,878		
Межличностный эмоциональный интеллект	,855		
Понимание чужих эмоций	,836		
Культурный интеллект	,808		
Понимание своих эмоций	,803		
Управление чужими эмоциями	,752		
Мотивационный компонент культурного интеллекта	,724		
Когнитивный компонент культурного интеллекта	,673		
Метакогнитивный компонент культурного интеллекта	,665		
Поведенческий компонент культурного интеллекта	,565		
Контроль экспрессии	,561		
Умение предвидеть последствия поведения		,743	
Распознавание эмоций европейских лиц		,742	
Распознавание страха		,740	
Распознавание гнева		,734	
Распознавание гнева (азиатские лица)		,727	
Распознавание страха (европейские лица)		,663	
Распознавание эмоций азиатских лиц		,599	
Распознавание страха (азиатские лица)		,529	
Способность распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике		,516	
Распознавание позора			,84
Распознавание отвращения			-,689
Распознавание позора (европейские лица)			,67
Распознавание позора (азиатские лица)			,65
Распознавание грусти			,59
Распознавание отвращения (европейские лица)			-,551
Распознавание радости (азиатские лица)			,55
Распознавание отвращения (азиатские лица)			-,544

Таблица 2

Факторные нагрузки переменных раскрытия социально-интеллектуальных особенностей распознавания лицевой экспрессии азиатскими студентами

Наименование шкал	Факторы		
	1	2	3
Распознавание европейских лиц	,949		
Распознавание эмоций азиатских лиц	,917		
Распознавание страха	,915		
Распознавание грусти	,907		
Распознавание грусти (европейские лица)	,900		
Распознавание отвращения (азиатские лица)	,890		
Распознавание отвращения	,876		
Распознавание гнева	,858		
Распознавание страха (европейские лица)	,820		
Распознавание гнева (европейские лица)	,800		
Распознавание грусти (азиатские лица)	,791		
Распознавание позора (азиатские лица)	,776		
Распознавание позора	,753		
Распознавание гнева (азиатские лица)	,750		
Распознавание страха (азиатские лица)	,661		
Распознавание позора (европейские лица)	,644		
Распознавание отвращения (европейские лица)	,626		
Распознавание радости	,513		
Способность правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям	,503		
Эмоциональный интеллект		,977	
Управление эмоциями		,950	
Внутриличностный эмоциональный интеллект		,931	
Межличностный эмоциональный интеллект		,889	
Понимание эмоций		,889	
Управление чужими эмоциями		,843	
Управление своими эмоциями		,828	
Понимание чужих эмоций		,805	
Понимание своих эмоций		,800	
Контроль экспрессии		,775	
Распознавание радости (европейские лица)		,535	
Культурный интеллект			,917
Мотивационный компонент культурного интеллекта			,738
Когнитивный компонент культурного интеллекта			,730
Поведенческий компонент культурного интеллекта			,698
Метакогнитивный компонент культурного интеллекта			,534

Результаты факторного анализа показали следующие сходства в рассматриваемых группах, подтвердив разработанную авторами модель и обозначив, в частности, содержательно-регуляторные компоненты интеллектуальных оснований распознавания эмоций в обеих выборках. Их сходство состоит в наличии содержательно-регуляторного фактора — способности личности самостоя-

тельно управлять когнитивным, метакогнитивным, мотивационным, поведенческим, ценностным, рефлексивно-оценочным и эмоциональным уровнями интеллектуальных оснований распознавания эмоций. Другое сходство — наличие функционального компонента адаптации в распознавании различных эмоций у представителей своей и чужой культуры: в обеих группах наблюдается внутреннее соответствие между переменными, в силу чего для определенного значения каждого параметра в интеллектуальных основаниях распознавания эмоций может быть найден некоторый другой, способствующий наилучшей адаптации к социокультурной среде (например, потенциальное соответствие страха и позора, гнева и отвращения, грусти и радости в обеих группах).

Наряду с общими факторами были выявлены и специфические аспекты интеллектуальных оснований распознавания эмоций. Так, в азиатской выборке наблюдается сопряженность по витальным и социальным негативным и позитивным эмоциям, тогда как в российской выборке — свой функциональный компонент для витальных негативных и позитивных эмоций. Данное различие примечательно тем, что витальный характер эмоций, характерный для обеих выборок, у азиатских студентов связан с социальным, что свидетельствует о важности адаптации к своим и чужим эмоциям как фактору выживания в конкретной культурной среде, тогда как в российской выборке витальный и социальный характер эмоций порождает, по всей видимости, принципиально различные адаптационные механизмы, что требует отдельного изучения. Другое существенное отличие состоит в том, что российские студенты регулируют содержательные компоненты интеллектуальных оснований распознавания эмоций в единстве эмоционального и культурного интеллектов, а азиатские студенты используют разные механизмы управления культурным и эмоциональным интеллектами, что подтверждает предположение авторов о детерминации психологического содержания азиатской культуры скорее задачами выживания личности, чем ее эмоциональными переживаниями.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о связи интеллектуальных оснований культурного, эмоционального и социального видов интеллекта с распознаванием эмоций по лицевой экспрессии. Теоретическая модель авторов получила подтверждение по ряду пунктов. Во-первых, структурные компоненты выражаются в необходимости для азиатских студентов реализовывать единые поведенческие стратегии, прочно связанные с культурной средой не просто как местом проживания (социально-личностный компонент), а как глубоким витальным уровнем жизнедеятельности, способствующим (через принятие скрытых и неочевидных для представителей других общностей культурных норм и правил) выживанию индивида в группе большинства (деятельностный компонент). У российских студентов наблюдается более четкое разведение деятельностного и социально-личностного компонентов, что означает наличие принципиально разных уровней адаптации в социокультурной среде большинства и некоей приватной стороны жизни, отличающейся спонтанностью и непредсказуемостью.

Во-вторых, у обеих выборок выражен содержательно-регуляторный фактор, состоящий в способности личности самостоятельно управлять когнитивным, метакогнитивным, мотивационным, поведенческим, ценностным, рефлексивно-оценочным и эмоциональным уровнем интеллектуальных оснований распознавания эмоций (содержательный компонент). Однако если у российских студентов распознавание эмоций осуществляется в единстве эмоционального и культурного интеллектов, азиатские студенты демонстрируют разные механизмы управления культурным и эмоциональным интеллектами (регуляторный компонент).

В-третьих, модель подтверждается на уровне функционального компонента: распознавание лицевой экспрессии и разные аспекты социального, культурного и эмоционального интеллектов решают разные задачи в российской и азиатской выборках в плане соответствия индивида этнокультурным, социальным ожиданиям (функция антиципации, адаптации) и его эмоциональных переживаний (функция саморегуляции).

В-четвертых, содержательный рефлексивно-оценочный компонент модели выражается в обеих выборках в высоком распознавании одних и игнорировании других эмоций. В частности, примечательно избегание считывания российскими студентами отращения как эмоции неприятия при общей более высокой способности к предвосхищению поступков по сравнению с азиатской выборкой, а также более тонкая настройка азиатских студентов на распознавание негативных эмоций своей и чужой группы по сравнению с позитивными. Таким образом, рефлексивно-оценочный компонент модели, видимо, состоит в предварительной фильтрации поступающей информации для выстраивания контакта с другими, исходя из собственных оценок контакта, а не только демонстрируемых партнером эмоций.

Динамическая составляющая модели также подтверждается у обеих выборок: распознавание эмоций у российских студентов сопряжено с эмоциональным интеллектом, т.е. отличается большей внутренней сонстройкой, чем у азиатских студентов, ориентированных на строгое разделение культурного и эмоционального интеллектов как двух принципиально разных инструментов взаимодействия со средой. Это объясняет большую прогностическую составляющую процессуального компонента у российских студентов по сравнению с азиатскими и более высокую точность оценки внутреннего состояния партнера по общению. Динамическая составляющая реализуется или в двух плоскостях (внешней культурной и внутренней эмоциональной в азиатской выборке), или в единой плоскости (эмоционально-культурной у российских студентов).

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-06-00834/17 «Интеллектуальные основания распознавания эмоций представителями разных культур».

Библиографический список / References

- [1] *Ананьева К.И.* Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, М., 2016 / *Ananieva K.I. Litso cheloveka v*

- prostranstve obshcheniya* [Human Face in the Communication Space]. Otv. red. K.I. Ananieva, V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [2] *Барабанщиков В.А.* Динамика восприятия выражений лица. М., 2016 / Barabanshchikov V.A. *Dinamika vospriyatiya vyrazhenij liitsa* [Dynamics of Facial Expressions Perception]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [3] *Беловол Е.В., Шкварило К.А., Хворова Е.М.* Адаптация опросника «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга на русскоязычной выборке // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 4 / Belovol E.V., Shkvarilo K.A., Khvorova E.M. Adaptatsiya oprosnika “Shkala kulturnogo intellekta” C. Earley i S. Anga na russkoyazychnoj vyborke [Adaptation of the “Cultural Intelligence Scale” of C. Earley and S. Ang for the Russian-language sample]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogy*. 2012; 4 (In Russ.).
- [4] *Люсин Д.В., Овсянникова В.В.* Связь эмоционального интеллекта и личностных черт с настроением // Психология. 2015. № 4 / Lyusin D.V., Ovsyannikova V.V. Svyaz emotsionalnogo intellekta i lichnostnyh chert s nastroyeniem [Relationship of emotional intelligence and personality traits with mood]. *Psihologiya*. 2015; 4 (In Russ.).
- [5] *Мишра Р.* Познание в разных культурах: анализ // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003 / Mishra R. Poznanie v raznyh kulturah: analiz [Cognition in different cultures: An analysis]. *Psihologiya i kultura*. Pod red. D. Matsumoto. Saint Petersburg; 2003 (In Russ.).
- [6] *Савенков А.И.* Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // Психология. 2005. Т. 2. № 4 / Savenkov A.I. Socialny intellekt kak problema psihologii odarennosti i tvorchestva [Social intelligence as an issue of psychology of giftedness and creativity]. *Psihologiya*. 2005; 2 (4) (In Russ.).
- [7] *Хухлаев О.Е.* «Кросс-культурный интеллект»: на пути к интеграции когнитивного и социально-психологического подхода к межкультурной коммуникации // Этнопсихология: вопросы теории и практики. Вып. 3. М., 2010 / Khukhlaev O.E. “Kross-kulturny intellekt”: na puti k integratsii kognitivnogo i socialno-psihologicheskogo podhoda k mezhkulturnoj kommunikatsii [‘Cross-cultural intelligence’: On the way to the integration of cognitive and social-psychological approaches to the intercultural communication]. *Etnopsihologiya: voprosy teorii i praktiki*. Vyp. 3. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [8] Ang S., Van Dyne L., Koh C., Ng K.Y., Templer K.J., Tay C., Chandrasekar N.A. Cultural intelligence: Its measurement and effects on cultural judgment and decision making, cultural adaptation and task performance. *Management and Organization Review*. 2007; 3 (3).
- [9] Ascalon M.A., Schleicher D.J., Marise P.B. Cross-cultural social intelligence. *Cross-Cultural Management*. 2008; 15 (2).
- [10] Butler A., Oruc I., Fox C.J., Barton J.J.S. Factors contributing to the adaptation aftereffects of facial expression. *Brain Research*. 2008; 1191.
- [11] Cantor N., Istrom J.F. *Personality and Social Intelligence*. Englewood Cliffs; 1987.
- [12] Chua R.Y.J., Morris M.W., Mor S. Collaborating across cultures: Cultural metacognition and affect-based trust in creative collaboration. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2012; 118 (2).
- [13] Crowne K.A. An empirical analysis of three intelligences. *Canadian Journal of Behavioral Science*. 2013; 45 (2).
- [14] Dong Q., Koper R.J., Collaco C.M. Social intelligence, self-esteem, and intercultural communication sensitivity. *Intercultural Communication Studies*. 2008; XVII (2).
- [15] Earley P.C. Redefining interactions across cultures and organizations: Moving forward with cultural Intelligence. *Research in Organizational Behavior*. 2002; 24.
- [16] Earley P.C., Mosakowski E. Cultural Intelligence. *Harvard Business Review*. 2004; 10.
- [17] Eid M., Diener E. Norms for experiencing emotions in different cultures: Inter- and intrainational differences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001; 81.
- [18] Elfenbein H.A., Ambady N. When familiarity breeds accuracy: Cultural exposure and facial emotion recognition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003; 85.
- [19] Groves K.S., Feyerherm A., Gu M. Examining cultural intelligence and cross-cultural negotiation effectiveness. *Journal of Management Education*. 2015; 39 (2).
- [20] Hall E.T. *Beyond Culture*. Anchor Books; 1976.

- [21] Hofstede G., Hofstede G.J. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. McGraw Hill; 2005.
- [22] Jyh Wee Sew. Aspects of cultural intelligence in idiomatic Asian cultural scripts. *Word*. 2015; 61 (1).
- [23] Menon S., Narayanan L. Cultural intelligence: New directions for research in Asia. *Asian Social Science*. 2015; 11 (18).
- [24] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 4.
- [25] Ocon R. Issues on gender and diversity in management. Lanham; 2006.
- [26] Wang K.T., Heppner P.P., Wang L., Zhu F. Cultural intelligence trajectories of new international students: Implications for the development of cross-cultural competence. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2015; 4 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-394-404

Features of social, emotional and cultural intelligence and recognition of emotions by Russian and Asian students*

N.B. Karabuschenko, T.S. Pilishvili, T.V. Chkhikvadze, N.L. Sungurova

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: karabushchenko-nb@rudn.ru; pilishvili-ts@rudn.ru;
chkhikvadze-tv@rudn.ru; sungurova-nl@rudn.ru)

Abstract. The article presents the results of the empirical testing of the authors' model of the social-intellectual features of facial expressions recognition by the Russian and Asian students, and of the personal emotional, cultural and social intelligence. The importance of the research at the theoretical level is determined by the need for a cross-cultural social-psychological study of holistic constructs related to the personal social, cultural and emotional intelligence and recognition of emotions. At the practical level, the dynamics of Russian-Asian relations, in particular of the student mobility, explains the need for competent social-psychological support of foreign students in the internationally oriented university, which consists mainly of developing the intellectual potential and corresponding flexible skills. The authors empirically confirmed the hypothesis of the common grounds and specific features of the manifestation of structural, functional and substantial, dynamic and procedural components of the proposed model of intellectual personal manifestations in recognition of facial expressions. The hypothesis was empirically tested on the RUDN students (242 respondents) by the factor analysis: the study confirmed the common basis for the manifestation of structural components of the model (social-personal and active), presence of the substantial-regulatory factor in the substantial component, implementation of anticipation, adaptation and regulation in the functional component, reflective-evaluative manifestations in the substantial component, and manifestation of the dynamic and procedural components. Specific features of the model are determined by such differences as the unequal dynamics of each group of components (structural, functional, substantial) due to the cultural-social requirements and norms beyond the psychological domain, which require further research through the cultural-integrative and ethnic-specific conditions (theoretically also represented in the model).

Key words: social intelligence; emotional intelligence; cultural intelligence; cross-cultural study; recognition of emotions; Russian students; Asian students

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No 17-06-00834/17 "Intellectual foundations for the recognition of emotions by representatives of different cultures".

---

* © N.B. Karabuschenko, T.S. Pilishvili, T.V. Chkhikvadze, N.L. Sungurova, 2020.
The article was submitted on 12.12.2019. The article was accepted on 12.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-405-415

Code-switching in the computer-mediated communication*

I. Darginavičienė¹, I. Ignotaitė²

¹Vilnius Gediminas Technical University
Saulėtekio al., 11, LT-10223, Vilnius, Lithuania

²Klaipėda University
S. Neries g., 5, LT-92227, Klaipėda, Lithuania
(e-mail: idadgintt@gmail.com; indersmbox@gmail.com)

Abstract. Most authors admit that code-switching is the process of switching different languages, their varieties, speaking styles, etc. Today the majority of people in the world are multilingual and often mix languages in different ways, which makes code-switching a quite common global phenomenon. Code-switching incorporates government, cultural, religious and network contexts, and the frequency of code-switching in such multilingual conversations is an indicator of the global dominance of multilingualism. Online communication fosters social communicative practices consisting of code-switching and marks the development of verbal behaviour of multilingual communities. Code-switching also affects language visuality, its images are tools for the social construction of reality. The developed verbal practices support effective communication and affect the expression of new meanings. The article aims at presenting the features of code-switching in digital communication with 8 examples of different length, topic and author, in which the native Lithuanians code-switched to English and used elements of the Internet language. These examples were taken from the social networks Instagram, YouTube, Facebook and Twitter, and the authors analyzed the grammar, spelling and punctuation of both Lithuanian and the English words, the type and use of the code-switched English elements, special characters, abbreviations, emoji and other features of the Internet language. The results show that online communication is not entirely textual, with various means of text composition communicators make their code-switched English elements more visible and alter the appearance of messages. Such practices correspond to the features of social networks and seem to follow the popular Internet culture trends.

Key words: code-switching; computer-mediated communication; multilingualism; verbal behaviour; Internet language; social networks; visuality

The linguistic phenomenon of code-switching is usually defined as alternation and contact of two or more languages, styles, dialects, paralinguistic cues, prosodic registers (contextualisation cues) in the act of multilingual communication [4; 19; 20; 35; 47]. However, the definition of code-switching varies according to the different aspects discussed [26; 38; 48] and due to its close relationship with the terms ‘code-mixing’, ‘code-shifting’, ‘diglossia’, ‘borrowing’, ‘style shifting’, etc., for many authors try to provide explanations for their similarities and differences [33; 37]. Even though there have been various multilingual practices since the distant past and numerous attempts to study them, the term ‘code-switching’ was

---

* © I. Darginavičienė, I. Ignotaitė, 2020.

The article was submitted on 21.01.2020. The article was accepted on 31.03.2020.

borrowed from physics and political anthropology and first mentioned in linguistics in 1954 by Hans Vogt in his review of Uriel Weinreich's work *Languages in Contact: Findings and Problems*, the first system study of language contact [1; 4; 17; 48]. Vogt defined code-switching as "...perhaps not a linguistic phenomenon, but rather a psychological one", with "obviously extra-linguistic" causes [48]. However, code-switching was neglected and considered rather negatively until the 1980s, when it became a focus of many publications. In the 1990s, the researchers aimed at revealing its universal limitations, proving its dynamic nature and variable behaviour, and finding determinants of its universal and variable practical aspects [8; 17; 40; 53].

In the article, we consider code-switching as syntactically and phonologically consistent and fluent switches between native Lithuanian and foreign English of one or multiple interlocutors in the single act of written textual communication in social networks — Instagram, YouTube, Facebook, and Twitter. Linguists examining code-switching in multilingual settings usually focus on "the grammatical constraints of code-switching and understanding how its grammar should be characterized in relation to those of the bilingual's distinct languages" [58. P. 74]. Many researchers argue that code-switching has numerous accountable meanings and effects due to the codes composed of speech varieties. Fewer researchers believe that certain types of code-switching cannot and should not have any specific meanings, thus, questioning the validity of code-switching, distinction of codes, and their conceptualisation [4; 7; 49; 50]. There are also studies of code-switching in the linguistic, psycho-linguistic, socio-linguistic, anthropologic, socio-pragmatic, discourse-analytic and other perspectives which aim at understanding how multilinguals use multiple languages in everyday life, what factors or mechanisms trigger or hinder code-switching, and what its cognitive costs are [26].

While there are theories and methods for explaining the morphology, syntax, semantics and other aspects of code-switching (Carol Myers-Scotton markedness model, Howard Giles speech accommodation theory, Peter Auer and Li Wei sequential analysis, etc. [7; 18; 39]), they seem to be useful only in certain situations and reflect academic disagreements and lack of knowledge in this sphere [57]. Therefore, our way to study code-switching is to identify texts with code-switching of three main types: tag-switching, intra-sentential switching, and inter-sentential switching described by S. Poplack [41; 42] and widely used [6; 23; 25; 47;]. Tag-switching is the insertion of tags (quotations, interjections, idioms, filler words or phrases that have a weak connection with the rest of the sentence and can appear anywhere in it) from one language into a sentence in another [40. P. 596; 44. P. 122; 47. P. 24–25]. Intra-sentential switching occurs within the same sentence when two or more languages are alternated [25. P. 270]; it is considered a more intimate type of code-switching and occurs in 'a high proportion' [1. P. 345]. Inter-sentential switching occurs at the boundaries of sentence. Both intra- and inter-sentential switching are closely related for "the end of a sentence is potentially a turning transition point" [25. P. 270].

There is a number of research methods to analyse code-switching: interviews and tape recordings, language-use surveys and ethnographic observations are the best known methods of the linguistic code-switching analysis together with the analysis of written texts applied here. Due to the numerous reasons for code-switching depending on situation, the analysis of its examples can provide information about the communicators, their manner of using languages, their ways of code-switching, means to make some parts of texts more distinguishable, etc. [28; 29]. Moreover, code-switching occurs not only in real life but also in digital communication — exchanges of information in digital form and via electronic means [43; 59]. Digital communication has developed considerably for about two decades, but its origins date back to when “Samuel Morse introduced telegraphy in 1837” [59. P. 1]. The key reason for the rapid expansion of digital communication is the increasing availability and development of technologies and “the advantages of digital with respect to analog” [59. P. 1].

Since its predecessor ARPANET in the late 1960s, the Internet has grown significantly and consists of a huge user-base and amount of information. Due to its extent and continuous development, the Internet is a commonplace for an increasing number of people, and the new media are invented to provide a wider access to communication for users [43; 52]. Social networks, e-mail, blogs, chats, etc. effectively alter the way people communicate and “created a new social structure governing how, when, and with whom people interact” [43. P. 32]. However, digital communication has its price for it operates via “costly channels and complex systems” [59. P. 1] and its technologies can be misused: users often send messages “without considering who might see them or how they might be interpreted” and forget that the deleted messages are archived on some server and can be restored [43. P. 32].

In the cyberspace, both code-switching and digital communication are only parts of the computer-mediated communication. In linguistics, it is described as “coding and decoding of linguistic and other symbolic systems between sender and receiver for information processing in multiple formats through the medium of the computer and allied technologies... and through media like the Internet... and many more to be invented” [9. P. 6; 34. P. 552]. The linguistic analysis focuses on the everyday use of languages in the Internet and on “the new forms of language that are being produced” [9. P. 6]. This analysis considers digital communication in the institutional and organizational contexts together with social communication, recreational communication and multimodal social-media communication — all being parts of the computer-mediated one [9].

Computer-mediated communication is fundamentally different from traditional speech due to the ‘lack of simultaneous feedback and of nonsegmental phonology’ and due to ‘its ability to carry on multiple interactions simultaneously’. It is different from traditional writing due to its ‘dynamic dimension’, ‘ability to frame messages’ and hypertextuality [14. P. 1]. Another significant feature is the language of the Internet — ‘unofficial and informal, spontaneous and unconsidered’

(abrupt phrases, self-correction, bywords, ellipsis, inversion, means of economy, etc.) [45. P. 4]. Moreover, the Internet users write increasingly more, and these online writings contribute to the development of the oral verbal culture — ‘looser, casual, not-always-grammatical. sounds much more like spoken than written language, even on-screen’ [13. P. 89]. All of these features of computer-mediated communication expand the functional and expressive capacity of language — there are new words, phrases, and other written means of expression [13].

When studying the online code-switching, linguists seek to explicate motivations, functions and meanings of multilingual practices and language choices of the Internet users on different platforms and in the specific Internet contexts [32. P. 389]. It seems that the text-based online code-switching does not always follow the conventions of the offline face-to-face conversation due to the availability of digital contexts, networked audience, online graphic and visual resources [5; 31; 52]. There are examples of the online code-switching based on the speech-based communication, i.e. Internet users do not consider the languages they use as different entities and “draw variously on whichever languages are in their repertoires... whichever languages have currency in a particular digital situation” [52. P. 130]. Such code-switched texts allow users to manage relationships, perform multicultural identities and build communities [31].

However, there is a lack of research of the online code-switching on the multiple computer-mediated communication platforms and with many different languages, which measure linguistic diversity online [30]. The existing theories “cannot capture new forms of multilingual encounters on the web” [31. P. 129]; therefore, researchers have to use mixed methods and data (textual, ethnographic, etc.). Another possible way is to consider the online code-switching through its visuality — the quality or state of being visual or visible or an instance of a mental image or picture; and here — the “fine nuances and subtle shifts where the visual and textual interact” [3. P. 2].

Traditionally, a collection of signs, organized in a particular way to make meaning, constitutes text, the meaning of which depends on the types of signs, their arrangement, font, size and other characteristics of visual elements [46]. Thus, due to some degree of visuality, the traditional text is a visual representation of speech [36; 51]. Internet texts are more complex than the traditional ones, since there are visualized hypertexts that link with other hypertexts via hyperlinks and make them easily navigable, blur the line between textual and visual, and slowly destroy their traditional hierarchy in which the textual has a priority over the visual [30; 51]. As the Internet content consist mainly of both texts and graphics, the visual often dominates the textual, which “changes not only the deeper meaning of textual forms but also the structure of ideas, of conceptual arrangements, and of the structures of our knowledge” [30. P. 16]. This makes understanding of the typical Internet text a complicated task for it is hard to identify which visual elements are constituent elements of the text and which are the illustrative ones [10; 15; 51; 56]. Nevertheless, visually literate people can read, evaluate the composition and use

various means to express, comprehend and interpret the purpose and message of not only the traditional text, but also of its visual elements for they are interconnected. Thus, the interpretation of textuality changes and becomes subordinated to the logic of the visual [30; 51]. This shift towards the visual has not only changed the production and consumption of visual culture, but “also raised new questions and new versions of very old questions about the place of visuality in language” [36. P. 109].

Our analysis aims at revealing the features of code-switching in the computer-mediated communication on the examples from the social networks Instagram, YouTube, Facebook and Twitter, which are globally popular and support large active user-bases of millions of people from all around the world often speaking more than one language, alternating between them, producing numerous unique messages that combine text, audio, video and graphics and present various characteristics of code-switching. Eight examples were chosen by browsing the above mentioned social networks and finding messages on Lithuanian as native with some English elements, which represent code-switching in digital communication. These examples are presented in their original form — unedited and with the features of digital communication, including the emoji of the Google standard (their names were taken from the Full Emoji List of the Unicode Consortium). The texts that are code-switched from Lithuanian to English and their unique features are marked in bold.

(1) aguonaruke: 'Čia šitas mėzgaliukas kur siūlei užsukt paragaut? 🤔'
 justasvigl: '@aguonaruke panasiai. Tik sitas#ne#toks#geras buvo**#though**,
 argentinos mesgaliuks geresnis siek tiek 🍷 bet jo, gera vieta isleist likusias gyvenimo
 santaupas 🍷 **worth it** 🍷🔥'

This example (1) was taken from the Instagram. The author of the post '*justasvigl*' answers to the user '*aguonaruke*' comment and asks if the photograph shows the steak he once invited her to taste). '*Justasvigl*' explains that this is a different steak and not as delicious as another one, but the restaurant is still good and the steaks are more than worth their price. '*Justasvigl*' expresses this idea by code-switching intra-sententially from Lithuanian to English, uses the English phrase '*worth it*' and encloses a graphical '*Ok*' emoji at both sides of the passage as if emphasizing his point and making it more visible and stressed. Unusual spelling conventions and a lack of a full stop are also noticeable — the passage is closed with a '*fire*' emoji: the Internet users break the rules of grammar quite often and use various stylistic means to express their thoughts in a certain way. The '*fire*' emoji corresponds to the topic of food and restaurants and also signifies relevance and approval (ideas of popularity, attractiveness, excitement, etc.).

(2) elvinaveckyte: '**OMG**#turbūtpo10metų#bet kai draugai pasistengia ir padaro TAU
 specialiai su varške 😊 Ačiū Martynui#geras laikas su draugais 😊'

In another example (2) from the Instagram, the user '*elvinaveckyte*' expresses appreciation to her friends, especially Martynas, for preparing cepelinai and

spending time with her, and presents a photo of the dish. She begins her message with a now common intra-sententially code-switched Internet English abbreviation 'OMG' ('oh my God/Goodness!'), which indicates satisfaction and sets a pleasant tone for the rest of the message in Lithuanian. The text follows irregular grammar conventions, lacks full stops at the end of sentences (there are '*smiling face with smiling eyes*' and '*smiling face*' emoji), spaces between words and text coherence at the end of the message. Instead of categorising the post, hashtags (*#turbūtpo10metų*, '*#bet*', and '*#geras*') make it stand out. In addition, when searched or clicked on, the hashtag '*#turbūtpo10metų*', leads to this post, which suggests that it is either a kind of reference understood by this social circle or simply an emphasis on this part of the text.

(3) T — series Sucks:

'Kažkodėl jaučiu, kad 2019 bus geri metai :)

*Jazzu ikelia savo naują dainą

*Faith in humanity has left the chat

Similar features can be seen on the video hosting platform YouTube. In (3), user 'T — series Sucks' writes his comment below '*Wild*', a new music video by the popular Lithuanian singer '*Jazzu*'. In the first line, the user writes that he believes the year 2019 will be a good one. In the second line, his good year prediction is abruptly interrupted by the message that the artist has just uploaded her new song. This message author leaves the third line blank as if waiting for some reply. After a break, the user resumes his text in the fourth line and inter-sententially code-switches from Lithuanian to English saying that '**Faith in humanity has left the chat*', i.e. that the audience reacted to the event and evaluated the new music video negatively — by many negative comments and dislikes not only on YouTube but also on other popular Lithuanian websites.

By code-switching from Lithuanian to English, the author expresses a sudden change in tone of the message from a positive to a negative one. Both sentences start with an asterisk (*) that makes them look as a retelling of consecutive events and separate them from the first one expression. The specific arrangement — each sentence in a distinct line — seems to show the passage of time, with the blank line separating 'before' and 'after', which is also a convention of the popular Internet meme culture meant to effectively deliver the message to others aware of such conventions. Furthermore, the tendency to express thoughts in an exaggerated way via hyperboles is seen in the last sentence, where the consequences of the event are as if a loss of faith in humanity, which is a common meme. While it is often difficult to tell if the user is in a serious disposition due to a lack of the face-to-face communication elements (tone of voice, body language, etc.) online, here, due to the hyperbole, it is obvious that the user is ironic, sarcastic, and derisive.

(4) Dainius Pal: *'Už tokią dainą nebalsuosiu, o galvojau kad tarp paprastų europiečių lietuvaitė Monika Marija puikiai pareklamuos Lietuvą. Ten komisijoje provincialai ir tarybinės estrados gerbėjai, o vakarų Europoje tai nepopuliaru. Bendrai, geriausias dainos Eurovizijos niekada nelaimi, o laimėtojus renka europiečius mulkindami šio*

FAKE CONTEST organizatoriai. Paskutinis pavyzdys - laimėtoja iš Izraelio, kas yra protu nesuvokiama.'

(4) is a similar example of using another language to emphasize some point, but in this YouTube comment, user 'Dainius Pal' assesses 'Jurijus — Run with The Lions' — one of the songs selected to represent Lithuania at Eurovision 2019, and expresses his attitude to the voting system, the jury of the national song selection, and the song contest. The intra-sententially code-switched part is written in English and in capital letters to visually highlight the essence of the comment: this annual event is a 'FAKE CONTEST'.

(5) Audronė Valaitienė: 'Nebeplauksiu į Norvegiją NIEKADA. (Pause.....NOT!) 😂🤔😊'

We see the same linguistic phenomena on Facebook. In (5), user 'Audronė Valaitienė' comments a news article at the official Facebook news page '15min'. She says that she will never travel to Norway by ship after the accident with the cruise ship near Norway reported in the article. However, in the next sentence, she inter-sententially code-switches from Lithuanian to English and writes '(Pause.....NOT!)' as if cancelling her previous statement with a single negative 'NOT'. The way the word 'Pause' is written with five full stops right after it also expresses the passage of time. The two capitalised words 'NIEKADA' and 'NOT' contrast with each other. Finally, the 'face with tears of joy', 'rolling on the floor laughing', and 'beaming face with smiling eyes' emoji suggest that this is a humorous comment that should not be taken seriously.

(6) Viktorija Grimovič: 'Liepa maciau, kad palaikinai, bet **this is what we call f a s h i o n'**

A new way of writing words is presented by the example (6) from Facebook: the user 'Viktorija Grimovič' comments on her friend's 'Liepa Babaliauskaitė' like under the post at the page *Humans of Trūlai* for the user-submitted curiosities noticed while using public transportation in Lithuania. By code-switching intra-sententially (although the case can be considered as tag-switching) from Lithuanian to English, the author says 'this is what we call f a s h i o n' as if explaining reasons for liking the post and its context. The way the user writes the word 'fashion' with spaces between letters adds additional emphasis on the style of dressing.

(7) Bukoptimistas: 'mėnesio pradžia. Noriu pasipildyti transporto E.bilieta. Kauno bilietas. It veikia. **NOT!** :/'

Similar communication patterns are present on Twitter: despite the maximum length of the message (140-280 characters), in (7), it is sufficient for 'Bukoptimistas' to express his ideas. The negative 'NOT' is used to change the meaning of the previous sentence to the opposite. At first he tried to recharge his bus e-ticket at the website at the beginning of the month, which at first seemed to work, but actually did not. The use of the traditional emoticon (:/') depicting a sad, confused or depressed face, instead of its emoji, is an exceptional feature — it sets the mood of the tweet but in a less colourful and visible way, i.e. previous conventions of using emoticons still occasionally work in online texts and are sometimes preferred over the newer emoji.

(8) Artur Preobraženski: *Little Venice in Seville...* <https://www.instagram.com/p/BmvKOG-VhES0/>

Vasara į pabaigą o aš ne toje Venecijoje atsiradau #lol

#ESPN #Spain #Sevillahoy #Seville #vasara #TravelsInTrumpland #boatsthattweet #Espana'

In (8) from Twitter, the user 'Artur Preobraženski' writes about finding himself in Seville, the 'wrong' Venice at the end of summer, and considers this fact hilarious: he uses the now common hashtagged abbreviation '#lol' (*laugh out loud*). He inter-sententially code-switches from Lithuanian to English in the first sentence to make his post more specific and provides a hyperlink to his Instagram post providing more information on his trip to Seville. Nine hashtags explain the meaning of this tweet and make it more visible to other users searching for similar information.

Thus, Internet communication is not textual anymore, most texts are enhanced with video, audio and pictures, i.e. the emphasis is on the visual part of communication. With abbreviations, capital letters, spaces, fonts, bolding, italicization, symbols, emoji, and other means of making and editing texts and code-switching from Lithuanian to English, the authors of messages in social networks change the visual appearance of their texts. Such conventions follow various features of social networks and change according to the popular Internet culture trends.

References for the analysed examples

- (1) <https://www.instagram.com/p/Beal3XVltH7/>
- (2) <https://www.instagram.com/p/BcfJQHelQas/>
- (3) <https://www.youtube.com/watch?v=YildV-1Imxk&lc=Ugyc2N4eKbS4hCKzBvR4AaABAq>
- (4) <https://www.youtube.com/watch?v=Hom7KEFl6RM&lc=UgwdDmnXfH4GdWth29t4AaABAq>
- (5) https://www.facebook.com/15min/posts/10156617792388860?comment_id=10156617967398860&comment_tracking=%7B%22tn%22%3A%22R%22%7D
- (6) https://www.facebook.com/humansoftrulai/posts/1102767956527111?comment_id=1103169536486953&comment_tracking=%7B%22tn%22%3A%22R%22%7D
- (7) <https://twitter.com/Bukoptimistas/status/4548639719>
- (8) <https://twitter.com/ArtPreo/status/1031857673942323200>

References

- [1] Adams J.N., Swain S. Introduction. Adams J.N., Janse M., Swain S. (Eds.). *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text*. Oxford; 2002.
- [2] Adams J.N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge; 2003.
- [3] Allert B. Introduction. *Languages of Visuality: Crossings Between Science, Art, Politics, and Literature*. Detroit; 1996.
- [4] Alvarez-Cáccamo C. From 'switching code' to 'code-switching': Towards a reconceptualization of communicative codes. Auer P. (Ed.). *Code-Switching in Conversation: Language, Interaction and Identity*. London; 2013.
- [5] Androutsopoulos J. Code-switching in computer-mediated communication. Herring S.C., Stein D., Virtanen T. (Eds.). *Handbook of the Pragmatics of Computer-Mediated Communication*. Berlin–New York; 2013.
- [6] Appel R., Muysken P. *Language Contact and Bilingualism*. London; 1987.
- [7] Auer J.C.P., Wei L. (Eds.). *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin–New York; 2007.

- [8] Auer J.C.P. (Ed.). Introduction: Bilingual conversation revisited. *Code-Switching in Conversation: Language, Interaction and Identity*. London; 2013.
- [9] Bodomo A.B. *Computer-Mediated Communication for Linguistics and Literacy: Technology and Natural Language Education: Technology and Natural Language Education*. Hershey; 2009.
- [10] Bolter J.D. *Writing Space: Computers, Hypertext, and the Remediation of Print*. London; 2001.
- [11] Chistyakov D. Media praxis in constructing symbolic space: Intercultural approach. Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). Vol. 329. Paris; 2019.
- [12] Clair R.N., Guadalupe V. Sociology of code-switching. *Language Sciences*. 1980. Vol. 2 (2).
- [13] Cross M. *Bloggerati, Twitterati: How Blogs and Twitter are Transforming Popular Culture*. Santa Barbara; 2011.
- [14] Crystal D. The Scope of Internet Linguistics. *American Association for the Advancement of Science*; 2005.
- [15] Cull B.W. Reading revolutions: Online digital text and implications for reading in academe. *First Monday*. 2011; 16 (6).
- [16] Darginavičienė I. The influence of culture and language on the identity of a person. *Logos*. 2018; 95 (1).
- [17] Devic H. *Code-Switching in Computer-Mediated Communication — A Case Study of Croatian-English Discussion Forums*. Munich; 2008.
- [18] Giles H. *Communication Accommodation Theory: Negotiating Personal Relationships and Social Identities Across Contexts*. Cambridge; 2016.
- [19] Gumperz J.J. *Discourse Strategies*. Cambridge; 1982.
- [20] Gumperz J.J. Contextualisation revisited. Auer J.C.P., Di Luzio A. (Eds.). *The Contextualisation of Language*. Amsterdam; 1992.
- [21] Havasmezői G. Images in the Hungarian online news. Benedek A., Veszelszki Á. (Eds.). *Visual Learning*. Vol. 6. Bern; 2016.
- [22] Herring S.C. *Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social, and Cross-Cultural Perspectives*. Amsterdam; 1996.
- [23] Hoffman C. *Introduction to Bilingualism*. London; 2014.
- [24] Ignotaite I. The influence of Internet English on the language culture of Internet Lithuanian. *Logos*. 2018; 97 (4).
- [25] Ithemere K. *A Tri-Generational Study of Language Choice and Shift in Port Harcourt*. Irvine; 2007.
- [26] Isurin L., Winford D., De Bot K. (Eds.). *Multidisciplinary Approaches to Code Switching*. Amsterdam; 2009.
- [27] Isurin L., Winford D., De Bot K. (Eds.). *Multidisciplinary Approaches to Code Switching*. Amsterdam; 2009.
- [28] Kamwangamalu N.M. *Codemixing Across Languages: Structure, Functions, and Constraints*. Urbana–Champaign; 1989.
- [29] Kamwangamalu N.M. Multilingualism and codeswitching in education. Homberger N.H., McKay S. (Eds.). *Sociolinguistics and Language Education*. Bristol; 2010.
- [30] Kress G. *Literacy in the New Media Age*. London; 2003.
- [31] Lee C. Multilingual resources and practices in digital communication. Georgakopoulou A., Spilioti T. (Eds.). *The Routledge Handbook of Language and Digital Communication*. London; 2015.
- [32] Leppänen S., Peuronen S. Multilingualism on the Internet. Martin-Jones M., Blackledge A., Creese A. (Eds.). *The Routledge Handbook of Multilingualism*. London; 2012.
- [33] McCormick K.M. Code-switching and mixing. Mey J. (Ed.). *Concise Encyclopaedia of Pragmatics*. Amsterdam; 1998.

- [34] McQuail D. *McQuail's Mass Communication Theory*. Thousand Oaks; 2010.
- [35] Milroy L., Muysken P. (Eds.). *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching*. Cambridge; 1995.
- [36] Mitchell W.J.T. *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago; 1995.
- [37] Muysken P. *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. Cambridge; 2000.
- [38] Myers-Scotton C. *Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford; 1997.
- [39] Myers-Scotton C. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford; 2002.
- [40] Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en Español: Toward a typology of code-switching. *Linguistics*. 1980; 18 (7–8).
- [41] Poplack S. Contrasting patterns of code-switching in two communities. Heller M. (Ed.). *Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives*. Berlin; 1988.
- [42] Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en Español: Toward a typology of code-switching. Wei L. (Ed.). *The Bilingualism Reader*. London; 2000.
- [43] Ribble M. *Digital Citizenship in Schools: Nine Elements all Students Should Know*. Eugene; 2015.
- [44] Romaine S. *Bilingualism*. Oxford; 1995.
- [45] Rumšienė G. *Sociolinguistic Aspects of Internet*. Daugavpils; 2004.
- [46] Schirato T., Webb J. *Reading the Visual*. Crows Nest; 2004.
- [47] Schmidt A. *Between the Languages: Code-Switching in Bilingual Communication*. Hamburg; 2014.
- [48] Stell G., Yakpo K. *Code-Switching Between Structural and Sociolinguistic Perspectives*. Berlin; 2015.
- [49] Stroud C. The problem of intention and meaning in code-switching. *Text — Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1992; 12 (1).
- [50] Swigart L. Two codes or one? The insiders' view and the description of codeswitching in Dakar. Eastman C.M. (Ed.). *Codeswitching*. Clevedon–Philadelphia–Adelaide; 1992.
- [51] Szabó K. Digital and visual literacy: The role of visuality in contemporary online reading. Benedek A., Veszelszki Á. (Eds.). *Visual Learning*. Vol. 6. Bern; 2016.
- [52] Tagg C. *Exploring Digital Communication: Language in Action*. London; 2015.
- [53] Treffers-Daller J. Variability in code-switching styles: Turkish-German code-switching patterns. Jacobson R. (Ed.). *Codeswitching Worldwide: Trends in Linguistics, Studies and Monographs*. Berlin; 1998.
- [54] Velliaris D.M. International family configurations in Tokyo and their cross-cultural approaches to language socialization. Smith P. (Ed.). *Handbook of Research on Cross-Cultural Approaches to Language and Literacy Development*. Hershey; 2015.
- [55] Veszelszki Á. Connections of image and text in digital and handwritten documents. Benedek A., Nyíri K. (Eds.). *The Iconic Turn in Education. Visual Learning*. Vol. 2. Bern; 2012.
- [56] Weasenforth D. Review of literacy in the new media age. *Language Learning & Technology*. 2006; 10 (2).
- [57] Winford D. (Ed.). Code switching: Linguistic aspects. *An Introduction to Contact Linguistics*. Hoboken; 2003.
- [58] Woolard K.A. Codeswitching. Duranti A. (Ed.). *A Companion to Linguistic Anthropology*. Hoboken; 2008.
- [59] Yadav A. *Digital Communication*. London; 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-405-415

Переключение кодов в компьютерно-опосредованной коммуникации*

И. Даргинавичене¹, И. Игнотайте²

¹Вильнюсский технический университет Гедимина
ал. Саулетеке, 11, LT-10223, Вильнюс, Литва

²Клайпедский университет
ул. Г. Мантас, 84, LT-92294, Клайпеда, Литва
(e-mail: idargintt@gmail.com; indersmbox@gmail.com)

Большинство исследователей признают, что переключение кодов — это процесс чередования языков, стилей речи и т.д. Сегодня большинство людей в мире многоязычны, часто вариативно смешивают языки, на которых говорят, что делает переключение кодов довольно распространенным явлением. Переключение кодов задействует правительственные, культурные, религиозные и прочие контексты, т.е. частота переключения в мультязычных коммуникациях является признаком распространенности многоязычия в мире. Онлайн-коммуникация способствует возникновению коммуникативных практик, содержащих условия для переключения кодов и сигнализирующих о вербальном поведении многоязычных сообществ. Переключение кодов влияет на визуальность языка и его образность — незаменимые средства социального конструирования действительности. Способы использования языка обеспечивают коммуникационную эффективность и влияют на выражение новых лингвистических значений. Цель статьи — обозначить особенности переключения кодов в цифровой коммуникации, для чего в социальных сетях Instagram, YouTube, Facebook и Twitter было отобрано и проанализировано восемь примеров. В каждом случае рассматривались грамматика, орфография и пунктуация как литовских, так и английских слов, а также использование элементов английского языка с переключением кодов, специальные символы, аббревиатуры, эмоции и другие особенности интернет-языка. Согласно полученным данным общение в Интернете не является полностью текстовым, так как, используя различные средства составления текста, авторы сообщений делают кодовые элементы английского языка более заметными и изменяют визуальный вид текстов. Эти приемы взаимодействуют с особенностями социальных сетей и, похоже, меняются в соответствии с тенденциями популярной интернет-культуры.

Ключевые слова: переключение кодов; компьютерно-опосредованная коммуникация; многоязычие; речевое поведение; интернет-язык; социальные сети; визуальность

---

* © Даргинавичене И., Игнотайте И., 2020.

Статья поступила 21.02.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-416-429

Компаративный анализ российской и западной системы образования и подготовки научных кадров*

Л.С. Рубан

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Фотиевой 6, корп. 1, Москва, 119333, Россия
(e-mail: lruban@yandex.ru)

В статье сравниваются российская и западная стратегии высшего образования и подготовки научных кадров и их реализация в государственной политике. Автор рассматривает трехэтапную подготовку кадров для научной сферы, которая включает на Западе бакалавриат, магистратуру и PhD, а в России в предшествующий период — специалитет, аспирантуру — для получения степени кандидата наук, докторантуру — доктора наук. После подписания Россией в сентябре 2003 года на Берлинской конференции министров образования Болонской декларации эти различия были устранены, и к 2010 году наша страна, воплотив в жизнь основные принципы Болонского процесса, изменила систему образования и подготовки научных кадров на основе британо-американской модели. Автор называет преимущества, которые мы получили в результате реформы, и что мы утратили. Так, были установлены общие образовательные стандарты у нас и на Западе, создана единая база сертификации (бакалавр, магистр, доктор наук), что является положительной стороной реформирования. С другой стороны, с закрытием специалитета Россия утратила базу для массовой подготовки научных кадров, минуя магистратуру: сегодня мы имеем в системе высшего образования негативную ситуацию, когда десятки тысяч молодых людей, получивших степень бакалавра, не всегда могут трудоустроиться по специальности, а также продолжить подготовку к научной карьере и получению ученой степени без окончания магистратуры, но многим из них недоступна оплата обучения в магистратуре. В итоге производство и наука недополучают специалистов и молодых ученых, на обучение которых государство уже затратило колоссальные средства. Автор делает вывод, что необходимо перенимать эффективный зарубежный опыт, но не забывая достижения отечественной науки и образования и учитывая национальные традиции и специфику развития страны.

Ключевые слова: Болонская система; высшее образование; бакалавриат; магистратура; специалитет; защита диссертаций; кандидат наук; доктор наук

Чтобы провести сравнительный анализ западной и российской систем образования и подготовки научных кадров, необходимо, прежде чем обозначить цель и задачи образовательных стратегий, провести терминологический анализ понятия «стратегия» и четко обозначить ее приоритеты. Стратегия — это выбор направлений деятельности государства, а разработка и реализация стратегии — главная цель государственной политики. Относительно России хотелось бы напомнить вывод, сделанный еще в 1912 году русским военным

* © Рубан Л.С., 2020.

Статья поступила 18.09.2019 г. Статья принята к публикации 24.01.2020 г.

исследователем генералом А.Е. Едрихиным (Вандамом): «Как на театре военных действий, так и на театре борьбы за жизнь следом за отступающим идет его противник... В классификации военных знаний искусство вести бой называется тактикой, а искусство вести войну — высшей тактикой или стратегией. Отсюда логически следует, что для ведения борьбы за жизнь необходимо особое искусство — высшая стратегия или политика» [1. С. 40, 29].

Очень точное замечание сделал в 2003 году профессор РАНХиГС при Президенте РФ С.А. Проскурин, указавший, что как только мы сдаем позиции в любой из форм социального пространства, будь то экономика, культура или территория, это пространство немедленно занимает кто-то другой, поскольку ресурсы, необходимые для развития современного мира, бесхозными долго оставаться не могут. Утрата ресурсов, которых, при кажущейся бесконечности, для нормального развития общества уже не хватает, неизбежно сократит шансы народа на достойное будущее, поэтому защита и бережное отношение к национальному пространству должны стать ведущим направлением и основным содержанием российской геополитики [2. С. 231–232].

Разумеется, в государственной стратегии должны быть определены и четко прописаны приоритеты. Стратегический приоритет представляет собой способ концентрации интеллектуальных, экономических, политических, научно-технических, внутренних и внешних ресурсов в ключевых точках жизненного пространства личности, социальной группы, государства, общества для достижения максимальных результатов. Поэтому стратегия приоритетов, или адресная стратегия, предполагает необходимость определения системы стратегических целей. Процесс стратегического целеполагания взаимосвязан с методикой структурирования целей: в системе стратегических целевых установок должны быть выделены наиболее значимые и актуальные, т.е. те, реализация которых должна дать максимальный суммарный эффект, самое положительное соотношение затрат и результатов [3. С. 245].

Как мы уже отмечали с коллегами в рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции», наряду с принципами важности, актуальности и остроты большое значение в определении стратегических приоритетов имеет принцип ресурсной самодостаточности, адекватности потенциала профилю приоритетов. Кроме того, при определении моделей стратегической приоритетности важно учитывать принцип оптимального соотношения внутренних и внешних приоритетов. Нарушение этой диалектической меры может привести в одних случаях к истощению внутренних ресурсов общества, сконцентрированного на внешних приоритетах, в других — к международной изоляции государств и обществ [3. С. 245; 4. С. 248]. Безусловно, ключевым внешним приоритетом является развитие партнерских, взаимовыгодных, стратегических отношений с ведущими странами, где мы должны действовать в наступательном режиме.

Если рассматривать российский опыт в сфере образования и подготовки научных кадров в досоветский и советский периоды, то следует отметить

широкий охват предметов, комплексность, междисциплинарность и фундаментальность. Специалист, подготовленный в данной системе, должен был быть не только эрудированным и высоко профессиональным, но и обладать навыками проведения самостоятельной исследовательской работы, широтой и глубиной знаний (в идеале энциклопедичностью) и высоким уровнем культуры. То есть мы видим в качестве цели российской системы образования предшествующего периода формирование всесторонне образованной и гармонично развитой творческой личности — человека-творца. Западный подход всегда был более прагматичен, узкоспециален и, главным образом, основан на развитии культуры потребления научных знаний. Сторонник этого подхода А.А. Фурсенко, будучи министром образования и науки России, утверждал, что задача нынешнего образования — формирование потребителей, способных квалифицированно потреблять то, что создано другими, а недостатком советского образования было формирование человека-творца.

И в западном, и в российском подходе к образованию и подготовке научных кадров огромное внимание уделялось и уделяется проблеме интереса — одной из важнейших при обучении в школе и ВУЗе, от решения которой зависит, будут ли в дальнейшем накопленные знания лежать мертвым грузом или станут активным достоянием личности. В основе этого подхода лежит учет избирательной направленности личности, ее стремления к познанию и овладению тем или иным видом деятельности. В триединой задаче образования и просвещения — обучение, умственное развитие и воспитание личности — интерес является связующим звеном. Именно благодаря интересу знания и процесс их обретения могут стать движущей силой развития интеллекта и важным фактором воспитания всесторонне развитой личности. Согласно Плутарху, «ученик — это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь» [5].

В данном исследовании мы использовали следующие методы: историко-сопоставительный, сравнительный (компаративный анализ), экспертное консультирование и выборочные интервью, контент-анализ электронных средств информации, периодической печати и научной литературы, а также включенное наблюдение за учебным процессом и подготовкой научных кадров в Йоркском университете и Университете Торонто (Канада), Институте Дж. Кеннана и Смитсоновском центре (Вашингтон, США), Центре по изучению безопасности в АТР (Asia Pacific Center for Security Studies — APCSS, Гонолулу, США) и исследовательском Центре Восток-Запад (East West Center — EWC, Гонолулу, США), Маршалл-Центре по изучению европейской безопасности (Гармиш-Партенкирхен, Германия), МГИМО и Дипломатической академии МИД России, РАНХиГС при Президенте РФ, Академии управления МВД России, МПГУ, Астраханском государственном университете и др.

Говоря о западном подходе к образованию и обучению, следует отметить французский метод Сорбонны по работе с текстом как основу обучения. Многократное обращение к тексту должно способствовать (лучшему) пониманию

материала. Этот метод восходит к средневековой традиции и имеет как своих сторонников, так и противников, акцентирующих внимание на том, что длительная работа с текстом не способствует развитию творческих способностей и близка к зубрежке. В российской традиции «по умолчанию» предполагается, что студент понимает материал, который представлен преподавателем, или когда читает материал лекции самостоятельно. Многочисленные сторонники этого метода есть не только за рубежом, но и в России. Так, на связь книги и культуры указывает Б.С. Есенькин, президент торгового дома «Библио-Глобус»: «Нельзя заменить книгу!... Именно книга формирует собственное мировоззрение и мироощущение человека, а в действительности — выбор своего места в социуме и бизнесе» [6. С. 4]. Он подчеркивает, что звенья цепи — обучение, приобретение знаний, формирование интеллектуального багажа, наука, профессиональная деятельность — неразрывно связаны с философским осмыслением информационных потоков, сопровождающих жизнь человека. Отсюда следует логический вывод, что книга — основа воспитания, образования и фундамент культуры [6. С. 5].

Исторически как за рубежом, так и в России система высшего образования и подготовки научных кадров носила трехуровневый характер, однако ее содержание имело существенные различия. На Западе трехзвенная структура включала бакалавриат, магистратуру и PhD, а в России после получения полного высшего образования (специалитет) дипломированный специалист делал выбор — работа в отрасли или переход к научной деятельности через аспирантуру — для подготовки и защиты кандидатской диссертации и получения степени кандидата наук — и докторантуру (без ограничений по возрасту) — для получения степени доктора наук. Кроме того, наряду с очной формой обучения существовала заочная, которая давала возможность миллионам исследователей проходить весь этот процесс без отрыва от производства. Советская система образования и подготовки научных кадров делала ставку на открытость и доступность высшего образования для широких масс и практически массовую подготовку научных кадров.

Также следует подчеркнуть качественные различия в подготовке специалистов естественно-технического профиля и гуманитариев. Сегодня отмечается более высокая, успешная и быстрая интеграция специалистов естественного цикла (физиков, математиков, химиков, биологов) в международное научное сообщество — они эффективнее общаются и обмениваются информацией с зарубежными коллегами. Однако нужно учитывать, что в сжатой форме их научные результаты могут быть изложены латиницей в формулах, а, следовательно, доступны и понятны зарубежным ученым. Кроме того, оценка квалификации специалиста естественного цикла осуществляется сугубо по их узкой специальности, да и общество по большому счету мало интересуется уровнем общей культуры и широта кругозора этих специалистов: нам, в первую очередь, нужно, чтобы математики делали точные расчеты, физики эффективно управляли техническими процессами с учетом законов природы, хирурги

успешно оперировали, а терапевты лечили и т.д. И никого особо не волнует, каков уровень культуры этих специалистов в общем плане, интересуются ли они достижениями литературы и искусства, какова их эрудиция за пределами непосредственно профессиональной деятельности.

Чтобы считаться специалистом-гуманитарием высшего уровня, обязательно нужно быть высококультурным человеком, широко образованным и эрудированным. Нынешняя узко направленная подготовка специалистов по сравнению с советским и досоветским классическим гуманитарным образованием этого дать не может, поэтому и уступают гуманитарии («лирики») «физикам» в уровне квалификации, мирового признания и международного взаимодействия с зарубежными партнерами, что находит отражение в номинировании на Нобелевскую премию по научным дисциплинам и литературе. Выходцы из России (ныне граждане других стран) и россияне (специалисты естественного профиля) получают Нобелевскую премию, а по литературе последним был награжден Б.Л. Пастернак, но был вынужден отказаться от престижной премии.

Как отмечают и западные, и российские эксперты, процесс глобализации обусловил высокую мобильность научных кадров и необходимость общих образовательных стандартов, что нашло отражение в Болонском процессе в Европе и привело к унификации стандартов образования в единой базе сертификации на разных ступенях (бакалавр — магистр — доктор) [7. С. 157]. Россия в сентябре 2003 года подписала Болонскую декларацию с обязательством до 2010 года воплотить в жизнь основные принципы Болонского процесса и стала преобразовывать систему образования и подготовки научных кадров на основе британо-американской модели. Однако между европейской и американской моделями имеются различия, хотя в образовательном пространстве США идет заимствование опыта Великобритании по присуждению ученых степеней [8].

Если мы обратимся к Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», то в главе 2 в статье 10 «Структура системы образования» указано, что в России установлены следующие уровни профессионального образования: среднее профессиональное, высшее — бакалавриат, высшее — специалитет, магистратура, высшее — подготовка кадров высшей квалификации [9. С. 20]. Бакалавриат упоминается в ФЗ 36 раз, специалитет — 34, но в то же время не дается развернутой характеристики содержательной стороны как бакалавриата, так и специалитета.

Сравнение бакалавриата и специалитета мы находим в электронной рубрике «Наука и образование» от 24.11.2015 года в статье «Что такое специалитет в ВУЗе и чем он отличается от бакалавриата?»: «Специалитет — это традиционная форма обучения, в рамках которой студентов готовят к работе в какой-либо отдельной отрасли. Будущий дипломированный специалист учится не меньше 5 лет и получает не только базовые, но и углубленные знания по выбранному направлению деятельности. Квалификация присваивается

после написания дипломной работы и ее защиты в Государственной аттестационной комиссии» [10]. О бакалавриате написано, что он был введен в России в 1996 году, и его окончание свидетельствует о получении профессионального образования по выбранной квалификации. Студенты, решившие стать бакалаврами, учатся на год меньше специалистов, а по завершении учебы могут занимать должности, требующие высшего образования. Диплом бакалавра получают после защиты выпускной работы, которую, как и в случае со специалитетом, принимает Государственная комиссия. Закончив бакалавриат, студент может продолжить учебу в магистратуре. Неоспоримое преимущество степени «бакалавр» — возможность после 4 лет учебы более четко определиться со своими интересами и предпочтениями и поступить в магистратуру на узкую специальность либо получить сразу две квалификации на выбор [10].

В разделе «Чем специалитет отличается от бакалавриата?» указано, что «основное отличие специалитета заключается в том, что после завершения учебы специалист имеет более высокое качество подготовки, нежели бакалавр. На бакалавриате преподают преимущественно общие дисциплины, закладывая базу будущей профессии, тогда как на специалитете обучают непосредственно специальности, которую выбрал студент. Разница заключается и в сроках обучения: на бакалавриате учеба занимает не менее 4 лет, на специалитете — не менее 5 лет. Закончив бакалавриат, студент может продолжить учиться только в магистратуре, а специалисту сразу доступна аспирантура» [10]. В настоящий момент специалитет сохранился по ряду дисциплин в педагогических и естественно-технических вузах.

Теперь перейдем к сравнению российской и западной системы подготовки и защиты докторских диссертаций. На подготовку диссертации в Европе отводится 3–4 года (в США — 4), но обычно этот период занимает 6–8 лет. В России аспирантура (для подготовки кандидатской диссертации) и докторантура (для подготовки докторской диссертации) продолжаются по 3 года. Комиссия по защите (академический комитет) на Западе состоит из 4–5 (или 2–4) профессоров своего университета (ее состав формируется по предложению научного руководителя подзащитного), но могут быть приглашены профессора и из других университетов, а решение о присуждении научной степени принимают 2–3 оппонента — внутренние и внешние. По сравнению с европейской и американской системами российская модель проведения предзащиты и защиты диссертаций представляет собой более открытый, высоко состязательный и непредвзятый процесс обсуждения диссертации значительным составом диссертационного совета и приглашенных специалистов в конкретной области знания. Разумеется, необходимо изучать и использовать зарубежный эффективный опыт в сфере образования и подготовки научных кадров, исходя из рационального подхода и без ложной апологии, но не стоит забывать, что эффективность западной системы не слишком высока: даже в Гарвардском университете только 20–40% соискателей допускаются к защите, и не все они защищают диссертации и получают ученую степень [11].

Итак, какие результаты мы видим в системе высшего образования России после массовой отмены специалитета: десятки тысяч молодых людей, которые получили степень бакалавра, зачастую не могут полноценно работать или заняться научной деятельностью. Дать возможность поступления в аспирантуру им могла бы магистратура, т.е. их обучение удлинилось бы на два года, но бюджетных мест в магистратуре выделяется мизерное количество, а оплата обучения высока, и не каждый молодой человек может ее себе позволить. В итоге десятки тысяч человек не работают по специальности, производство недополучает специалистов, а наука — молодых ученых, на обучение которых государство уже затратило колоссальные средства.

Также резко снижается поток поступающих в аспирантуру, который теперь составляют только окончившие специалитет в дореформенный период и выпускники магистратур. Такая ситуация снижает конкурс при поступлении в аспирантуру, причем значительная часть талантливых и способных молодых людей без финансовой возможности поступления на платных условиях оказывается лишена шанса заниматься научной деятельностью и защитить кандидатскую диссертацию. «Подготовка специалистов высшей квалификации представляет собой трудоемкий процесс, главной идеей которого должно быть не просто возвращение кандидата или доктора наук, но формирование перспективного и эффективного ученого, способного не только создавать новое знание, но нести ответственность за результаты собственного научного труда. При этом, конечно, должны быть созданы условия для реализации научных инициатив и проектов». И тут возникает неприятный парадокс: «Научное сообщество России оказалось заложником созданной ситуации, поскольку реструктуризация системы подготовки научных кадров неизбежно будет иметь последствия для общества в целом (как социальные, так и экономические). Воплотить изменения необходимо с минимальной потерей качества». А на деле «социальный статус научного работника ввиду различных экономических и социальных факторов в России значительно снизился по сравнению с советским периодом» [12. С. 68, 73].

Чтобы оценить состояние социологической науки на Западе, уместно обратиться к XIX Конгрессу ISA (Международной социологической ассоциации), который состоялся в июле 2018 года в Торонто [более подробно см в.: 13]. За двадцать лет со времени проведения в 1998 году в Монреале XIV Конгресса ISA кардинальных позитивных изменений не произошло, а комплексный кризис социологической науки усилился: практически сошли на нет фундаментальные исследования, ушли из жизни крупнейшие социологи (Т. Парсонс, С. Липсет, Н. Смелзер, А. Рапопорт и др.), но на смену им не пришли знаковые фигуры равного уровня. Зато пришло большое количество амбициозных и не вполне квалифицированных молодых людей, в массовом масштабе начал утрачиваться профессионализм [13. С. 755], что не могло не вызвать чувства горечи.

Одной из центральных тем Конгресса ISA 2018 года была миграция и ее последствия. Хотелось услышать, как европейские коллеги работают над

разрешением этой злободневной проблемы, тем более что в Монреале в 1998 году секция по миграции была одной из самых сильных и авторитетных. Однако в 2018 году выступления на целом ряде миграционных секций были на уровне студенческих семинаров, а молодые докладчики, одетые вопреки академическому дресс-коду, но согласно молодежной субкультуре в футболки, шорты, с пирсингом и тату, мало походили на ученых в общепринятом понимании. Например, доклады немецких и бельгийских молодых ученых носили описательный характер, выступавшие не упоминали ни о массиве данных, ни о выборке, но старательно приводили фразы из интервью с мигрантами и на основании единичных высказываний (при случайной выборке) делали выводы, часто не приводя результаты опросов в процентах. Так, одна из канадских исследовательниц в презентации представила эмпирические данные в абсолютных цифрах, а представитель Норвегии озвучил исследовательскую стратегию своей страны на основе контент-анализа лишь 19 статей из 4 журналов. Докладчики также не учитывали, что при обработке эмпирических данных 4% могут быть статистической погрешностью. Все это напоминало выступления студентов на семинаре, причем совсем не социологического профиля. К сожалению, это явление было массовым — статистические и эмпирические данные молодые докладчики приводили редко, вскользь, без анализа и сопоставлений [13. С. 756].

Возможности получить тексты докладов практически не было, а выступавшие часто болезненно реагировали, когда фотографировались их презентации. С другой стороны, чувствовалось желание молодых людей заявить о себе на столь престижном форуме, хотя иногда, по сути, им было нечего сказать. Кроме того, они не понимали, что после защиты диссертации научная деятельность только начинается, и были преисполнены собственной значимости. Это несоответствие было особенно очевидным на фоне блестящих докладов корифеев социологии: М. Вивьерки, А. Мартинелли, П. Штомки и др. Мы обратились к видному ученому из Германии А. Дикманну с вопросом: «Не удивляет ли Вас отсутствие докладов по фундаментальным исследованиям?». Его ответ расставил все по своим местам: «Фундаментальные исследования проводятся только в естественных науках: физике, математике, химии и т.д., а для социологии характерны только прикладные исследования» [13. С. 756].

Очевидно, что уровень подготовки научных кадров зависит от обучения и подготовки этих кадров и качества высшего образования в целом, и тут важную роль играет материальное обеспечение. Если мы обратимся к данным ЮНЕСКО о величине расходов на НИОКР в 2018 году в процентном отношении к ВВП, то затраты России будут весьма скромными (1,16%) на фоне других государств: Финляндии — 3,88%, Швеции — 3,48%, Дании — 3,08%, Германии — 2,82%, Франции 2,25%, кроме того, доля России в мировых НИОКР составляет 1,7% [15]. Резонен вопрос: как оплачивается труд отечественных ученых (заработная плата и надбавки) в Российской академии наук (РАН) и как финансируются научные исследования?

Академические Институты РАН разрабатывают и предлагают темы исследований для государственных заданий, а Министерство науки и высшего образования их утверждает. Но суммы, которые выделяются по госзаданиям, не полностью покрывают объем заработной платы научных сотрудников и не включают оплату финансовых затрат на исследовательскую работу. Для выполнения исследований ученых призывают активно участвовать в грантовых программах. Однако парадокс заключается в том, что публикации — главный показатель научной активности ученых (монографии, статьи, учебные пособия и сборники, опубликованные на грантовые средства и вошедшие в отчеты по грантам) — не учитываются в отчетах по государственным заданиям.

Итак, публикационная активность — главный критерий оценки работы российского ученого, но акцент сделан не на фундаментальных комплексных исследованиях, которые публикуются в монографиях и требуют колоссальных интеллектуальных и материальных затрат: главный показатель — статьи в журналах Web of Science и Scopus. При оценке по балльной системе этот вид деятельности оценивается следующим образом (данные за последние три года): статья в Web of Science и Scopus, написанная без соавторов, в 2018 и 2019 годы приносила автору, опубликовавшему ее в журнале первого квартала, — 250 баллов, второго квартала — 150 баллов, 3–4 квартала или без него — 70 баллов. На 2020 год условия оценки представлены в Таблице 1 ниже: статья в журнале из перечня ВАК или в журнале, индексируемом в РИНЦ, входящем в ядро РИНЦ, и написанная без соавторов, в 2018 году приносила автору 50 баллов, вне ядра РИНЦ — 25 баллов в 2018 году и 20 баллов в 2019 году, а в 2020 году — 0,5 балла (с 2021 года — 0 баллов). При наличии соавторов количество баллов делится на их количество, а также на количество аффилиаций. Однако эффективность балльных надбавок не должна никого вводить в заблуждение, так как сначала подсчитывается общее количество баллов, а потом имеющиеся у института финансовые средства делятся на это количество баллов — как говорится, комментарии здесь излишни.

Вернемся к судьбе РИНЦевских журналов: при нулевой балльной оценке статей, напечатанных в них, легко можно прогнозировать, что поток публикаций в эти журналы работ кандидатов и докторов наук, членов-корреспондентов и академиков РАН резко сократится. Студенты, аспиранты и соискатели ученых степеней, вынужденные набирать для защиты диссертаций необходимое количество публикаций, будут составлять большинство авторов этих журналов, что значительно снизит их уровень и рейтинги, резко увеличив конкуренцию за место в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus и входящих в перечень ВАК.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что публикация в журнале Web of Science еще не гарантирует индексацию в этой базе данных — все зависит от решения редактора. Например, статья автора «Кризис западной социологии и новые социологические школы», написанная совместно с С.В. Рязанцевым и опубликованная в № 7 журнала «Вестник РАН», представляющая результаты

анализа состояния западной социологии с привлечением огромного количества переводных материалов, была оценена редактором как обычный обзор и проиндексирована в РИНЦ, а не в Web of Science. Следует отметить, что с учетом малого тиража данного журнала статья не будет доступна большинству российских читателей, и тем более зарубежных.

Российские ученые предельно адаптивны и исполнительны: с них потребовали — они выполнили требования по публикациям. Однако требования год от года усложняются: в 2019 году, в отличие от 2018 года, нужны были, в первую очередь, статьи в журналах Web of Science и Scopus первого и второго квартилей. В декабре 2019 года поступило указание засчитывать только те статьи, которым были присвоены DOI (требование от авторов не зависящее, это задача журналов, причем это платная услуга). Кроме того, лица, дающие указания ученым, упускают из виду немаловажную деталь — публикации практически во всех журналах Web of Science, Scopus и ВАК платные. Так, в ВАКовских журналах стоимость публикации составляет от 8 тысяч рублей за статью и выше, а в журналах Web of Science и Scopus первого и второго квартилей от 200 тысяч (для сравнения: ставка главного научного сотрудника РАН составляет 35251 рубль, а старшего научного сотрудника — 21000). Чтобы осилить публикационные затраты, ученые группируются в коллективы по 4–5 человек. Кстати, уже получила место практика выдачи грантов на публикацию таких статей. Абсурдность ситуации в том, что стоимость публикации монографии объемом, скажем, 22 п.л. и статьи в журнале Web of Science и Scopus (1 п.л.) практически одинаковы, а ценность их несопоставима.

При подведении итогов работы академических институтов с 2020 года не учитываются сборники статей и материалы конференций, однако в зачет идут монографии (единоличные и коллективные) с оценкой в 1 балл за книгу. К чему это приведет? Разумеется, к профанации, так как сборники статей будут оформляться как коллективные монографии. А ведь еще в 2018–2019 годы за редактирование монографии за 1 п.л. присуждалось 5 баллов, а за авторство — 10 баллов.

Лицам, принимающим решения и отдающим ученым указания, нужно учитывать статистические данные, которые показывают, насколько выполнимы их распоряжения. Статистика такова: в России в государственных вузах работает 265 тысяч преподавателей; в РАН в 1010 институтах трудится 75042 кандидата и 25288 докторов наук, 1137 членов-корреспондентов и 891 академик, а еще задействованы не остепененные сотрудники, которые также должны публиковаться. В то же время количество журналов, индексированных в Web of Science и Scopus, невелико, а первого и второго квартилей и того меньше, причем один ученый может опубликовать в каждом из этих журналов не более одной статьи в год.

По социологии ситуация следующая: в России всего семь социологических журналов, индексированных в Web of Science и Scopus — «Социология науки и технологии», «Экономическая социология», «Вестник РУДН. Серия: Социология», «Социологическое обозрение», «Социологические исследования»,

«Журнал исследований социальной политики» и «Social Evolution & History», и к ним можно добавить политологический журнал «Полития» — это все, так что о массовых публикациях статей в них говорить не приходится. Кроме того, авторы вынуждены ждать публикации в этих журналах от года до двух, за это время статьи теряют актуальность, устаревают. Еще существует квота на внутренних и внешних авторов, так что, например, после объединения в Федеральный научно-исследовательский социологический центр сотрудникам Института социологии, Института социально-политических исследований, Института социально-демографических проблем народонаселения, Социологического института стало еще труднее опубликоваться в журнале «Социологические исследования».

Также нужно учитывать жесткую рубрикацию (обозначение предметной области) публикуемых материалов. По нынешним требованиям журнал должен освещать не более трех специальностей — например, социология, политология и культурология, и статьи должны этому требованию соответствовать, т.е. происходит утверждение узкой специализации в ущерб полидисциплинарности. Все это сужает возможности публикационной активности авторов, которые поставлены в очень сложные условия: за публикуемые статьи журналы не выплачивают авторам гонораров, в большинстве случаев не предоставляют авторских экземпляров, а зачастую даже не присылают окончательный вариант верстки статей. Таким образом, выполнив за свои средства исследование, ученый затрачивает время на подготовку материала к публикации и его перевод, сам же оплачивает публикацию, а затем выкупает у журнала свой авторский экземпляр.

Вызывает много вопросов вводимая с 2020 года новая форма оценки выполненных НИР, составленная в соответствии с методикой расчета качественного показателя государственного задания, — это «комплексный балл публикационной результативности» (Табл. 1) [14].

Таблица 1

Комплексный балл публикационной результативности

Статус журнала	WoS					Scopus	RSCI WoS	BAK	РИНЦ
	Q1	Q2	Q3	Q4	ESCI				
Балл	19,5	7,3	2,7	1	1	1	0,75	0,5	0

Таким образом, говоря о взаимодействии и сотрудничестве в сфере науки и образования России со странами Запада, не следует идеализировать западные подходы и способы их реализации: сегодня перед российскими учеными, по сути, ставится задача безвозмездной передачи своих исследований (желательно на английском языке, чтобы зарубежные коллеги могли с ними ознакомиться) в форме научных статей и монографий в электронные библиотеки с индексацией в РИНЦ, Scopus и Web of Science. Получается, что российские ученые, проводящие исследования при жестком дефиците финансирования и зачастую за собственный счет, обязаны безвозмездно делиться своими

наработками и результатами с иностранными коллегами, а чтобы отечественные преподаватели и работники научной сферы могли получить информацию об исследованиях западных ученых, им приходится затрачивать немалые средства (о бесплатной передаче публикаций в общее пользование со стороны западных ученых речь не идет).

Другой аспект проблемы: от российских ученых требуется знание английского языка, если они хотят эффективно взаимодействовать с международным сообществом и быть достойно представленными на зарубежных научных форумах. В советский период русский язык имел довольно высокий статус, так как международными языками наряду с английским считались французский, испанский и русский. Поэтому перед нашей страной стоит задача восстановить статус русского языка на международной арене, вести непрерывную пропаганду русского языка в научно-преподавательской и образовательной сфере за рубежом, где мы утратили многие позиции.

Когда российские ученые приезжают на Запад, то выступают на конференциях и читают лекции в университетах на английском языке. Среди зарубежных ученых, изучающих Россию, не более 30–40% знают русский язык в достаточной степени. Когда не знающие русского языка зарубежные специалисты приезжают в нашу страну, то принимающая сторона предоставляет им переводчиков для проведения лекций и участия в конференциях или проводит форумы на английском языке без перевода (что практикуется в МГИМО, на Гайдаровском Форуме РАНХиГС и др.). Безусловно, дипломатам необходимо в обязательном порядке знание английского языка, но не всем ученым нужно быть полиглотами — в первую очередь, они должны знать язык стран, где проводят свои исследования. У нас огромное количество специалистов, свободно владеющих немецким, французским, испанским и такими сложными азиатскими языками, как японский, китайский, корейский и др. Кроме того, институт переводчиков никто не отменял, и каждый специалист должен, в первую очередь, заниматься своим делом. Поэтому не следует доводить ситуацию до абсурда, превращая хороших исследователей в плохих переводчиков и журналистов, озабоченных только тем, чтобы опубликовать как можно больше своих статей и как можно быстрее, причем на английском языке и в зарубежных журналах. В первую очередь, российские ученые должны информировать о результатах исследовательской деятельности своих российских коллег. Разумеется, необходимо знать и перенимать эффективный зарубежный опыт, но это не значит, что нужно опрометчиво и расточительно зачеркивать то лучшее, чего достигли отечественная наука и образование.

Библиографический список

- [1] *Вандам (Едрихин) А.Е.* Геополитика и геостратегия. М., 2002.
- [2] *Проскурин С.А.* Геополитические факторы в мировой политике // Международные отношения и внешнеполитическая деятельность России. М., 2003.
- [3] *Митрохин В.И.* Методология и механизм определения стратегических приоритетов России в условиях глобальной конкуренции // Глобализация: сущность, проблемы, перспективы. М., 2003.

- [4] Рубан Л.С., Катаева Е.Г., Хегай В.К. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке. М., 2008.
- [5] Факел, который нужно зажечь... (о результатах инновационной площадки) // <https://www.b17.ru/article/45692>.
- [6] Шрайберг Я.Л. Главные тренды развития мировой библиотечно-информационной инфраструктуры: Доклад на Международной научно-практической конференции «Румянцевские чтения — 2019». М., 2019.
- [7] Макарова О.В. Магистратура и докторантура в США как основные формы подготовки научно-педагогических кадров // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 17. № 43–2.
- [8] Губман Б.Л. Магистратура и докторантура в странах Запада: вызов общества, основанного на знаниях // http://education.rekom.ru/5_2006/23.html.
- [9] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // www.consultant.ru.
- [10] Что такое специалитет в ВУЗе и чем он отличается от бакалавриата? // <http://www.mnogo-otvetov.ru/nauka/chto-takoe-specialitet-v-vuze-i-chem-on-otlichaetsya-ot-bakalavriata>.
- [11] Защита диссертации в Гарварде // <http://phdru.com/abroad/harvard>.
- [12] Костоломова М.В. Система подготовки научно-педагогических кадров в России. PhD или кандидат наук // Наука. Культура. Общество. 2019. № 1.
- [13] Рязанцев С.В., Рубан Л.С. Кризис западной социологии и новые социологические школы (Что показал XIX Конгресс ISA?) // Вестник РАН. 2019. Июль.
- [14] О подготовке отчетных материалов ИСПИ РАН за 2019 год и новых требованиях к результативности НИР: Материалы заседания ИСПИ ФНИСЦ РАН 22 января 2020 г. М., 2020.
- [15] UNESCO Institute of Statistics // <http://www.uis.unesco.org/Technology/Pages/asp.default>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-416-429

Comparative analysis of the Russian and Western education and scientific-training system*

L.S. Ruban

Institute of Social-Political Studies of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Fotievoi St., 6–1, Moscow, 119333, Russia
(e-mail: lruban@yandex.ru)

Abstract. The article compares the Russian and Western strategies of higher education and scientific training and their implementation in the state policy. The author considers the three-level structure of scientific training which includes in the West Bachelor's, Master's and PhD programs, while in Russia in the previous period — specialty, PhD program — to defend the thesis and get the degree of Candidate of Science — and Postdoc program — to get the degree of Doctor of Science. After Russia signed the Bologna Declaration at the Berlin Conference of ministers of education in September 2003, these differences were eliminated and already in 2010 Russia implemented all basic principles of the Bologna process by having transformed its system of education and scientific training on the basis of the British-American model. The author considers both advantages and losses of this reform. Thus, Russia introduced the same education standards with the West and accepted the single certification system (Bachelor, Master, PhD), which is certainly a positive side of the reform. On the other hand, by removing the specialty level, Russia lost the basis for mass scientific training without the Master's level: today we have a negative situation in the system

* © L.S. Ruban, 2020.

The article was submitted on 18.09.2019. The article was accepted on 21.01.2020.

of higher education, when thousands of young people with Bachelor's degree cannot find job or continue studying and scientific career without Master's degree, but they do not have money to pay for Master's program due to financial difficulties. As a result, the production and science systems do not get enough qualified specialists and young scientists for whose training the state has already spent a lot of money. The author concludes that it is necessary to use effective foreign experience but without ignoring the Russian education and science achievements and with taking into account national traditions and specifics of the national development.

Key words: Bologna system; higher education; Bachelor's degree; Master's degree; specialty; thesis defense; PhD; DSc

References

- [1] Vandam (Edrikhin) A.E. *Geopolitika i geostrategiya* [Geopolitics and Geostrategy]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [2] Proskurin S.A. Geopoliticheskie factory v mirovoi politike [Geopolitical factors in the global politics]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnepoliticheskaya deyatelnost Possii*. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [3] Mitrokhin V.I. Metodologiya i mehanizm opredeleniya prioritetrov Rossii v usloviyah globalnoi konkurentssii [Methodology and mechanism for identifying Russia's priorities under the global competition]. *Globalisatsiya: suschnost, problemy, perspektivy*. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [4] Ruban L.S., Kataeva E.G., Khagai V.K. *Geopoliticheskie interesy Rossiiskoi Federatsii na Dalnem Vostoke* [Geopolitical interests of the Russian Federation at the Far East]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [5] Fakel, kotory nuzhno sazhech (o rezultatah innovatsionnoi ploschadki) [A torch to be lit (the results of the innovative platform)]. <https://www.b17.ru/article/45692> (In Russ.).
- [6] Shraiberg Ya.L. *Glavnye trendy rasvitiya mirovoi bibliotekho-informatsionnoi infrastruktury* [Main Trends in the Development of the Global Library-Information Infrastructure]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [7] Makarova O.V. Magistratura I doktorantura v SShA kak osnovnye formy podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov [Master's and Postdoc programs in the USA as the main forms of training the scientific-pedagogical staff]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2007; 17 (43–2) (In Russ.).
- [8] Gubman B.L. Magistratura i doktorantura v stranah Zapada: vyzov obshestva, osnovannogo na znaniyah [Master's and Postdoc programs in the West: A challenge of the knowledge society]. http://education.rekom.ru/5_2006/23.html (In Russ.).
- [9] Federalny Zakon ot 29.12.2012 No 273-FZ (red. ot 27.12.2019) "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law No 273-FZ of 29.12.2012 (ed. on 27.12.2019) "On Education in the Russian Federation"]. www.consultant.ru (In Russ.).
- [10] Chto takoe spetsialitet v VUZe i chem on otlichaetsya ot bakalavriata? [What is 'Specialty' at the university, and how is it different from Bachelor's programs?]. <http://www.mnogo-otvetov.ru/nauka/chto-takoe-specialitet-v-vuze-i-chem-on-otlichaetsya-ot-bakalavriata> (In Russ.).
- [11] Zashchita dissertatsii v Harvarde [Defense of the thesis at Harvard]. <http://phdru.com/abroad/harvard> (In Russ.).
- [12] Kostolomova M.V. Sistema podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v Rossii. PhD ili kandidat nauk [System of training scientific-pedagogical staff in Russia. PhD or Candidate of Science]. *Nauka. Kultura. Obschestvo*. 2019; 1 (In Russ.).
- [13] Ryazantsev S.V., Ruban L.S. Krisis zapadnoi sotsiologii i novye sotsiologicheskie shkoly (Chto pokazal XIX Kongress ISA?) [The crisis of Western sociology and new sociological schools (What did the XIX Congress of the ISA show?)]. *Vestnik RAN*. 2019; 89 (7) (In Russ.).
- [14] O podgotovke otchetnykh materialov ISPI RAN za 2019 god i novykh trebovaniyah k rezul'tativnosti NIR: Materialy zasedaniya ISPS FCTAS na January 22, 2020 [On preparation of the ISPS RAS 2019 reports and the new requirements for the research results: Materials of the ISPS FCTAS RAS meeting on January 22, 2020]. Moscow; 2020 (In Russ.).
- [15] UNESCO Institute of Statistics. <http://www.uis.unesco.org/Science/Technology/Pages.aspx.default>.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-430-435

Травматизация сознания как новая форма политического насилия*

А.И. Подберезкин, А.В. Жуков

Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
(e-mail: vestnik@mgimo.ru; e-mail: sociol7@yandex.ru)

Статья представляет собой рецензию на книгу Ж.Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)» (М.: «Весь Мир», 2020). В последние годы формируется новый тип политического насилия — травматизация сознания, что особенно характерно для реалий «общества травмы». Этой проблематике и посвящена книга Ж.Т. Тощенко: в ней рассмотрены вызовы, с которыми столкнулись мир и Россия, — обусловленные сложными изменениями в общественном сознании и носящие главным образом рукотворный характер. Если предшественники анализировали относительно частные проблемы «патологического агентства» (П. Штомпка) или конструирования политически ангажированных смыслов, травмировавших общественное сознание (Дж. Александер), то Ж.Т. Тощенко ставит проблему гораздо шире — рассматривает дисфункциональные изменения всего социума, изучая его трансформации сквозь призму реалий «общества травмы», черты которого можно увидеть в самых разных странах, вышедших на путь длительного турбулентного, неустойчивого и нестабильного развития. В обществах травмы нет четких мировоззренческих идей, что приводит к расколам и парадоксам в общественном сознании, к утрате жизненных ориентиров. По сути, в отношении сознания людей осуществляется политическое насилие посредством «мягкой силы», основанной на демагогии о демократии, свободе и правах человека. Выход из общества травмы, преодоление идейной и политической аномии Тощенко видит во всемерном развитии гражданской активности и выработке стратегической цели развития и конкретных средств ее достижения. Поднятые в книге проблемы позволяют наметить контуры дальнейших исследований, в частности, изучение новых механизмов травматизации сознания, что поможет в поиске вариантов перехода нашего общества к гуманистическому тренду развития.

Ключевые слова: «общество травмы»; общественное сознание; политическое насилие; «патологическое агентство»; «драматизация сознания»; рукотворные травмы; отчуждение

В книге Ж.Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)» поднимается много проблем, касающихся деформации социальных и политических реалий и представляющих собой качественно новые вызовы, с которыми столкнулись мир и Россия. Нас особенно заинтересовала тема сложных изменений в общественном сознании — логическое продолжение многолетних исследований автора

---

* © Подберезкин А.И., Жуков А.В., 2020.

Статья поступила 06.03.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

[3; 4]. Вместе с тем монография носит новаторский характер, поскольку по-новому рассматривает рукотворные воздействия на общественное сознание с целью достижения политических целей прагматического толка.

Проблема травматизации сознания столь значима, что заставляет взглянуть на этот процесс с учетом подходов других социологов. Одним из первых тему травмы поднял П. Штомпка: по его мнению, травмы общества — это результат «патологического агентства», поэтому они имеют непредсказуемый и амбивалентный характер (например, крах коммунизма в Восточной Европе) [6]. После восторгов и энтузиазма в сознании людей развивается «синдром следующего утра», выражающийся в неуклонном падении доверия к институтам власти, распространении мрачного взгляда на будущее, ностальгии по прошлому и посткоммунистических деформациях коллективной памяти. Благодаря рефлексии социальные травмы «излечиваются», аномия уходит в прошлое, и в обществе восстанавливается функциональность институтов [7]. Очевидно, что этот подход не учитывает непреднамеренные последствия травм и их долговременный эффект: например, в целом не произошло восстановления в общественном сознании прежнего достаточно адекватного взгляда на историю и признания роли нашей страны в освобождении Польши от фашизма.

Дж. Александер через призму культуральной социологии раскрыл процесс травмирования сознания посредством производства политически ангажированных смыслов. По его мнению, в социальных сетях все больше распространяются манипуляции в виде «драматизации сознания»: «без драмы коллективные и личные смыслы не смогли бы поддерживаться, дьявол не мог бы быть идентифицирован, справедливость невозможно было бы достичь» [8. С. 141]. В результате в общественном сознании возникают разломы с выплеском деструктивности: «Европа столкнулась со злом ксенофобии, расизма, антисемитизма и терроризма» [10. С. 205]. Впрочем, Александер не предложил конкретные средства противодействия проявлениям политического насилия.

Слабости обозначенных подходов в значительной степени преодолеваются в книге Тощенко, основанной на сочетании разных теоретико-методологических подходов [1]. Исходный постулат автора состоит в том, что сегодня термин «травма» «понимается не только как физическая рана на теле, но и как рана сознания»: травма рассматривается как фактор, определяющий характер всего общества, а соответствующие дисфункциональные изменения расширяются «до понятия “общество травмы”, если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф)» (С. 24, 25). Подобные преобразования обуславливают патологии не только в духовной сфере, но и в экономике, политике и культуре, порождая страхи, дезорганизации, расколы в национальном и индивидуальном сознании. Катастрофы такого типа имеют сложный характер — в отличие от традиционных бедствий, ограниченных в пространстве и

времени, они не имеют рельефно выраженных границ и происходят во «вне-временном времени» [9. С. xl]. Сегодня в состоянии травмы оказались страны с разными патологическими проявлениями, и среди них Россия и ряд государств Восточной Европы — «в результате ошибочного курса по изменению общественного строя» (С. 30–36).

В обществах травмы «нет четких мировоззренческих идей, которые бы нашли воплощение в государственной идеологии. Ее отсутствие приводит к сумятице в общественном сознании, к потере четких жизненных ориентиров и воздействию случайных и стихийных центров влияния. На этот процесс значительное воздействие оказывает демагогия вокруг слов “демократия”, “свобода”, “права человека”» (С. 42). В условиях деидеологизации и дисперсии представлений о добре и зле достаточно легко разрабатываются и реализуются стратегии политической мобилизации акторов, предрасположенных к протестам, и граждане вовлекаются в экстремистские сообщества. Мировоззренческий вакуум заполняется чуждыми идеями, и здесь важна роль «мягкой силы», позволяющей осуществлять длительное воздействие пропаганды на сознание населения и особенно молодежи. В частности, используются «малые дела» — недовольство экологией, жилищно-коммунальными услугами, просчетами в решении проблем благоустройства и т.д. Мировоззренческую работу дополняют зарубежные гранты, семинары «по развитию демократии» и даже создание отрядов боевиков под видом спортивных обществ (С. 42–47, 50–60).

Ни одно из эффективных государств в прошлом и настоящем не обходится без официальной идеологии. Ее отсутствие неизбежно влечет за собой «уменьшение влияния гуманизма и терпимости», «культивирование раздвоения сознания», отчуждение между социальными слоями, общностями и группами, которое привело к формированию «специфического жизненного мира с коротко живущими рефлексиями», — в результате возник мир ограниченной рациональности с доминированием чувственных и эмоциональных оценок, он «лишен перспективы, граждане не видят будущего», что является «показателем деформированности общественного сознания и поведения» (С. 75, 80, 117, 119–120, 142).

Специальная глава книги посвящена «идеологическому безвременью», характерному для общества травмы, квинтэссенцию которого автор видит в «конгломерате различных мировоззренческих ориентаций». Он включает в себя либеральную идеологию, декларирующую «такие внешне привлекательные ценности, как развитие демократии и обеспечение прав человека, но в достаточно специфическом толковании», социалистическую идеологию, «имеющую тенденцию ко все большему распространению», консервативно-патриотическую идеологию, представленную «рядом довольно разношерстных социально-политических течений», националистическую идеологию, а также эрзац-идеологические формы — квази-, псевдо-, контр- и паракультуры, паразитирующие, «с одной стороны, на неуверенности людей в своем

положении в существующем обществе, с другой — на превращении культуры в бизнес-культуру» (С. 195–200). За этим идеологическим многообразием стоят противоречивые интересы современной российской политической элиты, но в принципе просматриваются и возможные направления разрешения этих противоречий [5].

Несомненное достоинство книги состоит в том, что автор предлагает не только своего рода классификацию новых проявлений идейной и политической аномии, но и конкретные средства их преодоления. Отметим некоторые из них, наиболее важные для преодоления травм сознания: привлечение граждан к принятию законов (что сейчас находит выражение в разработке и принятии поправок в Конституцию страны); обеспечение сбалансированного политического развития, привлечение оппозиции к решению принципиальных вопросов; ликвидация «анонимности разработчиков законопроектов» — «в демократической стране всегда известны люди, которые инициируют предложения для внедрения в жизнь государства и общества» (сегодня первые шаги сделаны и в этом направлении); преодоление пост-правды, ориентирующей людей «на ложные авторитеты, на атрофию гражданского сознания и навязывание своего толкования происходящих процессов»; и, пожалуй, самое главное — четкое «определение стратегической цели развития и средств ее достижения», что должно приобрести форму идеологии, и тогда граждане страны будут знать, какое общество их ожидает в будущем (С. 170–178, 301–311). В книге, по сути, происходит переоткрытие социальной реальности, что является показателем валидности социологического знания [2].

В развитие идей автора можно предложить следующее: сегодня появились новые механизмы травматизации сознания, проявляющиеся в новых формах политического насилия, в частности, троллинг в социальных сетях, на новостных сайтах, в чатах и тематических форумах. Он может проявляться в провокациях, обмане, интригах, инсинуациях, слухах, фейках, распространяемых в интернет-пространстве благодаря «политическим маскарадам» (ношению онлайн-масок). Для манипуляции целевой аудиторией все чаще используется социоинженерная технология — астротурфинг, представляющий собой имитацию общественной поддержки или искусственное формирование общественного мнения с помощью масштабного комментирования. На веб-форумах астротурфинг используется для вытеснения конкурирующих мнений и проведения в интернет-пространстве поддельных кампаний, которые создают у пользователей впечатление, будто большинство выступает против чего-то или требуют чего-то конкретного (например, вбросы негативной информации о Китае в связи с распространением COVID-19). Еще один механизм политического насилия над сознанием людей — сокпапетинг, или искусственное нагнетание ажиотажа в виртуальном пространстве с помощью интернет-ботов и клонов (специальные программы генерируют тысячи «фейковых» аккаунтов, искусственно накручивают голоса, создают эффект большинства и т.д.). Сокпапетинг предполагает создание программ-роботов, цель которых — имитация общения с живыми людьми и генерирование твитов, лайков и пр. Они за

несколько месяцев могут создать себе репутацию и историю, завязать доверительные отношения с пользователями сетей, оказывая на них информационно-политическое воздействие.

Таким образом, инновационность подхода Ж.Т. Тощенко к интерпретации проявлений травматизации сознания состоит в обосновании новой социальной реальности — общества травмы — и описании путей его формирования с помощью разных видов политического давления. Монография стимулирует дальнейшие исследования в этом направлении в целях перехода нашего общества к гуманистическому тренду развития и обеспечения национальной безопасности в условиях усложнения миропорядка. Особенно перспективны исследования «рукотворных травм» сознания, новых форм отчуждения и роли научного знания в преодолении мировоззренческих деформаций.

Библиографический список

- [1] *Кравченко С.А.* Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // *Социологические исследования*. 2011. № 11.
- [2] *Кравченко С.А.* Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // *Социологические исследования*. 2014. № 5.
- [3] *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.
- [4] *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2009.
- [5] *Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А.* О Проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2017. Т. 17. № 4.
- [6] *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // *Социологические исследования*. 2001. № 2.
- [7] *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1.
- [8] *Alexander J.C.* *The Drama of Social Life*. Cambridge; 2017.
- [9] *Castells M.* *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I: *The Rise of the Network Society*. Oxford; 2010.
- [10] *Wieviorka M.* *Europe facing evil: Xenophobia, racism, anti-semitism and terrorism* // *Castells M. et al.* *Europe's Crises*. Cambridge; 2017.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-430-435

Traumatization of consciousness as a new form of political violence*

A.I. Podberezkin, A.V. Zhukov

Moscow State Institute of International Relations
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454
(e-mail: vestnik@mgimo.ru; e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. This article is a review of the book by Zh.T. Toshchenko *The Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Theoretical and Empirical Analysis)* (Moscow: “Ves Mir”; 2020). In recent years, a new type of political violence has developed — traumatization of consciousness, which is

* © A.I. Podberezkin, A.V. Zhukov, 2020.

The article was submitted on 06.03.2020. The article was accepted on 31.03.2020.

especially typical for ‘the society of trauma’. The book by Toshchenko examines the challenges that the world and Russia face due to the complex changes in public consciousness, which are mostly of a man-made character. Previously the research focused on the relatively individual questions such as ‘pathological agency’ (P. Sztompka) or construction of the politically biased meanings that traumatized the public consciousness (J. Alexander), while Toshchenko defines the issue much broader — dysfunctional changes of the whole society — and studies its transformations through the realities of ‘the society of trauma’, the features of which can be seen in different countries that entered the path of a long, turbulent, unstable and unsustainable development. In the societies of trauma, there are no clear worldview ideas, which leads to gaps and paradoxes in the public consciousness and to the loss of life guidelines. Political pressure on the public consciousness is exerted through ‘soft power’ based on demagoguery about democracy, freedom and human rights. Toshchenko sees the way out of the society of trauma and the way for overcoming the ideological and political anomie in the development of civil activity and the strategic goal and means to achieve it. The book allows to identify further research topics, in particular, the study of new mechanisms for traumatizing the public consciousness, which would help to search for the transition of our society to the humanistic development trend.

Key words: ‘society of trauma’; public consciousness; political violence; ‘pathological agency’; ‘dramatization of consciousness’; man-made traumas; alienation

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-436-442

Russian symbolism on social aesthetics*

M.L. Ivleva, D.D. Romanov

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; romanovbook@yandex.ru)

Abstract. This article is a review of the book *Literature and Religious-Philosophical Thought of the Late 19th — First Third of the 20th Century. To the 165th anniversary of V.S. Solovyov* (Book 2. E.A. Takho-Godi (Ed.). Moscow: Vodoley; 2018) published with the support of A.F. Losev house-museum and the journal *Solovyov Studies*. The authors analyze the philosophical theories of the key Russian thinkers of the Silver Age, primarily the symbolists, which focus on such issues as the fate of the Russian society, the place of man in the world, cultural values, social aspects of religion, life-creation, and aesthetic understanding of social-cultural reality. The review shows the inner logic of the book based on the alternation of philosophical and literary approaches, and its main line — from personalities (V.S. Solovyov, V.F. Ern, D.S. Merezhkovsky, F.M. Dostoevsky, M.N. Katkov) and their contribution to the national philosophy and culture to the trends of the era of historical and ideological changes. The interdisciplinary approach of the book is the result of the joint work of scientific schools and generations of researchers from different countries. The book's methodology is based on the integrative approach of social aesthetics — the tool of philosophy of integral knowledge and unity, which can be applied to the field of social knowledge.

Key words: social aesthetics; culture of the Silver Age; life-creation; social-cultural values

The book under review was published as a part of the project 'Literature and Philosophy: Ways of interaction' implemented by the museum-library 'House of A.F. Losev', the Faculty of Philosophy of the Moscow State University and the journal *Solovyov Studies*. In the introduction, the Editor-in-Chief E.A. Takho-Godi emphasizes the complex structure of the book (P. 14) due to its broad methodological scope, analysis of the complex evolutionary path of the concepts under study and issues of the social crisis, its causes and consequences, specific representations of all these issues and heated debates of the intellectuals of the Silver Age. Representatives of the Russian symbolism (V.S. Solovyov, A.F. Losev, D.S. Merezhkovsky) developed their own methodology to study social-civilizational issues on the basis of such concepts as theurgy, life-creation, sophiology and some other intuitions that allow to understand social-cultural processes and constants in their multi-level structure (methodology of integral knowledge about the world and man). The very complexity of the scientific analysis based on philosophical generalizations and plural approaches determined the participation of a group of authors.

* © M.L. Ivleva, D.D. Romanov, 2020.

The article was submitted on 20.02.2020. The article was accepted on 31.03.2020.

The first book in the series considered mainly the philosophical aspects of literature and only mentioned (due to the anniversary of the 1917 Revolution) social reflection, while the second book analyzed a much broader scope of issues of a social-philosophical nature focusing on the development of the ideas of life-creation, unity, understanding of the spiritual and empirical unity of man and society by Russian writers and philosophers. The book considers the key concepts of the Russian philosophers at the turn of the epoch and of the Silver Age — F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, V.S. Solovyov, N.A. Berdyaev, S.L. Frank, A.F. Losev and others. The scope of topics is impressive: social progress, roles of the individual, nihilism, positivism and harmonious development, spiritual crisis of society and ways out of it, criticism of civilization, the trinity of truth, good and beauty, utopian thinking, searches for cultural constants and invariable values. They all refer to the creative role of the personality — life creation and interdisciplinary social aesthetics. This term is not used in the book, but it explicates its methodological basis and implicitly present in its philosophical texts.

The book aims at interpreting life creation as an ontological project that includes personal and social dimensions in the constructive and creative intentions. A.G. Gacheva defines life-creation as the anti-entropic essence of culture (P. 35): this concept is inextricably linked to aesthetics; however, it means not being sensuous-for-yourself but rather an aesthetic understanding of the social-cultural reality. The social-cultural dimension of the era of symbolism is inextricably linked with the concept of aesthetics of practical life creation [4. P. 262]. The key thesis of aesthetics of life-creation is that the laws of creating perfect forms of art should be applicable to the active design of the personal and social reality. Dostoevsky connected existing things with those that are to be, Fedorov and Solovyov insisted on the need for projective and transformative creativity with a universal mission — creation of a spiritual society.

Art is defined through its social-transformative function — what Solovyov called the first step to a positive aesthetic not as an abstract contemplation of beauty but its live embodiment which determines ethical norms and scientific paradigms. Such an embodiment is possible only in society as a space of communications. Thus, social aesthetics is implicitly present in discourses about life-creation since its value-semantic aspect appeals to the creation of art values as vital values of society without which social reality has no meaning.

The concept of social aesthetics not only affects the sensory perception of social reality but becomes an optics to see personal basic values. The general methodological principle of social aesthetics is based on the theory of integral knowledge developed by Solovyov: the good is unthinkable without truth, and the truth is unthinkable without beauty, which is determined by the organic nature of the parts and the whole (proportionality). Only a human measure, i.e. a human-peaceful or human-spiritual society can get closer to the good.

Integral knowledge comes from the ontology of unity, the logic of which is analyzed by V.I. Moiseev: he divides the threefold understanding of this logic into analysis of the history of philosophy (spirit of unity), explicit presentation of the

ontological dyad ‘being–not being’ (depends on the categories used), and multi-level dimension of the ontology of all-unity. The latter is divided into 9 levels of ‘involution’ — from the logic of the absolute to the level of society and individual. In the historical and philosophical chronology, the author mentions Losev as the last philosopher of all-unity who made a ‘dead loop’ (P. 62) — from the last level of evolution he returned to the first one, i.e., raised the social-anthropological to the absolute by logically completing the personal as expanded to the social in the spiritual reality.

Social aesthetics is a synthetic field of knowledge; therefore, it was quite organic for the Russian philosophical thought at the turn of the century when worldview systems aimed at synthesis. According to Frank, one of the key Russian social philosophers of the 20th century. “the most interesting and significant field that gave rise to the Russian thought of the 19–20 centuries, except for the religious philosophy, is historical-social philosophy; the greatest and most typical Russian religious ideas were expressed in the historical and social-philosophical analysis. That is why in the Russian literature, it is hardly possible to separate religious philosophy from historical, social and cultural philosophy — they should be considered together” [1. P. 65]. Thus, Frank emphasizes that synthesis and integration are essential features of Russian philosophy. Religious philosophy provides an ontological basis for other areas of philosophy and draws its own content from them [2].

Certainly, it is impossible to describe the features of Russian social philosophy in one book; therefore, the authors focused on the Silver Age, especially the ideas of Solovyov as the most influential thinker of the epoch. The basis of his philosophy was the concept of complete knowledge — acquisition of truth through the good expressed in beauty. Thus, aesthetics focusing on beauty as an integral part of knowledge became a part of the synthetic Russian philosophy of the 19–20 centuries, which allows to study the social dimension of aesthetics, especially the concepts of life-creation and theurgy that are used in religion, art, cultural studies and social knowledge and are represented in this integrity in philosophy of symbolism.

Apocalyptic and utopian projects of symbolists within the anthropological axiology are considered by B.N. Tarasov. He studies the conflict between culture of ‘I’ and apocalyptic elements of civilization. The German philosopher V.S. Kissel uses a similar method in the analysis of civilizational processes in Solovyov’s *Readings on God-Manhood*. Here the focus changes from the civilizational level to the social level and then, according to Solovyov’s concept of integral knowledge, the social is defined through the prism of the eschatological (the possibility of an ideal (spiritual) society is discussed).

According to Frank, apocalyptic, eschatological and utopian ideas in the social discourses of the Russian philosophy are inseparable and integrate into each other as parts of the united whole. M.A. Prikhodko analyzes this integration on the example of social utopia in the works of Solovyov and compares it with the eschatology of John the Theologian. He believes that Solovyov in his last work

Three Conversations considers the possibility of the Kingdom of God on earth, which was quite relevant for the social unrest of the socialist type. Russian intelligentsia accepted Marxism as a practical guide for creating a utopian society based on the principles of positivism and humanism. For Solovyov and his followers this meant, in the religious perspective, approaching the end of history and the 'kingdom of antichrist' and, in the metaphysical perspective, strengthening the individual as prevailing over the whole. In the future, the situation would change to the absorption of the individual by the universal and dissolution of the individual in a general order imposed from outside.

M.V. Pantina compares the political views of Joseph de Maistre and Solovyov and emphasizes that, following the logic of synthetic metaphysics, in the Russian thought political and social aspects are strongly connected with theological ones (spiritual dimension of being). The author's comparison is important not only for revealing the social-political and religious reflections of two philosophers, but also for the appeal to the principles of all-unity even at the level of the state, society and church. According to Solovyov, the moral basis of the state power is true faith, and both are impossible without each other — they form a unity. The Western European interpretation of the basic moral principles of statehood which is presented in the works of de Mestre appeals to one basis — faith, i.e. people's trust in each other and in the authorities, which leads to strengthening of only one basis and cannot be accepted by Solovyov as a correct political decision.

An interesting way of studying the all-unity in social-political practices is presented by J. Dobieszewski. In the context of the consolidation issues as connected with the national question, the Solovyov-Dostoevsky tandem became a classic one for considering the fate and destiny of the Russian people. The author criticizes this tandem on the basis of the Slavophil ideology starting from the famous *Pushkin Speech* of Dostoevsky which Solovyov appreciated for the national self-determination part. Even in the *Readings on God-Manhood*, he opposed social-political universalism and national egoism — he gave up the ideas of the Slavophiles. *Pushkin Speech* returns to the mission of the Slavic people, but, unlike A. Khomyakov, K. Leontiev and N. Danilevsky, Dostoevsky does not glorify this nation over others but presents it as a part of the all-nation family, however, with a unique feature — all-inheritance or all-responsiveness: "Solovyov did not admire the supra-individual Orthodox-conciliar consciousness of the nation, he did not praise the community. Nevertheless, in the features of the Russian people and in the history of Russia, he sought arguments for his Slavophil-universalist position and against its main threat — the Slavophil-nationalist program (P. 260).

In Chapter III, the authors examine the journals' polemics of the era consisting of two lines — liberal-democratic (westernistic) and conservative-protective (slavophilic). V.A. Voropaev and D.P. Ivinsky focus on M.N. Katkov — one of the most influential public figures of the late 19th century. The social-political discourse was changed by the ethnic-cultural discourse in the article of E.A. Volodchenko who considered Katkov's ideas through the concepts of E.P. Blavatskaya. The unexpected kinship of their views is determined by the idea

of the special path of Russia and Slavs and the political idea of autocracy. Contemporaries saw Katkov's goal as 'to prevent all attempts of progress in the European sense' (P. 229), and Blavatskaya agreed with him and emphasized the identity and national isolation of Russia.

After general theoretical questions of all-unity, the authors of the book consider the social-philosophical issues of the era of riots and revolutions. D.D. Romanov studies the nihilistic ideas of N.A. Berdyaev, S.L. Frank, I.A. Ilyin, P.A. Florensky and K.N. Leontiev): nihilism is presented as an antithesis to life-creation in social aesthetics. Despite the Creator's desire to express the highest values of humanity, the rational European individualism remains outside the social as alienated from the spiritual unity by the extreme nihilism unable to overcome the natural inertia. Rationalism, moralism and existential revolt are of the same kind. The next chapters — 'Philosophy at the crossroads of the Silver Age' and 'Religious-philosophical searches of the 20th century — show the logical development of nihilistic ideas in the reactionary aspirations of the new religious consciousness (the social-religious project of symbolists) and theurgic philosophy of D. Merezhkovsky, N. Berdyaev and V. Ivanov (sociological studies show similar spiritual searches of the contemporary youth [3]).

E.A. Takho-Godi believes that Solovyov and Losev criticized the positivist theory of social progress on the basis of the dialectic of relative and absolute myth-making: "Solovyov's metaphor turns into a full-fledged symbol of a rationally dehumanized world, a desolated being" (P. 405). Neoplatonism and sophiology oppose solipsism and nihilism into which the theory of social progress degenerates. The study does not assert that progress is impossible or unnecessary but poses a philosophical question 'what is progress?'. The author comes to the idea of an aesthetic object as possible only as opposite and dialectically produced by the positivist progress. This aesthetic object can be the 'choral', spiritual beginning of society and its consolidation basis opposite to the materialistic atomicity — metaphysical emptiness of 'meon'. This individual atomicity obeys the laws of empiricism within the methodology of natural sciences, but the spiritual dimension requires a completely different methodology.

According to S.A. Seregina considering the poetry of S.A. Yesenin and N.A. Klyuyev, for symbolists, the human life-creation is inextricably linked with theurgy: both symbolists were influenced by Solovyov's ideas of the artist's theurgical 'mission' — to transform the reality and realize the ideal of transcendent timeless beauty in order to recreate the order of life, which again proves the need for social aesthetics. The author believes that 'creation of a universal spiritual organism' (P. 368) is the foundation of theurgic aesthetics in the social perspective, and the artist should 'translate symbols', i.e. remove the communicative-creative act from the sphere of pure art to the practical field.

The foreign authors of the book focused on the metamorphosis of traditions in the Russian thought. The authors from China (Li Yayue), Italy (J. Rimondi), Germany (M.K. Kshondzer) and France (S.A. Garciano) examined the idea of all-unity in different methodologies of foreign schools of philosophy, philology and

sociology. Thus, Rimondi analyzes the metaphysics of love in the works of Losev in different perspective. In the comparative perspective, the author compares different views on the human and divine love (metaphysics of gender by Berdyaev, social-religious system of Frank, gender-centered philosophy of Rozanov, transcendent sophiology of Solovyov). Losev focused on differentiation on the spiritual basis, which appeals to Plato, but went further — to Christianity that defined love through the Trinity; therefore, ontology of the absolute meaning of love is added to the communicative aspect (eros as the connecting principle). This definition of love follows Solovyov's ideas, so the question is 'where is Losev's approach?'. It is found in the description of the possibility which love provides to epistemology: "What makes knowledge possible is the immersion of the subject in the object — love is a spiritual united substantiality. The relationship between the Self and the other that generates knowledge is a form of 'ontological' love that reveals the highest secret of being" (P. 425).

Kshondzer adds some Georgian philosophy to the book — analysis of Grigol Robakidze's perception of V. Rozanov (theory of Self) and A. Bely (combination of philosophy and artistic literature) ideas. Robakidze divides all thinkers into two categories according to their attitude to 'things, time, and chaos' (P. 456): the first admire life, try to understand its challenges, create systems of worldviews and artistic language based on sympathy; the second admire disintegration, try to decompose and analyze things, time and chaos to overcome them and get out of their power. Bely represents the second type for he wants to destroy the existing order and norms of culture, to bring the language of philosophy to the level of creating new concepts and to semantically reorganize these concepts to create a new world.

Garziano studies philosophy of memory (emigration) in its creative-constructive aspect. On the example of emigrants of the Silver Age (I.A. Bunin, L.I. Shestov, N.A. Berdyaev, V.V. Nabokov), he identifies the autobiographical method of self-identification under abrupt changes in social roles: "The historical course destroyed by the Russian Revolution, created independent memory blocks for the creative work. The paradox of the literary memory is that it is to preserve the continuity of time and at the same time to ensure its break (P. 497). The gap in the anthropological unity of 'body-feelings-rationality' can be overcome by remembering and recording the results of these practices in the philosophical and literary texts. The author believes in the possibility of gaining identity through autobiographical practices: "The heterogeneity of memory consistently leads to the semantic unity of poetic-autobiographical discourse, and its multi-valued potential serves to maintain a halo of all possible semantic glimpses around the only possible meaning" (P. 498). Thus, the text helps the person to feel the wholeness of his being.

I.I. Evlampiev and I.Yu. Matveeva study the memory issue in the philosophy of memory of Tolstoy. The authors conclude that late Tolstoy's ideas correspond to the ideas of A. Bergson. Here memory is also an aesthetic category for it allows the person to implement life-creating strategies.

In general, the Editorial Board of the series develops the contemporary research strategies by addressing interdisciplinarity and, thus, methodologically helps to master the categories (theurgy, life-creation and so on) of new social-

philosophical discussions that focus on social aesthetics in both academic-research and social-practical perspectives.

References

- [1] Frank S.L. *Dukhovnie osnovy obschestva* [Spiritual Basis of Society]. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [2] Ivleva M.L., Belov V.N., Nizhnikov S.A. On the possibility of Christian philosophy. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2019; 52.
- [3] Ivleva M.L., Kurilov S.N., Rossman V.J. Religioznye tsennosti glazami molodejji: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [The youth's perception of religious values: A sociological study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 3 (In Russ.).
- [4] Romanov D.D. Silver Age as a sociocultural phenomenon. *Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities*; 2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-436-442

Русский символизм о социальной эстетике*

М.Л. Ивлева, Д.Д. Романов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; romanovbook@yandex.ru)

Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева (Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018), опубликованную при поддержке дома-музея А.Ф. Лосева и журнала «Соловьевские исследования». Авторы монографии анализируют философские концепции главных отечественных мыслителей Серебряного века, в первую очередь символистов, сосредоточенные на таких ключевых темах, как судьба российского общества, место человека в мире, ценности культуры, социальные аспекты религии, жизнотворчество, а также эстетическое понимание социокультурной реальности. Рецензия показывает внутреннюю логику книги, построенную на чередовании философского и литературоведческого подходов, и основную ее линию — от персоналий (В.С. Соловьев, В.Ф. Эрн, Д.С. Мережковский, Ф.М. Достоевский, М.Н. Катков) и их вклада в становление отечественной философии и культуры до тенденций эпохи исторических и мировоззренческих переломов. Междисциплинарный подход монографии — результат совместной работы научных школ и поколений исследователей из разных стран. Методологическим основанием книги стал интегративный подход социальной эстетики — инструмент философии цельного знания и всеединства, применимый к области социального знания.

Ключевые слова: социальная эстетика; культура Серебряного века; жизнотворчество; социокультурные ценности

---

* © Ивлева М.Л., Романов Д.Д., 2020.

Статья поступила 20.02.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

НАШИ АВТОРЫ

Алимбекова Гульжан Токтамысовна — кандидат социологических наук, директор Центра изучения общественного мнения (e-mail: welcome@ciom.kz).

Андрос Ирина Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета (e-mail: androsita@tut.by).

Баньковская Светлана Петровна — кандидат философских наук, профессор департамента социологии и ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: sbankovskaya@gmail.com).

Буданова Мария Александровна — доктор философских наук, заведующая кафедрой теоретической и специальной социологии Московского педагогического государственного университета (e-mail: budanovama@mail.ru).

Варшавер Евгений Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики и руководитель Группы исследований миграции и этничности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: varshavere@gmail.com).

Гаврилюк Вера Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета (e-mail: gavriliuk@list.ru).

Даргинавичене Ирена — доктор филологических наук, профессор Центра изучения языка Вильнюсского технического университета Гедимина (e-mail: idargintt@gmail.com).

Ермакова Майя Александровна — бакалавр социологии, младший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики и исследователь Группы исследований миграции и этничности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: maya.ermakova8@gmail.com).

Ефанов Александр Александрович — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: yefanoff_91@mail.ru).

Жуков Артем Владимирович — аспирант кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета)

Министерства иностранных дел Российской Федерации; эксперт Центра военно-политических исследований Концерна ВКО «Алмаз-Антей» (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Иванова Наталия Сергеевна — научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики и исследователь Группы исследований миграции и этничности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivleva-ml@rudn.ru).

Игнотайте Индре — докторантка кафедры филологии Клайпедского университета (e-mail: indersmbox@gmail.com).

Карабущенко Наталья Борисовна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики Российского университета дружбы народов (e-mail: karabushchenko-nb@rudn.ru).

Катерный Илья Владимирович — кандидат философских наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: yarkus@mail.ru).

Кобяк Олег Витальевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (e-mail: aleh.kabiak@mail.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Ларина Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Лифанова Татьяна Юрьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казахского национального университета им. Аль-Фараби (e-mail: philosophy-sociology@mail.ru).

Маленков Вячеслав Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета (e-mail: vvmalenkov@gmail.com).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: narbut-np@rudn.ru).

Пилишвили Татьяна Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов (e-mail: pilishvili-ts@rudn.ru).

Подъячев Кирилл Викторович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: kirvik@bk.ru).

Плотичкина Наталья Викторовна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (e-mail: oochronos@mail.ru).

Подберезкин Алексей Иванович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; директор Центра военно-политических исследований Концерна ВКО «Алмаз-Антей» (e-mail: vestnik@mgimo.ru).

Пономарева Елена Георгиевна — доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: nastya304@mail.ru).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Романов Дмитрий Дмитриевич — соискатель кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (romanovbook@yandex.ru).

Рубан Лариса Семеновна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований Российской академии наук (e-mail: lruban@yandex.ru).

Санженakov Александр Афанасьевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (e-mail: sanzhenakov@gmail.com).

Сикевич Зинаида Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии и заведующая лабораторией этнической социологии и психологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: sikevich@mail.ru).

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор кафедры сравнительной социологии и декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: n.skvortsov@spbu.ru).

Сунгурова Нина Львовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов (e-mail: sungurova-nl@rudn.ru).

Тертышниковa Анастасия Геннадьевна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: tertyshnikova-ag@rudn.ru).

Халий Ирина Альбертовна — доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: illaio@yandex.ru).

Чхиквадзе Тинатин Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов (e-mail: chkhikvadze-tv@rudn.ru).

Шабденова Айжан Базархановна — преподаватель кафедры социологии и социальной работы Казахского национального университета им. Аль-Фараби (e-mail: aija2005@mail.ru).

Юдина Елена Николаевна — доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической и специальной социологии Московского педагогического государственного университета (e-mail: elena_nikolaevna@inbox.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
  - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
  - ♦ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
  - ♦ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
  - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
  - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
  - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
